

STATE SECURITY AGENCIES
GUARDING THE MOTHERLAND

The Eleventh Ural military historical conference

ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА ЗАЩИТЕ ОТЕЧЕСТВА

ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА ЗАЩИТЕ ОТЕЧЕСТВА

Всероссийская научно-практическая
конференция, посвященная 100-летию
Управления ФСБ России
по Свердловской области

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

1918–2018

ЕКАТЕРИНБУРГ
2018

ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА ЗАЩИТЕ ОТЕЧЕСТВА

Одиннадцатые уральские военно-исторические чтения,
посвященные 100-летию Управления ФСБ России
по Свердловской области

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УРАЛЬСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ

УПРАВЛЕНИЕ ФСБ РОССИИ
ПО СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

УПРАВЛЕНИЕ АРХИВАМИ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЙ МУЗЕЙ

ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА ЗАЩИТЕ ОТЕЧЕСТВА

Всероссийская научно-практическая конференция,
посвященная 100-летию Управления ФСБ России
по Свердловской области

Одиннадцатые уральские военно-исторические чтения

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

ЕКАТЕРИНБУРГ
СОКРАТ
2018

URAL BRANCH OF RUSSIAN ACADEMY
OF SCIENCES
INSTITUTE OF HISTORY AND ARCHAEOLOGY

DEPARTMENT FOR SVERDLOVSK REGION OF
FEDERAL SECURITY SERVICE OF RUSSIA

ARCHIVAL DEPARTMENT OF SVERDLOVSK REGION

URAL STATE MUSEUM OF MILITARY HISTORY

STATE SECURITY AGENCIES GUARDING THE MOTHERLAND

All-Russian research conference,
dedicated to the 100th anniversary of Department for Sverdlovsk
Region of Federal Security Service of Russia

The Eleventh Ural military historical conference

COLLECTION OF PAPERS

YEKATERINBURG
SOKRATES
2018

УДК 342.6
ББК 67.401.132
О–646

ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ НА ЗАЩИТЕ ОТЕЧЕСТВА. Одиннадцатые уральские военно-исторические чтения, посвященные 100-летию Управления ФСБ России по Свердловской области. Сборник научных статей. – Екатеринбург: Изд-во «Сократ», 2018. – 296 с.

ISBN 978-5-9906385-9-4

В представленных в сборнике статьях дается научное осмысление и всестороннее освещение вклада органов государственной безопасности в укрепление Российского государства, в защиту его суверенитета, независимости и международного престижа. Обобщен опыт формирования и деятельности спецслужб России в системе национальной безопасности, показаны исторические портреты их замечательных представителей, поставлена проблема взаимоотношений компетентных органов и общества.

Сборник предназначен для широкого круга ученых, краеведов, работников музеев, преподавателей и учащихся, ветеранов войны и труда, общественных и государственных деятелей и всех интересующихся региональной, общероссийской и мировой историей.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР
А.В. СПЕРАНСКИЙ,
доктор исторических наук, академик АВИН

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
С.В. Воробьев, к.и.н. (ответственный секретарь), М.И. Вебер, к.и.н.,
М.А. Домнин, А.А. Капустин, к.и.н., В.В. Каплюков, к.и.н.,
В.В. Лобанов, к.ф.-м.н.,
О.Б. Мозохин, д.и.н., А.В. Сергеев, В.С. Скробов, д.и.н.,
Христофоров В.С., чл.-корр. РАН

© Институт истории и археологии УрО РАН, 2018
© Коллектив авторов, 2018
© Издательство «Сократ», 2018

ISBN 978-5-9906385-9-4

UDC 342.6
BBK 67.401.132
O–646

STATE SECURITY AGENCIES GUARDING THE MOTHERLAND. The Eleventh Ural military historical conference dedicated to the 100th anniversary of Department for Sverdlovsk Region of Federal Security Service of Russia. Collection of papers. – Yekaterinburg: Publishing house «Sokrat», 2018. – 296 p.

ISBN 978-5-9906385-9-4

The papers presented in the collection give academic understanding and comprehensive coverage of contribution of state security agencies to the strengthening of Russian state and defence of its sovereignty, independence and international prestige. The papers summarize experience of organization and activities of Russian special services in the national security system, show historical portraits of their remarkable representatives and mark the problem of relationship between state security agencies and society.

The collection is intended for a wide range of researchers, local historians, museum workers, teachers and students, veterans of war and labour, public figures and statesmen and for all those interested in regional, all-Russian and world history.

EDITOR – IN – CHIEF
A.V. SPERANSKY,
Doctor of Sciences (History), Member of the Academy
of Military Historical Studies

EDITORIAL TEAM:
S.V. Vorobyov, Candidate of Sciences (History) (secretary for issue),
M.I. Weber, Candidate of Sciences (History), M.A. Domnin, A.A. Kapustin, Candidate of
Sciences (History), V.V. Kaplyukov, Candidate of Sciences (History),
V.V. Lobanov, Candidate of Sciences (Physics and Mathematics), O.B. Mozokhin, Doctor
of Sciences (History), A.V. Sergeev, V.S. Skrobov, Doctor of Sciences (History),
V.S. Khristoforov, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences

© Ural Branch of Russian Academy of Sciences,
Institute of History and Archaeology, 2018
© Team of authors, 2018
© Publishing house «Sokrat», 2018

ISBN 978-5-9906385-9-4

**Приветствие начальника УФСБ России по Свердловской области,
генерал-лейтенанта А.П. Вяткина участникам и гостям
Всероссийской научно-практической конференции
«Органы государственной безопасности на защите Отечества»,
посвящённой 100-летию Управления ФСБ России
по Свердловской области**

Уважаемые члены президиума, участники и гости конференции!

Всероссийская научно-практическая конференция «Органы государственной безопасности на защите Отечества» проходит в юбилейный для Управления ФСБ России по Свердловской области год – в год 100-летия со дня образования органов государственной безопасности на Среднем Урале.

Деятельность специальных служб любого государства всегда осуществлялась в соответствии с принципом «сильное государство – сильные спецслужбы». Эффективность работы органов безопасности в значительной степени определяется тем, насколько они способны содействовать стабильному состоянию и одновременно развитию государства и общества.

При этом можно наблюдать и обратное влияние: результативность спецслужб неразрывно связана с процессами социального, политического и правового развития общества, так как система обеспечения безопасности в любой стране формируется одновременно с укреплением государственности.

На различных исторических этапах трансформировались организация, структура и функции отечественных органов безопасности, но они всегда выполняли главную задачу – обеспечение безопасности личности, общества и государства. На современном этапе перед отечественными органами безопасности стоит ряд важнейших задач, прежде всего это противодействие терроризму, политическому экстремизму, коррупции, обеспечение экономической, информационной и социальной безопасности в стране.

Объективное понимание и освещение роли российских специальных служб, их места и значения в укреплении государственности в различные периоды отечественной истории оказывает позитивное влияние на общество и содействует патриотическому воспитанию граждан, в первую очередь, молодого поколения.

Сегодня ситуация такова, что все чаще приходится сталкиваться с фальсификацией, предвзятым и циничным отношением к истории нашей страны, к селективному использованию архивных материалов и передергиванию исторических фактов. В большей степени это относится к истории XX века: событиям двух мировых войн, периоду массовых политических репрессий и депортаций, послевоенному периоду, противостоянию в эпоху холодной войны и т.п.

Эффективным способом противодействия фальсификации является проведение публичных мероприятий с введением в научный оборот новых исторических документов государственных и ведомственных архивов Российской Федерации. Наше общество стало более ответственно и взвешенно подходить к вопросам национальной безопасности и проблематике спецслужб. Это

чувствуется и по материалам в средствах массовой информации, и по положительным оценкам деятельности органов безопасности со стороны населения. Важнейшим принципом нашей деятельности сегодня остается надежная связь с гражданами, их всемерная помощь и поддержка. В свою очередь, и Управление демонстрирует открытость перед обществом.

Таким образом, научно-информационное использование документальных материалов органов безопасности, приобретает особое значение. Так, в сентябре 2009 года в целях объективного освещения российской истории Управлением ФСБ России по Свердловской области и Управлением архивами Свердловской области в рамках Уральского федерального округа, с участием представителей УРАФ ФСБ России, Института ФСБ России (г. Екатеринбург), впервые была проведена региональная научно-практическая конференция «Научное и социальное использование документов органов государственной безопасности в исторической ретроспективе», поднявшая проблему взаимодействия органов ФСБ и архивных служб субъектов Российской Федерации.

В сентябре 2017 года, в канун 100-летия органов государственной безопасности России, была организована уже 5-я межрегиональная НПК на тему «Органы безопасности России – 100 лет в системе развития государственности». К данному мероприятию издан сборник избранных материалов всех состоявшихся конференций.

Кроме того, необходимо отметить совместную работу архива УФСБ России по Свердловской области и архивной службы Свердловской области в культурно-просветительских мероприятиях. Ежегодно осуществляется публикация документов архива Управления в различных научных и научно-популярных изданиях. Документальные материалы регулярно предоставляются для проведения выставок, оформления музейных экспозиций, для съемок кинофильмов.

Хотелось бы выразить уверенность, что наше дальнейшее взаимодействие с организаторами данной конференции: Институтом истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук, Управлением архивами Свердловской области и Уральским государственным военно-историческим музеем и впредь будет способствовать укреплению российской государственности и противодействию попыткам фальсификации отечественной истории.

Желаю участникам научно-практической конференции плодотворной и творческой работы!

*Начальник УФСБ России
по Свердловской области,
генерал-лейтенант
А.П. Вяткин
26 сентября 2018 г.*

Приветствие Главы Талицкого городского округа А.Г. Толкачёва участникам и гостям Всероссийской научно-практической конференции «Органы государственной безопасности на защите Отечества», посвящённой 100-летию Управления ФСБ России по Свердловской области

Я приветствую участников Всероссийской научно-практической конференции на Талицкой земле, возрастившей 7 Героев Советского Союза, среди которых – летчик истребитель Виктор Васильевич Кирилук, сбивший 30 вражеских самолетов, командир танкового взвода Владимир Петрович Тегенцев, проявивший мужество и отвагу при форсировании реки Пилицы в Польше, легендарный разведчик Николай Иванович Кузнецов, младший сержант Советской Армии Юрий Верикович Исламов, героически погибший при исполнении интернационального долга в республике Афганистан.

На Талицкой земле также родились, жили и активно трудились два полных кавалера ордена Славы, пять Героев Социалистического труда.

Именно в Талице находилось родовое имение Поклевских-Козелл знаменитых промышленников и меценатов, основателей первых больниц, библиотек, общества попечительства о народной трезвости.

На данный момент в Талицком городском округе проживает 44 214 человек. Протяженность округа составляет 110 километров с севера на юг и 70 километров с востока на запад.

В 2018 г. Талица отметила свое официальное 286-летие, хотя первые поселенцы появились на этой территории еще в III тысячелетии до нашей эры, чему свидетельствуют 11 объектов археологического наследия, расположенных на современной территории Талицкого городского округа.

Самое ценное богатство земли Талицкой – это люди, вносившие и вносящие в ее развитие всю свою энергию и талант, прославившие ее своей трудовой и боевой деятельностью. Среди них наиболее яркой исторической фигурой представляется Николай Иванович Кузнецов, родившийся 27 июля 1911 г. в крестьянской семье в деревне Зырянка. Этот легендарный советский разведчик внес огромный личный вклад в Победу над фашисткой Германией, вошёл в бессмертие как истинный патриот любящий свою Родину, как разведчик № 1 двадцатого столетия. Он и в настоящее время является связующим звеном между прошлым и будущим, оставаясь примером стойкости, мужества, героизма и высокого профессионализма для миллионов людей. И то, что сегодня Всероссийская научная конференция проходит именно в Талице свидетельствует о глубоком уважении к памяти этого великого человека.

За последние десять лет при финансовой и личной поддержке Губернатора Свердловской области Евгения Владимировича Куйвашева, Правительства Свердловской области, Председателя Законодательного собрания Свердловской области Людмилы Валентиновны Бабушкиной проведена огромная

работа по увековечиванию памяти нашего земляка, Героя Советского Союза Николая Ивановича Кузнецова. Полностью обновлена экспозиция в музее Н.И. Кузнецова в г. Талица, проведено благоустройство сквера Н.И. Кузнецова, осуществлен капитальный ремонт памятника в г. Талица, проведена работа по признанию памятника объектом культурного наследия регионального значения. В поселке Кузнецовский полностью реконструированы памятник легендарному разведчику и прилегающая к нему территория, установлены памятно-мемориальные таблички на памятниках в г. Талица и д. Зырянка.

Разработан туристический маршрут «Тюмень – Зырянка – Талица». Посещение памятных мест связанных с Н.И. Кузнецовым вошли в областной патриотический маршрут «Легендарный Урал: истории Героев, неизвестные истории Победы». Ежегодно в день рождения Н.И. Кузнецова проходят митинги и различные мероприятия.

В честь Н.И. Кузнецова названа одна из центральных улиц г. Талицы, в Талицком городском округе установлено 5 памятников, работает 4 музея. По согласованию с ныне живущими родственниками Н.И. Кузнецова в честь разведчика названа казачья станица.

Отрадно, что ветераны органов государственной безопасности Свердловской и Тюменских областей ежегодно организуют вело-авто маршруты пролегающие через г. Талица. Первый маршрут, осуществленный в 2011 году, стал отправной точкой создания и реализации множества совместных проектов, связанных с именем Н.И. Кузнецова, за что вам низкий поклон и уважение.

Желаю всем участникам Всероссийской научно-практической конференции «Органы государственной безопасности на защите Отечества» плодотворной и успешной работы! Учитывая, что в этом зале собрались профессионалы своего дела хочется пожелать им успехов в этом сложном, но крайне важном и интересном направлении работы!

И конечно же, пользуясь случаем, хочу поздравить всех с замечательным юбилеем, 100-летием создания Управления ФСБ Российской Федерации на территории Свердловской области!

Здоровья, счастья Вам и Вашим близким!

*Глава Талицкого
городского округа
А.Г. Толкачёв
26 сентября 2018 г.*

**Приветствие участникам и гостям Всероссийской
научно-практической конференции «Органы государственной
безопасности на защите Отечества», посвящённой 100-летию Управле-
ния ФСБ России по Свердловской области, председателя
Оргкомитета конференции, Заместителя председателя ОУС
по гуманитарным наукам УрО РАН,
д.и.н., профессора А.В. Сперанского**

Уважаемые участники и гости конференции!

Позитивная динамика совершенствования современного российского общества, его успехи в области социально-экономического и общественно-политического строительства новой российской государственности зависят от многих факторов, среди которых важнейшую роль играет процесс постоянного совершенствования духовно-патриотического потенциала социума.

Важнейшим средством его развития является история нашего Отечества, знание которой дает возможность новым поколениям гордиться достижениями предшественников, использовать позитивный исторический опыт в современном государственном реформировании, анализировать и избегать ошибок, допущенных в прошлом.

Интересной и противоречивой представляется история государственных органов безопасности, включающая в себя яркие страницы их деятельности, направленной на противодействие внешним и внутренним угрозам российской государственности.

В связи с этим, 100-летний Юбилей ВЧК – КГБ – ФСБ, отмечаемый в 2017 и 2018 гг. представляется замечательным символом всей нашей истории всемерно способствующим, как расширению и эффективному использованию базы исторических знаний в формировании научного потенциала непредвзято и объективно осмысляющего деятельность органов государственной безопасности по защите Отечества, так и укреплению их авторитета, как гаранта независимости и национальной безопасности страны в современных условиях геополитических вызовов и необходимости противодействия международному терроризму.

Конечно история ВЧК – КГБ – ФСБ, как важнейшая составляющая всей Отечественной истории, требует пристального внимания со стороны профессиональных ученых, так как глубокое изучение и непредвзятое осмысление историками достижений и неудач компетентных органов, дает возможность на базе конструктивного анализа эффективнее использовать позитивный и негативный исторический опыт в современной практике, способствовать укреплению служб государственной безопасности, расширять потенциал их противодействия деструктивным силам.

В России уже достаточно много делается в этом направлении. С 2001 г. существует и активно действует «Общество изучения истории отечественных спецслужб», включающее в свои ряды ветеранов и сотрудников спецслужб, преподавателей вузов, работников музеев и архивов, студентов-старшекурсников. Традиционными стали проводимые по его инициативе научно-

практические конференции «Исторические чтения на Лубянке» – в Москве, «Гороховая, 2» – в Санкт-Петербурге. На сегодняшний день опубликовано несколько томов продолжающегося издания «Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб», десятки интересных статей и монографий.

Думается, что наша сегодняшняя научно-практическая конференция «Органы государственной безопасности на защите Отечества», представляющая собой первый опыт совместной работы в научном плане института РАН и региональной структуры ФСБ, станет заметным вкладом в уже ведущиеся по обозначенной проблематике исследования, направленные на всестороннее освещение деятельности органов государственной безопасности по укреплению Российского государства, защите его суверенитета, независимости и международного престижа.

Конференция проходит в рамках Одиннадцатых «Уральских военно-исторических чтений», традиционно проводящихся раз в два года в течении последних двадцати лет. Она носит всероссийский характер о чем свидетельствует участие в ней представителей различных научных центров и обществ, высших учебных заведений целого ряда городов России, таких как Москва, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Нижний Тагил, Уфа, Майкоп, Астрахань и др.

Следует отметить высокий научный уровень форума, объединившего своей проблематикой историков, юристов, экономистов, филологов, представителей естественных наук. Среди участников конференции: академик РАН, два члена-корреспондента РАН, 23 доктора и 16 кандидатов исторических, юридических, экономических, филологических, физико-математических наук.

Привлечение к работе конференции широкого круга ученых, ветеранов и сотрудников спецслужб, действующих политиков, общественных деятелей, краеведов, работников музеев, преподавателей и учащихся позволит рассмотреть в научно-теоретическом и конкретно-историческом плане основные направления деятельности органов государственной безопасности, определить перспективы дальнейших исследований.

В заключении я хочу пожелать участникам научной конференции плодотворной работы. Думается что научный форум, собравший под своей эгидой столь маститых ученых, специалистов по истории спецслужб, станет важным этапом в процессе дальнейшего осмысления исторического опыта и его результативного использования в деле укрепления национальной безопасности России.

*Председатель Оргкомитета конференции,
Заместитель Председателя ОУС
по гуманитарным наукам УрО РАН,
д.и.н., профессор*

А.В. Сперанский

26 сентября 2018 г.

Раздел I

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СПЕЦСЛУЖБ РОССИИ КАК ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

УДК 94(47).084.3/94(470)

*Демакова Е.В.**

ИСТОРИЯ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СРЕДНЕГО УРАЛА (1918 – 2018).

В статье анализируются основные этапы становления и деятельности органов государственной безопасности на Среднем Урале в тесной взаимосвязи с историей России. Показано развитие и совершенствование их функций. Сделан вывод, что деятельность спецслужб является объективной необходимостью в процессе успешного развития общества и государства, гарантом их стабильности и прогресса.

Ключевые слова: государство, общество, спецслужбы, безопасность, контрреволюция, саботаж, шпионаж, разведка, контрразведка

История отечественных органов безопасности, в том числе Уральского региона, неразрывно связана с историей нашей страны и является ее неотъемлемой частью.

С момента создания Екатеринбургской губернской чрезвычайной комиссии до настоящего времени сотрудники органов безопасности Среднего Урала, накопив и усовершенствовав опыт оперативной работы 1920-х гг., периода Великой Отечественной войны и послевоенного времени, проводят разведывательную и контрразведывательную деятельность, осуществляют информационные, контрольные, организационные и ряд других функций. На протяжении ста лет, сохраняя преемственность и лучшие традиции, они защищают общенациональные интересы и основы российской государственности.

После Октябрьской революции 1917 г. установлению новой власти препятствовали контрреволюционно настроенные силы внутри страны и враждебное международное окружение, что обусловило необходимость создания специального органа, обеспечивающего безопасность нового государства.

20 декабря 1917 г. при Совете Народных Комиссаров создана Всероссийская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем. В ее

* Демакова Елена Валерьевна – кандидат исторических наук, в/ч № 02077, Екатеринбург, Россия.

задачи входили: ликвидация внешней и внутренней контрреволюции, борьба с бандитизмом, саботажем, спекуляцией, преступлениями по должности, а с 1920 г. – охрана границ, внешнеполитическая разведка и охрана государственных деятелей.

В г. Екатеринбурге чрезвычайная комиссия была образована 24 февраля 1918 года. Первым ее председателем стал Михаил Иванович Ефремов, назначенный на эту должность Уральским областным комитетом партии. Располагалась она в здании бывшей «Американской гостиницы» на углу Покровского проспекта и Златоустовской улицы (ныне перекресток улиц Малышева и Розы Люксембург).

Одной из первых операций уральских чекистов стало задержание и возбуждение уголовного дела в отношении бывшего премьер-министра Временного правительства Российской империи князя Георгия Евгеньевича Львова. Следственной комиссией было установлено, что князь Львов после отставки с должности главы Временного правительства совместно с князем Голицыным предпринял попытку создания боевых дружин для борьбы с советской властью в Сибири. Арест Львова и его единомышленников сорвал эти планы.

25 июля 1918 г. Екатеринбург заняли части армии адмирала А.В. Колчака. ЧК вместе с другими учреждениями эвакуировалась в Пермь, а после взятия белогвардейцами Перми – в Вятку. В июле 1919 г., после отступления колчаковцев Екатеринбургская губЧК была воссоздана.

В целях эффективного исполнения задач, возложенных на ЧК, Екатеринбургская губерния была разделена на 25 районов оперативного обслуживания в зависимости от численности и социально-бытовых условий жизни населения. В докладе о деятельности Екатеринбургской губЧК в июле 1919 г., ее председатель А.Г. Тунгусков писал: «В тот момент, когда страсти начинали бушевать, когда не было Р[абоче]-К[рестьянской] милиции, когда отсутствовали какие-либо суды, ЧК пришлось проявить максимум энергии и применить всю гибкость аппарата [...] и ЧК действительно поспевала везде, откуда только начинали раздаваться тревожные вести...».

Летом 1920 г. в губернии активизировались вооруженные банды, осуществлявшие грабежи и убийства обывателей. Были случаи, что они врывались группами по 30–50 человек на конях на территории заводов и деревень, убивали советских работников и коммунистов, грабили население, угоняли скот. Для наведения порядка Екатеринбургской ЧК были организованы два боевых отряда численностью 400 человек каждый. Один из них направился на восток Екатеринбургского уезда, второй – в Шадринский уезд, вместе с ними выехала сессия ревтрибунала. Выявленные усилиями первого отряда дезертиры были на месте преданы публичному суду, имевшему, по оценке современников, громадное морально-психологическое значение для населения. Силами второго отряда от бандитов были очищены Алапаевский и Ирбитский уезды.

К началу 1921 г. обстановка в стране изменилась. От Гражданской войны государство переходит к мирному строительству социалистического общества. Меняются и направления в работе Екатеринбургской ЧК. Основной задачей стала нормализация социально-экономической обстановки в губернии, устранение голода и разрухи, надзор за деятельностью предприятий, учреждениями торговли, транспорта, предотвращение разбоев и грабежей, борьба с антигосударственными выступлениями, выявление противников власти.

В марте 1921 г. руководство страны приняло курс на переход от «военного коммунизма» к новой экономической политике. Декретом от 6 февраля 1922 г. Всероссийский центральный исполнительный комитет РСФСР (ВЦИК) упразднил ВЧК и создал Государственное политическое управление. 1 марта 1922 г. образовано Полномочное представительство ГПУ по Уралу (ПП ГПУ по Уралу). Местом его размещения стал дом № 7 по ул. Пушкинской (ныне ул. Пушкина). К середине 1920-х гг. Полномочное представительство переехало в здания на ул. Вайнера, 4–6.

После образования СССР в целях объединения усилий союзных республик в борьбе с контрреволюцией, шпионажем и бандитизмом Постановлением ВЦИК от 2 ноября 1923 г. при СНК СССР образовано Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ). Эта структура сохранила за собой все функции ГПУ и строилась на прежних военных и организационных принципах.

3 ноября 1923 г. ВЦИК утвердил «Положение об Уральской области», которая образовывалась из Екатеринбургской, Пермской, Челябинской, Тюменской губерний с центром в г. Екатеринбурге и делилась на 15 округов. Таким образом, ПП ОГПУ по Уралу осуществляло оперативное обеспечение огромной территории.

9 мая 1924 г. ЦИК СССР принял постановление о расширении полномочий ОГПУ в целях усиления борьбы с бандитизмом. Оно предусматривало подчинение ОГПУ органов милиции и уголовного розыска. Этим постановлением начался процесс слияния органов госбезопасности и внутренних дел.

Одним из важнейших направлений Полномочного представительства стало пресечение экономического шпионажа иностранных компаний, взявших в концессию ряд уральских заводов и рудников горнодобывающей и золотоплатиновой отрасли.

В 1932–1934 гг. органами безопасности Среднего Урала проведена операция по розыску в г. Тобольске ценностей семьи Николая Романова. В результате обнаружен тайник с хранившимися в нем 154 драгоценными изделиями. Эксперты оценили стоимость сокровищ в 3 млн 270 тыс. 693 золотых рубля, что по курсу того времени в переводе на драгоценный металл составило 2,5 т золота.

Еще одним направлением деятельности ПП ОГПУ-УНКВД вплоть до середины 1930-х гг. стала борьба с детской беспризорностью.

Для объединения усилий по обеспечению госбезопасности и общественного порядка 10 июля 1934 г. ЦИК СССР принял постановление «Об образовании общесоюзного Народного комиссариата внутренних дел», в состав которого вошли рабоче-крестьянская милиция, пограничная и внутренняя охрана, пожарная охрана, система исправительно-трудовых лагерей и некоторые другие службы. 11 июля 1934 г. на Среднем Урале ПП ОГПУ преобразовано в Управление НКВД СССР по Свердловской области.

3 февраля 1941 г. НКВД был разделен на два самостоятельных органа: Народный комиссариат внутренних дел и Народный комиссариат государственной безопасности. Однако, с началом Великой Отечественной войны потребовалась перестройка органов безопасности на военный лад. 20 июля 1941 г. НКВД и НКГБ вновь были объединены в одну структуру.

Основной функцией УНКВД СССР по Свердловской области стало контрразведывательное обеспечение оборонных предприятий и стабилизация социально-политической обстановки в области.

В 1941 г. на Средний Урал в результате эвакуации прибыло 212 оборонных предприятий. Личный состав УНКВД-УНКГБ по Свердловской области осуществлял оперативное обеспечение запуска эвакуированных и строительства новых оборонных заводов, налаживание производственных связей между предприятиями-смежниками, контроль за сроками выполнения оборонных заказов ГКО и качеством выпущенной военной продукции.

Одним из важнейших направлений деятельности Управления в годы войны стало усиление оперативной работы по противодействию германской разведке. В 1942–1943 гг. сотрудники госбезопасности выявили и обезвредили несколько разведывательно-диверсионных групп в Нижнетагильском, Кушвинском, Ирбитском и некоторых других районах области. Один из ярких эпизодов в деятельности уральских контрразведчиков военной поры стало проведение оперативной радиоигры с фашистской разведкой при участии перевербованных агентов.

Зимнее наступление 1942–1943 гг. и победа Красной армии под Сталинградом оказали решающее влияние на весь ход Второй мировой войны. В связи с изменившейся обстановкой на фронте в 1943 г. была произведена реорганизация НКВД, в результате которой образовались Народный комиссариат государственной безопасности (14 апреля) и Главное управление контрразведки НКО «СМЕРШ» (19 апреля).

В Свердловске согласно приказу И.В. Сталина от 15 июня 1943 г. № 0086 об организации школ и курсов «СМЕРШ» при Отделе контрразведки «СМЕРШ» Уральского военного округа были созданы Свердловские курсы по подготовке оперативного состава контрразведки с 4-месячным сроком обучения на 200 человек. В июне 1944 г. данные курсы были преобразованы в школу «Смерш» с контингентом слушателей 350 человек. Отечественные и

западные эксперты оценивают «СМЕРШ» как самую эффективную военную контрразведку периода Второй мировой войны.

Сотрудники Управления не только осуществляли контрразведывательное обеспечение экономики Среднего Урала, но и мужественно сражались в рядах Красной армии. Всего за 1941–1945 гг. из системы НКВД Свердловской области, включая милицию, пожарную охрану и другие ведомства, мобилизовано в действующую армию и откомандировано в другие органы безопасности 3782 человека. Из них сотрудников Управления мобилизовано – 86, откомандировано – 646 человек. 26 из них не вернулись с фронтов Великой Отечественной войны.

Более 40 сотрудников системы НКВД Свердловской области участвовало в боевых действиях в составе Уральского добровольческого танкового корпуса.

На протяжении всего первого послевоенного десятилетия активно шел процесс строительства и совершенствования структуры советских государственных органов. В марте 1946 г. с целью введения общепринятых в международной практике наименований органов управления народные комиссариаты преобразованы в министерства.

15 марта 1946 г. Народный комиссариат госбезопасности переименован в Министерство государственной безопасности. Приказом МГБ СССР от 9 сентября 1946 г. объявлены новые штаты Управления МГБ СССР по Свердловской области.

Органы МГБ представляли собой универсальную спецслужбу, включающую в себя службы: внешней разведки, контрразведки, охраны руководителей государства, обеспечения правительственной связи и пограничные войска.

Одной из основных послевоенных задач УМГБ СССР по Свердловской области стала государственная проверка – фильтрация репатриированных военнслужащих и гражданских лиц, освобожденных из фашистских лагерей. С июня по декабрь 1945 г. на промышленные предприятия области пришло около 35 тыс. человек.

Основной задачей фильтрационной проверки было выявление фашистских пособников, служивших в немецких строевых формированиях, карателей, власовцев, полицейских, пытавшихся скрыть свою измену Родине и карательную деятельность, а также агенты разведок Великобритании и США.

После смерти И.В. Сталина, уже 6 марта 1953 г. на совместном заседании ЦК КПСС, руководством страны принято решение об объединении МГБ и МВД в единое ведомство – Министерство внутренних дел. В продолжение этой реформы 13 марта 1954 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР путем выделения из МВД функций обеспечения безопасности при Совете Министров образован Комитет государственной безопасности. В Свердловской области образовано региональное управление КГБ.

В функции КГБ входила внешняя разведка, контрразведка, охрана государственной границы, обеспечение безопасности руководителей СССР, осуществление правительственной связи, борьба с национализмом и антисоветской деятельностью.

На Свердловское управление в том числе были возложены задачи по контрразведывательному обеспечению вновь создаваемых на Среднем Урале предприятий атомной промышленности. В 1946 г. в районе станции Верх-Нейвинск Невьянского района построен первый в СССР газодиффузионный завод № 813 по переработке ядерного сырья для получения атомного оружия. В целях оперативного обеспечения строительства и запуска завода в апреле 1947 г. организована оперативно-чекистская группа с постоянным пребыванием в пос. Верх-Нейвинск, которая впоследствии была преобразована в отделение и отдел.

В июле 1947 г. близ г. Нижняя Тура (г. Свердловск-45, ныне г. Лесной) начались работы по строительству будущего спецобъекта – завода № 814 «Электрохимприбор» по разделению стабильных изотопов лития. Главными задачами городского отдела УМГБ-УКГБ в г. Свердловске-45 стали обеспечение секретности работ по строительству особо важного объекта, предотвращение доступа к документам посторонних лиц, обеспечение безопасности производства, качества специзделий, предупреждение чрезвычайных происшествий, выявление в окружении спецобъекта действий агентуры противника, проверка паспортного режима.

5 июля 1978 г. КГБ был преобразован из ведомства при Совете Министров в центральный орган государственного управления и переименован в КГБ СССР. Это означало существенное повышение статуса КГБ до уровня союзного министерства. Его структура и функции при этом остались прежними.

Контрразведывательная работа УКГБ СССР по Свердловской области велась с учетом сложившейся оперативной обстановки в регионе. К началу 70-х гг. Свердловская область представляла из себя промышленно развитый регион. Здесь дислоцировалось более 40 крупных предприятий и конструкторских бюро Министерства среднего машиностроения, ракетостроения, Министерства обороны СССР, более 250 предприятий металлургической, машиностроительной, радиотехнической, горнодобывающей отраслей, комитетов по радиоэлектронике, авиационной и оборонной техники, занимающихся разработкой, изготовлением и испытанием вооружения.

Все эти предприятия и научно-исследовательские институты привлекали внимание разведслужб иностранных государств. Они проявляли интерес к научно-технической информации по производству металлов для ракет и другой оборонной техники, состоянию и перспективах развития промышленности Уральского экономического региона.

Процесс политических перемен, начатый в декабре 1991 г., нес в себе массу противоречий. Изменения в стране затронули систему органов безо-

пасности. Из Комитета госбезопасности были выведены и созданы самостоятельные ведомства: Служба внешней разведки, Федеральное агентство правительственной связи, Федеральная служба охраны.

3 апреля 1995 г. вступил в действие Федеральный закон № 40-ФЗ «О федеральной службе безопасности», в соответствии с которым 12 апреля 1995 г. создана Федеральная служба безопасности Российской Федерации, а 15 апреля – УФСБ России по Свердловской области.

На законодательном уровне были четко определены направления деятельности органов безопасности и закреплены гарантии государства по соблюдению прав и свобод граждан при реализации спецслужбами своих функций. Все это способствовало повышению эффективности оперативной работы. ФСБ России напрямую подчинена Президенту Российской Федерации.

Сегодня УФСБ России по Свердловской области реализует комплекс мер, направленных на раскрытие и пресечение противоправной деятельности зарубежных спецслужб, борьбу с терроризмом, а также с незаконным оборотом оружия, боеприпасов, взрывчатых и отравляющих веществ, обеспечение экономической и информационной безопасности региона, противодействие организованной преступности, в том числе, проявлениям коррупции в органах власти, борьбу с контрабандой наркотических веществ, незаконным оборотом драгоценных камней и металлов, преступлениями в финансово-кредитной сфере.

Сотрудники Управления принимали участие в решении задач по обеспечению безопасности не только на территории страны, но и за пределами Отечества, в том числе в Афганистане. За десятилетие Афганской войны 45 сотрудников Управления КГБ по Свердловской области несли боевую службу в этой далекой стране. Двое офицеров – капитан Муранов Анатолий Николаевич и капитан Чечков Юрий Александрович погибли при исполнении воинского долга.

Офицеры Управления неоднократно выезжали в служебные командировки в различные районы Северного Кавказа. Выполняя боевое задание по противодействию вооруженным формированиям при нападении ингушских национал-экстремистов на Северную Осетию в 1993 г., погиб старший лейтенант Кравчук Виктор Дмитриевич.

Для восстановления конституционного порядка в Чеченской республике в 1995–1996 гг. в спецкомандировках побывали 76 сотрудников УФСБ. Во вторую кампанию, с 1999 по 2009 годы сотрудники УФСБ по Свердловской области командировались 255 раз.

Девять офицеров погибли, выполняя служебные обязанности:

9 августа 1996 г. – старший лейтенант Богдашов С.П. и старший лейтенант Ханов А.Н.;

8 марта 2000 г. – майор Тумачек С.В.;

10 мая 2001 г. – майор Животков Д.В. и старший лейтенант Гуменюк А.В.;

22 февраля 2002 г. – подполковник Кривошеин В.В. и майор Ермолин В.А.;

8 марта 2002 г. – скончался от ран майор Евсеев С.Г.

31 июля 2003 г. – капитан Пьянков А.А.

Все они представлены к государственным наградам.

Любое государство должно обеспечивать свою безопасность. Универсальным средством, которое использовалось во все эпохи и на всех континентах являются спецслужбы. Российские органы безопасности в настоящий исторический период действуют в интересах обеспечения безопасности личности, общества и государства и являются гарантом стабильности и укрепления российской государственности.

E. V. Demakova

Candidate of Sciences (History), Military Unit № 02077 (Yekaterinburg, Russia)

HISTORY OF STATE SECURITY BODIES IN THE MIDDLE URALS (1918–2018)

The paper analyses main stages of formation and activities of the state security bodies in the Middle Urals in close relationship with the history of Russia. The paper also shows development of the state security bodies and improvement of their functions. The main conclusion is that activities of intelligence agencies are an objective necessity in the process of successful development of society and state. Besides, activities of intelligence agencies are the guarantor of stability and progress for society and state.

Keywords: state, society, intelligence agencies, security, counter-revolution, sabotage, espionage, intelligence, counterintelligence.

ФРОНТИРНАЯ МОДЕРНИЗАЦИЯ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ НА РУБЕЖЕ XIX – XX ВВ.¹

В статье ставится проблема укрепления обороноспособности России в ходе фронтальной модернизации. Она решается на материалах Урало-Сибирского региона рубежа XIX – XX в. Обосновывается вывод о том, что такая модернизация сыграла существенную роль в Первой мировой войне, хотя по причине революции 1917 г. не привела страну к победе.

Ключевые слова: война, колонизация, модернизация, обороноспособность, фронт

Проблема фронтальной модернизации активно входит в историографию России [1, с. 6–13; 5, 16–27]. Она тесно связана с вопросом национальной безопасности, но эта связь пока еще недостаточно исследована. Попытаемся привлечь внимание к данному вопросу, используя материалы одного из глубинных анклавов России, сыгравшего важную роль в ходе мировых войн двадцатого столетия – Урало-Сибирскому региону. Его роль неизменно возрастала от Первой ко Второй мировой войне, причем проявлялась с разных сторон. В первом случае преобладала индустриальная составляющая Урала, оставляя на втором плане аграрный вклад Сибири. Во втором случае индустриальная составляющая имела тенденцию к выравниванию, в чем проявился общенациональный сдвиг индустрии на Восток, ближе к источникам сырья и энергии, что было одним из следствий модернизации – перехода от традиционного аграрного к индустриально-урбанистическому обществу.

В данном вопросе применительно к указанному выше рубежу веков возникает разночтение в трактовке его сути. Начиная с работы В.И. Ленина «Развитие капитализма в России», советская историография сводила проблему преимущественно к «развитию капитализма вширь», тогда как дело не только в капитализме, как таковом, а еще и в инновационности процесса модернизации, требующей не только расширения производства, но и максимального повышения его эффективности, достигаемое в частности путем сокращения затрат на сближение источников сырья и энергии с объектами индустрии. Такая постановка вопроса ведет к необходимости изучения фронтальной модернизации, связанной с национальной безопасностью. Классический пример из этой серии – развитие уральской металлургии.

* Алексеев Вениамин Васильевич – доктор исторических наук, профессор, академик РАН, Советник Российской академии наук, Екатеринбург, Россия; veniaminalekseev7@mail.

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 18-09-00427 «Фронтальная модернизация в России имперского периода: модели развития и закономерности трансформации».

Движение промышленности, прежде всего уральской металлургии, на Восток началось задолго до рассматриваемого здесь периода, еще с эпохи Петра I, и имело принципиальное значение для укрепления военной мощи Российской державы, ее позиционирования на мировой арене. После длительного застоя в пореформенный период уральская индустрия в конце XIX в. получила новый импульс к развитию, чему способствовали богатые природные ресурсы, многовековой опыт промышленной деятельности и ускорение модернизации страны, что делало Урал важным потенциалом обороноспособности Отечества. Происходило взаимодействие колонизации и модернизации края, способствующее созданию здесь национальной резервной территории.

С одной стороны, металлургия Урала играла существенную роль для многих отраслей российской индустрии, а с другой стороны, были важны конкретные предприятия оборонной промышленности региона. В 1913 г. на Урале было выплавлено 55,8 млн пудов чугуна, 40,8 млн пудов готовой металлопродукции [2, с. 458]. Более 2/3 этой продукции производили крупные модернизированные предприятия. О результатах этой модернизации можно судить по такому важному показателю как рост энерговооруженности. В 1916 г. общая мощность всех заводских двигателей Урала составила 183,6 тыс. л.с., 67,3% приходилось на паровые двигатели, тогда как водяных осталось только 4,9%, удельный вес электродвигателей поднялся до 22,3% [3, с. 366]. Не последнюю роль в укреплении обороноспособности государства наряду с черным металлом играли цветные: золото и платина, поступающие с Урала. Вплоть до 1913 г. добыча золота держалась здесь на уровне 550 – 650 пудов в год, а платины – 300–350 пудов [2, с. 468].

Накануне Первой мировой войны на Урале функционировало семь заводов военной промышленности. В войну добавилось еще столько же. Наиболее колоритными из них были Ижевский – производитель стрелкового оружия, Пермский (Мотовилихинский) пушечный, Златоустовский – основной поставщик холодного оружия и шанцевого инструмента. Остальные казенные горные заводы выполняли заказы по производству металлов и не имели специализированных линий по изготовлению продукции военного назначения [9, с. 60]. За годы мировой войны Пермский завод выдал 1/5 всей общероссийской артиллерийской продукции, Ижевский завод изготовил 43% произведенных в стране винтовок и более 1 млн артиллерийских снарядов, Златоустовский завод резко увеличил выпуск холодного оружия и производил до 1 млн снарядов в год [2, с. 479–481].

По разным оценкам в годы Первой мировой войны Урал дал стране до 30% ее вооружений, много продовольствия и живой силы, обмундирования для нее. Он стал прибежищем для эвакуированных из прифронтовой зоны промышленных предприятий и квалифицированной рабочей силы: петроградского завода «Арсенал», рижского завода «Вольта», Сестрорецкого оружейного завода и многих других, что спасло их от разрушения и усилило

военно-промышленный потенциал Урала. Результаты, безусловно, важные для региона фронтальной модернизации.

Однако не все решалось столь успешно, из чего следует сделать критические выводы. Планы перевода промышленных предприятий на военные рельсы сильно затягивались. Строительство ряда объектов оборонного значения не было завершено до конца войны. Возникла сложная проблема оптимального соотношения государственных и негосударственных предприятий по выпуску оборонной продукции, поскольку частные и посессионные горные заводы Урала вовремя не были привлечены к выполнению военных заказов. В социальном плане огромные трудности возникали в связи с неограниченной мобилизацией квалифицированных специалистов и рабочих на фронт, что пагубно сказывалось на производстве остро необходимой военной продукции.

В Сибирь фронтальная модернизация пришла позднее и имела меньшее стратегическое значение, чем на Урале. Она начинала свое развитие аналогично Уралу с земледелия и добычи полезных ископаемых: серебра, золота и мягкой рухляди – пушнины, что было важно для позиционирования России на мировом рынке, но к началу XX в. ее значение в этом отношении заметно снизилось. В ходе индустриальной модернизации она очень сильно проигрывала Уралу.

Вклад Сибири в военные поставки был менее значительным из-за неразвитости экономики региона, отсутствия крупных промышленных предприятий. В горной отрасли производство сокращалось – золота с 21,8 т в 1895 г. до 16,4 т в 1907 г., серебра – с 6,4 т до 1 т, но быстро росла добыча каменного угля, особенно в связи с прокладкой Сибирской железнодорожной магистрали, – с 19,9 тыс. т до 1,0 млн т. Доля обрабатывающей промышленности в общероссийской оставалась ничтожной. В 1908 г. она составила 2,3% от числа предприятий и 1,4% по сумме производства. Очень медленно шли модернизационные процессы. Средняя энерговооруженность рабочего в горной и горнозаводской отрасли в 1890-е гг. составляла 0,06 л.с. [7, с. 176–177].

В сельском хозяйстве преобладало животноводство с вывозом сливочного масла на экспорт, который к 1907 г. достиг рекордных 48 тыс. т, но мировая война резко нарушила этот промысел. Тем не менее, за годы Первой мировой войны Сибирь поставила стране миллионы пудов сельскохозяйственной продукции. О масштабы заготовок можно судить по одному, хотя и негативному факту. В конце 1916–начале 1917 г. на станциях Алтайской железной дороги между Семипалатинском, Барнаулом и Бийском скопилось 4 млн пудов мяса. Аналогичная картина наблюдалась с зерном, подготовленным для отправки в Европейскую Россию [4, с. 597].

Однако, нельзя не учитывать очень существенный фактор стратегического значения – постройку в 1891–1905 гг. Транссибирской железнодорожной

магистрали, которая по своей протяженности, сложности и скорости сооружения не имела равных в мире. Поезда без перерыва рельсового пути пошли от берега Атлантического до берегов Тихого океана, что имело принципиальное значение для закрепления империи на рубежах двух континентов, формирования общероссийского рынка, заселения Сибири и Дальнего Востока. Транссиб можно считать уникальным творением фронтальной модернизации России, выдающимся свершением русского народа накануне великих потрясений, важнейшей транспортной артерией в условиях двух мировых войн двадцатого столетия.

Таким образом, фронтальная модернизация на рубеже XIX и XX вв. сыграла существенную роль в укреплении обороноспособности России, продемонстрировала геополитическую неуязвимость глубинных регионов страны. Но ее результаты недостаточно эффективно использовались в годы Первой мировой войны, что убедительно показал широко известный «снарядный голод» 1915 г. В конечном счете Россия потерпела позорное поражение в этой войне. Нечто подобное случилось в начале Второй мировой войны. Встает принципиальный вопрос: в чем причины таких провалов? Он требует специального изучения.

Библиографический список:

1. *Алексеев В.В.* Фронтальная модернизация в имперской России // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия социально-гуманитарные науки. 2017. Т. 17. № 2. С. 6–13.
2. *Алексеев В.В., Гаврилов Д.В.* Металлургия Урала с древнейших времен до наших дней. – М., 2006.
3. *Гаврилов Д.В.* Горнозаводской Урал XVII – XX вв. – Екатеринбург, 2005.
4. Историческая энциклопедия Сибири. Т. II. – Новосибирск, 2009.
5. *Побережников И.В.* Модель фронтальной модернизации в истории России: концептуальная интерпретация // Модернизация в условиях освоения восточных регионов России в XVIII – XX вв. – Екатеринбург, 2012. С. 16 – 27.
6. *Поликарпов В.В.* От Цусимы к февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века. – М., 2008.
7. Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. – Новосибирск, 1982.
8. *Шиловский М.В.* Первая мировая война 1914 – 1918 годов и Сибирь. – Новосибирск, 2015.
9. *Шумкин Г.Н.* Состояние военного производства на Урале накануне Первой мировой войны // Уральский исторический вестник. 2014. № 1. С. 59 – 68.

V.V. Alekseyev

Doctor of Sciences (History), Academician of the RAS, Institute of History and Archeology, Ural Branch of the RAS (Yekaterinburg, Russia)

**FRONTIER MODERNIZATION IN THE CONTEXT
OF RUSSIA'S NATIONAL SECURITY
AT THE TURN OF THE 19TH AND 20TH CENTURIES**

The paper formulates the problem of strengthening Russia's defense capability during frontier modernization. The author of paper solves this problem on example of Ural-Siberian region at the turn of the XIX–XX centuries. The author substantiates the conclusion that such modernization played a significant role in the First World War, although due to the revolution of 1917 it did not lead the country to victory.

Keywords: war, colonization, modernization, defense, frontier.

УДК 94(47).084.3

*Смыкалин А.С.**

**ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ СОЗДАНИЯ МЕСТНЫХ ОРГАНОВ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ
СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ**

Рассматриваются правовые основы, структура и методы работы органов государственной безопасности советского государства в 1917 – 1922 гг. На основе широкого использования архивов ФСБ РФ, справочной и иной научной литературы автор выделяет 3 этапа в развитии ВЧК-ОГПУ в рассматриваемый период. Последовательно излагается история органов и войск ВЧК. Рассматриваются причины ликвидации ВЧК и создания ГПУ-ОГПУ. В заключение дана оценка деятельности органов ВЧК и рекомендации для будущих научных исследований.

Ключевые слова: ВЧК-ОГПУ 1917 – 1922 гг., основные этапы, формы и методы работы, разделение оперативной и следственной работы, выводы и рекомендации.

В начале 1919 г., в условиях стабилизации положения на фронтах Гражданской войны, аппарат чрезвычайных комиссий был сокращен, а также проведена организационная и структурная перестройка органов госбезопасности. Так, к концу 1918 г. – началу 1919 г. по мере централизации чекистского аппарата постепенно теряли значение областные ЧК. В связи с этим весной 1919 г. они были упразднены [4, с. 57].

Изменение политической обстановки поставило на повестку дня вопрос о реорганизации чрезвычайных комиссий, он был решен председателем Чрезвычайной комиссии Ф.Э. Дзержинским. 17 февраля 1919 г. ВЦИК принял постановление, предусматривающее передачу права вынесения приговоров по всем делам, возникающим в ЧК, реорганизованным трибуналам. Лишь в особых случаях чрезвычайные комиссии могли применять непосредственные репрессии при наличии контрреволюционных или бандитских выступлений, а также в местностях, объявленных на военном положении... [1, с. 400–402]. В приказе отмечалось: «1) По возможности ликвидировать до организации новых революционных трибуналов все имеющиеся [...] старые дела по коим необходимо применить административные меры наказания дабы вновь реорганизованные трибуналы моли бы сразу по их организации приступить к разбору новых дел; 2) Всячески содействовать и принять участие в организации новых трибуналов, кои должны стать настоящими органами борьбы со всеми врагами Советской власти» [5, с. 333].

* Смыкалин Александр Сергеевич – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государства и права Уральского государственного юридического университета, Екатеринбург, Россия; smykalin@mail.ru

Еще одним правовым документом, касающимся сужения сферы деятельности ВЧК и ее местных органов, был Декрет СНК от 4 мая 1918 г. «О революционных трибуналах». В нем, в частности были определены: цели, задачи и новая структура этих органов. В документе говорилось, «необходимо [...] Революционные Трибуналы сохранить лишь в крупных центрах. Возложить на Революционные Трибуналы также дела по борьбе с погромами, взяточничеством, подлогами, неправомерном использовании Советских документов, хулиганством и шпионажем. Изъять из ведения Революционного Трибунала все дела общеуголовного характера и передать таковые в судебные учреждения. Отменить деление Революционных Трибуналов на Трибуналы по борьбе с контрреволюцией, по борьбе со спекуляцией и по делам печати...»¹.

Передача дел в судебные учреждения для вынесения окончательного приговора вовсе не означала ослабление борьбы с государственными преступлениями. Шла Гражданская война и органы ВЧК вели беспощадную борьбу с белогвардейскими шпионами, диверсантами, саботажниками. Об этом свидетельствуют и архивные источники. В приказе № 62 от 31 июля 1919 г. отмечалось, что «наблюдается наплыв белогвардейских шпионов, сеющих смуту и вражду в рядах Красной армии. Всем головным и прифронтовым УТЧК предлагается самым решительным образом бороться со шпионами на фронте»².

Нехватка людей на фронте решалась и весьма своеобразно. Создавались штрафные роты из дезертиров и беглецов. При этом решались две задачи: разгрузка тюрем и привлечение дополнительного контингента людей в действующую армию. И если мы знаем о формировании и деятельности штрафных рот в годы Второй мировой войны достаточно неплохо, то о штрафных ротах Первой мировой войны и Гражданской войны в России известно гораздо меньше. О том, что они существовали и как формировались, свидетельствует другой документ Центрального архива ФСБ РФ «О разгрузке тюрем от дезертиров и организации из них штрафных частей» № 174 (173) от 23 июня 1919 года. В соответствии с этим документом, подписанным Ф.Э. Дзержинским предлагалось «немедленно принять все меры незамедлительной разгрузки тюрем от дезертиров путем сколачивания из дезертиров штрафных частей для отправки на фронт. Оставлять в тюрьме только подлежащих суду»³.

Чтобы не сложилось впечатление, что органы государственной безопасности в 1917–1922 гг. руководствовались только внутренними секретными инструкциями и приказами, обратимся к анализу действующего законодательства. Одним из первых официальных уголовных кодексов действующим в те далекие годы были «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР», принятые 12 декабря 1919 г. Наркоматом юстиции РСФСР [2, с. 118–122].

¹ СУ РСФСР. 1918. № 35. Ст. 471.

² Центральный архив ФСБ РФ (ЦА ФСБ РФ). Ф. 66. Оп. 1. Д. 20. ЛЛ. 131, 132.

³ ЦА ФСБ РФ. Ф. 66. Оп. 1. Д. 5. Л. 131.

В них указывалось, что «уголовное право имеет своим содержанием правовые нормы и другие правовые меры, которыми система общественных отношений данного классового общества охраняется от нарушения (преступления) посредством репрессий (наказания)».

Этот документ стал прообразом будущего Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. Раздел VI «Руководящих начал...» был посвящен видам наказаний, которых насчитывалось 16: беспощадные кары для тяжких преступников (расстрел, объявление вне закона и т.п.) и мягкие воспитательные меры (внушение, общественное порицание, объявление бойкота) [3, с. 143]. Что было характерным – мягкость наказания. Это нашло отражение и в документах архивов ФСБ РФ, что противоречит мнению о крайней суровости ВЧК-ОГПУ в 1917–1922 гг.

В приказе ВЧК № 186 от 30 декабря 1920 г. «О режиме арестованных членов антисоветских партий» отмечалось: «Поступающие в ВЧК сведения устанавливают, что арестованные по политическим делам, члены разных антисоветских партий часто содержатся в весьма плохих условиях, отношение к ним администрации мест заключения некорректное и зачастую даже грубое. ВЧК указывает, что означенные категории лиц должны рассматриваться не как наказуемые, а как временно, в интересах революции, изолируемые от общества, и условия их содержания не должны иметь карательного характера»¹.

Советское правительство стремилось мерами законодательного характера уменьшить противостояние различных слоев общества в период Гражданской войны. Такой вывод можно сделать анализируя Декрет СНК от 21 марта 1921 г. «Об установлении высшего предела наказания – в пять лет», а также изданный на этой основе приказ ВЧК № 92 от 1 апреля 1921 г., в котором говорилось: «При сем объявляется декрет Совета Народных Комиссаров от 21 марта с.г. о максимальном сроке лишения свободы и принудительных работ, а также о порядке досрочного освобождения от вышеуказанных наказаний, каковой декрет распространить и административные взыскания, налагаемые постановлениями ВЧК, представителей ВЧК, Особотделов и ТЧК. Зам. Председателя ВЧК – Ксенофонов. Нач. Админорупр. ВЧК – Апетер»².

Чаяния и мечты многих людей того времени были связаны со скорейшим окончанием Гражданской войны и переходу к мирной жизни. Автор, работая с материалами государственных и ведомственных архивов периода 1917–1922 гг., связанных с историей пенитенциарных учреждений РСФСР неоднократно сталкивался с учетными карточками заключенных, где в разделе «Окончание срока заключения» было записано «до окончания гражданской войны». Трагизм Гражданской войны сохраняется и сегодня, хотя прошло 100 лет. Недаром Президент Российской Федерации В.В. Путин в статье «Россия: наци-

¹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 66. Оп. 1. Д. 10. Л. 427.

² ЦА ФСБ РФ. Ф. 66. Оп. 1. Д. 35. ЛЛ. 172–174.

ональный вопрос» отмечал «в нашей стране, где у многих в головах еще не закончилась Гражданская война, где прошлое крайне политизировано и «раздерганно» на идеологические цитаты (часто понимаемые разными людьми с точностью до противоположного), необходима тонкая культурная терапия.

Культурная политика, которая на всех уровнях – от школьных пособий до исторической документалистики – формировала бы такое понимание единства исторического процесса, в котором представитель каждого этноса, так же, как и потомок «красного комиссара» или «белого офицера», видел бы свое место. Ощущал бы себя наследником «одной для всех» – противоречивой, трагической, но великой истории России» [6].

Чрезвычайные условия Гражданской войны затронули все стороны жизни молодого советского государства. Результатом ее стал экономический развал, гибель около 12–13 млн и вынужденная эмиграция 2 млн человек.

В заключение возможно сделать некоторые выводы.

С правовой точки зрения в рассматриваемый период 1917–1922 гг., произошло сокращение нормотворческой деятельности советов, являвшихся политической основой государства. В годы Гражданской войны все большую роль играли различные чрезвычайные органы, не предусмотренные Конституцией РСФСР 1918 года. В качестве особенности можно выделить то, что до конца 1918 г. продолжали действовать отдельные нормы дореволюционного права, которые не были отменены и не противоречили революционному правосознанию. Представляется, что с исторической точки зрения период 1917–1922 гг. можно разделить на три этапа:

1 этап: с 20 декабря 1917 г. по 5 сентября 1918 г., когда был создан орган «Защиты революции»;

2 этап: с 5 сентября 1918 г. по 17 февраля 1919 г. «Красный террор» – открытая внесудебная расправа.

3 этап: Декрет ВЦИК от 17 февраля 1919 г. – 6 февраля 1922 г. (Приказ № 64 об упразднении ВЧК и создании ГПУ) – передача основной массы дел в Революционные Трибуналы, разделение следствия, суда и исполнения наказания, т.е. введение деятельности ВЧК в законодательное русло.

Безусловно, что такое деление носит условный характер и в исторической науке возможны другие подходы и оценки. В ходе научного исследования удалось выявить некоторые особенности в деятельности этих органов, в рассматриваемый период:

– создание органов ВЧК-ОГПУ в 1917–1922 гг. имело правовую основу. Это подтверждается законодательными актами ВЦИК и СНК. Правда, в процентном отношении среди всех законодательных актов, касавшихся органов государственной безопасности они занимали незначительное место;

– основная масса документов того периода имела гриф «секретно» или «совершенно секретно». Это многочисленные закрытые указы, распоряжения, приказы и инструкции для внутреннего использования. Они отличались

от открытого законодательства прежде всего своей карательной направленностью. Шла борьба «кто-кого», которая нередко принимала форму открытых (используя термин того времени «контрреволюционных») выступлений;

– в то время мало кто задумывался о путях дальнейшего развития советского законодательства. А оно закладывалось как законодательство с «двойным дном». Одно официальное, для подавляющей массы населения Советского государства, второе в процентном отношении более малочисленное, для руководства коммунистической партии, крупных партийных функционеров и непосредственных исполнителей «вооруженного отряда партии» – органов государственной безопасности;

– так фактически сформировалось два принципа советского законодательства: социалистической законности и государственной целесообразности;

– практически не изучен в историко-правовой литературе факт «двойного подчинения» местных органов ЧК, т.е. Советам по горизонтали и ВЧК по вертикали. Если в отношении прокуратуры этот вопрос в 1922 г. был решен однозначно, в стране нужна единая законность и прокурор подчиняется только по вертикали, то в отношении местных органов государственной безопасности, в указанный период много неясностей;

– не все документы опубликованы в справочнике, хотя нас отделяют 100 лет, «Лубянка. Органы ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ (1917–1991)». Например, не опубликован Приказ № 169 ВЧК от 20 декабря 1920 г. «Об иностранном отделе ВЧК». Но он опубликован в 6-томнике истории внешней разведки! Такой факт порождает различные слухи и домыслы;

– необходимо заметить, что основная масса работ по истории отечественных спецслужб посвящена деятельности этих органов после 1922 г. (достаточно посмотреть материалы конференций за 15 лет!). Причем работы, посвященные периоду 1917–1922 гг. не содержат полной информации по структуре, функциям, штатам отделов ВЧК. Работа их освещается усечено и в общих чертах, отмечают некоторые исследователи.

В заключение хотелось бы отметить, что главная задача исторической науки – это установление истины. Другими словами, во главу угла должна быть положена выверенная фактология, а политические оценки дело второстепенное. Изучать историю органов государственной безопасности Советского государства надо спокойно и взвешенно, без надрыва и приклеивания ярлыков. В основе должен быть научный подход, а все идеологические штампы и стереотипы отброшены в сторону. В этом залог успешных научных исследований.

Библиографический список:

1. Декреты Советской власти. – М., 1968. Т. 4.
2. История Отечественного государства и права. Хрестоматия. – Екатеринбург, 2009. Ч. 3.

3. История Отечественного государства и права. Под ред. О.И. Чистякова. М., 2005. Ч. 2.

4. Петров М.Н. ВЧК-ОГПУ: первое десятилетие. – Новгород, 1995.

5. Приказ ВЧК «О подготовке к реорганизации чрезвычайных комиссий» от 20 февраля 1919 г. // Лубянка. Органы ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ (1917–1991). Справочник. Документы. – М., 2003.

6. Путин В.В. Россия: национальный вопрос Режим доступа: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=693460> (дата обращения 20.10.2017).

A.S. Smykalin

Doctor of Sciences (Law), Professor, Head of the Chair of History of State and Law, Ural State Law University (Yekaterinburg, Russia)

LEGAL FRAMEWORK FOR THE ESTABLISHMENT OF LOCAL BODIES OF STATE SECURITY IN THE FIRST YEARS OF SOVIET POWER

The paper analyses legal bases, structure and methods of work of state security agencies of the Soviet state in 1917–1922. Based on extensive use of the legislation and archives of the FSB of Russian Federation, reference books and other academic literature, the author identifies three stages in the development of the VChK-OGPU in this period. The paper also presents history of bodies and troops of the Cheka. The paper reveals reasons for liquidation of the Cheka and establishment of the GPU-OGPU. In conclusion, the author gives an assessment of the activities of the Cheka and recommendations for future researches.

Keywords: VChK-OGPU 1917–1922, main stages, forms and methods of work, division of operational and investigative work, conclusions and recommendations.

УДК 94(47).084.6

*Мозохин О.Б.**

ДЕЛО ЦК «ТРУДОВОЙ КРЕСТЬЯНСКОЙ ПАРТИИ»¹

В статье рассматривается репрессивная политика ВКП(б) на примере так называемой «Трудовой крестьянской партии». Конкретно-историческое изучение данного вопроса позволяет более четко представить реальные процессы функционирования органов государственной безопасности и государственной власти в начале 1930-х годов. Ее прикладная значимость важна для формирования в российском обществе объективной картины сложных и дискусионных проблем отечественной истории.

Ключевые слова: сельское хозяйство, вредительство, репрессии, ОГПУ, Сталин, ЦК ВКП(б), Политбюро.

Ставя задачу ускорения роста промышленного потенциала, руководство страны основным источником средств для сверхиндустриализации избрало крестьянство. В процессе неэквивалентного обмена из крестьянских хозяйств выкачивались средства на развитие промышленности. Экономическое неравноправие порождало нежелание крестьян продавать хлеб государству по заниженным ценам.

Срыв хлебопоставок в 1927–1928 гг. поставил под угрозу план преобразования страны и снабжение крупных промышленных центров продовольствием, в связи с этим в ход пошли методы принудительного изъятия хлеба. Благодаря репрессивным мерам, удалось добиться перелома в ходе хлебозаготовок в конце января 1928 г., что порождало иллюзии преимущества административных методов в решении экономических проблем.

В это время идеология коллективизации, раскулачивания и кулацкой ссылки стала центральной политической кампанией большевиков. К ее практической разработке ЦК ВКП(б) приступил в декабре 1929 г., когда И.В. Сталин провозгласил переход от политики ограничения «эксплуататорских тенденций» кулачества к политике его ликвидации как класса. Районами сплошной коллективизации, откуда осуществлялась высылка, являлись основные зернопроизводящие районы страны. Крестьяне стали сокращать посевы, резать скот. Это подтолкнуло сталинскую группу к еще более радикальным действиям. Постановление ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации» от 30 января 1930 г. санкционировало репрессии.

* Мозохин Олег Борисович – доктор исторических наук, старший научный сотрудник, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН Москва, Россия; mozohin@bk.ru

¹ Работа выполнена в рамках гранта РФФИ 16-01-00308-ОГН-А «Кампания по борьбе с вредительством в военной промышленности по документам Архива Президента Российской Федерации».

В ответ по стране прокатились массовые антисоветские выступления. Это внесло некоторые коррективы в первоначальные планы советского руководства. 2 марта газеты опубликовали известное письмо Сталина «Головокружение от успехов», в котором он обвинил местных руководителей в «перегибах» при проведении коллективизации.

Провалы в социально-экономической политике вынудили партийное руководство искать виновных за срывы темпов коллективизации. 17 июня 1930 г. заместитель председателя ОГПУ Г.Г. Ягода сообщил И.В. Сталину о деятельности контрреволюционных и вредительских организаций в сельском хозяйстве. Было установлено, что их политическим центром являлось Московское Общество сельского хозяйства во главе с Н.Д. Кондратьевым, А.Н. Макаровым, А.В. Чайновым и др.

Политическая платформа этой организации была аналогична платформам контрреволюционных организаций в других отраслях народного хозяйства с той лишь разницей, что эта организация ставила своей целью развитие капиталистической верхушки села – кулака, как основной политической силы, на которую она должна была опираться в борьбе с Советской властью.

Из показаний арестованных следовало, что в самой организации группа ее членов, видных профессоров-экономистов и агрономов занимала доминирующее положение в смысле идейно-политического руководства организацией, которые вместе с тем вели и практическую контрреволюционную вредительскую работу. Они содействовали росту и экономическому укреплению зажиточной, кулацкой верхушки деревни, как «решающей силы» внутри страны, на которую опиралась организация. Вели работу по политической обработке этих элементов для осуществления поставленных целей. Это достигалось через сельскохозяйственные опытные учреждения¹.

Немного позже, Секретный отдел совместно с Экономическим Управлением ОГПУ раскрыл контрреволюционную организацию «Трудовую крестьянскую партию» (ТКП), которая якобы ставила своей целью свержение советской власти, реставрацию капитализма и установление буржуазно-демократической республики.

Этому предшествовали две разработки. Первую вело Экономическое управление (ЭКУ) ОГПУ в Наркомземе РСФСР, сельскохозяйственной кооперации и других сельскохозяйственных учреждениях. Вторую вел Секретный отдел (СО) ОГПУ в Тимирязевской сельскохозяйственной академии.

23 августа 1930 г. всем Полномочным представителям и начальникам областных отделов ОГПУ за подписью председателя ОГПУ В.Р. Менжинского был направлен циркуляр ОГПУ за № 249. В нем сообщалось, что по результатам проведенного следствия «Трудовая крестьянская партия» («ТПК») была создана в Москве в 1925 г. Во главе ее стоял центральный ко-

митет в составе: проф. Н.Д. Кондратьева (председатель ЦК), профессоров А.В. Чайнова, Н.П. Макарова, А.Г. Дояренко, члена Коллегии Наркомфина СССР – Л.Н. Юровского, зам. пред. Сельсоюза – П.А. Садырина, профессоров А.А. Рыбникова и Л.Н. Литошенко.

Организация имела разветвленную сеть своих ячеек в Наркомземе РСФСР, Наркомфине СССР, Госплане СССР, ЦСУ, Конъюнктурном Институте Наркомфина, Московском обществе сельского хозяйства (МОСХ), в Тимирязевской сельскохозяйственной академии и др. Ячейки якобы были построены преимущественно по системе пятерок и были строго законспирированы. «ТКП» имела целую сеть организаций на периферии. В Центрально-Черноземной области, на Северном Кавказе, в УССР, Ленинграде, Омске, Самаре, Нижегородском крае, Иваново-Промышленной области и др. областях СССР. Социальной опорой «Трудовой крестьянской партии» являлось кулачество и городская мелкая буржуазия.

Роль центрального печатного органа «ТКП» выполнял журнал МОСХа «Вестник сельского хозяйства», редактировавшийся профессором А.Г. Дояренко и выходивший под лозунгом: «Молись и трудись».

Центральный комитет этой партии держал главную ставку на экономический кризис в стране и на широкое развитие крестьянских волнений и вооруженных выступлений против советской власти. По мнению руководителей «ТКП», крестьянское восстание против советской власти имело бы успех, если бы оно приняло массовый характер, и было поддержано массовым движением городского пролетариата.

ЦК «ТКП» готов был составить коалиционное правительство вместе с правыми коммунистами. Однако такой исход политического кризиса считался менее вероятным.

Было установлено, что ЦК «ТКП» имел тесные организационные связи с зарубежными белоэмигрантскими организациями и с крестьянскими партиями капиталистических стран. Члены ЦК систематически передавали иностранцам информацию о политическом и экономическом положении СССР, о состоянии Красной армии.

«ТКП» на протяжении ряда лет вела вредительскую работу, направленную на срыв социалистического преобразования деревни и на капиталистическое развитие сельского хозяйства, вела работу по подготовке своих кадров в Тимирязевской академии, в научно-исследовательских институтах и других сельскохозяйственных учреждениях.

«В то время как общее количество членов «ТКП» в Москве и на периферии насчитывает немногим выше 1000 человек, обвиняемые насчитывают количество сторонников платформы «ТКП», не вовлеченных формально в партию, до 400.000 человек. В это количество входят агрономы, работники земорганов, с[ельско]-х[озяйственной] кооперации, статбюро, члены обществ сельского хозяйства, значительная часть крестьян-отрубников (хуторян), ан-

¹ Архив Президента Российской Федерации (АП РФ). Ф. 3. Оп. 58. Д. 380. Л. 82–91.

тисоветские группировки, студенчество с[ельско]-х[озийственных] учебных заведений, корреспонденты опытных станций, с[ельско]-х[озийственных] журналов и др.»¹.

Констатировалось, что дело «Трудовой крестьянской партии» имеет первостепенное политическое значение. Отчетливо вскрывалась расстановка враждебных пролетарской диктатуре классовых сил, их взаимная связь и пути скрытой подрывной работы, которая велась ими против советской власти на протяжении ряда лет.

В целях полной ликвидации контрреволюционной «Трудовой крестьянской партии», ОГПУ предложило: принять срочные меры к выявлению и ликвидации на местах организаций и низовых ячеек «ТКП». Следствие предлагалось вести ускоренным темпом, выявляя возможные организационные связи с какими-либо контрреволюционными вредительскими центрами.

Необходимо было проработать ликвидированные за последний год следственные и агентурные дела по вредительским организациям в городе и в деревне для обнаружения прямых или косвенных связей этих дел с «ТКП» или аналогичными центрами, в том числе, с вредительскими в Москве и приступить к их новому расследованию.

Обращалось особое внимание на изучение характера распространявшихся в ряде мест листовок, призывающих к созданию «ТКП».

Наряду с выполнением указанных конкретных задач предстояло особое внимание уделить агентурным разработкам учащейся молодежи, в частности, террористическим группировкам. При выявлении подвергать их быстрой оперативной ликвидации. Предлагалось чистить агентурную сеть от ненадежных элементов и максимально активизировать работу спецгентуры.

Следствие по выявлению политической деятельности «ТКП» должно было вестись аппаратами СО, а практическую вредительскую работу разрабатывать аппаратами ЭКУ. Всё следствие должно было вестись под непосредственным руководством Полномочных представителей ОГПУ и под их личной ответственностью².

2 сентября 1930 г. Политбюро ЦК ВКП(б) принимает решение опубликовать в газетах 3-го сентября в разделе «хроника» следующее сообщение: «ОГПУ арестованы: Кондратьев Николай Дмитриевич, Громан Владимир Густавович, Садырин Павел Александрович, Чайнов Александр Васильевич, Юровский Леонтий Наумович, Суханов (Гиммер) Николай Николаевич, Макаров Николай Павлович, Рамзин Леонид Константинович, Базаров Владимир Александрович, и другие, как участники и руководители контрреволюционных организаций, поставивших целью свержение советской власти и восстановление власти помещиков и капиталистов.

¹ Центральный архив ФСБ России (ЦА ФСБ России). Ф. 66. Оп. 1. Д. 208. Л. 433 об.– 434.

² ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1. Д. 208. Л. 432–436 об.

Арестованные признали свою руководящую роль в этих контрреволюционных организациях и свою связь с вредительскими организациями специалистов, в том числе и с шахтинцами.

Следствие продолжается»¹.

22 декабря 1930 г. в Циркуляре СОУ за № 353 была отображена в общем плане Политическая платформа и Тактические установки «ТКП». Программа ее в основном сводилась к следующему: земля остается национализированной и находится в пользовании индивидуальных крестьянских хозяйств, их объединений и государства; кооперирование сельского хозяйства признавалось одной из прогрессивных и целесообразных; в области промышленности планировалось непосредственное управление государством основными отраслями промышленности на основах хозяйственного расчета; отмена монополии внешней торговли; устойчивость валюты. Декларировался 8 часовой рабочий день. Устанавливался минимум заработной платы. Кроме того, должна была проводиться политика мира при неуклонной охране границ государства. Устанавливалось вхождение страны в состав Лиги Наций. Признавались царские долги с установлением льготных условий платежа и учетом контрпретензий России.

«ТКП» мыслила создание федеративно-демократической республики, во главе с ответственными министерствами, установление всеобщего, равного и тайного избирательного права, легализацию политических партий, за исключением явно реакционных и антигосударственных, равноправие национальностей и т. д.

«ТКП» в течение некоторого времени ориентировалась главным образом на правые элементы внутри ВКП(б), исходя из чего мыслила возможным политический и организационный блок с правыми, оформленный в виде коалиционного правительства. В дальнейшем в союзе с «Промышленной партией», стала строить свои расчеты на вооруженное свержение советской власти и на интервенцию.

Этот мотив ожидаемой интервенции был использован ОГПУ на процессе «Промпартии» и «Трудовой крестьянской партии» совершенно осознанно. Он проходит через все основные допросы арестованных.

Практическая деятельность «ТКП» строилась в основном по двум главным направлениям: по пути создания массовых кадров «ТКП» в городе и деревне и по пути вредительства с целью подрыва социалистической реконструкции сельского хозяйства и создания в стране экономических кризисов и диспропорций, которые должны были вызвать массовые восстания.

Вредительство в области сельского хозяйства выражалось в развитии и укреплении капиталистического сектора народного хозяйства и одновременно с этим в дезорганизации социалистического. В планирующих аппаратах

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 394. Л. 1.

соответствующих наркоматов, эта работа поддерживалась и обосновывалась путем составления тенденциозных конъюнктурных обзоров и расчетов, конечной задачей которых являлась задержка социалистического строительства сельского хозяйства.

Практическая вредительская работа «ТКП» являлась одним из факторов разжигания и обострения классовой борьбы в стране. В этом заключалась опасность, которую представляла «ТКП», как массовая политическая организация, практически проводившая в жизнь свои политические установки, направленные к подрыву и ослаблению строя диктатуры пролетариата.

Исходя из всей серьезности «ТКП», как массовой активноразрушающей политической партии, ОГПУ под личную ответственность Полномочных представителей предложило немедленно приступить к практическому выполнению всех тех конкретных и общих директив, которые были разосланы на места, как в форме отдельных заданий, так и в циркуляре № 249. Устанавливалась регулярная отчетность по делу «ТКП» в форме специальных еженедельных докладных записок. Особое внимание предлагалось уделить работам вредительского характера.

Отмечалось, что контрреволюционное движение в стране берет установку на массовость, в этих условиях органы ОГПУ должны немедленно приступить к построению массовой агентурной работы с установкой на прощупывание новых форм и путей формирования контрреволюцией ее новых организационных центров. О ходе работы по построению массовой спецагентуры также предлагалось сообщать специальными докладами¹.

«Известная сейчас записка Н.Д. Кондратьева, составленная им для доклада М.И. Калинина на IV объединенном съезде Советов, была объявлена Г.Е. Зиновьевым «Манифестом кулацкой партии», а на следствии по делу «ТКП» квалифицировалась как ее программа. Зиновьев начинал свою статью, направленную непосредственно против Кондратьева и «кондратьевщины», с прямого обвинения маститого профессора, видного сотрудника Наркомзема и главы Конъюнктурного института в «устряловщине». «Есть у нас в Москве наместник Устрялова, его так сказать, московский полпред. Это профессор Н.Д. Кондратьев». Далее в статье под именем «столпов» кондратьевской школы названы многие обвиняемые по делу ЦК «Трудовой крестьянской партии». Статья была напечатана еще в 1927 г. в это время Зиновьев уже не воспринимался вождем, он был лидером оппозиционного блока. Тем не менее, она с некоторыми оговорками была признана правильной. Через три года, когда ОГПУ понадобилась программа «ТКП», о ней вспомнили [1, с. 61].

Обстановка в стране была сложной, это время острейшего политического противоборства не только внутри большевистской партии. В этом процес-

се принимали участие и силы, группировавшиеся в различные общественно-политические организации.

В ЦК ВКП(б) велась борьба с «правыми», шла подготовка судебных процессов: «Союзного бюро ЦК меньшевиков», «Промпартии» и «Трудовой крестьянской партии» и др. Естественно, в этих условиях Сталину необходимо было как можно быстрее расправиться со своими политическими оппонентами.

23 декабря 1930 г. приказом ОГПУ № 457/213 Менжинский в целях скорейшей и полной ликвидации контрреволюционных «Промышленной» и «Трудовой крестьянской партии» и всех возглавлявшихся ими областных и краевых вредительских центров, диверсионных, террористических, военных и повстанческих организаций и ячеек разграничил следственно-оперативные функции Секретно-оперативного и Экономического управления ОГПУ.

«1) Следствие по делу «Промпартии» сосредоточить в центре и на периферии в органах Экономического Управления ОГПУ.

2) Следствие по «Трудовой партии» сосредоточить в центре и на периферии в органах Секретно-Оперативного Управления ОГПУ (по секретному делу).

3) Террористическую группу «Промпартии» оставить до полного расследования ее террористической деятельности в распоряжении СО ОГПУ, после чего эту группу передать в ЭКУ ОГПУ для дальнейшего расследования по линии вредительства и диверсии.

4) Дела диверсии в промышленности, как в центре, так и на местах сосредоточить в органах ЭКУ ОГПУ.

Дела по диверсии в промышленности, по которым проходят быв[шие] офицеры и повстанцы, должны вестись ЭКУ в тесном контакте с органами особого Отдела ОГПУ.

5) Дело военной организации «Промпартии» в части касающейся состава Красной Армии, сосредоточить в Особом Отделе ОГПУ.

6) Оперативная проработка и ликвидация вскрываемых массовых к[онтр]-р[еволюционных] организаций, групп и ячеек повстанческого типа, из каких бы дел или агентурных данных таковые не возникали, как правило, производятся по линии Секретно-Оперативного Управления, откуда места получают указания и перед которым отчитываются.

7) В случае, если ПШ найдет необходимым, в силу ряда местных условий, по этим делам временно изменить вышеуказанный порядок распределения работ между ЭКУ и СО, то должен получить на это разрешение ОГПУ¹.

После издания приказа активизировалось следствие по «Трудовой крестьянской партии», естественно возросла активность и допросов обвиняемых. В ходе них выяснилось, что в кругу арестованных активно обсуждалась

¹ ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1. Д. 208. Л. 668–677.

¹ ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1. Д. 192. Л. 395.

социально-политическая обстановка в стране, делались критические выводы в отношении ее руководства. Протоколы допросов в данном случае являются важным историческим источником. Это не материалы 1937–1938 гг., где все фальсифицировано, им вполне можно доверять. Естественно к ним надо относиться критически.

Встает вопрос: была ли действительно создана антисоветская организация «ТКП»? Ставились ли цели свержения советской власти? На эти вопросы можно однозначно ответить – нет.

«Различные оппозиционные власти группы в советском обществе, без сомнения существовали. Так, в 1930 г. в Вологде были обнаружены листовки с призывом ко всем сочувствующим «партии эсеров и готовым помочь в борьбе с коммунистической тиранией» бойкотировать 13–15 марта советскую печать. По результатам бойкота предполагалось «судить об отношении населения к нашей организации...». Подобные акции создавали благоприятную почву для формирования идеи «активизации деятельности врагов народа в условиях социалистического строительства». Кроме того, подтверждение существования нелегальной крестьянской партии в условиях коллективизации сельского хозяйства давало власти возможность единым ударом изолировать тех, кто имел связи и авторитет в крестьянской среде, но идею форсированной коллективизации не поддерживал» [1, с. 57]

В отношении членов «ТКП» готовился открытый политический процесс. Однако И.В. Сталин сомневался, что обвиняемые публично признают свои ошибки, и передумал передавать это дело в открытый суд. Он считал, что это не безопасно, полагая, что обвиняемые будут до конца защищать себя, не признавая «своих ошибок». Еще хуже было бы, если бы они на процессе не признали прочности советской власти и правильности принятого решения ЦК ВКП(б) о коллективизации сельского хозяйства.

В связи с этим было принято решение передать дело на рассмотрение во внесудебный орган – Коллегию ОГПУ. 21 сентября 1931 г. Менжинский утвердил обвинительное заключение по делу. Лица, проходящие по нему, были признаны виновными в том, что входили в состав нелегальной «Трудовой крестьянской партии», которая ставила своей целью свержение советской власти и создание буржуазно-демократической республики. Им вменялось в вину проведение вредительства в различных отраслях сельского хозяйства и др. 23 января 1932 г. Политбюро ЦК ВКП(б) на своем заседании рассмотрело вопросы ОГПУ по делу «Трудовой крестьянской партии». Приняли решение: обвиняемым больше восьми лет лишения свободы не давать.

ОГПУ поручалось представить список лиц, которых лишили советского гражданства и, которые в связи с этим должны быть лишены советских паспортов, а также предложения о форме объявления об этом в печати. Участников филиала «ТКП» на Украине «Украинский народный центр» предлагалось судить как членов контрреволюционной организации, больше шести лет

не давать, нескольких человек, в том числе Грушевского, а также и коммунистов, освободить от приговора¹.

26 января 1932 г. Коллегия ОГПУ, вынесла постановление заключить в концлагерь:

– сроком на 8 лет профессора Тимирязевской сельскохозяйственной академии, директора Конъюнктурного института Н.Д. Кондратьева; профессора Тимирязевской академии, члена Президиума Земплана Наркомзема РСФСР Н.П. Макарова; профессора Московского планово-экономического института, начальника валютного управления, члена Коллегии Наркомфина СССР Л.Н. Юровского;

– сроком на 5 лет профессора Тимирязевской академии, члена Коллегии Института крупного хозяйства и консультанта правления Зернотреста А.В. Чайнова; профессора Тимирязевской академии, редактора журнала «Вестник сельского хозяйства» А.Г. Дояренко; профессора Тимирязевской академии и МГУ А.А. Рыбникова;

– сроком на 3 года с заменой этого наказания высылкой на тот же срок профессора Тимирязевской академии, научного сотрудника Госплана СССР Л.Н. Литошенко; профессора Тимирязевской академии, заведующего опытным отделом Наркомзема РСФСР С.К. Чайнова; профессора МГУ и Института промышленности и труда Л.Б. Кафенгауза;

– сроком на 3 года с заменой этого наказания ограничением в месте жительства на тот же срок старшего экономиста Наркомзема РСФСР А.В. Тейтеля; доцента Московского планового института и консультанта Наркомфина СССР И.Н. Леонтьева;

– сроком на 3 года с последующим освобождением от наказания профессора Тимирязевской академии и редактора журнала «Агропром» А.О. Фабриканта.

В 1987 г. дело было пересмотрено, лица, проходившие по нему, реабилитированы.

* * *

В период проведения в стране сельскохозяйственных реформ обстановка была очень сложной. Фактически страна находилась в состоянии Гражданской войны. Подавляющая часть колхозников оказалась заложниками негативных последствий сталинской аграрной политики в советской деревне.

Совершенно очевидно, что процесс «Трудовой крестьянской партии», инициированный Политбюро ЦК ВКП(б), преследовал цель нейтрализовать критически настроенную к планам коллективизации интеллигенцию, для стабилизации обстановки на селе. Последовавшая затем кампания по борьбе с вредительством посредством фальсифицируемых показательных судебных

¹ АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 397. Л. 4.

процессов в зерновых регионах страны, преследовала такую же цель, какую преследовала кампания, проведенная несколько ранее в промышленности. Советское руководство предполагало, репрессируя одних, через страх от мобилизовать усилия других и таким методом стимулировать развитие сельского хозяйства СССР.

В результате, в сельском секторе экономики страны была создана бюрократическая структура, которая позволила государственным органам в дальнейшем беспрепятственно забирать выращенный урожай для продажи его за границу, а на полученные денежные средства развивать промышленность.

Библиографический список:

1. *Куреньшев А.А.* Сельскохозяйственная интеллигенция и власть в эпоху сталинизма. – М., 2017.

О.В. Mozokhin

Doctor of Sciences (History), Leading Research Fellow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

CASE OF THE CENTRAL COMMITTEE OF THE LABOUR PEASANT PARTY

The paper shows repressive policy of the VCP (b) on the example of so-called «Labour Peasant Party». A concrete historical study of this theme makes it possible to reveal real processes of functioning of the state security agencies and state power in the early 1930s. It is important for the formation in modern Russian society an objective picture of complex and debatable problems of Russian history.

Keywords: agriculture, wrecking, repression, OGPU, Stalin, Central Committee of the VCP (b), Politburo.

ОРГАНЫ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ КАК ИНСТРУМЕНТ КАРАТЕЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ГОСУДАРСТВА В СФЕРЕ ЭКОНОМИКИ СССР В 20–30-е ГОДЫ XX ВЕКА

Проанализирована взаимосвязь необходимости индустриализации в СССР с переходом на директивные методы управления экономикой и решения экономических проблем методом внеэкономического принуждения. Сделан вывод о формировании карательной политики государства на принципе экономической целесообразности и использовании органов госбезопасности в качестве инструмента реализации этой политики.

Ключевые слова: индустриализация, обороноспособность СССР, карательная политика государства, органы госбезопасности, репрессии, законность.

Вначале следует констатировать, что к концу 1920-х гг. в руководящих кругах СССР существенно ослабла надежда на скорую победу мировой революции. В международных отношениях рассчитывать приходилось лишь на собственные силы. Враждебная политическая изоляция со стороны наиболее развитых капиталистических стран способствовала вызреванию в советской элите убеждения в нарастании извне жизненно важных угроз, в частности, прочно укрепилось представление о реальной военной опасности. Сформировалось убеждение, что преодолеть былую экономическую отсталость, успешно решить задачи переходного периода от капитализма к социализму и укрепить тем самым обороноспособность страны можно лишь на путях индустриализации.

Руководство СССР резко свернуло новую экономическую политику, решительно взяло курс на форсирование темпов индустриализации и перешло на директивные методы управления. Ставя задачу любой ценой ускорить рост промышленного потенциала, основным источником средств для сверхиндустриализации оно избрало крестьянство. Неэквивалентный экономический обмен являлся формой отбора из крестьянских хозяйств средства на развитие промышленности и модернизацию вооруженных сил. Экономическое неравноправие порождало недоброжелательство и нежелание крестьян сдавать хлеб государству по заниженным ценам. Срыв хлебопоставок ставил под угрозу план преобразования страны, поэтому в ход пошли методы принудительного изъятия крестьянского хлеба. Вначале они рассматривались как чрезвычайные и временные, но весьма скоро вошли в повседневную практику. Благодаря репрессивным мерам желаемый результат казался весьма близким: резкий

* Демидов Александр Михайлович – доктор исторических наук, доцент, член «Общества изучения истории отечественных спецслужб», Москва, Россия; demidov1@yandex.ru

перелом в ходе заготовок хлеба в конце января 1928 г. привел в восторг председателя Высшего совета народного хозяйства (ВСНХ) СССР В.В. Куйбышева. По его словам, «вся наша страна, все партийные организации на местах, все советские организации буквально мобилизованы для того, чтобы выполнить хлебозаготовительный план» [3, с. 397]. Так внешне высокая эффективность проделанного, достигнутая в считанные дни, породила иллюзии преимущества административно-командных методов, вела к абсолютизации чрезвычайных мер и служила обоснованием репрессий в решении экономических проблем.

К этому времени в общественном и профессиональном правосознании утвердилась концепция, согласно которой трудности, неудачи и провалы в экономике, многочисленные аварии, пожары, взрывы и другие происшествия на объектах народного хозяйства объяснялись как результат диверсий и вредительства со стороны внутренних контрреволюционных сил, якобы действовавших в союзе с иностранными разведками. Исходя из этого, успех борьбы с вредительством и диверсиями рассматривался как залог успешного экономического развития СССР. Одновременно эта же концепция использовалась для эскалации репрессий против тех, кто был не согласен с курсом форсирования индустриализации, сомневался в целесообразности наращивания государственного принуждения и выбранных источников сверхвысоких темпов развития промышленности.

Абсурдность утверждений о массовых контрреволюционных преступлениях в промышленности вскрыл нарком тяжелой промышленности Г.К. Орджоникидзе: «За 19 лет существования Советской власти мы воспитывали в наших школах и вузах инженеров и техников [...] Если все они, а также и старые инженеры, которых мы перевоспитали, оказались в 1936 году саботажниками, то поздравьте себя с таким успехом. Какие там саботажники! Не саботажники, а хорошие люди – наши сыновья, наши братья, наши товарищи, которые целиком и полностью за Советскую власть» [4, с. 771]. Нарком довольно резко подчеркнул, что объяснять хозяйственные трудности вредительством и саботажем – это чепуха. Со знанием дела он говорил о причинах экономических проблем, которые, по мнению Орджоникидзе, крылись в неравномерности развития различных отраслей промышленности, неудовлетворительной организации труда, снижении трудовой дисциплины, просчетах в планировании.

Сказано это было в 1936 г., но задолго до этого кандидат в члены Политбюро ЦК ВКП(б) Серго Орджоникидзе не смог предвидеть всех негативных последствий реализации мероприятий, которые по указанию Политбюро ЦК ВКП(б) были разработаны в Объединённом государственном политическом управлении (ОГПУ) и ВСНХ СССР и в марте 1927 г. представлены на утверждение председателями этих государственных органов соответственно В.Р. Менжинским и В.В. Куйбышевым. Решение по их докладу было оформ-

лено секретным постановлением Президиума ЦИК СССР от 4 апреля 1927 г., в котором, в частности, говорилось: «Приравнять небрежность как должностных, так и всех прочих лиц, в результате халатности которых имелись разрушения, взрывы, пожары и прочие вредительские акты на предприятиях государственной промышленности, на транспорте, а равно и предприятиях государственного значения, к государственным преступлениям»¹.

С этого времени факты бесхозяйственности, нарушений техники безопасности, преступной халатности и другие подобные проявления, которые привели к тяжелым последствиям с крупным материальным ущербом, стало возможным квалифицировать по статье 58 УК РСФСР (и соответствующих статей уголовных кодексов других союзных республик) о контрреволюционных преступлениях как вредительство, диверсии и саботаж. Доказывать наличие контрреволюционного умысла стало не обязательным – для полного состава преступления было достаточно объективной стороны. Органам ОГПУ было предоставлено право рассматривать во внесудебном порядке вплоть до применения высшей меры наказания уголовные дела по поджогам, пожарам, взрывам, порче машинных установок, а также дела о халатности и нарушениях правил пожарной безопасности на объектах промышленности и транспорта.

Исходя из осложнившейся международной обстановки, XVIII съезд ВКП(б) (10–21 марта 1939 г.) указал на необходимость всемерного повышения обороноспособности СССР, поставил задачу догнать и перегнать в экономическом отношении наиболее развитые капиталистические страны. Утвержденный съездом третий пятилетний план стал программой ускоренной подготовки страны к возможной войне.

Проблемы дальнейшего развития индустрии ставили сложные задачи, которые отчасти решались с помощью карательной политики государства. Она, помимо прочих целей, служила средством перераспределения дешевых рабочих рук. Как представляется, в этом также кроются причины массовых репрессий 1930-х годов.

Ставка на форсированные темпы производства военной продукции накануне Великой Отечественной войны усилила и без того широко практиковавшиеся жёсткие административные методы принуждения в управлении производством и научно-техническими изысканиями. Однако повышенные потребности военных полностью удовлетворены не были: в 1940–1941 гг. в Красную Армию поступило 1816 новейших по тому времени танков Т-34 и КВ, а потребность в них определялась в 16,6 тысяч [2, с. 213]. Самолётостроительные заводы ежедневно сдавали почти по 20 боевых машин, но Сталин требовал выпускать в 2,5 раза больше. Однако нарком авиационной промышленности А.И. Шахурин вместе со своими заместителями и с дирек-

¹ Центральный архив ФСБ России.

торами заводов так и не изыскали возможности выпускать по 50 самолётов в день: 16 июня 1941 года разнарядка по заводам была составлена только на 48 машин¹.

Реализация не всегда обоснованных, порой явно нереальных производственных программ вела к усилению репрессий в сфере военной экономики. За несколько недель до германской агрессии вновь участились аресты руководителей и производителей оборонных отраслей промышленности [2, с. 150; 5, с. 120, 121]. В атмосфере всеобщей подозрительности и недоверия, в условиях тяжёлого морально-психологического климата репрессивные меры желаемого результата уже не давали. Наоборот, они сковывали инициативу, порождали пассивность и нежелание брать на себя даже незначительную ответственность. Производственная и технологическая дисциплина, качество изготовления боевой техники, несмотря на ужесточение, до предъявляемых требований не повысились.

Основные усилия органов госбезопасности оказались направлены во внутрь страны. Их нацеленность на борьбу с так называемыми антисоветскими проявлениями, под которые зачастую подпадало недовольство людей как естественная их реакция на недостатки общественно-политического или экономического характера, отвлекала органы государственной безопасности от решения разведывательных и контрразведывательных задач, дезориентировала сотрудников. Ценность оперативного уполномоченного определялась по количественным критериям и зависела, например, от количества арестов. Последний был важнейшим показателем работы и контролировался вышестоящими начальниками очень жестко². Такой подход подталкивал к фальсификации оперативных и следственных материалов, к необоснованным репрессиям и другим нарушениям законности. Сотрудники, противившиеся этому, сами подвергались репрессиям.

Оперативные работники и следователи, призванные на службу по рекомендациям партийных и комсомольских организаций, добросовестно исполняли все указания, приказы и распоряжения. Имея в большинстве своем невысокую образовательную и профессиональную подготовку³, они и в политическом отношении были продуктом своего времени. Однако многие личные недостатки компенсировались наличием беспредельной веры в идеалы и торжество социализма и коммунизма, готовностью отдать всего себя делу построения нового общества. Эти сотрудники органов государственной безопасности полностью доверяли верхнему эшелону власти и исходящим оттуда установкам, искренне считали, что в стране активно действует многочисленная внутренняя и внешняя контрреволюция. Осознавая себя частью вооруженного отряда партии большевиков, они не сомневались, что действу-

¹ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 8044. Оп. 1. Д. 485. Л. 5.

² Центральный архив ФСБ России.

³ Центральный архив ФСБ России; РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 1. Д. 485. Л. 5.

ют в интересах народа. Жертвуя личным временем и семейными интересами, зачастую без сна и отдыха эти сотрудники с энтузиазмом выполняли служебные задания, добросовестно полагая, что вносят свой вклад в борьбу с врагами народа. Во имя этого нарушалась законность, её заменила политическая и экономическая целесообразность. Что ныне считается деформацией политической культуры и правового сознания, в те годы было распространенным явлением и соответствовало уровню политической культуры и правосознания в советском обществе того времени в целом. Все это при современных оценках персонального участия сотрудников органов госбезопасности в политических репрессиях тех лет следует учитывать особо.

Таким образом, в 20–30-е гг. прошлого столетия формирование карательной политики государства по контрреволюционным деяниям и ее реализация в дополнение к политической целесообразности первых лет советской власти стала базироваться также на экономической целесообразности. Правоприменительная практика в СССР руководством страны во многом была приспособлена к экономическим потребностям государства, а органы государственной безопасности стали использоваться как инструмент реализации этой практики.

Библиографический список:

1. Ванников Б.Л. Записки наркома // Знамя. 1988. № 2.
2. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. – М., 1969.
3. Куйбышев В.В. Избранные произведения. – М., 1988. Т.1.
4. Орджоникидзе Г.К. Статьи и речи. – М., 1988. Т.2.
5. Шахурин А.И. Крылья победы. – М., 1990.

A.M. Demidov

Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Member of the Society for studying History of Russian intelligence (Moscow, Russia)

STATE SECURITY AGENCIES AS AN INSTRUMENT OF PUNITIVE POLICY OF THE STATE IN THE SPHERE OF ECONOMY OF THE USSR IN 1920S–1930S

The paper analyses interrelation between necessity of industrialization in the USSR and transition to directive methods of managing the economy and solving economic problems by the method of non-economic coercion. The main conclusion is about formation of punitive policy of the state based on the principle of economic expediency and use of state security agencies as a tool for implementing this policy.

Keywords: industrialization, defence of the USSR, punitive policy of the state, state security agencies, repression, legality.

СОВЕТСКИЕ СПЕЦСЛУЖБЫ НА СТЫКЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ И ВНУТРИПОЛИТИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ СССР: ДОКУМЕНТЫ ЦА ФСБ РОССИИ ОБ АНШЛЮСЕ АВСТРИИ И МЮНХЕНСКОМ СОГЛАШЕНИИ (1938 Г.)

На основании неизвестных материалов Центрального архива ФСБ России проанализирована деятельность советской разведки и контрразведки по обеспечению геополитических и внутривосточных интересов СССР в период аншлюса Австрии, а также подготовки и заключения Мюнхенского соглашения, ставшего прологом Второй мировой войны. Сделан вывод об успешных и проблемных моментах деятельности советских спецслужб в 1938 году.

Ключевые слова: Советская разведка, советская контрразведка, НКВД СССР, аншлюс, Австрия, Мюнхен, соглашение.

80 лет назад, 29–30 сентября 1938 г., в г. Мюнхене состоялась конференция глав правительств Великобритании (Н. Чемберлен), Франции (Э. Даладье), Германии (А. Гитлер) и Италии (Б. Муссолини), на которой было подписано соглашение об отторжении от Чехословакии Судетской области и присоединении ее к Германии. При этом было проигнорировано мнение самой Чехословакии и СССР, который подписал с ней договор о взаимопомощи. Чуть более полугода понадобилось Германии, после аншлюса Австрии (март 1938 г.), чтобы сделать новый решительный шаг на пути завоевания мирового господства.

В центре нашего внимания – Мюнхенское соглашение и аншлюс Австрии, которые достаточно обстоятельно рассмотрены в современной российской и иностранной историографии. Вместе с тем, до настоящего времени не введен в научный оборот значительный круг источников, в первую очередь, материалы специальных служб СССР и европейских держав, которые позволяют ответить на вопросы о том, какие геополитические и внутривосточные интересы преследовали различные акторы в дипломатической и военно-политической игре накануне войны. Особый интерес представляет выяснение разноплановых мотивов, которые стояли за стремлением советского руководства организовать коллективное сопротивление активизирующейся Германии.

Документальные материалы ЦА ФСБ России, на которые мы опираемся, могут быть условно классифицированы следующим образом. В первую

группу входит комплекс документальных материалов «Особой папки». В нее включены копии докладных записок, специальных сообщений, писем, и других информационных документов, которые руководство НКВД СССР направляло в 1938 г. в Совет народных комиссаров (СНК) СССР и ЦК ВКП(б). Разноплановые по содержанию документы содержат подробную информацию об обстановке на границах Польши и Румынии, о ситуации в собственных военных частях, а также общие сведения о действиях европейских политических лидеров.

Вторую группу материалов составляют документы Особого бюро при Секретариате НКВД СССР, собиравшего и анализировавшего справочную разведывательную и контрразведывательную информацию за границей, а также в иностранных посольствах на территории Советского Союза. В Особом бюро накапливалась информация о представителях политических и торгово-промышленных кругов стран Европы, советскому руководству транслировались переведенные речи Гитлера, политических деятелей Германии, Англии, Польши, Румынии, Франции, публикации СМИ по вопросам внешней политики иностранных государств.

Следующую группу документов составляет расшифрованная дипломатическая переписка министерства иностранных дел европейских государств со своими посольствами. Если во второй половине 1930-х гг. НКВД могло получать лишь копии ежедневных шифрованных депеш, имевшихся в распоряжении внешнеполитического ведомства Великобритании, то вскоре советская внешняя разведка получила дипломатические шифры Англии [1, с. 273], что позволило не только перехватывать все радиосообщения, циркулировавшие между Форин офис и британскими посольствами в Берлине, Париже, Праге, но быстро дешифровывать их. Рассекреченные документы советской разведки раскрывают детали переписки европейских посольств со своими внешнеполитическими ведомствами [6, с. 8].

Еще одну большую группу документов составляют архивные уголовные дела, заведенные на высокопоставленных офицеров и генералов вермахта. В собственноручных показаниях и протоколах допросов офицеров, генералов и адмиралов вермахта сохранился колоссальный объем информации не только по истории Второй мировой войны, но и предвоенной истории Европы. Внимательное изучение именно этого специфического исторического источника дает возможность дополнить хорошо известные эпизоды, касающиеся Мюнхенского соглашения и аншлюса Австрии.

Изученные нами источники позволяют выявить точки совпадения и расхождения интересов СССР и европейских держав, охарактеризовать векторы внешней политики участников событий. Вполне ожидаемо, что в центре наблюдения советских спецслужб находился, прежде всего, лидер Германии. 4 февраля 1938 г. Гитлер назначил Риббентропа на пост министра иностранных дел Германии, произвел ряд кардинальных перестановок в германском

* Христофоров Василий Степанович – доктор юридических наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института российской истории РАН, профессор Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Россия; xvsarhiv@rambler.ru

военном руководстве. Назначение Риббентропа и в Великобритании, и в СССР расценивалось как направленное на дальнейшее усиление «оси» Рим-Берлин-Токио и укрепление «антикоммунистического блока». Сам же Гитлер считал, что Риббентроп, имевший очень хорошие личные связи с лордом Галифаксом и высшими английскими кругами, будет объективно освещать обстановку в стране¹.

Перестановки среди военных, по оценкам НКВД СССР, были вызваны тем, что армейские генералы проявляли недовольство попытками «нацификации», критически относились к четырехлетнему плану [7, с. 354], некоторые генералы были против оккупации Рейнской области, полагая, что Германия не готова к большой войне.

Наибольшую обеспокоенность в Чехословакии вызвало назначение командующим IV-й группы германскими войсками, расположенной на границах Чехословакии генерала Рейхенау. В чехословацкой печати появились статьи о том, что командующим у северо-западной границы страны стал человек, для которого воля партии легко может одержать верх над трезвыми стратегическими соображениями². В НКВД СССР сделали верный вывод о том, что Рейхенау не случайно назначен командующим той части германской армии, которая была предназначена для активных действий против Австрии и Чехословакии. Именно он считался автором германских военных планов нападения на последнюю³.

12 марта 1938 г. германские войска, осуществляя «план Отто», утвержденный в Берлине еще 24 июня 1937 г. вторглись в Австрию. Гитлер с головным отрядом лейбштандарта СС «Адольф Гитлер» прибыл к вечеру в австрийский город Линц, где с балкона ратуши объявил о включении Австрии в состав Германской империи. Спустя два дня фюрер прибыл в Вену и там, на площади Хельденплац перед 250-ю тысячами восторженных австрийцев провозгласил объединение Австрии с германским рейхом в единую Великогерманскую империю [3, с. 172; 9, с. 54, 55].

В ответ на аншлюс Австрии нарком иностранных дел СССР М.М. Литвинов предложил Сталину сделать заявление советского правительства для Британии, Франции и Чехословакии, а также США. По его мнению, необходимо было расшевелить пацифистские круги в Англии, укрепить правительство народного фронта во Франции, приободрить Чехословакию, ожидавшую какого-нибудь советского выступления, а также другие малые государства, возложив ответственность за дальнейший ход событий на англичан. Подобные заявления, по мнению Литвинова, стали бы ответом «на инсинуации об ослаблении советского государства в результате прокатившихся по стране судебных процессов, чтобы отвлечь мировое внимание от продолжавшейся в загра-

¹ Центральный архив ФСБ России (ЦА ФСБ России). Ф.3. Оп. 5. д. Н-21139. Т. 1. ЛЛ. 155–156.

² ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 5. Д. 137. Л. 82.

³ Там же. ЛЛ. 62–64.

ничной печати свистопляски вокруг только что закончившегося процесса!»². Очевидно, что имидж Советского Союза в международном сообществе был подпорчен информацией о массовых репрессиях [8, с. 2–38].

В Лондоне и Париже недооценивали потенциал СССР как вероятного союзника в случае развязывания войны Германией. В немалой степени это объяснялось недоверием к кремлевскому руководству, развязавшему кампанию необоснованных репрессий партийных, военных и хозяйственных деятелей в СССР. Политические процессы, проводившиеся в СССР, воспринимались за рубежом как свидетельство кризиса советского режима, порождали в высших кругах европейских держав сомнения в способности СССР быть надежным партнером в деле обуздания агрессоров [7, с. 141]. Например, англичане считали, что в результате сталинских чисток, проведенных в Красной армии, «ей не хватает организованности, так как за год ничего не возможно восстановить». Английский военный атташе полковник Файрлбрэйс отмечал, что по этой причине «немцы в русское вмешательство в Чехословакии не верят» [10, с. 151].

Вскоре после фактического оккупации Австрии в министерстве авиации Германии было проведено секретное совещание ответственных сотрудников министерства, на котором с программной речью о ближайших задачах военно-воздушного флота и авиационной промышленности выступал Г. Геринг. Он заявил, что Германия должна быть готова к большой войне: Гитлер утвердил программу роста сухопутных, морских и воздушных сил, по которой численность военной авиации должна быть в ближайшее время доведена до 38 000 боевых самолетов. В мае 1938 г. Гитлер принял у себя германских военно-воздушных атташе и заявил, что не оставит германский народ в покое до тех пор, пока не будет создана великая германская империя, ясно намекая при этом на захват необозримых пространств восточно-славянских стран и их колонизацию. Гитлер обязал германских военно-воздушных атташе строить свою работу за границей таким образом, чтобы способствовать выполнению его основной задачи – созданию великой германской империи. Слова Гитлера прозвучали как призыв к подготовке и развязыванию войны против Чехословакии, Польши и СССР³.

¹ Советский дипломат имел ввиду политический процесс по делу Правотроцкистского анти-советского блока, состоявшемуся в период со 2 по 13 марта 1938 г. Это был третий и последний показательный суд над группой бывших руководителей партии и правительства СССР. На скамье подсудимых оказались сразу три члена ленинского состава Политбюро – Н. Бухарин, А. Рыков и Н. Крестинский, бывший первый секретарь ЦК КП(б) Узбекской ССР А. Икрамов. Вместе с ними по делу проходил 21 человек – бывшие члены ЦК партии и ответственные работники различных наркоматов. Военная коллегия Верховного Суда СССР приговорила Бухарина, Рыкова, Крестинского и еще 15 обвиняемых к высшей мере наказания (расстрелу) с конфискацией всего лично им принадлежащего имущества [12, д. № Н-13614. т. 1а, лл.80–117].

² ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 5. Д. 928. Л. 257.

³ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 5. Д. № Н-21147. Т. 1, ЛЛ. 82, 83.

Советская внешняя разведка внимательно отслеживала события вокруг Чехословакии и уже в августе 1938 г. проинформировала И.В. Сталина о том, что Германия готовит вторжение в Чехословакию. Назывались примерные сроки – октябрь 1938 г. В разведывательных сводках сообщалось, что с 15 августа 1938 г. во всех военных округах Германии проводились учения с участием большого количества резервистов, из числа которых сформировано 10–13 резервных дивизий. В Германии произведена скрытая всеобщая мобилизация, германская авиация в количестве до 1000 самолетов подготовлена для действия против Чехословакии, значительная часть бомбардировочной авиации сосредоточена в районах Дрездена и Бреслау¹.

Подготовку к войне вели и Польша, и Румыния. Строились железобетонные укрепления, устанавливались проволочные и противотанковые заграждения, оборудовались посадочные площадки для самолетов, строились и ремонтировались шоссейные и грунтовые дороги. Польша активно готовилась не только воспрепятствовать возможному прохождению сухопутных частей Красной армии по своей территории, но и усиливала свою противовоздушную оборону, намереваясь открывать огонь на поражение по каждому советскому самолету, который попытается пролететь через польскую территорию².

В сентябре 1938 г. Советское правительство провело ряд конкретных оперативных-стратегических мероприятий для возможного оказания помощи Чехословакии. В боевую готовность были приведены 30 стрелковых и 10 кавалерийских дивизий, один танковый корпус, 3 отдельные танковые бригады, 12 авиационных бригад и 7 укрепленных районов. В последующем в боевую готовность были дополнительно приведены 30 стрелковых, 6 кавалерийских дивизий, 2 танковых корпуса и 15 отдельных танковых бригад. В западных приграничных и внутренних округах была объявлена частичная мобилизация: в Вооруженные Силы было призвано 328 тыс. человек. Для усиления чехословацких ВВС были подготовлены четыре авиабригады (548 самолетов) [2, с. 44; 5, с. 249, 250].

19 сентября президент Чехословакии Э. Бенеш срочно вызвал к себе полпреда СССР в Чехословакии С.С. Александровского и сообщил, что получил совместное англо-французское предложение о решении судетского вопроса путем прямой уступки Германии тех округов, в которых немцы составляют более 50 % населения, установлении новых границ международной комиссией. Бенеш заявил, что Чехословакия будет защищаться при любых условиях, и просил советское правительство дать ответ на вопрос окажет ли СССР согласно договору немедленную действительную помощь если Франция окажется верной и также окажет помощь?³ На следующий день Политбюро ЦК ВКП(б)

¹ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 5. Ф. 3. Оп. 5. Д. 898. ЛЛ.124–127.

² ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 5. Ф. 3. Оп. 5. Д. 63. Л.75.

³ Архив внешней политики РФ (АВП РФ). Ф. 3. Оп. 63. Д. 187. ЛЛ. 21–23.

сформулировало положительный ответ и направило его чехословацкому и французскому правительствам¹. Как известно, Франция не была готова выполнить свои обязательства, и чехословацкое правительство капитулировало.

29 сентября 1938 г. в «Доме фюрера», построенном в Мюнхене в 1937 г. для НСДАП, состоялась конференция глав правительств Англии, Франции, Германии и Италии (Н. Чемберлен, Э. Даладьё, А. Гитлер Б. Муссолини). В 2 часа 30 минут 30 сентября 1938 г. было подписано Мюнхенское соглашение, предусматривавшее передачу Германии Судетской области и ряд других районов, принадлежавших ей до версальских соглашений [2, с. 587]. 1 октября германские войска перешли границу Чехословакии.

9 ноября 1938 г. Гитлер подвел итоги Мюнхенской сделки, безапелляционно заявив в своей речи, что в течение 1938 г. смог уничтожить не две демократии, а как «архидемократ, уничтожил две диктатуры, а именно диктатуру Шушинга и диктатуру Бенеша»².

Через некоторое время Гитлер, на встрече с командирами танковых и мотопехотных дивизий, разъясняя свою политику в Европе, заявил, что разрешить австрийский и судетский вопросы удалось успешно потому, что ни Англия, ни Франция, будучи не подготовлены к войне, не помешали ему в этом. Гитлер подчеркнул: «Англия и Франция, несмотря на дипломатический шум, который они обычно устраивали, все же согласились с моими решениями»³. Захват Австрии, Судетской области и Чехословакии, при явном попустительстве США, Англии и Франции, по мнению немецких генералов, окрылил Гитлера и он стал практически открыто готовиться к захватнической войне. По заданию германского Генерального штаба с большой высоты проводилась авиаразведка территории Польши. Гитлер планировал вернуть в сферу своего влияния Данцигский коридор⁴.

Общеизвестно, что Мюнхенский сговор разрушил с трудом создаваемую систему коллективной безопасности в Европе и в конечном счете привел ко Второй мировой войне. Национал-социализм, по оценке фельдмаршала Ф. Шернера, мог означать только войну, и любое утверждение о том, что Германия не хотела войны, являлось только извращением истории⁵. Аншлюс Австрии, Мюнхенское соглашение и последовавший за ним захват Чехословакии стали решающими моментами в судьбе гитлеровской диктатуры. Именно тогда был брошен жребий, положивший начало Второй мировой войне.

Подводя итоги, отметим, что в предвоенный период советскими спецслужбами уделялось повышенное внимание разведывательной работе в

¹ АВП РФ. Ф. 3. Оп. 63. Д. 187. Л. 32.

² АВП РФ. Ф. 3. Оп. 63. Д. 695. Л. 177.

³ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 5. Д. № Н-21139. Т. 1. ЛЛ. 154–156.

⁴ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 5. Д. № Н-21139. Т. 1. Л. 153; Д. № Н-21147. Т.1. Л. 136.

⁵ ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 5. Д. № Н-21138. Т. 1. Л. 50.

Австрии, Германии, Англии, Франции, Чехословакии и других европейских странах. НКВД добывал важную политическую информацию, как в иностранных посольствах в Москве, так и за границей, в том числе о важных персонажах европейской политики. Из резидентур НКВД в европейских странах в Центр поступали секретные материалы с прогнозом последствий различных событий для военно-политической ситуации в Европе. Документы из Центрального архива (ЦА) ФСБ России свидетельствуют, что благодаря успешной деятельности советской разведки и контрразведки, Сталин был полностью осведомлен о том, как проходил переговорный процесс ведущих европейских стран с Гитлером.

Библиографический список:

1. *Анин Б., Петрович А.* Радиошпионаж. – М., 1996.
2. Военный энциклопедический словарь. – М., 2007.
3. *Грабль Х.* Возникновение и развитие военной оппозиции Гитлеру // Сообщения совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений. – Олденбург, 2008.
4. *Грылев А., Выродов И.* Верность интернациональному долгу // Военно-исторический журнал. 1968. № 10. С. 43–49.
5. *Дашичев В.И.* Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. В 2-х тт. Т. 1. Подготовка и развертывание нацистской агрессии в Европе. 1933–1941 гг. – М., 1973.
6. *Маслов С.* Правды стало больше. СВР России обнародовало ранее неизвестные документы о Мюнхенскомговоре западных держав с Гитлером в сентябре 1938 года // Российская газета. 2008. 30 сентября.
7. *Мировые войны XX века : в 4 кн. Кн. 3 : Вторая мировая война: ист. очерк.* – М., 2005.
8. *Наринский М.М.* Политика СССР в Европе и Польша 1933–1938 // Советско-польские отношения в политических условиях Европы 30-х годов XX столетия: Сборник статей. – М., 2004. С. 28–38.
9. *Неизвестный Гитлер / О. Гюгше, Г. Линге; авт.-сост. М. Уль, Х. Эберле; предисл. В.Н. Хаустова, Х. Мёллера; пер. с нем. А. Чикишева, Е. Кулькова (примечания).* – М., 2005.
10. *Орлик И.И.* Эдуард Бенеш: годы побед и поражений // Новая и новейшая история. 2008. № 5. С. 145–161.

V.S. Khristoforov

Doctor of Sciences (Law), Professor, Corresponding Member of the RAS, Chief Research Fellow, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia)

SOVIET INTELLIGENCE AGENCIES AT THE SERVICE OF GEOPOLITICAL AND INTERNAL POLITICAL INTERESTS OF THE USSR: DOCUMENTS OF THE CENTRAL ARCHIVE OF THE FSB OF RUSSIA ABOUT THE ANSCHLUSS OF AUSTRIA AND THE MUNICH AGREEMENT (1938)

Based on the unknown materials of the Central Archive of the FSB of Russia, the paper analyses activities of Soviet intelligence and counterintelligence to ensure geopolitical and internal political interests of the USSR during the Anschluss period of Austria and during preparation and conclusion of the Munich agreement. A conclusion says about problems and achievements of the activities of the Soviet intelligence agencies in 1938.

Keywords: Soviet intelligence, Soviet counterintelligence, NKVD of the USSR, anschluss, Austria, Munich, agreement.

ВНЕШНЯЯ РАЗВЕДКА В СИСТЕМЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ОРГАНОВ И МОДЕЛЕЙ УПРАВЛЕНИЯ¹

В статье проанализирован процесс формирования и развития разведки в России как важнейшей составляющей системы национальной безопасности с времен образования Древнерусского государства до периода укрепления советского политического строя в 1930-е гг. XX века. Представлены государственные органы, занимавшиеся разведывательной деятельностью в разные периоды истории России. Особый акцент сделан на характеристике моделей управления внешней разведкой перед Первой мировой войной, в ходе ее течения, а также в советский период, предшествовавший Великой Отечественной войне.

Ключевые слова: органы государственной безопасности, разведка, разведчик, разведывательная информация, дезинформация, резидентура, агентурная сеть.

Неотъемлемой частью аппарата управления любой страны являются органы государственной безопасности. Они призваны профессионально защищать действующий политический строй, территориальную неприкосновенность и целостность существующего государства. Они представляют собой особую составную часть правоохранительной системы, направленную на пресечение и раскрытие преступлений против государства, сохранение его внешней и внутренней безопасности. В их компетенцию входят функции разведывательно-информационного характера, охрана высших государственных органов, обеспечение правительственной связи, охрана государственных границ.

Важнейшей составляющей системы охраны государства является разведка – специальная структура, осуществляющая сбор сведений о противнике или конкуренте для обеспечения безопасности и получения преимуществ в области вооруженных сил, военных действий, политики и экономики. Эта особая государственная функция реализуется такими специальными органами как внешняя и внутренняя разведка.

Внутренняя разведка борется с противниками государственного строя внутри страны: с коррупцией и организованной преступностью; с экстре-

мистскими политическими или религиозными организациями; с политически неблагонадежными гражданами.

Внешняя разведка направлена против внешних врагов государства: осуществляет сбор разведывательной информации на чужой территории, организует диверсии против враждебных сил, распространяет дезинформацию, участвует в государственных переворотах и т.п.

История разведки насчитывает много веков, ее прообраз имелся во многих древних государствах, в том числе и в Киевской Руси. Символическим основателем русской разведки считается «вещий» Олег, осуществивший в 881 г. захват власти в Киеве. Спустившись по Днепру к племенному центру полян, он выслал вперед дружинника, который прикинувшись странником-одиночкой, собрал все нужные князю сведения.

Получив разведывательную информацию, князь направил в Киев новых агентов, объявивших, что на ладьях прибыли мирные купцы, плывущие «в греки». Так была осуществлена «дезинформация» – один из основных методов работы спецслужб. Затем обманутых правителей Киева Дира и Аскольда выманили на причал, где в действие вступила «группа захвата» в лице дружинников, спрятанных в ладьях. В результате, беспечные киевские князья были убиты и в Киеве был проведен первый государственный переворот людьми, которых сегодня принято называть «разведчиками».

В дальнейшем каждый уважающей себя князь в Древней Руси имел «лазутчиков» и «доносчиков», а с появлением Московского государства впервые создается централизованная служба, занимающаяся разведкой и контрразведкой – так называемый Сыскной приказ. При Иване Грозном эти обязанности возложили на Посольский приказ (1549 г.), а в правление Алексея Михайловича разведывательные функции передали в Приказ тайных дел (1654 г.).

Правовую основу разведка приобретает в период реформ Петра I. Она впервые прописывается как особый вид деятельности в новом воинском уставе 1716 г., где сбор сведений о противнике возлагается на генерала-квартирмейстера [4; 8]. В последствии разведывательной деятельностью занимались Секретная экспедиция, созданная в 1810 г. при военном министерстве по инициативе М.Б. Барклай-де-Толли и Особенная канцелярия, организованная в феврале 1812 г. при активном участии генерала П.М. Волконского, долгое время жившего во Франции и под прикрытием русского посольства, изучавшего систему управления лучшей в Европе армии Наполеона. Основной задачей вновь созданного под руководством флигель-адъютанта, полковника А.В. Воейкова разведывательной структуры стало «собрание всех сведений о земле, где война происходит». По сути Особенная канцелярия стала первым центральным органом Военного министерства России, специально занимавшимся разведкой вооруженных сил иностранных государств [11].

Говоря о формировании российской разведки нельзя не отметить создание в 1880 г. департамента государственной полиции, главной задачей которого

* Сперанский Андрей Владимирович – доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором политической и социокультурной истории Института истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия; avspersky@mail.ru

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ 18-09-00614 «Советская модель управления в 1920–1940-е гг.: взаимодействие центра и регионов (на материалах Урала)».

являлась охрана государственной безопасности. Прозванный в народе «охранкой» и активно критикуемый советской историографией за «подавление революционных сил», он, тем не менее сыграл выдающуюся роль в укреплении внешней разведки России. Под руководством этого органа имперской государственной безопасности была организована разветвленная сеть русской заграничной агентуры, центр которой располагался в Париже. «Охранка» в значительной мере повлияла на внешнюю политику России, создав службу перехвата и дешифровки дипломатической почты. Практически департамент государственной полиции стал первым разведывательным управлением, поставившим перед собой задачу добычи и дешифровки правительственной почты всех европейских стран. И не удивительно, что именно это направление его деятельности активно изучалось советскими спецслужбами, с успехом использовавшими накопленный опыт в своей разведывательной работе [16].

На рубеже XIX–XX вв. внешняя разведка России находилась в компетенции Министерства иностранных дел. В его канцелярии сосредотачивались сведения политического, экономического и военного характера, поступающие из-за рубежа. При этом, несмотря на значительные средства, выделяемые на сбор разведывательной информации, ведение этой работы русскими дипломатами не являлось обязательным, что объясняет их довольно пассивное отношение к разведке.

Более интенсивно в конце XIX–начале XX вв. действовала военная разведка, руководимая, согласно указу императора Александра II (1863 г.), Главным управлением Генерального штаба. В 1906 г., в результате его структурных преобразований, происходит разделение добывающей и обрабатывающей функций военной разведки, а в 1910 г. формируется так называемое Особое делопроизводство (разведки и контрразведки), вошедшее в состав Отдела генерала-квартирмейстера. Произведенные изменения подчеркивали усиление роли разведки в процессе военного строительства Русской армии и повышение статуса разведслужбы в целом [2, с. 60, 61; 3, с. 23–25].

Накануне Первой мировой войны перед военной разведкой была поставлена приоритетная задача создания в странах будущего противника эффективной агентурной сети, способной получать необходимую информацию по ключевым проблемам. В результате агентурный аппарат был создан как на Западе (Германия и Австро-Венгрия), так и на Востоке (Китай, Корея, Монголия). Его усилиями удалось добыть ряд важных документов мобилизационного и стратегического характера, давших сведения о развертывании полевых и резервных войск, данные об укреплениях стратегически важных крепостей (Бреслау, Торна) будущего противника.

Серьезным успехом русской разведки стала вербовка одного из руководителей контрразведки Австро-Венгрии полковника Альфреда Редля, который на протяжении десяти лет давал исключительно ценную военную и политическую информацию, позволявшую нейтрализовать австрийских агентов,

знакомиться с мобилизационными планами австрийского командования против России и Сербии [7, с. 162].

В годы Первой мировой войны внешняя разведка продолжала успешно действовать. Следует отметить, что в 1916 г. она сумела приобрести агентуру в высших кругах Ватикана и Испании, располагала надежными источниками документальной информации в главной штаб-квартире Австро-Венгрии, в германском Генеральном штабе, в штабах и корпусных округах Германии. Помимо противников, агентурная сеть создавалась также в нейтральных странах и на территории государств-союзников. Ее создателями и руководителями, как правило, были офицеры Главного управления Генерального штаба, энергичные и хорошо профессионально подготовленные. Так в Италии наибольшей активностью отличался военный агент, полковник Генерального штаба Оскар Энкель. В Англии успешно действовал военный разведчик генерал-лейтенант Генерального штаба Николай Ермолов. В Бельгии и Нидерландах работал военный разведчик полковник Генерального штаба Людвиг Майер, в Швейцарии – сотрудник МИД, действительный статский советник Андрей Мандельштам.

Во Франции интенсивной агентурной деятельностью занимались представители знаменитой графской фамилии, сотрудники Генерального штаба, полковники, братья Алексей и Павел Игнатьевы. Здесь по заданию императора Николая II была создана разведывательная служба Русской армии в Европе, функционировавшая вплоть до крушения Российской империи. К сожалению революционные события в России поставили братьев по разные стороны баррикад. Павел Алексеевич оказался на стороне белоэмигрантского движения и скончался в Париже. Алексей Алексеевич, вернув советскому правительству 225 млн франков золотом, переведенных на его счет во французские банки для покупки оружия, некоторое время работал в советском торговом представительстве в Париже, а в 1937 г. вернулся в СССР. Работал в военных учебных заведениях. С его именем связывают создание суворовских училищ и возвращение в действующую армию погон в 1943 году. В этом же году по личному указанию И.В. Сталина получил звание генерала-лейтенанта. Умер в 1954 г. и с большими почестями похоронен на Новодевичьем кладбище [1].

Крушение монархической власти привело к серьезным социальным, политическим и экономическим потрясениям в России. Революционная волна, стремясь уничтожить старую государственность, беспощадно разрушала все ее, казавшиеся незыблемыми, основы. Грянувшие изменения коснулись и внешней разведки разломанного государства. С таким трудом созданная за рубежом агентурная сеть стремительно сокращалась и разрушалась. П.А. Игнатьев, на которого еще недавно работали мощные и разветвленные организации «Католическая», «Масонская», «Римская». «Шевалье», вспоминал: «... Все секретные организации были безоговорочно распущены, приданные им люди

рассеялись, ничего больше не существовало из того, что могло бы быть ценным для общего дела».

Однако пришедшие на волне «октябрьских событий» 1917 г. к власти большевики тоже прекрасно понимали, что без разведки не может обойтись никакое государство, тем более отстаивающее завоевания революции в условиях Гражданской войны. Поэтому в ноябре 1918 г. при создании Полевого штаба Реввоенсовета республики (РВСР) в его структуру было введено Регистрационное управление с целью координации действий разведывательных органов РККА и обобщения разведывательной информации. Этот орган, первым начальником которого был назначен С.И. Аралов, стал первым центральным органом военной агентурной разведки Красной армии, а день 5 ноября, когда об этом был подписан секретный приказ РВСР № 197/27, стал считаться днем рождения советской (теперь – российской) военной разведки.

В дальнейшем главный орган военной разведки неоднократно менял свое название и подчинение: Разведуправление штаба РККА (1921 г.), Разведывательный отдел Управления 1-го помощника начальника Штаба РККА (1922 г.), IV Управление Штаба РККА (1926 г.), Информационно-статистическое управление РККА, Разведуправление РККА (1934 г.), 5-е Управление Наркомата обороны СССР (1939 г.), Разведывательное управление Генерального штаба Красной Армии (1940 г.)

Первоначально советской военной разведкой руководил Арвид Янович Зейбот (1921–1924 гг.), а затем по его рекомендации руководством страны на этот пост был назначен Я.К. Берзин, 11 лет (1924–1935 гг.) возглавлявший эту важную военно-государственную структуру [10; 14]. Благодаря высоким профессиональным и человеческим качествам этого человека советская разведка достигла значительных успехов: был создан высококвалифицированный центральный аппарат РУ, сформирована информационная сеть в ряде стран Европы.

Параллельно с военной разведкой создавалась вторая составная часть этого важнейшего направления государственной жизнедеятельности – политическая разведка. 20 декабря 1920 г. председатель Всероссийской чрезвычайной комиссии Ф.Э. Дзержинский подписал приказ № 169 о создании Иностранного отдела ВЧК. В последствии эта структура именовалась ИНО ОГПУ (1923–1934 гг.), 7-м отделом Главного управления государственной безопасности (1934–1939 гг.), 1-м управлением НКГБ, 1-м управлением НКВД (1941–1943 гг.). Ее внутренней функцией было выявление направленных против СССР заговоров, диверсионной и террористической деятельности. Внешняя функция первоначально ориентировалась на борьбу против белой эмиграции, в проникновении и в разложении которой были достигнуты значительные результаты [9].

Подобный «дуализм» объективно порождал соперничество этих спецслужб, стремление (порой агрессивное) занять ведущее место в государ-

ственной системе. Но он не являлся специфической чертой только советской разведки. Как показывает международная практика «множественные» разведывательные службы существовали и существуют во многих государствах. Соревнуясь между собой, они расширяют границы информативной источниковой базы, совершенствуют формы и методы работы, используют опыт деятельности конкурирующей организации, что в целом позитивно отражается на их функциональных возможностях и достигаемых результатах. Примером подобного «дуализма» является деятельность Абвера и РСХА (VI управления Главного управления имперской безопасности) в фашистской Германии времен II Мировой войны, или функционирование Разведывательного сообщества США на современном этапе, включающего 17 государственных учреждений, занимающихся разведкой, в том числе Центральное разведывательное управление (ЦРУ) и Агентство национальной безопасности (АНБ).

Советские разведывательные спецслужбы заработали в полную мощь в 1930-е гг., создав за рубежом эффективные сети, обеспечивавшие регулярный информационный поток. Военная разведка свою легальную сеть имела в виде атташе в составе посольств, именовавшихся тогда полпредствами. Они вели «официальную» военную разведку, т.е. сбор данных о вооруженных силах изучаемого государства. Одновременно разведчики в качестве легальных представителей направлялись под «крыши» недипломатических учреждений («Интурист», ВОКС и т. д.).

Третьей составной частью аппарата военной разведки были нелегальные резидентуры. Как правило, они возглавлялись военными офицерами, проживающими с иностранным паспортом под чужим именем. После прихода к власти в Германии фашистов (1933 г.) большинство нелегальных резидентур профилировались на добыче информации о ее потенциале и реальных планах. После начала II Мировой войны их деятельность еще более активизировалась. С сентября 1939-го г. по июнь 1941-го г. количество резидентур на территории Германии увеличилось в 1,5 раза.

Подобные группы действовали в Швеции, Великобритании, Китае, Японии и США, а также в оккупированных фашистами Голландии, Болгарии, Югославии и Западной Польше. Наиболее эффективны были резидентуры Л. Треппера во Франции, А.М. Гуревича в Бельгии, Ш. Радо в Швейцарии, замаскированные под коммерческие предприятия. Связь с центром осуществлялась по радио, однако, в виду несовершенства тогдашней аппаратуры использовались и курьеры.

Примерно также действовали сотрудники политической разведки. Исключение составляло лишь то, что они, осуществляя вербовку и руководство уже существующей агентурой, не имели официальных постов и камуфлировались «под дипломатов». Нелегальные резидентуры формировались засекреченными сотрудниками НКВД-НКГБ и помимо них включали завербованных граждан иностранных государств. К 1941 г. политическая разведка СССР

имела за рубежом несколько десятков резидентур. Две работали в Германии, одну из которых возглавлял талантливый советский разведчик В.М. Зарубин [15].

Всего за границей работали 914 разведчиков, и лишь 316 из них были сотрудниками легальных резидентур.

Следует отметить, что несмотря на соперничество, имевшее место внутри советской разведки, и известное стремление чекистского руководства поставить под контроль военную разведку, обе «ветви» в ходе повседневной работы достаточно плодотворно сотрудничали. Отталкиваясь от традиций, заложенных еще во времена Берзина – Артузова, обе стороны обменивались агентами и сведениями, просили об их проверке, сообщали друг другу свои оценки и суждения по той или иной ситуации, обращались за помощью при решении возникающих проблем. В частности, когда началась война, военная разведка, сохранившая большинство своих резидентур в Германии, активно помогала восстановлению агентуры НКГБ в значительной мере утраченной в предвоенный период. Между разведслужбами возникали и конфликтные ситуации, порождавшие непонимание и напряженность, такие как, например, необоснованный арест уже после войны представителя военной разведки А.М. Гуревича («Кент»), активно работавшего с представителями знаменитой «Красной капеллы» и незаслуженно обвиненного в ее провале и измене Родине [5].

Успешной работе резидентур обеих «ветвей» советской разведки благоприятствовали факторы идеологического противостояния. Многие сотрудники спецслужб пришли на эту работу по «зову сердца», искренне считая, что реализация на практике идей коммунизма обеспечит социальный прогресс и всеобщее благоденствие, а Советский Союз – это страна, способная возглавить и повести за собой к «светлому будущему» все человечество. Так пришли в военную разведку Р. Зорге, Р. Абель, А. Дейч. Идеи пролетарской солидарности и интернационального долга определяли позиции и многих других граждан иностранных государств, шедших на сотрудничество с советской разведкой.

В то же время обе ветви советской разведки при поиске своих источников не ограничивались только идеологией. Значительную роль играли методы игры на человеческих слабостях и материальной заинтересованности. В частности, завербованный в Берлине сотрудник гестапо оберштурмфюрер СС Вилли Леман («Брайтенбах»), оператором которого был В.М. Зарубин, выдавал ценнейшую информацию о структуре, кадрах, операциях РСХА, гестапо и абвера, о военном строительстве и оборонной промышленности Германии, исключительно за денежное вознаграждение. На материальной основе строились отношения советской разведки и с немецким дипломатом, бароном Рудольфом фон Шелиа, тоже продававшим ценную информацию, в том числе о разработке гитлеровским руководством «Директивы № 21». Стремился улуч-

шить свое материальное благосостояние и выходец из древней самурайской семьи, офицер японской армии некто «Абэ». Он передавал советской разведке за вознаграждение документы Генерального штаба Японии, Главного жандармского управления, полиции, генерал-губернаторства Кореи, органов военной разведки и контрразведки [6].

Характеризуя деятельность разведывательных органов СССР в предвоенный период нельзя не отметить, что их эффективному развитию был нанесен тяжелый удар репрессиями 1937–1939 гг. В Разведуправлении и его органах было арестовано более 600 человек. Среди них – начальник РУ Я.К. Берзин, а затем и четыре сменивших его руководителя (С.П. Урицкий, С.Г. Гендин, А.Г. Орлов, И.И. Проскуров). Пострадали заместители начальника РУ, многие начальники отделов, рядовые сотрудники, руководители ряда зарубежных аппаратов.

Репрессиям подвергалась и верхушка ИНО ГУГБ. Последовательно были ликвидированы руководители ИНО (А.Х. Артузов, А.А. Слуцкий, С.М. Шпигельглас), фактически разгромлены его зарубежные резидентуры. Были отозваны в СССР и репрессированы лучшие специалисты «невидимого фронта». На их место направлялись неопытные работники из НКВД с плохо продуманными «легендами», не обладавшие хорошим знанием языка, не имевшие специальных навыков. Таким образом, в один из самых ответственных периодов существования советского государства, необоснованные репрессии привели к структурной и кадровой слабости, потере важных источников обоих видов разведки.

И все же, как ни была ослаблена советская разведка репрессиями, обе ее части продолжали работать и добывать важнейшую информацию о намерениях Германии и ее союзников, о действиях англо-французского блока и ряда других стран. По линии РУ продолжали успешно функционировать в рамках нелегальной сети агенты «Альта» (в Германии), «Кент» (в Бельгии), «Отто» и «Золя» (во Франции), «Дора» (в Швейцарии), «Рамзай» (в Японии), «Гарри» и «Соня» (в Англии). По линии НКГБ практически была восстановлена резидентура в Германии, в составе которой активно действовал советский разведчик А.М. Коротков («Эрдберг»). Сохранились важнейшие источники информации «Старшина», «Корсиканец», «Брайтенбах», «Юна», «Грек», «Зенхен» и другие [12].

С июня 1939 г. по май 1940 г. советской разведсетью было охвачено 32 страны, где действовали 116 резидентур, а к началу войны резидентуры имелись уже 45 странах. За период с июня 1940 года по июнь 1941 г. разведка передала более 300 конкретных сообщений, подтверждающих намерения фашистского руководства Германии начать военную агрессию против Советского Союза, в их числе всем известные предупреждения агентов «Альта» (И. Штёбе), «Ариец» (Р. фон Шелиа), «Рамзай» (Р. Зорге) и других разведистов.

Кроме обширной информации советских разведчиков, поступающей из-за рубежа (шифротелеграмм, разведсводок, разведсообщений и т.п.), военно-политическому руководству страны докладывались и аналитические документы. В частности, 20 марта 1941 г. начальник РУ Генштаба Красной армии генерал-лейтенант Ф.И. Голиков сделал доклад под названием «Высказывания, [оргмероприятия] и варианты боевых действий Германской армии против СССР» в котором обобщались данные всех видов разведки, рассматривались три варианта нападения Германии на СССР и указывалось, что возможным сроком вторжения может быть период с 15 мая по 15 июня 1941 г. Представленный в докладе третий вариант возможного развития событий практически показывал план «Барбаросса», который немцы применили при нападении на Советский Союз 22 июня 1941 года¹ [16].

Подобного рода сведения содержались и в докладе военного атташе в Германии генерала В.И. Тупикова, направленном 9 мая 1941 г. наркомун обороны С.К. Тимошенко и начальнику Генштаба Г.К. Жукову. Документ фактически вновь излагал действия немецких армий в соответствии с планом «Барбаросса» и указывал, что разгром Красной армии и захват Москвы враг планирует осуществить в 1 – 1,5 месяца.

Следует отметить, что если доклад Ф.И. Голикова, очевидно в угоду всем известной концепции И.В. Сталина, при всей важности доложенных фактов, завершался странными выводами о их дезинформационной сущности и возможности нападения Германии на СССР только после победы над Англией, то доклад В.И. Тупикова безоговорочно предупреждал о необходимости принятия всех необходимых мер для отражения готовившейся агрессии.

Таким образом, можно смело утверждать, что несмотря на серьезные проблемы объективного и субъективного характера советская разведка в годы, предшествующие II Мировой войне в целом выполнила поставленные перед ней задачи. Удалось создать обширную, активно работающую агентурную сеть и получить достаточный объем информации, позволявший при правильном ее понимании и рациональном использовании сделать объективные выводы об истинных планах фашистской Германии и эффективно использовать их в организации обороны Советского Союза. Оценивая уровень профессионализма советской разведки, один из руководителей немецкой разведслужбы времен II Мировой войны, ближайший сподвижник знаменитого руководителя Абвера адмирала Вильгельма Канариса, Оскар Райле отмечал, что равной по силе и возможностям шпионской организации в тот промежуток времени не имела никакая другая страна мира [13].

Другое дело, что разведка является лишь предпосылкой эффективной государственной политики. Решающим же фактором этой эффективности является способность государства максимально использовать имеющиеся

разведанные. К сожалению, высшее руководство СССР не сумело в полной мере результативно воспользоваться имевшимся объемом разведывательной информации, что породило серьезные военно-политические ошибки и привело к поражениям Красной Армии в начале Великой Отечественной войны.

Библиографический список:

1. *Авдеев В.А., Карпов В.Н.* Секретная миссия в Париже. Граф Игнатъев против немецкой разведки в 1915–1917 гг. – М., 2009.
2. *Алексеев М.* Военная разведка России от Рюрика до Николая II. – М., 1998. Кн. 1.
3. *Алексеев М.* Военная разведка России от Рюрика до Николая II. – М., 1998. Кн. II.
4. Генеральный штаб Российской армии: история и современность. – М., 2006.
5. *Гуревич А.М.* Разведка – это не игра. Мемуары советского резидента Кента. – СПб, 2007.
6. История Российской внешней разведки. Т. III. 1933–1941 гг. – М., 2014.
7. *Каширин В.Б.* Дозорные на Балканах. – М., 2014.
8. *Колобов Б.В.* Армия и флот // Законодательство Петра I. – М., 1997.
9. *Колтакиди А.И., Прохоров Д.П.* Все о внешней разведке. – М., 2002.
10. *Кочик В.* Советская военная разведка: структура и кадры // Свободная мысль, 1998. № 5–6. С. 9.
11. *Лота В.* Особенная канцелярия // Родина. 2012. № 10. С. 6–9.
12. Разведка и контрразведка в лицах. Энциклопедический словарь. – М., 2002.
13. *Райле О.* Секретные операции абвера. Тайная война немецкой разведки на Востоке и Западе. 1921 – 1945. – М., 2002.
14. *Серов Е., Волгин В.* Тайны военной разведки. 1918 – 1945 гг. // Армия. 1995. № 19–20.
15. *Ставинский Э.* Зарубины. Семейная резиденция. – М., 2003.
16. Энциклопедия секретных служб России. – М., 2004.

A.V. Speranskiy

Doctor of historical Sciences, Professor, Head of Department of political and socio-cultural history, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of RAS, (Yekaterinburg, Russia)

FOREIGN INTELLIGENCE IN THE SYSTEM OF NATIONAL SECURITY IN RUSSIA: TRANSFORMATION OF AGENCIES AND MODELS OF ADMINISTRATION

The paper analyses process of formation and development of intelligence in Russia as the most important component of the national security system from the

¹ Центральный архив министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Ф. 14750, Д. 1, ЛЛ. 12 – 21.

time of Old Russian state to the period of strengthening of the Soviet political system in the 1930s. The paper also presents main government agencies engaged in intelligence activities in different periods of Russian history. The paper characterizes models of administration of foreign intelligence before and during the First World War as well as in the Soviet period, preceding the Great Patriotic War.

Keywords: state security agencies, intelligence, spy, intelligence information, disinformation, residence, intelligence network.

УДК 94(470)«19»

*Артёмов Е.Т.**

ОРГАНЫ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ В РЕШЕНИИ ЗАДАЧ АТОМНОГО ПРОЕКТА СССР

В статье дается характеристика места и роли органов госбезопасности в советском атомном проекте. Анализируется их работа по использованию развединформации, обеспечению безопасности и охраны атомных объектов, осуществлению контроля за выполнением принимавшихся решений. Делается вывод о том, что они внесли весомый вклад в успешную реализацию атомного проекта.

Ключевые слова: атомный проект СССР, органы государственной безопасности, Специальный комитет при Совете Министров СССР, Первое главное управление, Бюро № 2, уполномоченные Совета Министров СССР

В советской послевоенной истории не так много примеров решения задач «государственной важности», однозначно признаваемых успешными. К ним, несомненно, относится атомный проект. Его реализация ознаменовалась выдающимися прорывами в науке, технике, производстве. Это стало материальной основой для беспрецедентного наращивания советской военной мощи и превращения СССР в мировую «сверхдержаву». Сегодня атомному проекту посвящена обширная литература. Однако было бы преждевременно говорить об «исчерпании» темы. В изучении многих аспектов «атомной эпопеи» сделаны лишь первые шаги. Речь, в частности, идет о роли органов госбезопасности в решении задач атомного проекта. Несмотря на солидный историографический задел, целостная картина их многогранной деятельности пока не складывается [8; 9, с. 70–86; 12; 11; 4]. И в настоящем докладе делается попытка хотя бы частично восполнить этот пробел, опираясь на недавно ставшие доступными документы и материалы.

Достижение генеральной цели атомного проекта осуществлялось посредством последовательного решения конкретных задач. Сначала все усилия были направлены на освоение ядерных технологий, на определение путей и способов организации работы. Затем, наступил черед создания сырьевой базы атомной индустрии и развертывания производства «ядерной взрывчатки», конструирования опытного атомного заряда. Его успешное испытание 29 августа 1949 г. позволило развернуть серийное изготовление «изделий». Для этого потребовалось многократно увеличить добычу ураносодержащего сырья и выпуск делящихся материалов (плутония и урана-235). Одновременно перешли к разработке новых видов атомных боеприпасов. В результате к

* Артёмов Евгений Тимофеевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия; iia-history@mail.ru

1953 г. советский ядерно-оружейный комплекс вышел на самостоятельную траекторию развития. Ярким свидетельством его растущих возможностей стало создание принципиально нового класса оружия. Сначала это была т. н. «сахаровская слойка», а затем — «настоящие», двухстадийные термоядерные заряды. Их «запустили в серию» во второй половине 1950-х гг. Тогда же завершилось формирование военной составляющей ядерно-оружейного комплекса, отвечавшей за испытания и приемку «готовых изделий», их хранение и подготовку к боевому применению в случае решения политического руководства [1, с. 139–141].

На всех этапах атомного проекта органы госбезопасности решали значимые задачи. Внешняя разведка снабжала разработчиков ядерного оружия сведениями о найденных за рубежом решениях конкретных научно-технических проблем, участвовала в отборе стратегических целей для атомной бомбардировки. Контрразведывательные подразделения обеспечивали безопасность и охрану атомных объектов. Но этим дело не ограничивалось. Сотрудники госбезопасности контролировали выполнение правительственных заданий по созданию ядерно-оружейного комплекса и оказывали помощь организациям атомной отрасли в их взаимодействии со «смежниками». Особо спецслужбы «отличались» на стадии «запуска» атомного проекта. По сути, они инициировали принятие соответствующего решения. Дело в том, что в начале Великой Отечественной войны Советский Союз свернул все работы по овладению атомной энергией. Их отнесли к не имеющим «актуального значения для обороны страны». Однако за рубежом пришли к выводу о возможности создания атомной бомбы. Эту информацию удалось получить советской разведке. Ее довели до В.М. Молотова и тот, несмотря на скептическое отношение руководителей советской физики взял на себя ответственность за начало работы над ядерным оружием [3, с. 269–272].

Ее перспективы были определены с учетом «добытых» разведматериалов. По заключению научного руководителя атомного проекта академика И.В. Курчатова, их использование позволило «миновать многие весьма трудоемкие фазы разработки проблемы и узнать о новых научных и технических путях ее разработки» [5, с. 314]. Разумеется, речь не шла о простом копировании зарубежных «секретов». Их освоение рассматривалось как отправной шаг в совершенствовании «заимствованных» технологий. Таким образом, рассчитывали перейти и действительно перешли от «догоняющей», «имитационной» модели развития ядерно-оружейного комплекса к модели «инновационной». И нужно признать, что в решение этой задачи органы госбезопасности внесли свой весомый вклад.

Общее руководство «закордонной разведывательной работой» по получению информации «об урановой промышленности и атомным бомбам» осуществлял руководитель атомного проекта Л.П. Берия [6, с. 13]. Ему непосредственно подчинялось т. н. Бюро № 2, укомплектованное офицерами

госбезопасности и «вольнораемными» научными сотрудниками. По запросам разработчиков ядерного оружия оно формулировало задания разведорганам, переводило и осуществляло предварительный анализ поступивших от них материалов. Подготовленные сотрудниками Бюро № 2 обзоры развединформации докладывались на заседаниях Научно-технического совета Первого главного управления (исполнительного органа атомного проекта). После их детального обсуждения принимались согласованные решения. Затем, Научно-технический совет доводил свои рекомендации до «заинтересованных» организаций и предприятий. К первичным разведматериалам допуск имел только И.В. Курчатова. По его представлению и по личному разрешению Л.П. Берии с ними могли знакомить других ведущих специалистов. Судя по всему, похожий порядок работы сохранился и после отстранения последнего от руководства атомным проектом.

Организацией знакомства с особо ценной развединформацией и вопросами ее использования Л.П. Берия занимался лично. Так, в частности случилось со сведениями, поступившими весной 1948 г. в Бюро № 2. Это были данные о конструкции «дейтериевой сверхбомбы» (водородная бомба, которая в дальнейшем разрабатывалась под индексом РДС-6Г, впрочем, оказавшейся тупиковым направлением) и атомных бомб композитного типа, содержащих плутоний и уран-235. С ними сразу же ознакомили Л.П. Берия, и он дал следующее указание: «Тт. Ванникову и Курчатову тщательно проанализировать материалы и в течение 2 – 3 дней доложить свое заключение... какие поправки (в смысле ускорения) надо внести в принятый план исследовательских и конструкторских работ». Естественно, это задание было выполнено точно в установленный срок. Берия лично утвердил предложения Ванникова и Курчатова, что послужило основанием для существенной корректировки перспективных планов создания ядерного оружия [2, с. 124, 125].

О методах и масштабах работы по защите «своих» атомных «секретов» судить сложно: прямые документальные свидетельства недоступны исследователям. Из опубликованных материалов известно, что за подбор кадров, обеспечение охраны и секретности в Первом главном управлении отвечал заместитель его начальника генерал-лейтенант П.Я. Мешик. Для контрразведывательной деятельности в атомной промышленности в Министерстве госбезопасности был создан специальный отдел (отдел «К»), начальник – полковник И.С. Писарев, затем – полковник А.М. Иванов). За охрану отдельных предприятий и их «ограждение от шпионажа, диверсий и проникновения вражеской агентуры» отвечали т.н. «уполномоченные» Совета Министров СССР, назначавшиеся из числа офицеров и генералов госбезопасности [6, с. 29, 30, 420, 421, 466–470, 500–502; 10, с. 140, 231]. Все эти службы в оперативном отношении подчинялись высшему руководству атомного проекта. И работы им – судя по всему – хватало. Косвенное подтверждение сказанному содержится в документах, рассекреченных в США в 1990-е годы. Это так называ-

емые Национальные разведывательные оценки. Исследователи, знакомые с ними, отмечают, что американские спецслужбы неплохо ориентировались в ходе реализации советского атомного проекта. Так, после испытания первой атомной бомбы, они смогли правильно оценить перспективы развертывания серийного производства ядерных боезарядов. Вполне вероятно, что для получения необходимых для этого сведений использовались не только технические средства [2, с. 101, 132]. Но как бы там ни было, пресечение утечки информации несомненно являлось значимой проблемой. И органы безопасности несли за это всю полноту ответственности.

Их сотрудники также участвовали в решении содержательных задач атомного проекта. Те же «уполномоченные» были обязаны контролировать выполнение соответствующих «заданий Правительства». В случае выявления каких-либо «неувязок» они имели право инициировать санкции в отношении «нерадивых» работников. В результате, по словам многолетнего министра среднего машиностроения Е.П. Славского, работа в атомном проекте было сродни «хождению по лезвию бритвы. Малейший сбой — жизнью рискуешь» [13, с. 17- 20]. Но с другой стороны, такой порядок обеспечил высокий уровень исполнительской дисциплины. Вместе с тем, не только угроза наказания побуждала участников атомного проекта ответственно относиться к делу. Важную роль в мотивации всех категорий персонала играла уверенность в его значимости и для судеб страны. Что же касается санкций, то они применялись выборочно. В отношении ответственных руководителей, допустивших «сбои», уголовные дела заводились весьма редко. Как правило, хватало их вызова в руководящие инстанции атомного проекта. После состоявшихся там объяснений, они были готовы на все, чтобы «незамедлительно» устранить выявленные «просчеты и недостатки».

Как осуществлялся контроль выполнения «заданий Правительства» хорошо иллюстрирует пример с созданием первого советского термоядерного заряда. Сначала работа велась по двум направлениям. Первое возглавлял Я.Б. Зельдович, а второе – И.Е. Тамм. Затем выяснилось, что физическая схема, предложенная группой Тамма, более перспективна. Поэтому высшее руководство атомного проекта решило сосредоточиться на ее реализации: конструировании заряда РДС-6с («слойки»). Однако в КБ-11, где велись эти работы, по существу проигнорировали соответствующее постановление Совмина СССР. В результате произошло распыление сил, что поставило под угрозу его своевременное выполнение. Отставание от установленных сроков разработки «слойки» сразу же зафиксировал «уполномоченный» при КБ-11 полковник В. Детнев и доложил об этом лично Л.П. Берии. Он обвинил научного руководителя и главного конструктора КБ-11 Ю.Б. Харитона в неправомерной поддержке тематики, признанной неперспективной. Я.Б. Зельдовичу вообще инкриминировали стремление добиться, вопреки интересам дела, «первенства... в противовес тт. Сахарову А.Д. и Тамму И.Е., предложившим

РДС-6с» [7, с. 454–456]. Назревал грандиозный скандал. Несанкционированное изменение приоритетов, повлекшее за собой задержку в разработке «изделия», рассматривалось как «саботаж» или «вредительство». Инициаторов такого шага и руководителей, вовремя их «не поправивших», следовало, в соответствии с «установленным порядком», привлечь к уголовной ответственности. Но никто из влиятельных фигур атомного проекта в этом не был заинтересован. Л.П. Берия также решил, что дальнейшее разбирательство нецелесообразно. Дав «ход» делу, можно было потерять ценных специалистов. Поэтому отклонение от установленного графика работ связали с «нераспорядительностью» Первого главного управления и КБ-11. Их руководителям «поставили на вид» и обязали в трехмесячный срок исправить положение. Разумеется, все необходимое было сделано даже с опережением [2, с. 136, 137]. Этот, казалось бы, частный пример проясняет важную особенность организации работы в рамках атомного проекта. С одной стороны, она разворачивалась сразу по нескольким направлениям. И только по ходу делался вывод где нужно сосредоточить усилия. Так появлялась конкуренция, позволявшая ускорить выход на конечный результат. С другой стороны, за деятельностью непосредственных исполнителей пристально «наблюдали» «уполномоченные». В случае каких-либо «отклонений», они сразу докладывали «по инстанции». А поскольку и исполнители, и контролеры подчинялись только высшему руководству атомного проекта – Специальному комитету при Совмине СССР во главе с Л.П. Берией – то меры по устранению выявленных «недостатков» ни с кем не согласовывались и принимались «незамедлительно». Подобной централизации управленческих и контрольных функций в советской экономике прежде не практиковалось. Но она обеспечила «неукоснительное» исполнение решений, принимаемых на «самом» верху. И это стало залогом успеха реализации атомного проекта.

Библиографический список:

1. *Артемов Е.Т.* Советский атомный проект: слагаемые успеха // Российская история. 2017. № 6. С. 138–154.
2. *Артемов Е.Т.* Атомный проект в координатах сталинской экономики. – М., 2017.
3. *Артемов Е.Т.* Советский атомный проект в системе «командной экономики» // Cahiers du Monde Russe. 2014. 55/3 – 4, juillet-décembre. P. 267–294.
4. *Артемов Е.Т., Волошин Н.П.* Роль зарубежного опыта в реализации советского атомного проекта // Экономическая история. Ежегодник. 2014/15. – М., 2016. С. 465–491.
5. Атомный проект СССР: документы и материалы. – М., 1998. Т. 1, ч. 1.
6. Атомный проект СССР: документы и материалы. – М., 1999. Т. 2, кн. 1.
7. Атомный проект СССР: документы и материалы. – М., 2007. Т. 2, кн. 7.

8. Гоголь В.А., Адрьянов В.И. Бомба для Сталина. Внешняя разведка России в операциях стратегического масштаба. – М., 1993.

9. Круглов А.К. Штаб Атомпрома. – М., 1998.

10. Лубянка: органы ВЧК–ОГПУ–МГБ–МВД–КГБ. 1917–1991. Справочник. – М., 2003.

11. Некрасов В.Ф. НКВД–МВД и атом. – М., 2007.

12. Полунин В.В., Староверов В.А. Спецслужбы в советском атомном проекте 1945–1953 гг. // Атомный век: события, люди, дела. – М., 2005. С. 434–452.

13. Славский Е.П. Из рассказов старого атомщика // Е.П. Славский: Страницы жизни. – М., 1998. С. 6–42.

E. T. Artemov

Doctor of Sciences (History), Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Yekaterinburg, Russia)

THE ROLE OF STATE SECURITY AGENCIES IN REALIZATION OF NUCLEAR PROJECT IN THE USSR

The paper characterizes role and place of the state security agencies in the Soviet nuclear project. The author analyzes their contribution in using of intelligence data, nuclear facilities safety and security arrangements, control over implementation of the government resolutions. The author draws a conclusion about their significant contribution to successful implementation of the nuclear project.

Keywords: Soviet nuclear project, state security agencies, Special Committee of Council of Ministers of the USSR, the First Chief Directorate, Bureau No. 2, representatives of Council of Ministers of the USSR

УДК 94(47).084.9

Трофимов А.В.*

РОЛЬ КГБ СССР В ОБЕСПЕЧЕНИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ

Рассмотрены направления деятельности КГБ СССР в 1950–1980-е гг. в контексте обеспечения экономической безопасности страны. Обращается внимание на два основных контура: внешний, обусловленный «холодной войной» и внутренний, включающий широкий спектр мероприятий в области обеспечения реализации социально-экономической политики советского государства.

Ключевые слова: экономическая безопасность, КГБ СССР.

Важнейшей для категории национальной безопасности суверенного государства является экономическая составляющая. Под экономической безопасностью понимают совокупность условий и факторов, обеспечивающих независимость национальной экономики, ее стабильность и устойчивость, способность к постоянному обновлению и самосовершенствованию. В ее обеспечении важнейшая роль принадлежит органам государственной безопасности. В последние годы, несмотря на понятные ограничения в использовании источниковой базы, появились работы, раскрывающие основные направления и аспекты деятельности органов государственной безопасности в 1950–1980-е гг., в том числе рассматривающие и ее экономическую составляющую [1, 2, 7, 7, 9, 10, 13, 15].

В Советском Союзе Комитет государственной безопасности являлся ключевым инструментом в проведении государственной политики и обеспечении стабильности экономической системы, купирования внешних и внутренних угроз. Основными задачами КГБ являлись: выявление военной угрозы нападения на СССР; добыча информации о военном, экономическом, политическом потенциале иностранных государств; отслеживание тенденций развития социально-политической обстановки в различных регионах мира, содействие партии в проведении ее внешней и внутренней политики, выявление и пресечение подрывной деятельности иностранных спецслужб, заграничных антисоветских центров и враждебных элементов внутри страны, предотвращение и прекращение государственных преступлений, защита тайн, профилактика антиобщественных действий, наносящих вред государственной безопасности, охрана границ, обеспечение личной безопасности руководителей КПСС и СССР, обеспечение правительственной связи.

* Трофимов Андрей Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и философии Уральского государственного экономического университета, Екатеринбург, Россия; 2519612@rambler.ru

С момента создания КГБ СССР (1954 г.) экономической контрразведкой и обеспечением промышленной безопасности занималось шестое управление (ликвидировано в 1960 г.). Восстановлено решением Коллегии КГБ «О мерах по усилению контрразведывательной работы по защите экономики страны от подрывных действий противника» (1982 г.). Ранее эти задачи решали 9-й, 11-й и 19-й отделы Второго Главного управления, а с 1980 г. – Управление «П» в составе этого же Главка.

В деятельности органов государственной безопасности можно выделить два основных контура: внешний, обусловленный «холодной войной» и внутренний, включающий широкий спектр мероприятий в обеспечении реализации социально-экономической политики советского государства, борьбу с теневой экономикой, коррупцией, девиантными экономическими стратегиями и моделями поведения населения и др.

В первом контуре органами госбезопасности проводилась работа как по предотвращению диверсионной деятельности со стороны вероятного противника, так и по добыванию технологических секретов, которые использовались в первую очередь в оборонно-промышленном комплексе. В условиях «холодной войны» экономическое противостояние двух систем происходило в двух плоскостях. В первой из них капитализм и социализм соревновались в экономической эффективности и привлекательности своих социально-экономических моделей и здесь одним из инструментов была контрпропаганда. Важнейшей составляющей было также своевременное и точное информирование политических и экономических акторов о состоянии и перспективах развития экономического потенциала и военно-промышленного комплекса вероятного противника. Во второй плоскости, спецслужбы использовали различные инструменты и методы с целью предотвращения экономических диверсий, охраны технологических секретов, дезинформации противника.

Отчитываясь о проделанной после XX съезда КПСС работе, председатель КГБ при СМ СССР И.А. Серов докладывал в ЦК КПСС в июне 1957 г.: «За последние три года органами безопасности при активной помощи советского народа были пойманы на советской территории десятки шпионов, проникших нелегальным путем (морем, воздухом, через сухопутные границы), у которых были изъяты радиостанции, оружие, фотоаппараты, средства тайнописи, яды, фиктивные документы и значительные суммы советских денег и иностранной валюты. По изъятым у этих шпионов документам и по их личным показаниям, а также по материалам, полученным нами из других источников, видно, что разведки капиталистических государств всеми силами стремятся добывать сведения о наших вооруженных силах, о новой технике и достижениях советской науки, пытаются проникнуть в важные промышленные центры страны и объекты оборонного значения и атомной промышленности» [5, с. 690–691].

В записке в ЦК КПСС по итогам работы КГБ в июне 1957 г. И.А. Серов также отмечал, что в ЦК КПСС (Н.С. Хрущеву) было направлено 2 тыс. 508 информационных сообщений, полученных от резидентур ПГУ за рубежом, 2 тыс. 316 сообщений было направлено в Совет министров, также разведывательная информация направлялась в отдел ЦК КПСС по внешним связям, в министерства обороны, иностранных дел, внешней торговли, среднего машиностроения и здравоохранения [14].

Информируя ЦК КПСС о результатах работы КГБ за 1967 г. Ю.В. Андропов сообщал: «Всего резидентурами КГБ было получено 25 тыс. 645 информационных материалов, и еще 7 тыс. 290 материалов поступило в порядке обмена материалами от разведок социалистических государств [...] На основании полученных ПГУ КГБ СССР материалов в ЦК КПСС было направлено 4 тыс. 260 информационных сообщений, дополнительно в линейно-функциональные отделы ЦК КПСС было направлено 4 тыс. 728 сообщений, в МИД – 4 тыс. 832, в министерство обороны и ГРУ – 4 тыс. 639. Дополнительно членам Политбюро были направлены 42 бюллетеня внешнеполитической развединформации. Помимо этого, в различные министерства и ведомства СССР было направлено 1 тыс. 495 информаций, 9 тыс. 910 материалов и 1 тыс. 403 образца техники, по заданиям Военно-промышленной комиссии было добыто 1 тыс. 376 работ по 210 темам и более 330 образцов техники» [14].

Во внутреннем контуре деятельность КГБ СССР способствовала сохранению стабильности существующей социально-экономической системы, включала борьбу с «теневой экономикой», организованной преступностью, информирование органов партийно-государственной власти о состоянии общественного сознания, настроениях населения и т.д.

Усиление внимания органов госбезопасности к экономической составляющей было связано как, с трансформацией мобилизационной модели развития, так и с тенденциями, свидетельствующими о стремлении создать некапиталистический вариант «потребительского общества» в Советском Союзе. Одной из обозначившихся тенденций стало стремление к легкому и быстрому обогащению. Нараставший масштаб проблемы привел к тому, что в 1960 г. в ведение КГБ были переданы уголовные дела, связанные с незаконными валютными операциями, контрабандой, хищениями социалистической собственности в крупных размерах. В дальнейшем расхитителям социалистической собственности и нарушителям правил валютных операций грозили суровые меры наказания, вплоть до расстрела. Количество смертных приговоров в 1961 г., когда была введена смертная казнь за экономические преступления, выросло по сравнению с 1960 г. более чем втрое – до 1990. В 1962 г. высшая мера наказания была применена 2 тыс. 159 раз. Всего с ноября 1962 г. по июль 1963 г. в СССР прошло более 80 «хозяйственных» процессов и на них было вынесено 163 смертных приговора.

На 1983 г. выпала «рекордная» цифра приговоренных к высшей мере наказания – 488 человек. Однако уже в 1984 г. началось постепенное снижение этого показателя: до 448 человек. В 1985 г. – до 407 человек [2]. Известность и общественный резонанс получили, раскрытые органами госбезопасности дела: «валютчиков», ограбление госбанка в Ереване в 1977 г., «рыбное», «хлопковое» и др.

Еще одним направлением, опосредованно связанным с экономическим поведением населения, являлась борьба с антисоветской агитацией и пропагандой. В 1956–1960 гг., за антисоветскую агитацию и пропаганду (по статье 58-10 УК РСФСР 1928 г.) было осуждено 4 тыс. 676 человек, в 1961–1965 гг. по статье 70 УК РСФСР 1958 г. – 1 тыс. 072, в 1966–1970 гг. – 295, а в 1981–1985 гг. – 150 человек. Всего же, приводятся данные о том, что по статьям 70 («Антисоветская агитация и пропаганда») и 190-1 («Распространение заведомо ложных сведений, порочащих советский государственный и общественный строй») Уголовного кодекса РСФСР, с 1966 г. по 1986 г. были осуждены 2 тыс. 468 человек [12]. В декабре 1987 г. КГБ СССР обратился с предложением в ЦК КПСС освободить от уголовной ответственности 401 осужденного и 23 подследственных по этим же статьям [8].

Одним из направлений в деятельности органов государственной безопасности являлась профилактика преступлений и политически вредных правонарушений. Как отмечалось в решении одной из Коллегий КГБ СССР за 1968 г., в работе по линии борьбы с идеологической диверсией «следует исходить из того, что результатом профилактической работы должно быть предупреждение преступлений, перевоспитание человека, устранение причин, порождающих политически вредные проявления. Задачи борьбы против идеологической диверсии противника будут решаться в тесном контакте с партийными органами в центре и на местах, под их непосредственным руководством и контролем» [14].

Оценивая роль КГБ СССР в обеспечении экономической безопасности страны, отметим: 1) необходимость проведения дальнейших исследований, по мере введения научный оборот новых источников; 2) высокую эффективность этой деятельности на внешнем контуре, обеспечившем экономический суверенитет СССР и высокий уровень обороноспособности; 3) во внутреннем контуре эта роль в полной мере выполнена не была, поскольку не стало того государства и той социально-экономической модели, поддерживать которые призваны были органы госбезопасности СССР; 4) существовавший кадровый потенциал и накопленный опыт защиты экономической безопасности страны позволили избежать более разрушительных последствий трансформации советской социально-экономической модели в постсоветскую в 1990-е годы.

Библиографический список:

1. *Алидин В.И.* Государственная безопасность и время (1951–1986). – М., 2001.
2. *Болдовский К.А.* «Нездоровые и антисоветские проявления...»: справка Управления КГБ при Совете Министров СССР по Ленинградской области от 27 июля 1964 г. // *Новейшая история России.* 2012. №1. С. 248–258.
3. *Богданов С.В.* Хозяйственная преступность в СССР в годы перестройки [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://21biz.ru/vlast-i-ekonomicheskaya-prestupnost-v-sssr-v-period-perestrojki/>
4. Исторические чтения на Лубянке. – М., 2003.
5. Лубянка. Органы ВЧК – ОГПУ – НКВД – НКГБ – МГБ – МВД – КГБ. 1917 – 1991. Справочник. – М., 2003.
6. Лубянка: обеспечение экономической безопасности государства. – Сборник. – М., 2002.
7. *Пожаров А.И.* Противоречия и споры в историографии деятельности советских органов госбезопасности в период 1953–1964 гг. // *Диалог со временем.* 2010. Вып. 32. С. 279–307.
8. *Смыкалин А.С.* Идеологический контроль и Пятое управление КГБ СССР в 1967–1989 гг. // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rabkrin.org/smykalin-a-s-ideologicheskij-kontrol-i-pyatoe-upravlenie-kgb-sssr-v-1967-1989-gg-statya>.
9. *Тростин Е.А., Холодов С.А.* ОБХСС. МВД. КГБ. Краткий курс экономической преступности. – М., 2018.
10. *Удилов В.Н.* Теракты и диверсии в СССР. – М., 2011.
11. *Федор Дж.* Традиции чекистов от Ленина до Путина. Культ государственной безопасности. – СПб., 2012.
12. *Хлобустов О.М.* «Диссиденты» и идеологические диверсии империализма [Электронный ресурс]. Режим доступа: // http://samlib.ru/h/hlobustow_o_m/disscia.shtml.
13. *Хлобустов О.М.* КГБ СССР 1954–1991 гг. Тайны гибели Великой державы. – М., 2012.
14. *Хлобустов О.М.* КГБ: страницы истории [Электронный ресурс]. Режим доступа: // <http://www.chekist.ru/article/961>.
15. Экономические представления и модели поведения уральского населения (1917–1991 гг.): сборник документов и материалов. Екатеринбург, 2015.

A.V. Trofimov

Doctor of Sciences (History), Professor, Chair of History and Philosophy, Ural State University of Economics (Yekaterinburg, Russia)

THE ROLE OF THE KGB OF USSR IN ECONOMIC SECURITY OF THE COUNTRY

The paper analyses directions of activity of the KGB of the USSR in 1950 – 1980-ies in the context of economic security of the country. The author of paper focuses on two main contours: external, caused by the “Cold war”, and internal, including a wide range of activities in the field of ensuring the implementation of socio-economic policy of the Soviet state.

Keywords: economic security, KGB of the USSR.

Раздел II

ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ ВОЙН И РЕВОЛЮЦИЙ

УДК 94(47).084.3

*Вебер М.И.**

НОВЫЕ ФАКТЫ О БИОГРАФИИ ЧЕКИСТКИ Г.Н. ШТАЛЬБЕРГ

Впервые публикуются автобиография и другие документы о деятельности одного из руководящих сотрудников советских органов госбезопасности на Урале в годы Гражданской войны – заместителя председателя Екатеринбургской губернской ЧК Герты Николаевны Штальберг.

Ключевые слова: Урал, Гражданская война, ЧК, голод 1921 года, АРА.

Важной составляющей истории органов государственной безопасности являются биографии их руководителей. К сожалению, личные дела сотрудников советских органов госбезопасности в массе своей по-прежнему остаются не доступными для историков. Это существенно затрудняет работу исследователей по изучению их биографий.

Целью данной статьи является реконструкция биографии одного из руководящих сотрудников советских органов госбезопасности на Урале в годы Гражданской войны – члена коллегии Екатеринбургской губернской ЧК в 1919–1921 гг. Герты Николаевны Штальберг. В фондах 76 «Екатеринбургский губернский комитет РКП (б) (1918–1923 гг.)» и 1393 «Екатеринбургская губернская контрольная комиссия РКП (б) (1919–1923 гг.)» Центра документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО) удалось выявить ряд документов, проливающих свет на судьбу Г.Н. Штальберг. Найденные документы публикуются в приложениях к статье.

Наибольший интерес для реконструкции биографии Г.Н. Штальберг представляет ее автобиография, написанная осенью 1921 года¹. Этот документ, предназначавшийся для Екатеринбургской губернской комиссии по чистке партии, дает достаточно полное представление о социальном

* Вебер Михаил Игоревич – кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора политической и социокультурной истории Института истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия; mikeveber@mail.ru

¹ См. приложение № 1.

происхождении, образовании и жизненном пути Г.Н. Штальберг, приведем ее на работу в органах советской госбезопасности.

Как оказалось, Герта Штальберг – дочь столяра из латышского города Либавы. Она родилась 21 сентября 1896 года. Окончив гимназию и не доучившись в магистерском училище, Штальберг в 1915 г. начала свою трудовую карьеру в качестве учительницы начальных классов в сельской глубинке. Вряд ли 19-ти летняя девушка предполагала, что всего 4 года спустя ей предстоит ответственная руководящая работа в органах госбезопасности на далеком Урале. Однако, свои коррективы в жизненный путь Г.Н. Штальберг внесла Первая мировая война. В 1915 г. германская армия заняла часть Прибалтики и сотни тысяч местных жителей были вынуждены стать беженцами. Среди тех, кто бросил родной дом и вместе с волной беженцев оказался в центральных регионах Российской империи, была и Г.Н. Штальберг. Можно предположить, что тяжелые условия жизни беженцев поспособствовали радикализации политических взглядов Штальберг, которая, по ее собственному свидетельству, в этот период своей жизни даже попыталась организовать забастовку в пошивочной мастерской Всероссийского Земского союза, куда она устроилась на работу.

Октябрьская революция 1917 г., открывшая социальные лифты для миллионов выходцев из низов общества, оказала огромное влияние и на судьбу Г.Н. Штальберг. В июне 1918 г. Штальберг вступила в РКП(б). После недолгой работы в военкомате Гжатска, она поступила на службу в органы ВЧК. Первоначально Г.Н. Штальберг работала в советских органах госбезопасности в западных регионах страны – в Гжатской уездной ЧК, с января 1919 года – в Западной областной ЧК. На Урале она оказалась летом 1919 года. В июне 1919 года Г.Н. Штальберг была поручена ответственная разведывательная миссия в тылу у белых: ей поручили перейти линию фронта и пробраться из района Перми в Екатеринбург, собирая информацию об отступающей колчаковской армии. После занятия Екатеринбурга частями Красной армии Штальберг получила руководящую должность во вновь формируемой губернской ЧК – сперва она возглавила работу секретно-оперативного отдела, затем вошла в состав коллегии губЧК.

Чекист-перебежчик Г.С. Агабеков, работавший под руководством Г.Н. Штальберг в Екатеринбургской губЧК в 1920–1921 гг., в своих воспоминаниях, написанных на Западе, описал ее внешность во время работы на этом ответственном посту следующим образом: «Это молодая, не более 25-ти лет, женщина с упрямым выражением лица, со светлыми, коротко остриженными волосами и серыми мертвыми глазами. Это и есть Штальберг, третий член коллегии губчека» [1, с. 31].

Гражданская война создавала исключительно тяжелую морально-психологическую обстановку для работы сотрудников органов государственной безопасности. В первой половине 1921 г. у Г.Н. Штальберг

произошел нервный срыв. Это не осталось незамеченным региональными партийными органами, направлявшими и контролировавшими работу губернской ЧК. Сложившаяся ситуация стала предметом для обсуждения на совместном заседании Уральского областного бюро ЦК РКП(б) и Президиума Екатеринбургского губернского комитета РКП(б), на которое также были приглашены все члены коллегии губЧК.

5 июля 1921 г. Уральское областное бюро ЦК РКП(б) и Екатеринбургский губернский комитет РКП(б) отправили руководству ВЧК характеристику на членов коллегии Екатеринбургской губЧК, в которой рекомендовали снять Штальберг с должности члена коллегии губЧК и отправить ее в продолжительный отпуск для лечения и восстановления расшатанной нервной системы¹.

Результатом обращения стало отстранение Г.Н. Штальберг от работы в губернской ЧК. Несмотря на этот инцидент, Г.Н. Штальберг удалось избежать исключения из РКП(б) осенью 1921 г., когда в Екатеринбургской губернии проходила большая чистка партийных рядов. Ответственный секретарь Екатеринбургского губернского комитета РКП(б) Н.И. Уфимцев дал Штальберг положительную рекомендацию, охарактеризовав ее как «вполне безупречного» члена партии².

В 1922 г. навыки и таланты Г.Н. Штальберг вновь оказались востребованы государством – ее направили на борьбу с голодом, охватившим многие регионы Советской России. В этот период Г.Н. Штальберг работала уполномоченным по Екатеринбургской губернии Полномочного представительства правительства РСФСР при всех заграничных организациях помощи голодающим³. В задачи этого учреждения входили координация работы иностранных организаций, помогающих голодающим, между собой и с советскими органами власти, а также осуществление общего контроля деятельности иностранцев в России. Руководство Советской России опасалось, что под прикрытием работы по оказанию помощи голодающим Американская администрация помощи (АРА) и другие иностранные организации развернут активную антисоветскую деятельность. В этой связи назначение опытного сотрудника ВЧК, каковым, несомненно, являлась Г.Н. Штальберг, на должность специального уполномоченного, призванного осуществлять контроль деятельности сотрудников иностранных организаций, выглядел не случайным.

После победы над голодом Г.С. Агабеков продолжила работать в контрольно-надзорных органах Советской России. В 1930 г., по свидетельству перебежчика Г.С. Агабекова, Г.Н. Штальберг служила следователем Центральной контрольной комиссии ВКП(б) [1, с. 267]. Дальнейшая ее судьба неизвестна.

¹ См. приложение № 3.

² См. приложение № 2.

³ См. приложение № 4.

* * *

Документы публикуются в современной орфографии и пунктуации, но с сохранением основных стилистических особенностей. Сохранено авторское написание прописных и строчных букв. Слова и части слов, пропущенные или сокращенные в оригинале, восстановлены по смыслу и обозначены квадратными скобками.

Приложение № 1

Автобиография заместителя председателя Екатеринбургской губернской ЧК Г.Н. Штальберг (осень 1921 г.)

В Комиссию по очистке партии

Биография Г. Штальберг

Я уроженка Курляндской губ[ернии], гор. Либавы¹. Родилась 21 сент[ября] 1896 года, по национальности латышка. Происхожу из рабочей семьи (дочь столяра). Образование имею в размере 6 классов гимназии, которое приобрела, начиная с волостного училища и кончая самоучкой на дому. По окончании ученья была 8 мес[яцев] практиканткой в Прекульнском² 3-х кл[ассном] магистерск[ом] училище, после чего по испытании получила свидетельство учительницы начальной школы.

С января по май месяцы 1915 года состояла учительницей Газенпот-Паддернского³ вол[остного] учил[ища]. В мае того же года благодаря нашествию немцев сделалась беженкой. Около года скиталась по различным городам России, живя случайными заработками и беженским пособием. Одно время работала в пошивочной мастерской Всеросс[ийского] Земск[ого] Союза в качестве швеи и за организацию забастовки на экономической почве была уволена без права поступления в другие мастерские В[сероссийского] З[емского] С[юза].

Наконец, в июне 1916 года удалось поступить конторщицей Автомобильного Отдела В[сероссийского] З[емского] С[юза], где и проработала до зимы 1917 года. После начала готовиться на аттестат зрелости, но не сдав экзамены, уехала в г. Гжатск Смол[енской] губ[ернии]. Там же в июне 1918 года вступила в партию. Работала в военкомате, потом в Чека, сначала как делопроизводитель, потом в качестве члена Коллегии, одновременно в объединенной ячейке Чека и отряда при Чека как секретарь и

¹ Либава – ныне г. Лиепая в Латвии.

² Прекульн – ныне г. Приекуле в Латвии.

³ Газенпот Паддерн – в 1915 г. волостной центр Газенпотского уезда Курляндской губернии Российской империи.

председатель. В январе 1919 года была переведена в Западн[ую] Облaстн[ую] Чeкa, где заведовала Шифровальным Отделом, была секретарем ячейки и состояла членом бюро Женотдела при Губкоме и вела партийную и культурно-просветительную работу в профсоюзе прачек и гладильщиц. По ликвидации Облaстнoй ЧК уехала в гор. Бугульму, где недолго исполняла обяз[анности] секретаря Уездного Парткома. В июне 1919 года вместе с т. Воробьевым была отправлена Разведыв[ательным] Отделением Особ[ого] Отд[ела] 5[-й] Армии в тыл Колчака для подпольной работы.

По занятии Екатеринбургa нашими войсками стала работать в Губчека, сначала в качестве заведующей Секр[етно]-опер[ативным] Отд[елом], а потом как заместитель предгубчека.

В настоящее время Губкомом отозвана из Чека и нахожусь в распоряжении последнего.

Мою биографию никто не может удостоверить потому, что единственные люди, знающие меня с детства, недавно уехали в Латвию для подпольной работы.

При сем прилагаю удостоверение¹ о биографии моей службы.

Г. Штальберг

ЦДООСО. Ф. 1393. Оп. 1. Д. 269. Л. 2. Подлинник. Рукопись. Красные чернила.

Приложение № 2

Рекомендации, данные Г.Н. Штальберг членами РКП(б)

Тов. Штальберг охотно рекомендую как вполне безупречного и [нрзб] члена партии².

Н. Уфимцев, член партии с 1906 г.

ЦДООСО. Ф. 1393. Оп. 1. Д. 269. Л. 2. Подлинник. Рукопись. Черные чернила.

Знаю т. Штальберг с начала 1920 года и рекомендую ее как члена партии.

Член Ек[атерин]б[ургской] орг[анизации] [неразборчивая подпись]
№ 567890

ЦДООСО. Ф. 1393. Оп. 1. Д. 269. Л. 1. Подлинник. Рукопись. Синие чернила.

¹ В архивном деле отсутствует.

² Рекомендация ответственного секретаря Екатеринбургского губернского комитета РКП (б) Н.И. Уфимцева написана прямо на автобиографии Г.Н. Штальберг.

Тов. Штальберг я знаю с августа 1919 года как безусловно стойкую и преданную делу революции коммунистку-чекистку, а потому рекомендую ее в члены РКП.

Член партии с 1917 года – билет № 566639 *В. Лукоянова*
11.10. [19]21 года

ЦДООСО. Ф. 1393. Оп. 1. Д. 269. Л. 1. Подлинник. Рукопись. Черные чернила.

Приложение № 3

Характеристика членов коллегии Екатеринбургской губернской ЧК, данная Уральским областным бюро ЦК РКП (б) и Екатеринбургским губернским комитетом РКП (б) 05.07.1921

Екатеринбург 5 июля 1921 г.
№ 285

Москва, ВЧК

На Ваш телеграфный запрос дать характеристику членов Коллегии ВЧК, сообщаем: тов. ТУНГУЗКОВ¹, Предгубчека², Начособотдела³ и Начдтчк⁴, является весьма ценным работником в области этой работы. Выдержанный и активный в партийной работе. По нашему мнению, образцово выполняет директивы ВЧК в полном согласии и единодушии с Губкомом, в который избран в кандидаты на последней конференции и избирался на многих предыдущих конференциях. Поставил аппарат и работу Губчека, которая только благодаря этому может справляться с контрреволюцией весьма гибкой

¹ Так в документе. Правильно – Тунгусков.

Тунгусков Андрей Георгиевич (1888 – 1930) – высокопоставленный советский чекист. По профессии техник-механик. Во время Первой мировой войны служил на Балтийском флоте, награжден Георгиевской медалью 4-й степени. В 1919 г. председатель Вятской губЧК, затем начальник Особого отдела ВЧК при 3-й армии. 2 ноября 1919 г. назначен вместо Я.М. Юровского председателем Екатеринбургской губЧК. Совмещал эту должность с руководством Особым отделом ВЧК при 1-й армии труда и руководством дорожно-транспортной ЧК. По воспоминаниям перебежчика Г.С. Агабекова выглядел в этот период следующим образом: «Тунгусков – старый матрос, одетый и сейчас в матросскую форму, с впалыми щеками и выбитыми зубами, бритый, с редкими волосами, зачесанными назад» [1, с. 30–31]. С осени 1921 г. – полномочный представитель ВЧК на Урале. В феврале 1922 г. снят с должности и переведен руководить органами ГПУ в г. Орел. В ноябре 1922 г. исключен из партии, осужден и отправлен в феврале 1923 г. в концлагерь на Соловки. В 1930 г. расстрелян. (См.: ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 4. Л. 3; ГАСО. Ф. Р-574. Оп. 4. Д. 7. Л. 20, 25, 26).

² Предгубчека – председатель Екатеринбургской губернской ЧК.

³ Начособотдела – начальник Особого отдела ВЧК при 1-й армии труда.

⁴ Начдтчк – начальник дорожно-транспортной ЧК на железной дороге.

на Урале. Как долгое время здесь работавший и превосходно знающий уральские условия особенно ценен и незаменим именно сейчас.

ХРОМЦОВ¹ – Зав[едующий] секретно-оперативным отделом. Ценный практический работник в этой области – как организатор. Раскрытие последних заговоров и их ликвидация целиком легли на Тунгузкова и Хромцова. Хромцов с большим опытом и выдержкой в работе секретно-оперативной работает легко в деловой товарищеской обстановке (необходимое условие для продуктивной работы Хромцова). Активную партийную работу не ведет, но в общей работе связывается с партийными органами в обстановке полного взаимного доверия. Самая тяжелая практическая часть работы лежит на нем.

ШТАЛЬБЕРГ – член и Коллегии и Зампредгубчека, работает на Урале с 1919 года, до недавнего времени считалась одним из ценных работников ЧК, особенно в области административной, отчасти секретно-оперативной и как Зампредгубчека. В последнее время нервность и отсутствие связи и сработанности с партийными органами создают весьма тяжелую обстановку работы в ЧК. Полагаем, что перемена обстановки после некоторого отдыха могли бы восстановить нервную уравновешенность т. Штальберг и сохранить для чекистской работы эту в высшей степени ценную работницу.

КОЛЬШТЕЙН – секретарь Губчека. Глубоко выдержанный, честный партийный товарищ и такой же чекист. Работая только секретарем, на другой работе сил не попробовал. Состояние здоровья может вести работу передвижного характера, хотя бы по городу. На чекистской оперативной работе безусловно ценен.

Вопрос о Коллегии Губчека в связи с тяжелой обстановкой работы, создавшейся благодаря причинам, указанным в характеристике т. Штальберг, обсуждался на заседании Урал-Бюро – совместно с Президиумом Губкома и с участием всех членов Коллегии Губчека. Единодушное мнение Уралбюро и Президиума Губкома следующее: Коллегию необходимо изменить в персональном составе, освободив тов. Штальберг. Тунгузкова и Хромцова в настоящее время освободить от работы в Екатеринбургской Губчека или перевести оттуда абсолютно невозможно².

Член Урал-Бюро ЦК РКП

Секретарь Екатеринбург. Губкома РКП

ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 492. Л. 101. Подлинник. Машинопись с рукописной правкой.

Голощекин

Семериков

¹ Хромцов (Хромцов) Николай Яковлевич – советский чекист. В 1919–1921 гг. – член коллегии Екатеринбургской губЧК. Перебежчик Г.С. Агабеков описал в своих мемуарах внешность Хромцова в 1921 г. следующим образом: «У стены за громадным письменным столом сидит Хромцов. Лет под 40, с бритым полукруглым лицом, хитро бегающими зеленоватыми глазками. Стриженная голова с лысиной. Перед ним на столе куча бумаг. Настольная лампа, пара револьверов, и колбаса с хлебом. На стене за его спиной висят несколько нагаек» [1, с. 19].

² На документе имеются делопроизводственные пометы «ДЗ» и «Д[ело] “С[екретное]”».

Приложение № 4

Доклад № 1 от 26.06.1921 Г.Н. Штальберг Екатеринбургскому губкому РКП (б) о деятельности АРА в Екатеринбургской губернии

ПОЛНОМОЧНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО Росс. Соц. Фед. Сов. Респ. ПРИ ВСЕХ загранич[ых] организац[иях] помощи УПОЛНОМОЧЕННЫЙ по Екатеринб[ургской] губ. 26 июня 1922 г. № 1	СЕКРЕТНО <i>В Губком РКП</i>
--	-------------------------------------

АРА приступила к организационной работе [в] первых числах мая с[его] г[ода]. Первоначально распространила свою деятельность в Кыштыме и близлежащих волостях. 14 мая АРА прибыла в Екатеринбург и через неделю в городе нача[ла] функционировать 1-я столовая на Успенской ул[ице дом] № 34.

В Каменском и Красноуфимском уездах организационн[ая] работа посредством инструкторов АРА ведется с первых числах июня, но благодаря отсутствию продуктов, которые до сих пор непонятным образом еще не прибыли, питание в названных уездах еще не началось. Только 10 июня отправлено в Красноуфимск 2 000 д[етских] порций и 19 июня в г. Каменск 1 500 д[етских] порций.

АРА предполагает обслуживать Екатеринбургский, Красноуфимский и Каменский уезды, для чего обещано 62 500 д[етских] пайков и 50 000 взрослых, которые разверстаны следующим образом:

1) Екатеринбургский уезд	25 000 [пайков] взрослым	34 000 д[етских] порций
2) Каменский уезд	10 000 [пайков] взрос[лым]	12 000 дет[ских] порц[ий]
3) Красноуфимский уезд	15 000 [пайков взрослым]	16 000 [детских порций]

Штат АРА в данное время состоит из 33 человек и по окончании организационной работы будет сокращен.

Уполномоченным АРА по Екатеринбургской губернии является Селим Оскарович ДАВЛЕКИЛЬДЕЕВ, которого по случаю болезни последнего замещает ЗАНДЕР.

Судя по анкетам, преобладающим элементом в АРА являются студенты и бывшие белые офицеры, пролетарский состав отсутствует. По политическим убеждениям большей частью беспартийные, есть сочувствующие меньшевикам и один коммунист.

В общем реальной пользы АРА принесла незначительную, что наглядно показано в следующей таблице:

Название уезда	Обещано взрослым	Дано взрослым	Обещано детям	Дано детям
Екатеринбургский	25 000 п[айков]	0	34 000 п[айков]	15 000 п[айков]
Красноуфимский	15 000 п[айков]	0	16 000 п[айков]	2 000 п[айков]
Каменский	10 000 п[айков]	0	12 000 п[айков]	1 500 п[айков]
Всего	50 000 п[айков]	0	62 000 п[айков]	18 500 п[айков]

т. е. удовлетворяются взрослые в 0 %, дети в 30 %.

Социальный состав служащих АРА сам по себе говорит за поведение в политическом отношении. При всяком удобном случае сознательно, а подчас и бессознательно служащие стараются перед населением выставить Советскую Власть в невыгодном свете, стараются не через комитеты, а непосредственно иметь связь с населением; также наблюдались случаи непосредственного обращения к Советским учреждениям. При обнаружении таких фактов делаются соответствующие указания к устранению таковых¹.

УПОЛНОМОЧЕННЫЙ РСФСР при АРА *Г. Штальберг*
 Секретарь: *[неразборчивая подпись]*
ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 492. Л. 10. Подлинник. Машинопись.

Библиографический список:

1. *Агабеков Г.С.* ЧК за работой. – Берлин, 1931.

M.I. Weber

Candidate of Sciences (History), Research Fellow, Institute of History and Archaeology, Ural branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russia)

NEW FACTS ABOUT BIOGRAPHY OF THE CHEKIST G.N. SHTALBERG

An autobiography and other documents on the activities of one of the leading officials of the Soviet security agencies in the Urals during the Civil War (the deputy chairman of the Yekaterinburg regional Cheka Gerta Nikolayevna Stahlberg) are published for the first time.

Keywords: the Urals, Russian Civil war, Extraordinary Commissions, famine of 1921, American Relief Administration.

¹ На документе имеется делопроизводственная помета «вх[одящий] № 145/с. 29.07. [1922]».

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ УСПЕХИ РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ РАЗВЕДКИ НА АВСТРО-ВЕНГЕРСКОМ НАПРАВЛЕНИИ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В статье показывается, что российская военная внешняя разведка накануне Первой мировой войны добилась существенных успехов, добыла план стратегического развёртывания австро-венгерской армии, что помогло русским войскам выиграть сражения в начале войны, но политическое руководство и высшее военное командование не использовали в полной мере полученные внешней разведкой сведения.

Ключевые слова: Первая мировая война 1914–1918 гг., военная разведка, стратегические планы развёртывания, А. Редль, Галицийская битва.

Правящие круги Австро-Венгерской империи в конце XIX – начале XX вв. долго и тщательно готовились к большой войне, победа в которой позволила бы Австрии вернуть утерянное после распада средневековой феодально-монархической империи Габсбургов гегемонистское положение на европейском континенте, восстановить утраченные внешнеполитические позиции.

В конце XIX – начале XX вв. Австро-Венгрия сделала существенные шаги в индустриальном развитии, особенно в развитии отраслей тяжёлой промышленности, машиностроения, металлургии. Однако, имея мощные залежи железных руд, Австро-Венгрия была бедна каменным углем, вынуждена была ввозить его из Германии, не смогла организовать массовое производство стальных орудий, вплоть до Первой мировой войны имела на вооружении бронзовые орудия. Социально-экономическая и политическая структура Австро-Венгрии, по сравнению с Германией, была менее развитой и менее организованной ввиду сравнительной слабости промышленного развития страны, раздиравших «лоскутную империю» национальных противоречий.

Проиграв длительную борьбу с Пруссией за гегемонию в Германии, утратив своё положение великой державы, Австро-Венгрия подпала под влияние Германии и постепенно превращалась в зависимого от неё партнёра. В 1882 г. был создан Тройственный Союз, в который вошли Германия, Австро-Венгрия и Италия, – военный блок, направленный против России и Франции.

Надеясь на поддержку более сильной Германии, Австро-Венгрия активизировала проникновение на Балканы. В 1878 г. она оккупировала

Боснию и Герцеговину, в 1908 г. аннексировала их. Это был открытый вызов России, традиционной покровительнице славянских народов Балканского полуострова. Единственной славянской страной на Балканах осталась Сербия, препятствовавшая установлению гегемонии Австро-Венгрии на всём Балканском полуострове.

Внешнеполитические планы Австро-Венгрии, преследующие цель создания «Великой Австро-Венгрии», предусматривали ликвидацию самостоятельности Сербии и нанесение военного поражения России [1, 4].

Разрабатывая план предстоящей войны, Австро-Венгерский Генеральный штаб предусматривал создать три группировки войск: 1) эшелон «А», самый крупный, направленный против России, включавший 2/3 всех военных сил, 2) эшелон «Б» (1/6 всех сил), оставляемый в резерве, готовый в любой момент поддержать действия эшелона «А», 3) Балканская группа (1/7 всех сил), направленная против Сербии.

Эшелон «А» в составе четырёх армий, наступая с линии рек Сана и Днестра на север между Бугом и Вислой, должен был нанести мощный удар под основание Варшавского выступа, соединиться с наступавшими с севера из Восточной Пруссии германскими войсками, а затем повернуть на восток и разбить группировку русских войск, сосредоточенных против Галиции. Балканская группа должна была в короткий срок расправиться с маленькой Сербией.

Готовясь к войне, Австро-Венгрия развернула усиленную разведку против России. Сбором и обработкой информации о стране, её вооружённых силах, её экономическом и политическом положении, занималось Эвиденц-бюро – разведывательное отделение Генерального штаба Австро-Венгрии, в распоряжении которого находились разведывательные отделения штабов приграничных корпусов австрийских войск и разветвлённая сеть тайных агентов, действовавших в западных и юго-западных губерниях России [6, с. 12–16].

Российский Генеральный штаб, планируя войну, предусматривал, согласно договорённости с французским командованием, атаковать силами двух армий немецкие войска в Восточной Пруссии, а главный удар силами четырёх армий (2/3 всех сил) обрушить на Австро-Венгрию, нанести решительное поражение её войскам, перейдя Карпаты вторгнуться в Венгрию и Австрию, овладеть Будапештом и Венной.

Традиционно оказывая военными, политическими и дипломатическими средствами помощь славянским народам Балканского полуострова в их национально-освободительной борьбе против турецкого ига, нанеся поражение Османской империи в русско-турецкой войне 1877–1878 гг., обеспечившее независимость Болгарии, Румынии и Сербии, политическое руководство России считало свои военно-политические и дипломатические позиции на Балканском полуострове несокрушимыми, незыблемыми, своё

* Гаврилов Дмитрий Васильевич – доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник сектора политической и социокультурной истории Института истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия; iia-history@mail.ru

влияние на внутреннюю и внешнюю политику балканских государств – неизменным, бессрочным.

В действительности было не всё так. Общественно-политическая обстановка на Балканах менялась, авторитет и политическое влияние России на балканские государства постепенно таяли.

Вопреки стремлению России использовать балканские государства против австрийской экспансии на Балканах, Болгария, Сербия, Черногория и Греция в 1912 г. заключили Балканский союз, направленный против Турции и начали против неё войну. В войне 1912–1913 гг. (Первой Балканской войне) Турция потерпела поражение и была вынуждена отказаться от всех своих европейских владений. Но победители перессорились между собой из-за раздела доставшихся им земель и, полагая, что Болгария получила слишком много, Сербия, Черногория и Греция в 1913 г. начали против неё войну (Вторая Балканская война 1913 г.), окончившуюся поражением Болгарии и урезыванием её территории.

Болгария, возглавляемая Фердинандом Кобургским, ориентирующимся на Австро-Венгрию и Германию, перешла на сторону Тройственного Союза. Российское правительство и его дипломатия оказались бессильными предотвратить переход славянской Болгарии на сторону враждебного России австро-германского военно-политического блока.

Российская дипломатия и внешняя военная разведка, дипломаты и военные разведчики – российские «дозорные на Балканах», внимательно следили за развитием событий на Балканском полуострове, происходивших там политических процессах, дипломатической борьбе вокруг правительств балканских государств, военных приготовлениях Австро-Венгрии и её союзников, информировали о добытых сведениях руководителей разведывательных органов и правительство, предлагали свои решения, вносили свои предложения [3].

Крупным достижением российской внешней разведки было привлечение к сотрудничеству с ней австрийского офицера контрразведки, начальника агентурного отделения Разведывательного бюро Генерального штаба Австро-Венгрии, полковника Альфреда Редля.

Альфред Редль (1864–1913 гг.) считался «красой австрийской контрразведки», образцовым служакой, «высокооударённым офицером, которому, несомненно, предстояла блестящая карьера», прославившимся внедрением в разведывательную практику передовых технических средств. В 1903 г. Редль был завербован русской разведкой и в течение 10 лет снабжал её секретными сведениями.

Российский военный атташе (военный агент) в Вене полковник М.К. Марченков в донесении в Петербург, отправленном в 1907 г., дал А. Редлю такую характеристику: «Человек лукавый, замкнутый, сосредоточенный, работоспособный. Склад ума мелочный... Более хитёр и фальшив, нежели

умён и талантлив. Циник. Женолюбив, любит повеселиться». При вербовке Редля, судя по имеющимся данным, российская разведка использовала его человеческие пороки и слабости: увлечение женщинами, любовь к деньгам, развлечениям, применила угрозу предания огласке его гомосексуальных связей.

Редль в течение десяти лет выдавал русскому командованию австрийских агентов в Петербурге, передал секретнейший план австрийского вторжения в Сербию, передал секретнейший документ, святое святых любого государства – тщательно разработанный, подробный мобилизационный план стратегического развёртывания австрийской армии в случае войны.

Редль был случайно разоблачён в мае 1913 г. его бывшим подчинённым, отслеживавшим поступление из-за границы теневого финансового потока. Его выдала маленькая небрежность – забытый в такси футляр от перочинного ножика с написанным на нём номером банковского счёта, на который Редлю поступали деньги из Петербурга. Вскоре после разоблачения он был найден мёртвым в венском отеле. Официально было объявлено, что Редль, «в последнее время страдавший тяжёлой формой бессонницы», находясь в Вене в служебной командировке, «в припадке нервного расстройства покончил с собой».

Совершенно ясно, что арестовывать и судить Редля было невозможно – разразился бы большой скандал. Считают, что контрразведчики принудили Редля застрелиться. По другой версии Редль, будучи тяжело болен сифилисом, застрелился сам [3, с. 162; 5; 9, с. 45–46].

Разоблачение Редля вызвало настоящее потрясение в австро-венгерской военно-политической и интеллектуальной элите. Престарелый император Франц Иосиф, управлявший империей уже 65 лет, был шокирован случившимся. Сведения о предательстве Редля просочились в печать и вызвали в венгерской прессе «бурю возмущения отсутствием патриотизма и распущенными нравами венских военных».

Начальник австро-венгерского Генерального штаба Ф. Конрад фон Хётцендорф, получивший от своих петербургских тайных агентов сведения о приобретении русским Генеральным штабом плана стратегического развёртывания австрийской армии, на штабном совещании признал: «Военному могуществу Австрии на фронтах русском и итальянском и даже румынском рядом государственных измен, закончившихся разоблачением Редля, нанесён тяжёлый удар, уничтоживший созидательную работу многих лет».

Конрад считал, что поскольку их противникам стали известны планы австро-венгерского командования, в ближайшие 5 лет война против России невозможна.

Но Австро-Венгрия стояла на пороге войны, времени на разработку нового плана стратегического развёртывания не было. Австро-венгерский

Генеральный штаб, чтобы дезинформировать противников, ввести их в заблуждение, решил в план стратегического развёртывания внести изменения: полоса развёртывания армий, нацеленных против российских войск, была отнесена на запад от границы на 100–200 км, произведена перегруппировка войск на левом фланге.

С такой ситуацией обе стороны вступили в Первую мировую войну.

Инициатором войны выступила Австро-Венгрия, подталкиваемая к войне германским императором Вильгельмом II. 28 июня 1914 г. в столице Боснии Сараево сербским студентом-националистом выстрелом из пистолета был убит наследник австрийского престола эрцгерцог Франц Фердинанд. Хотя убийство произошло на территории Австро-Венгрии, австро-венгерское правительство 23 июля предъявило Сербии ультиматум, составленный в оскорбительном тоне, с расчётом на то, что он будет отвергнут.

Несмотря на то, что Сербия фактически согласилась принять ультиматум, Австро-Венгрия 28 июля объявила ей войну, а австро-венгерская артиллерия бомбардировала столицу Сербии Белград, расположенный на границе с Австро-Венгрией, за р. Савой и Дунаем. 30 июля Россия объявила всеобщую мобилизацию. 1 августа Германия объявила войну России, 3 августа – Франции. 4 августа Великобритания объявила войну Германии. Вместе с ней войну Германии объявили английские доминионы – Канада, Австралия и др. Вскоре в войну вступили: на стороне Антанты – Япония и Египет, на стороне Германии – Турция. Война стала мировой.

Австро-венгерское командование считало, что для полного разгрома Сербии им потребуется не более двух-трёх недель. Но эти расчёты не оправдались. Сербь, которым был известен план австрийского вторжения в Сербию, дали им решительный отпор, в Церской (12–24 августа) и Колубарской (16 ноября – 15 декабря) битвах разгромили и отбросили вспять австро-венгерские войска, потерявшие в этих сражениях до 0,5 млн убитыми.

Сербская армия, несмотря на героическое сопротивление, нанеся австро-венгерским войскам большой урон, летом 1915 г., под напором превосходящих сил, вынуждена была перейти через горы и выйти на побережье Адриатического моря, откуда была эвакуирована на французских кораблях. В центре Белграда, в Калемегдане, высится величественный монумент в честь Франции, спасшей сербскую армию в 1915 г. Памятников в честь России, ввязавшейся в Первую мировую войну в защиту Сербии, в Белграде нет.

Российское Военное министерство и Генеральный штаб (В.А. Сухомлинов, Н.Н. Янушкевич), твёрдо веря в неизбежность и неизменность купленного у Редля австрийского плана стратегического развёртывания, небрежно вели подготовку к войне с Австро-Венгрией, не считали её серьёзным противником, так как: 1) невысоко оценивали боевые качества австро-венгерской армии (что отчасти было верно), 2) полагали, что

можно будет вести боевые действия «с закрытыми глазами», имея тщательно разработанный, подробный план её стратегического развёртывания (что он изменён, они не знали).

По плану Российского Генерального штаба, сосредоточенные на австро-венгерской границе российские войска – две армии (4-я и 5-я), наступая с севера, и две армии (3-я и 8-я), наступая с востока, во фланг австро-венгерской группировки, – должны были концентрическим ударом окружить австро-венгерские войска, не дать им отойти к Карпатам, уничтожить основную группировку австро-венгерских войск в приграничной полосе.

5–6 августа 1914 г., согласно имевшемуся плану, крупная группировка австро-венгерских войск, сосредоточенная в Галиции, начала наступление на север, в направлении на Люблин и Холм, где встретила упорное сопротивление 4-й и 5-й русских армий, готовых к отражению атаки и к переходу в контрнаступление. Развернулось большое встречное сражение, австро-венгерские войска, понеся большие потери, потеснили русские войска, но прорваться на север не смогли. Ожидаемого встречного наступления германских войск из Восточной Пруссии, в которой в это время сами немцы отбивались от вторгшихся двух русских армий – 1-й П.К. Ренненкампа и 2-й А.В. Самсонова, не последовало.

5–6 августа перешли границу и двинулись в наступление на австро-венгерскую группировку с востока 3-я и 8-я русские армии, но в приграничье крупных австро-венгерских частей, отодвинутых на запад на 100–200 вёрст, чего российское командование не знало, не оказалось.

Войсковая разведка, писал А.А. Брусилов, «была налажена мало удовлетворительно... Сведения о противнике были у нас довольно скудны... Воздушная разведка, вследствие недостатка и плохого качества самолётов, была довольно слабая... Агентов шпионажа у нас было мало, и те, которых мы наскоро набрали, были плохи. Кавалерийская разведка проникнуть глубоко не могла...» [7, с. 111].

Продвигаясь вперёд, совершая большие пешие переходы, русские войска увязли в боях с пограничными заставами, мелкими подразделениями и отдельными частями австро-венгерской армии. Австро-венгерское командование, приостановив попытки ударной группировки прорваться на север, начало перебрасывать свои войска на юг, навстречу наступавшим 3-й и 8-й русским армиям.

Русские войска, 3-я армия (командующий Н.В. Рузский) и 8-я (командующий А.А. Брусилов), сохраняя стратегическую инициативу, разгромили австро-венгерские войска в сражениях на р. Золотая Липа (13–15 августа) и р. Гнилая Липа (16–19 августа), блокировали Перемышль, 20 августа заняли Галич, 21 августа – Львов. Австро-венгерские войска отошли за р. Сан, а затем, продолжая беспорядочное отступление – за р. Дунаец. Русские войска на широком фронте вышли к Карпатам, заняли ряд карпатских

перевалов, а некоторые воинские части даже спустились на Венгерскую равнину, но вынуждены были вернуться обратно.

Галицийская битва была выиграна русскими войсками. Русские войска заняли всю Галицию и часть австрийской Польши, создали угрозу вторжения в Венгрию и немецкую Силезию. Австро-венгерская армия потеряла 45 % своего состава, её войска понесли потери в 325 – 400 тыс. чел. (в том числе 100 тыс. пленных) и свыше 400 артиллерийских орудий. Русские потери составили 230 тыс. чел. [2, 8].

Победа русских войск в Галицийской битве снизила, ослабила впечатление от успехов немцев в Восточной Пруссии, гибели там 2-й русской армии А.В. Самсонова. После разгрома австро-венгерских армий в Галиции, Австро-Венгрия, главный союзник Германии, надолго утратила боеспособность. Вплоть до конца войны австро-венгерская армия на Восточном фронте могла держаться только при поддержке немецких войск.

Крупный стратегический успех отечественной внешней разведки – приобретение австрийского плана стратегического развёртывания, позволил российскому верховному командованию успешно отразить наступление австро-венгерских войск, выиграть Галицийскую битву, подорвать, ослабить военные силы Австро-Германского блока.

Однако российское командование не смогло в полной мере воспользоваться успехом своих внешних военных разведчиков, не учло, что попавший в его руки австрийский план стратегического развёртывания может быть изменён. Планировавшееся окружение австро-венгерских войск не удалось, вторжение в Венгрию и Австрию с захватом Будапешта и Вены не состоялось, российские войска по вине командования понесли большие неоправданные людские потери.

По оценке Российского военно-исторического общества, «Галицийская победа, при всём громадном своём стратегическом значении, получилась тусклой и вымученной – в противоположность ослепительному и оглушительному (хоть и не имеющему стратегического значения) нашему разгрому в Восточной Пруссии» [7, с. 151].

Россия, отмечает В.Б. Каширин, «не смогла выработать и успешно применить действенную стратегию политической и военной борьбы за Балканы» [3, с. 8]. Планировавшийся полный, беспрекословный разгром Австро-Венгрии с захватом её столиц не состоялся. Исконная роль России как покровительницы, миротворца и арбитра народов Балканского полуострова была потеряна. Добытая офицерами Генерального штаба, дипломатами, военными разведчиками ценная информация не была в полной мере осмысленна и использована военно-политическим руководством страны.

Исторический урок с покупкой у А. Редля плана развёртывания австрийской армии состоит в том, что полученная внешней разведкой и другими ведомствами стратегического характера информация должна

оперативно, глубоко и квалифицированно анализироваться опытными специалистами, строго храниться, эффективно претворяться в политические и военные решения высшего руководства.

Библиографический список:

1. Европа и Россия в огне Первой мировой войны. К 100-летию начала войны. – М., 2014.
2. Корсун Н. Балканский фронт мировой войны 1914–1918 гг. – М., 1939.
3. Каширин В.Б. Дозорные на Балканах: Русская военная разведка в странах Балканского полуострова накануне и в годы Первой мировой войны. – М., 2014.
4. Коленковский А.К. Маневренный период Первой мировой империалистической войны, 1914 г. – М., 1940.
5. Переслегин С. Новая история Второй мировой. – М., 2009.
6. Ронге М. Разведка и контрразведка. – Киев, 1993.
7. Российская империя: победы и поражения на фронтах Первой мировой войны. – М., 2004.
8. Харкевич П.Х. Галицийская битва 1914 // Советская историческая энциклопедия. – М., 1963. Т. 4.
9. Яковлев Н.Н. 1 августа 1914 г. – М., 1974.

D.V. Gavrilov

Doctor of historical Sciences, Professor, Head of Department of political and socio-cultural history, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of RAS, (Yekaterinburg, Russia)

STRATEGIC SUCCESSES OF RUSSIAN INTELLIGENCE IN THE AUSTRO-HUNGARIAN EMPIRE ON THE EVE OF THE FIRST WORLD WAR

The paper shows that Russian military intelligence on the eve of the First World War achieved significant successes and stole the plan for strategic deployment of Austro-Hungarian army. It helped Russian army win battles at the beginning of the war, but Russian political leaders and high military commanders did not fully use the information, obtained by Russian intelligence.

Keywords: World War I, 1914–1918, military intelligence, strategic deployment plan, A. Redl, Battle of Galicia.

«ЮНЫЕ РАЗВЕДЧИКИ»: РОССИЙСКИЙ СКАУТИНГ В СВЕТЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ РЕФОРМ ПРЕДРЕВОЛЮЦИОННЫХ ЛЕТ

Спецификой возникшего в 1907 г. движения скаутов было то, что им прививали качества, умения и навыки, нужные разведчикам. Р. Баден-Пауэлл разработал скаутинг как необходимое дополнение к системе образования. Русские педагоги считали, что «игра в разведчиков» ограждала юношество от участия в революционном движении, одновременно уберегая его от упаднических настроений и антисоциального поведения.

Ключевые слова: навыки и умения скаутов, Р. Баден-Пауэлл, русский скаутизм, система образования

Возникшее в 1907 г. в Англии скаутское движение быстро набирало популярность в мире. Походы, игры, беседы у костра, занятия в летнем лагере привлекали юношество. Особая форма с посохом, тайные знаки, собственные песни, девиз и салют соответствовали наклонностям и вкусам подрастающего поколения. Через несколько лет первые скаутские организации появились и в России. Сначала возникли царскосельская «дружина» О.И. Пантюхова, петербургские «легионы» В.Г. Янчевецкого (в первый легион входили учащиеся 1-й гимназии, в которой будущий писатель и лауреат сталинской премии преподавал латинский язык, во второй – ученики из других средних учебных заведений столицы). Вскоре английское новшество привлекло внимание царя. Николай II ознакомился с книгой Р. Баден-Пауэлла «Юный разведчик», пригласил его посетить Россию, где и встретился с основателем скаутизма.

Постепенно движение распространилось по другим городам нашей страны. Редактор журнала «Вокруг света» В.А. Попов организовал отряд скаутов при императорском московском речном яхт-клубе. Под покровительством великой княжны Елизаветы Федоровны было образовано общество содействия организации «Юных разведчиков» г. Москвы и при нем скаутский отряд. В Киеве скаутами руководил доктор А.К. Анохин. Здесь же впервые в особый отряд стали принимать девочек. Вскоре разрозненные юношеские коллективы объединились во Всероссийское общество содействия юным разведчикам «Русский скаут». До революции 1917 г. оно успело провести два съезда. Такова короткая предреволюционная история скаутинга в России.

* Голикова Светлана Викторовна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора политической и социокультурной истории Института истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия; avokilog@mail.ru

Бойскаутов здесь (и в других странах) нередко называли «юными разведчиками». Дело здесь не только в тонкостях перевода с английского, но и в большом удельном весе «разведочного искусства» в этой воспитательной системе, а в настольной книге инструкторов бойскаутов имелся даже специальный раздел «Как обучать "разведкам"». Кавычки в слове «разведка» не должны вводить в заблуждение – будучи кадровым военным, Баден-Пауэлл для выработки необходимых черт личности скаута многое заимствовал из подготовки взрослых военнослужащих, выполняющих задания в тылу врага. Так, «чрезвычайно обширной и разнообразной» оказалась применяемая в патрулях и отрядах практика наблюдений, благодаря которой формировались умения быстро «схватывать окружающие явления в их самых незначительных подробностях и точно протоколировать их в памяти». Параллельно тренировали интеллект: сообразительность, умение концентрировать внимание, упорядочивать мысли, быть пунктуальным. Давая указания по упражнениям в наблюдательности, Баден-Пауэлл предлагал юношам перевоплотиться в Шерлока Холмса: «Идя по улицам незнакомого города, разведчик никогда не заблудится, так как запомнит путь по главным зданиям и перекресткам улиц и, во всяком случае, будет помнить, какие магазины он проходил и что было в них выставлено. Кроме того он не упустит из виду, какие экипажи проезжают мимо и в порядке ли упряжь и подковы у лошадей; в особенности же он обратит внимание на прохожих, их лица, одежду, обувь, а также манеру ходить; поэтому если бы полицейский его спросил: «Не встретился ли вам на этой улице человек с темными нависшими бровями, одетый в синий костюм», – он мог бы ответить приблизительно так: «Да, он слегка хромот на правую ногу, носит сапоги заграничного покроя и держит в руке сверток; он минуты три тому назад свернул отсюда в третью улицу направо» [1, с. 51].

Для того чтобы заставить молодых людей как можно больше практиковаться, английский генерал широко использовал дух соперничества между ними и, подзадоривая мальчиков, писал: «Запомните, что величайший позор для разведчика, если какой-нибудь посторонний заметит что бы то ни было прежде, чем это успел сделать разведчик» [1, с. 51]. Совершенствовать наблюдательность позволяла и разработанная система игр не только на природе (в лесу и в поле), но и в городских условиях. Самыми известными были «игра Кима» на запоминание от 20 до 30 различных мелких предметов, разложенных на подносе, столе или просто на полу, и «игра Моргана». Последняя заключалась в запоминании объявлений, расклеенных на заборе. Для фиксации различных объектов в памяти скаутам обычно давалась одна минута [1, с. 45 – 46]. Устраивались также игры, имитирующие работу сотрудников органов безопасности. Например, игра «Агент секретной службы» была создана по хорошо известному рассказу о Шерлоке Холмсе, в котором иностранный шпион выкрал ценные документы, а гениальный сыщик сумел

их вернуть. Скаутские игры следует отнести к разряду ролевых, поскольку они были «почти совершенно лишены автоматичности и шаблонности». С одной стороны, их участники развивали выдержку, осторожность, терпение, хладнокровие, с другой – в них требовалась постоянная готовность к различным случайностям, находчивость в затруднительных обстоятельствах, умение действовать решительно в нужную минуту, способность не теряться ни при каких обстоятельствах. Умение управлять собой включало и способность полагаться на свои силы, использовать те «ресурсы, которые имеются под рукой, как бы скудны они не были». У бойскаутов ценились натуры энергичные, настойчивые даже при «дурных обстоятельствах». «Случаи из жизни разведчиков» часто становились предметом бесед с молодежью у костра. Баден-Пауэлл также объяснял «как следует скрываться» и «как нужно подкрадываться».

Лозунг скаутов «всякое поручение должно быть выполнено во что бы то ни стало» подразумевал и привычку к дисциплине. Столь необходимое разведчику качество являлось весьма важным требованием скаутинга, но сочеталось в его воспитательной системе с неперменным развитием такого свойства характера, как воля, которую скауты всегда стремились упражнять и закалять. Пятая заповедь русских бойскаутов гласила: «Пусть воля твоя будет, как лук, туго натянутый» [5, с. 12]. Заставить себя исполнять свои обязанности легко и радостно призывал и седьмой закон русских юных разведчиков: «Быть веселым и никогда не падать духом» [5, с. 12]. Скауты стремились «улыбаться, когда больно и насвистывать, когда тяжело». Естественным результатом подобных занятий и упражнений становилась столь необходимая разведчикам и диверсантам выносливость (ей в своей книге Баден-Пауэлл посвятил всю 4 главу).

В скаутинге – и это было его яркой особенностью – большое внимание уделялось подготовке к оказанию первой помощи людям, попавшим в чрезвычайные ситуации: спасение людей во время пожара, спасение утопающего и т.п. На смотрах потешных отряды скаутов с обязательными носилками для переноски раненых и санитарями в строю неизменно производили на русскую публику самое благоприятное впечатление. Инструкторы считали, что после специальных упражнений «в спасении жизни» подростки и юноши не растеряются от неожиданности, не поддадутся панике. А генерал Баден-Пауэлл советовал скауту придерживать следующего хода мыслей: «где бы он ни был и чем бы ни был занят, всегда подумать про себя: «что может здесь случиться?» и «что я должен делать в этом случае?» [4, с. 79]. Это позволит ему, пока другие будут суетиться и волноваться, не зная, что делать, быстро сориентироваться и реализовать девиз движения: «быть всегда готовым».

Приобретение нужных разведчику навыков осуществлялось в скаутинге чаще всего через систему присвоения специальных значков. Бойскаутов нередко называли «следопытами» и «лазутчиками». В обязательном порядке

юношей здесь учили «читать следы» и «идти по следу» (2 глава книги Баден-Пауэлла так и называлась «Выслеживание»). Основатель скаутизма призывал: «замечайте вообще все следы», «определяйте их давность, скорость, направление». Хорошим следопытам за знание местности у русских скаутов полагался значок «Проводник» [5, с. 52]. За ориентировку по карте, умение делать глазомерную съемку, чертить планы, знание топографии, условных, межевых и масштабных знаков русскому скауту давался значок «Топограф» [5, с. 51]. Сигнализация флагами, звуковая, световая, с помощью дыма и скаутского посоха, а также владение азбукой Морзе со скоростью не менее 24 букв в минуту позволяла претендовать на значок «Сигналист» [5, с. 47]. Значок «Моряк» получали те, кто научился грести, плавать, ориентироваться по карте, солнцу и звездам, определять погоду [5, с. 48]. Скаут 1-го разряда должен был развести костер, имея всего две спички, а экзамен на начальника отделения подразумевал в русском скаутинге и хорошую физическую форму, в частности владение борьбой Джиу-Джитсу [5, с. 43–44].

Быстрое распространение скаутского движения, по-видимому, следует связать с тем, что педагоги многих стран обнаружили в «играх трапперов и пионеров» большой воспитательный потенциал. В предисловии к книге Р. Баден-Пауэлла «Юный разведчик» русский переводчик не скрывал, что речь идет о «воспитании будущей России, молодежи, сидящей сейчас на школьной скамье» [1, с. III]. Скаутизм и система образования были связаны многими нитями: отряды бойскаутов привлекали детей школьного возраста (12–18 лет) и нередко возникали при гимназиях и реальных училищах. Так, попечитель петербургского учебного округа был поклонником идей Баден-Пауэлла и довольно рано рекомендовал заводить такие отряды при всех, вверенных ему заведениях. Руководителей отрядов скаутинг зачастую рекрутировал из среды педагогов. Дружину Пантюхова после его ухода на фронт принял под свое командование директор местного реального училища Э.П. Цитович. Учителя были особенно желанными членами общества «Русский скаут» [5, с. 68].

На I съезде русских скаутов было решено, что к заявлению, которое писали мальчики, желающие поступить в «юные разведчики», «должно быть приложено письменное разрешение начальства учебного заведения, если они в таковых обучаются» [5, с. 28]. Там же был принят «железный закон зимнего времени», который временно закрывал «доступ в отряд разведчикам, получившим неудовлетворительные отметки в школе» [3, с. 325]. Баден-Пауэлл вообще приравнивал учебу к «долгу перед отечеством» и, обращаясь к скаутам, подчеркивал: «...серьезное отношение к предметам, которым вы учитесь в школе» это подготовка к работе «для блага государства» [4, с. 71]. Учителя английских элементарных школ заметили, что со школьниками, которые «взялись за скаутинг», «произошла полная перемена в отношении дисциплины и трудоспособности» [4, с. 218].

Однако основатель системы признавал, что она родилась из критики современного школьного образования и как дополнение к ней. К школьному преимущественно книжному обучению, по его мнению, следовало добавить практическое воспитание юношества. Вместо менторства и нотаций предлагалось живое общение в дружеском кружке. Последователи Баден-Пауэрлла называли занятия скаутов «лучшей из игр». Популяризатор скаутизма В.С. Преображенский (в советское время православный епископ, канонизированный как священномученик) считал, что английский генерал предпринял удачную попытку «систематического, массового воспитания молодежи», решив на практике в «широком масштабе проблему громадной важности: вопрос о народном воспитании». Для России начала XX в., когда назрели глубокие перемены в системе образования, он стал чрезвычайно актуальным. С 1907 г. стартовали «подготовительные работы по введению всеобщего обучения» в начальной школе, готовилась и обсуждалась реформа среднего и специального образования. В связи с всеобщим увеличилось количество средних учебных заведений, которые традиционно в России готовили преподавателей для начального школьного звена. Реформирование образования резко увеличило число школьников в стране и демократизировало состав учащихся. Перед педагогами вставала серьезная задача: поставить этот контингент под свой контроль и воспитать народные массы в желательном для правительства направлении. В этой связи понятен их интерес к скаутингу. «Знакомая с системой Баден-Пауэрлла, – писал Преображенский, – невольно думаешь: не пора ли, в самом деле, поставить вопрос о народном воспитании более определенно и не убаюкивать себя тем соображением, что школьное образование тоже является или должно являться воспитательным средством» [4, с. 213].

Современники видели в скаутинге противоядие от многих вызовов, вставших перед детьми и их воспитателями в начале XX в.: он ограждал учащуюся молодежь от ухода в политику, гасил в ней революционные порывы, одновременно убергая молодых от упаднических настроений и антисоциального поведения. Здесь достаточно вспомнить о захлестнувшей в начале XX в. Россию эпидемии школьных самоубийств и о росте подросткового и молодежного хулиганства. Эти тревожные симптомы указывали на то, что юношество настроено против «гнета и опеки школьного режима», сидячего образа жизни, нивелирующего школьного формализма, с его казарменной дисциплиной. В.А. Попов считал, что скаутинг апеллировал, в первую очередь, к городскому подрастающему поколению. «Борьба с моральным и физическим вырождением современного юношества больших городов – вот общая задача, выдвигаемая организацией Баден-Пауэрлла», – подчеркивал данный автор [2, с. 6]. Он называл скаутизм «новым крестовым походом молодежи против пустой и бессодержательной жизни, против распушенности, узкого эгоизма, пошлости и вялости тела и духа» [2, с. 3]. Подобный лозунг «спасения юношества» наряду с педагогической общественностью привлекал

также родителей подростков и те получали от них разрешение на вступление в отряд и поездку в летний лагерь.

Становление современной системы образования неизбежно приводило к появлению феномена, позже у нас в стране получившего название «внеклассная работа» с детьми школьного возраста. Массовая школа в дополнение к себе требовала детских и юношеских организаций, которые были приспособлены для воздействия на массового учащегося и в которых велика роль коллектива в воспитании индивида. В начале XX в. стали возникать различные детские клубы, летние детские площадки и колонии устраивались не только для оздоровления, зародилось движение за древонасаждения, для охраны птиц и животных на местах появились «Майские союзы». В стране развивалось сокольничество, создавались потешные полки, и «юные разведчики» оказались не единственной военизированной организацией русской молодежи. Однако лишь скаутизм, по выражению В.С. Преображенского, сумел использовать «разведку как воспитательное средство».

Библиографический список

1. Баден-Пауэрлл Р. Юный разведчик. – Петроград: Т-во В.А. Березовский, 1916. VIII.
2. Бой-скауты: сборник рассказов и приключений из жизни английских бой-скаутов. – М., 1917.
3. Жуков И.Н. Краткие сведения о русской организации юных разведчиков // Баден-Пауэрлл Р. Юный разведчик. С. 315 – 334.
4. Преображенский В.С. Бой-скауты. Практическое воспитание в Англии по системе Баден-Пауэрлла. – М., 1915.
5. Справочник по скаутизму. – Петроград, Москва, 1916.

S.V. Golikova

Doctor of historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural branch of the RAS (Yekaterinburg, Russia)

«YOUNG SPIES»: RUSSIAN SCOUTING IN THE LIGHT OF EDUCATIONAL REFORMS DURING PRE-REVOLUTIONARY YEARS

The specificity of scout movement that arose in 1907 was that during teaching scouts received qualities, abilities and skills necessary for spies. R. Baden-Powell developed scouting as a necessary supplement to the education system. Russian teachers believed that “spy game” protected Russian youth from participation in the revolutionary movement as well as from decadent moods and antisocial behavior.

Keywords: skills and abilities of scouts, R. Baden-Powell, Russian scout movement, education system.

*Запарий Вас. В.**

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ НКВД СССР ПО БОРЬБЕ С
НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИМИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ НА
ТЕРРИТОРИЯХ ЗАПАДНОЙ УКРАИНЫ И БЕЛОРУССИИ
НАКАНУНЕ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: 1939–1941 ГГ.**

Статья рассматривает основные причины организации органами НКВД СССР массового «изъятия» населения на территориях западной Украины и Белоруссии в предвоенный период, показывает масштаб сопротивления новым властям со стороны различных националистических организаций. Автором рассматриваются основные документы органов госбезопасности, отражающие борьбу с националистическим подпольем в предвоенное время.

Ключевые слова: Органы госбезопасности, НКВД СССР, националистическое подполье, спецпереселенцы.

Вхождение в состав Западной Украины, Белоруссии, Северной Буковины и бывших буржуазных республик-лимитрофов Прибалтики (Латвии, Литвы и Эстонии) в состав СССР породил сложный социальный конфликт, в связи с отстранением прежних элит от власти и потерей ими социального положения. Бывшая политическая и экономическая элита не собиралась уступать свои позиции без сопротивления, опираясь на поддержку как уже существовавших националистических и антисоветских организаций, так и помощь германской разведки. Важным звеном противоречий стал имущественный и земельный вопрос: экспроприация промышленников и предпринимателей, а также коллективизация в деревне, проводившаяся советскими органами на данных территориях, привели ряд людей к непримиримому противостоянию новому порядку, в том числе с оружием в руках. Эти социальные противоречия вызвали волну политических репрессий в этих регионах, что нашло отражение в историографии [1, 2, 3].

Формирование территориальных органов внутренних дел и госбезопасности, происходившее параллельно с активизацией «классовой борьбы» на вновь приобретенных СССР территориях, привело к дестабилизации внутренней жизни. Консолидация разнородных антисоветских сил и примкнувших к ним маргинальных уголовных элементов привела к усилению террора против сторонников новой власти, саботажа и попыткам срыва радикальных социалистических преобразований. В

* Запарий Василий Владимирович – кандидат исторических наук, научный сотрудник сектора политической и социокультурной истории Института истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия; pantera.zap@gmail.com

результате разгул бандитизма (политического и уголовного) принял такие размеры, что накануне Великой Отечественной войны советские власти провели массовое выселение с территорий Западной Украины, Белоруссии и Прибалтики республик наиболее активных деятелей националистического подполья, членов их семей, преимущественно, представителей имущих классов. После проведенных властями светских республик выселений родственников и лиц, признанных пособниками националистического подполья, его участники лишались снабжения продовольствием, информации о мероприятиях властей, и в дальнейшем массового притока новых «борцов».

Так, 1 ноября 1939 г. Верховный Совет СССР принял решение о включении Западной Украины в состав СССР. В процессе воссоединения ее с УССР, уже 6 ноября были организованы Управления НКВД по Львовской, Луцкой, Станиславской и Тернопольской областям¹. В Приказе НКВД СССР № 001359 «Об организации органов НКВД Западной Украины» от 6 ноября 1939 г. указывается необходимость выделения дополнительных кадров для укомплектования территориальных органов госбезопасности в количестве более 600 чел., в дополнение к 726 чел. сотрудников НКВД, командированных на вновь присоединенные к УССР территории несколько ранее. Согласно данному указу было сформировано 4 областных управления НКВД (Львовское, Луцкое, Станиславское, Тернопольское) в составе 56 уездных отделов². В 1940 г. к СССР от Румынии перешли Северная Буковина и Бессарабия. Северная Буковина была включена в Украинскую ССР под названием Черновицкая область, из южной части Бессарабии была выделена Аккерманская область УССР (с 7 декабря Измаильская)³. Прочая часть Бессарабии вместе с Молдавской АССР составили новую союзную республику – Молдавскую ССР. Таким образом, завершилось оформление новых Юго-Западных территорий в составе СССР.

В предвоенный период также происходит консолидация антисоветских сил за рубежом, и усиление подрывной деятельности, на территории УССР, в особенности на территориях, только что вошедших в состав советского государства. Несмотря на изначальные притязания Варшавы на руководство отдельными группировками украинских националистов (Деятельность «Прометей»), после разгрома Польши, германские спецслужбы единолично взяли за координацию действий Организации Украинских Националистов (ОУН). Германия считала ОУН единственным официальным политическим представителем украинской эмиграции на своей территории, и каждый,

¹ НКВД-МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на западной Украине, в западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1956). Сборник документов. М., 2008. С. 25–27.

² НКВД-МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на западной Украине, в западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1956) ... С. 25–27.

³ То же. С. 28–29.

кто считал себя украинцем, должен был числиться именно в этой организации [4, с. 109.]

В силу закрытости внешних границ советского государства и постоянной работы органов госбезопасности по выявлению отдельных боевиков и ячеек ОУН, общее количество вооруженных выступлений украинских националистов в конце 1939 – начале 1941 г. было не большим. В течение 1940 г. в Волынской области было зарегистрировано 55 акций, при этом пострадало (было убито и ранено) 5 сотрудников милиции и 11 человек из числа советско-партийного актива. Органами госбезопасности было ликвидировано 5 банд групп (в составе 26 человек), а так же 12 отдельных оуновцев. По Львовской области на 29 мая 1940 г. значилось 4 политические банды (численностью 30 человек) и 4 уголовно-политические (27 человек), в Ровенской области политических банд на учете не было (только уголовные), в Тернопольской 3 уголовно-политические (численностью 10 человек). В Станиславской области с апреля по декабрь 1940 г. ликвидировано 17 вооруженных групп, из них 5 политических (оуновских) и 12 уголовных. В этот период времени националисты совершили 8 террористических актов против советского актива из местного населения. Однако, в начале 1941 г., особенно весной, с учетом подготовки германского нападения на СССР, подрывная деятельность членов ОУН резко активизировалась.

В апреле 1941 г. националисты «отметились» совершением 47 террористических актов, в целях наведения паники и дезорганизации работы местных органов власти. В результате было убито: 8 председателей сельсоветов, 7 председателей правления колхозов, 3 комсомольских работника, 5 работников районного советского аппарата, 1 учительница, 1 директор школы и 16 колхозников-активистов [5, с. 194]. В мае 1941 г. число террористических актов, возросло до 58. Боевиками ОУН было убито 57 и ранено 27 человек: председателей и секретарей сельсоветов - 10, председателей колхозов и колхозных активистов - 30, партийно-комсомольских работников - 2, школьно-клубных работников - 9, работников советского аппарата - 7, работников милиции - 4, военнослужащих - 2, членов семей сельского актива - 16 [5, с. 240]. Как видно из приведенных данных, главной целью террора националистов были представители государственной власти (как местного происхождения, так и направленные в западные районы СССР), работники МВД и госбезопасности, члены ВКП(б), колхозные активисты и т.д. Террор против этих людей, с одной стороны, был единственным способом «отомстить» абстрактному советскому государству; с другой – запугать местное население, тем самым, отбивая у него интерес к сотрудничеству с новой властью.

Органы госбезопасности, помимо непосредственной борьбы с бандитским подпольем украинских националистов, занимались сбором оперативной информации о самих бандгруппах, их личном составе.

На 1 мая 1941 г., по данным ОББ ГУМ НКВД СССР (Отдела по борьбе с бандитизмом Главного управления милиции), в УССР числилось всего 22 бандгруппы с количеством участников около 105 человек, на 1 июня – уже 61, с 307 участниками, на 15 июня – 74 и 346 участников. Налицо практически трехкратный, взрывной рост¹.

Для борьбы с этими проявлениями было принято решение проводить выборочные репрессии против наиболее активных из выявленных нелегалов, бывших кулаков (так называемый «актив»), а также членов их семей. При этом, низовых участников рекомендовалось массово не арестовывать. На них планировали воздействовать в основном идеологически, улучшая условия существования через «достижения советской власти» (часто путем ликвидации кулаческих хозяйств и передачи их земли колхозам).

«Докладная записка народного комиссара государственной безопасности УССР П.Я. Мешика секретарю ЦК КП(б) Украины Н.С. Хрущеву с предложениями по ликвидации базы ОУН в Западных областях Украины», датированная 15 апреля 1941 г.² показывает, что высшее военно-политическое руководство СССР и высокопоставленные кадры республиканских органов госбезопасности, понимали опасность использования националистических движений германской разведкой, как «пятой колонны». Более того, скорое начало войны было для них очевидно, исходя из анализа разведанных о перемещениях немецких войск вдоль границ СССР. Требовалось как можно быстрее искоренить самых идейных членов ОУН, чтобы в случае начала боевых действий, минимизировать ущерб обороноспособности, который они могут нанести в приграничных районах.

В середине мая 1941 г. была проведена операция по насильственному переселению значительных масс населения. Согласно постановлению ЦК ВКП(б) и СНК №1299-526сс «Об изъятии контрреволюционных организаций в западных областях УССР» от 14 мая 1941 г. члены семей - участников украинских и польских националистических организаций, главы которых перешли на нелегальное положение или были осуждены к высшей мере наказания подлежали ссылке в отдаленные районы страны сроком на 20 лет, с конфискацией имущества³. В целом, к 22 мая того же года операция была завершена. В отдельных случаях властям оказывалось вооруженное сопротивление, однако не организованное, участники обычно ликвидировались на месте, либо, попадали под арест. Согласно данным, приведенным в «Докладной записке НКГБ СССР в ЦК ВКП(б) и СНК СССР о выселении из западных областей Украины семей репрессированных или

¹ НКВД-МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на западной Украине, в западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1956) ... С.13.

² Там же. С. 33–34.

³ НКВД-МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на западной Украине, в западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1956) ... С. 36.

находящихся на нелегальном положении участников националистических организаций» от 23 мая 1941г., по семи областям Западной Украины было депортировано: 3073 семьи в составе 11329 человек, удалось скрыться – 17 чел. Эти данные можно сопоставить с результатами исследований А.Э.Гурьянова, рассматривавшего документы отдела перевозок НКВД СССР. Автор оценивает число спецпереселенцев, насильственно вывезенных из западных областей Украины в 11093 чел¹.

Аналогичная операция была проведена и властями БССР. После установления советской власти на землях западной Белоруссии, количество людей, перешедших на нелегальное положение, оказалось меньше, чем в западных областях Украины, а интенсивность террористической деятельности была относительно невысокой. Как и в УССР, местное кулацкое население и «бывшие люди» сочувствовали нелегалам. И, если по данным ОББ ГУМ НКВД СССР, на 1 мая 1941 г. в БССР значилась только 1 бандитская группировка, то на 15 июня 1941 г. – их было уже 13, в составе 67 чел.

Перед началом Великой Отечественной войны органы госбезопасности также осуществили операцию по «изъятию активных участников и членов семей националистических организаций» в Белоруссии. Масштабы проведенных выселений иллюстрирует документ под названием «Доклад Наркома государственной безопасности БССР Л.Ф. Цанавы первому секретарю ЦК ВКП(б) П.К. Пономаренко об итогах проведенной в западных областях БССР операции по аресту участников контрреволюционных организаций и выселению членов их семей»².

И, хотя основной задачей было искоренение польских националистов, представителей дворянства, буржуазии и офицерства польского происхождения, были выявлены и подверглись разработке крупные белорусские националистические организации. В докладе Л.Ф. Цанавы указывается, что были, арестованы руководители и члены «различных польских, белорусских, украинских, русских и еврейских контрреволюционных организаций», всего 24412 чел. Отметим, что не всех арестантов-переселенцев, даже погруженных в эшелоны, удалось вывезти до начала войны, в связи с бомбежками германской авиации и быстрого продвижения войск.

Таким образом, деятельность НКВД СССР на вновь присоединенных территориях западной Украины и Белоруссии, в конце 1939 – середине 1941 г. была направлена, с одной стороны, на создание новой, системы органов внутренних дел (в условиях полной ликвидации «буржуазной» полиции), с другой, на подавление тех социальных слоев, которые понесли

¹ Гурьянов А.Э. Масштабы депортации населения в глубь СССР в мае-июне 1941 г. // Исторические сборники «Мемориала». Вып. 1. Репрессии против поляков и польских граждан – М., 1997. С. 137–175.

² НКВД-МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на западной Украине, в западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1956) ... С. 44–47.

имущественные и репутационные потери от присоединения. Речь идет о так называемых «бывших людях»: помещиках, крупной буржуазии, сотрудниках пенитенциарной системы, военных чинах польской армии, которые в одночасье лишились всего – власти и имущества. Сюда же добавились зажиточные крестьяне, известные как «кулаки». Именно эти категории граждан в основном, стали питательной средой для возникновения многочисленных антисоветских националистических (украинских, польских, белорусских, еврейских) организаций, в большей или меньшей степени поддержанных германской разведкой.

Наиболее активными и организованными были перешедшие на нелегальное положение члены националистических организаций в западных областях УССР. Они создавали крупные бандгруппы, проводили активную террористическую деятельность. Именно украинские националисты создали наиболее организованную структуру ОУН, имевшую харизматических лидеров, разветвленную заграничную сеть и плотно связанную с германской разведкой.

Анализ документов и переписки местных руководителей НКВД СССР и центральных органов, включая ЦК ВКП(б), дает понять, что главной причиной проведения массового «изъятия» населения в приграничных районах БССР и УССР незадолго до начала Великой Отечественной войны стало желание обезопасить тылы Красной Армии от дезорганизующего воздействия бандгрупп, состоявших из националистического и криминального элемента. Чтобы лишить поддержки нелегалов среди местного населения, все родственники и члены семей предполагаемых и выявленных активистов были насильственно переселены во внутренние районы СССР сроком на 20 лет, с конфискацией имущества.

Подобные репрессии против населения были продиктованы исключительно прагматическими причинами (укрепление тыла в ожидании грядущей войны с Германией), и вряд ли могут рассматриваться как стремление «кровавого режима» истребить как можно больше людей. К сожалению, эти переселения, несомненно, сопряжены с огромным количеством личных трагедий людей, почти одновременно лишившихся своего имущества и положения в обществе. Не менее трагичны судьбы убитых нелегалами националистического подполья в результате многочисленных террористических актов против представителей новой власти.

Библиографический список:

- Романько О.В.* Коричневые тени в Полесье. Белоруссия: 1941–1945. – М., 2008.
Полян И.М. Не по своей воле: История и география принудительных миграций в СССР – М., 2001.
Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР: 1930-1960 – М., 2003.

Семиряга М.И. Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. – М., 2000.

Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 1. Кн.2. – М., 1995.

Vas. V. Zapariy

Candidate of Sciences (History), Research Fellow, Department of Political and Sociocultural History, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS, (Yekaterinburg, Russia)

**STRUGGLE OF THE NKVD OF THE USSR AGAINST
NATIONALIST ORGANIZATIONS IN WESTERN UKRAINE AND
BELARUS ON THE EVE OF THE GREAT PATRIOTIC
WAR: 1939 – 1941**

The paper examines main reasons for organization of mass deportations of the local population by the NKVD of the USSR in Western Ukraine and Belarus in the pre-war period. The paper also shows scale of resistance to the new authorities by various nationalist organizations. The author examines main documents of the state security agencies, which reflect struggle against nationalist underground during the pre-war period.

Keywords: state security agencies, NKVD of the USSR, nationalist underground, special settlers.

УДК 94(47).084.3

*Зубков К.И.**

**ОРГАНЫ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ
РЕСПУБЛИКИ В БОРЬБЕ ПРОТИВ ЯПОНСКОЙ ИНТЕРВЕНЦИИ**

В контексте особенностей военно-политической ситуации на Дальнем Востоке России в начале 1920-х гг. и «буферной» политики большевиков, направленной на борьбу против японской интервенции, рассматриваются основные принципы организации и направления деятельности Государственной политической охраны Дальневосточной республики по обеспечению военной безопасности «буферного» государства, дается оценка ее роли в подготовке условий для ликвидации японской интервенции на восточных окраинах страны.

Ключевые слова: Россия, Дальний Восток, Дальневосточная республика, японская интервенция, Государственная политическая охрана, госбезопасность

Одной из наиболее сложных задач внешней политики Советской России в начале 1920-х гг. являлась необходимость преодоления последствий иностранной интервенции, избегая при этом риска втягивания в полномасштабную войну с сильными в военном отношении империалистическими державами. В отличие от держав Антанты и США, чья поддержка белого движения в русской Гражданской войне выразилась в ограниченном и довольно скоротечном пребывании их интервенционистских сил на территории России, ряд пограничных государств (Польша, Япония) создавали серьезную военную угрозу для выходящей из гражданской войны, ослабленной страны. Свою агрессивную политику в отношении советской России эти государства мотивировали не только идеологическим неприятием большевизма, но и соображениями стратегической безопасности, рассматривая большевистский режим как новую разновидность традиционного русского экспансионизма. Отсюда их настойчивое стремление добиться максимального ослабления и даже распада России, выстроить на отторгнутых у нее территориях «буферные» зоны безопасности. Конфронтация с Польшей, заключившей в апреле 1920 г. секретные политическую и военную конвенции с марионеточным режимом С. Петлюры, а в мае – развернувшей наступление на советскую Украину, как известно, вылилась в полномасштабную ожесточенную войну, в результате которой, согласно Рижскому мирному договору 1921 г., Польша закрепила за собой территории Западной Украины и Западной Белоруссии. На Дальнем

* Зубков Константин Иванович – кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора методологии и историографии Института истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия; zubkov.konstantin@gmail.com

Востоке, где к этому времени продолжалась японская интервенция, благодаря терпеливой и искусной «буферной» политике большевистского руководства, удалось избежать прямого военного столкновения с Японией и создать условия для эвакуации ее войск.

Отсчет интервенции Японии на русском Дальнем Востоке можно вести с января 1918 г., когда под предлогом защиты своих соотечественников в порт Владивостока вошел японский крейсер «Ивами». Свое вмешательство в политические события в России Япония поначалу стремилась представить как согласованную с союзниками акцию поддержания порядка на трассе Транссибирской железной дороги, мотивируя ее мифической угрозой усиления германского влияния на востоке и прямого захвата германскими военнопленными магистрали. Однако уже в начале апреля 1918 г., используя провокационный инцидент (убийство двух японских подданных), командующий японским флотом адмирал Като Кандзи высадил десант во Владивостоке. В дальнейшем Япония поддержала антибольшевистские силы в регионе (части Чехословацкого корпуса, режимы Г.М. Семенова в Забайкалье, И.П. Калмыкова в Приморье, Л.Д. Хорвата в зоне Китайско-Восточной железной дороги), оккупировала Николаевск-на-Амуре и трассу КВЖД. Разоблачая фальшь японских мотивировок, заявление правительства РСФСР от 5 апреля 1918 г. прямо указывало на заблаговременный, тщательно планируемый характер подготовки Японией своей интервенции и на прямые цели ее вмешательства – «задушить советскую революцию, отрезать Россию от Тихого океана, захватить богатые пространства Сибири...» [4, с. 137]. Дальнейшие события лишь подтверждали захватнический характер политики Японии на русском Дальнем Востоке, ее стремление кардинально изменить геополитический баланс в регионе в свою пользу. К началу 1920 г., когда основные силы Колчака были разгромлены и вытеснены с территории Сибири и Дальнего Востока наступающей 5-й Красной Армией и партизанскими соединениями, Япония, в отличие от союзных держав, поспеживших эвакуировать свои экспедиционные силы, лишь наращивала свое военное присутствие в регионе. Если к концу 1918 г. японцы имели в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке свыше 70 тыс. человек, то к концу 1921 г. – уже 150 тыс. [5, с. 79].

В результате на Дальнем Востоке установилось неустойчивое равновесие сил. Затратный характер интервенции, вызывавший рост национального долга Японии и, соответственно, оппозиционных настроений, неспособность японской регулярной армии справиться со стихией красного партизанского движения делали иллюзорными расчеты на прямую оккупацию Приморья, Забайкалья и Северной Маньчжурии (это было сделано Японией лишь в отношении Северного Сахалина). Поэтому в правящих кругах Японии всё больше стали делать ставку на непрямые методы контроля над дальневосточными территориями России. Усиливая в течение 1918–1920 гг. свое экономическое присутствие на русском Дальнем Востоке (контроль над желез-

ными дорогами, создание филиалов японских банков, захват рыболовных промыслов) и искусственно поддерживая в регионе состояние политической нестабильности и криминогенную обстановку, Япония стремилась увековечить там свое присутствие с помощью создания зависимых, марионеточных режимов, которые бы пользовались хотя бы минимальной поддержкой населения и укрепляли в его глазах позитивное отношение к самой Японии как гаранту общественного порядка и безопасности. С другой стороны, несмотря на успехи Красной Армии и партизан в разгроме белогвардейских армий и интервентов, рост настроений в пользу скорейшей советизации территорий Дальнего Востока, перспективы немедленного утверждения советской власти в регионе были также проблематичными. Крайнее положение Дальнего Востока и недостаток коммуникаций с ним, его слабая заселенность, протяженная морская береговая линия, высокий удельный вес частного капитала (в том числе иностранного) в экономике региона, разрушительные последствия Гражданской войны и интервенции серьезно осложняли задачи советизации. Сложной была и социальная ситуация в регионе. Прочную опору советская власть имела только среди немногочисленных городских и приисковых рабочих. Крестьянство Дальнего Востока, активно участвовавшее в борьбе с Колчаком, в то же время оставалось вне эффективного контроля большевиков, было пропитано стихийными анархическими настроениями партизанской «вольницы». Регион, фактически, не имел четких, контролируемых границ с соседними государствами. Через условную границу непрерывно происходила инфильтрация иностранных иммигрантов (корейцев, китайцев), контрабандистов, банд хунхузов, остатков белогвардейских сил, в значительном числе ушедших в Маньчжурию [1, с. 28–29]. Присутствие в регионе японских войск в такой неопределенной ситуации таило риск возникновения крайне нежелательного полномасштабного военного конфликта советской России с Японией. Всё это вместе взятое также склоняло Москву к компромиссным формам политики, способным максимально сплотить весьма разнородное русское население Дальнего Востока вокруг «общенациональных» целей избавления от иностранной военной оккупации. Так с обеих сторон к началу 1920 г. подспудно вызревала идея создания дальневосточного «буферного» государства как возможной основы компромисса интересов между РСФСР и Японией. Вопрос лишь заключался в том, какую политическую окраску примет «буфер»: будет это прояпонский, так называемый «черный буфер» или просоветский, «красный».

Напряженный и неустойчивый характер этого вынужденного компромисса, проявлявшийся то в мирных, то в военных методах вытеснения японских интервентов, обуславливал важную роль разведывательной и контрразведывательной деятельности в процессе строительства на Дальнем Востоке «буферных» государственных образований. Следует заметить, что обе стороны к началу 1920-х гг. располагали в регионе своими структурами влияния,

широкой сетью агентуры, способной проникать в замыслы противника и доставлять о нем важную в военном и политическом отношении информацию. Япония еще со времен русско-японской войны 1904–1905 гг. располагала на русском Дальнем Востоке разветвленной сетью шпионской и диверсионной деятельности. В ходе осуществления интервенции практически во всех крупных городах Восточной Сибири и Дальнего Востока японцами были созданы органы «специальной военной службы» (военные миссии), численность агентуры которых достигала 4 тыс. человек. По позднейшим данным Госполитохраны Дальневосточной республики, японская разведка была поистине всепроникающей; ее агентурой были засорены многие учреждения ДВР [7, с. 128–129]. В осуществлении политических целей Японии на русском Дальнем Востоке большую роль играли работавшие на японскую армию секретные общества и ассоциации. На русском направлении особую активность проявляла основанная в 1901 г. националистическая ассоциация Кокурюкай (Общество Черного Дракона), являвшаяся важнейшей неформальной группой влияния в вопросах внешней политики Японии и организацией, непосредственно осуществлявшей шпионско-диверсионную деятельность. Общество Черного Дракона не только готовило «специалистов по России», хорошо знающих русский язык, но и, используя панasiatскую пропаганду, широко привлекало в ряды своей агентуры находившихся на территории русского Дальнего Востока японских, китайских и корейских иммигрантов – торговцев, рабочих, слуг и т.п. Кокурюкай имело также тесные связи с криминальным миром Японии, Китая и Кореи, широко используя для финансирования своих операций сеть наркоторговли. В период японской интервенции на Дальнем Востоке России (1918–1922 гг.) Кокурюкай выступало с наиболее радикально-агрессивных позиций, требуя прямого военного захвата русской территории к востоку от оз. Байкал [10, р. 132, 134, 136].

В свою очередь, большевики в борьбе против японского империализма стремились максимально полно использовать потенциал антиимпериалистического – национально-освободительного и зарождающегося коммунистического – движения народов Дальнего Востока. Через структуры Коминтерна в странах Дальнего Востока велась посредством посылки литературы, инструктивных материалов, устройства типографий активная коммунистическая пропаганда, для чего при Сиббюро, а впоследствии при Дальбюро ЦК РКП(б) была создана секция востнародов, имевшая широкую сеть подсекций в городах Китая, Кореи, Японии. Курьеры этой организации не только регулярно переправляли литературу в эти страны, связываясь с местными социалистическими организациями и профсоюзами, но и собирали важную в военно-политическом отношении информацию. Во Владивостоке, Чите, Благовещенске филиалы секции, завязывая связи с японскими войсками и японскими рабочими на рыбных промыслах, вели среди них антивоенную и коммунистическую пропаганду [2, с. 250–252]. В этих условиях структуры

Коминтерна, фактически, превращались в один из важных каналов ведения разведывательной работы.

Обстановка «буферного» государственного строительства, в которой парадоксальным образом сосуществовали японский оккупационный режим и функционирование формально «суверенных» структур местной русской власти, определили критическую роль органов разведки и контрразведки в исходе сложной борьбы против японской интервенции. Образованным во Владивостоке в январе 1920 г. при поддержке большевиков правительством Приморской областной земской управы (впоследствии – Временное правительство Дальнего Востока) при штабе командующего вооруженными силами (Народно-революционной армии) было создано специальное Управление разведки (в отдельных воинских частях и на кораблях Сибирской флотилии функции разведки и контрразведки возлагались на структуры Военного контроля). Контрразведывательная деятельность была возложена на отдел государственной охраны при Ведомстве внутренних дел. В условиях японской интервенции главные задачи военной разведки заключались в сборе и систематизации сведений, касающихся японских войск и их планов; с этой целью Управление разведки и Военный контроль не только осуществляли внутреннюю разведку на территории Приморья силами специально созданных разведгрупп, но и имели свои резидентуры в Маньчжурии. Государственная охрана сосредоточивала свои усилия на функциях общего политического контроля, выявлении и обезвреживании белогвардейского подполья, вражеской агентуры, на охране государственной границы [6, с. 53]. Однако, в Приморье условия для деятельности органов специального назначения (разведки и контрразведки) были чрезвычайно затруднены тем, что после жестокой резни японского населения в Николаевске-на-Амуре партизанским отрядом Я. Тряпицына (11–12 марта 1920 г.) японские экспедиционные силы 4–5 апреля внезапным нападением подвергли разгрому малочисленные гарнизоны и части вооруженных сил правительства Примоблземуправы, взяв под свой контроль Владивосток, Хабаровск и другие города региона [5, с. 81]. В конце апреля 1920 г. японское командование навязало Временному правительству Дальнего Востока соглашение, согласно которым последнему вообще запрещалось иметь регулярную армию; части Народно-революционной армии и органы госбезопасности вынуждены были в этих условиях перейти на нелегальное положение, переместить свою активность из городских центров на территории, подконтрольные партизанам.

Более надежную основу формирование органов разведки и контрразведки имело на освобожденной от белых территории Прибайкалья, где в марте 1920 г. началось конституирование еще одного «буферного» государственного образования – Дальневосточной республики (ДВР) с центром в Верхнеудинске. Здесь органы контрразведки формировались на основе аппарата Военного контроля частей 5-й Красной армии и в таком виде были переданы в

состав формирующейся Народно-революционной армии (НРА) ДВР. Исходно органы безопасности прибайкальской ДВР, будучи формально подчинены Президиуму Правительства ДВР, формировались как структуры, фактически и нелегально подчиненные ВЧК РСФСР, руководящиеся ее указаниями и получавшие от нее кадровую подпитку. Эта связь осуществлялась по партийным каналам, через Дальбюро ЦК РКП(б) [8, с. 290].

В августе 1920 г. на основе слияния Военного контроля и созданного при министерстве внутренних дел правительства ДВР Главного управления охраны, была создана Государственная политическая охрана (ГПО) как единая структура госбезопасности, призванная бороться с политическими преступлениями и шпионажем на территории ДВР. Важным направлением деятельности ГПО являлась фильтрационная работа с беженцами и военнопленными, перемещавшимися через регион, контроль личного состава в частях НРА, которые формировались в значительном числе из бывших военнослужащих колчаковской и семеновской армий, перешедших на сторону советской власти [6, с. 99].

После ликвидации частями НРА ДВР в районе Читы военной группировки Г.М. Семенова (т.н. читинской «пробки») и эвакуации оттуда поддерживавших ее японских войск в октябре 1920 г. были созданы необходимые политические условия для объединения – при ведущей роли Верхнеудинского правительства – всех частей Дальнего Востока в единую Дальневосточную республику со столицей в Чите. В ходе возобновившегося процесса «буферного» государственного строительства, завершившегося к концу 1920 г., на основе использования накопленного опыта и организационного подчинения ВЧК РСФСР был создан единый республиканский аппарат Госполитохраны (с областными и уездными отделами) для всего Дальнего Востока. Общая численность сотрудников ГПО к началу 1921 г., моменту принятия «Временного положения о ГПО» (утверждено 8 февраля 1921 г.), составляла немногим более 1 тыс. человек. Ключевыми особенностями создания единой ГПО стали централизация и координация ее деятельности в масштабе всего Дальнего Востока, безраздельное и полное руководство ею со стороны большевиков (через Дальбюро ЦК РКП(б)) и ВЧК РСФСР (через уполномоченного ВЧК при Дальбюро). В отличие от других направлений государственной работы, где большевикам приходилось идти на уступки «буферным» коалиционным принципам, сфера государственной безопасности рассматривалась как стратегически важная для борьбы против интервентов и белогвардейцев, подлежащая жесткому политическому контролю исключительно со стороны ВЧК РСФСР и партийных организаций РКП(б), в связи чем большевикам в правительственных структурах ДВР приходилось неоднократно нейтрализовать попытки эсеров и меньшевиков подчинить ГПО органам общей юстиции. Вместе с тем, в отличие от ВЧК РСФСР, ГПО не обладала чрезвычайными полномочиями, позволявшими ей самостоятельно и оперативно применять

в отношении активных контрреволюционеров репрессивные меры. Другой трудностью в деятельности по обеспечению госбезопасности было то, что, создаваемая для борьбы со шпионажем, контрреволюцией, преступлениями против государственного строя ДВР, ГПО, учитывая особые условия Дальнего Востока, одновременно вынуждена была бороться с принявшей громадный размах уголовной преступностью, прежде всего, с бандитизмом, контрабандой, мародерством и т.п. При этом главной ее функцией по-прежнему оставалась деятельность по превентивному обеспечению безопасности ДВР (подавление контрреволюционной деятельности, борьба с японской разведкой) и сбору информации о внутреннем и внешнем положении ДВР, планах и действиях японской военщины и ее пособников [6, с. 218–220, 225]. Хотя в нормативных документах перед ГПО не ставилось специальных задач по ведению внешней агентурной разведки за пределами территории ДВР, необходимость добывания информации о замыслах противника, превентивного противодействия нелегальным переходам границы белогвардейскими заговорщиками и бандформированиями обусловила явочным порядком значительный удельный вес в деятельности ГПО закордонных мероприятий – по крайней мере, в приграничных районах Китая (Харбин, ст. Маньчжурия и др.) [8, с. 293].

Деятельность Госполитохраны ДВР в борьбе за скорейшее окончание японской интервенции и преодоление последствий Гражданской войны, как показали события, была достаточно эффективной. В течение 1921–1922 гг. ГПО пресекла деятельность десятков законспирированных белоповстанческих вооруженных организаций (в том числе в ряде частей НРА), собственными силами разгромила более 50 банд, нейтрализовала значительную часть японской шпионской сети. Не был тайной для ГПО тщательно готовившийся и осуществленный каппелевцами и семеновцами в мае 1921 г. с помощью японцев военный переворот во Владивостоке, приведший к власти прояпонское «Приамурское временное правительство» братьев Н.Д. и С.Д. Меркуловых. Однако малочисленность собственных сил в Приморье, жесткие условия японского оккупационного режима помешали Приморскому отделу ГПО предотвратить этот переворот, направленный на создание внутри ДВР прояпонского «черного буфера»; ему пришлось в организованном порядке отступить в партизанские районы [7, с. 135, 144]. Благодаря деятельности ГПО, Дальбюро ЦК РКП(б), командование Красной армии в Сибири и НРА ДВР, регулярно получали подробную информацию о дислокации и активности бандформирований белогвардейцев, хунхузов, дезертиров в приграничных районах, о политических настроениях и заговорщической деятельности различных группировок белой эмиграции в Маньчжурии, о ближайших планах японских экспедиционных сил, их поддержке семеновского режима в Забайкалье и меркуловского – в Приморье, о политических настроениях в лагере интервентов [3, с. 342–344]. Как явствует из подготовленной в 1922 г. пред-

ставительством ДВР в США книге, разоблачающей цели японской интервенции на русском Дальнем Востоке, в распоряжении руководства ДВР в ряде случаев оказывались копии секретной переписки командующего японскими экспедиционными силами генерала Ои Сигемото с военным министерством, командующими дивизиями, Г.М. Семеновым и др. [9, р. 49, 51] Такого рода информация позволяла властям ДВР упреждать действия противника, эффективно выстраивать линию политико-дипломатических и военных действий, направленных на вытеснение японских интервентов с территории русского Дальнего Востока. Этим определялся важный вклад дальневосточных чекистов в разрешение одной из критических проблем военной безопасности страны в начале 1920-х гг.

Библиографический список:

1. Буяков А.М., Шинин О.В. Деятельность органов безопасности на Дальнем Востоке в 1922–1941 годах. – М., 2013.
2. ВКП(б), Коминтерн и Япония. 1917 – 1941 гг. – М., 2001.
3. Дальневосточная политика Советской России (1920–1922 гг.). Сборник документов Сибирского бюро ЦК РКП(б) и Сибирского революционного комитета. – Новосибирск, 1996.
4. Ключников Ю.В., Сабанин А.В. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. 2. От империалистической войны до снятия блокады с Советской России. – М., 1926.
5. Молодяков В.Э., Молодякова Э.В., Маркарьян С.Б. История Японии. XX век. – М., 2007.
6. Сонин В.В. Становление Дальневосточной республики (1920–1922). Владивосток, 1990.
7. Чепик М.В. Деятельность дальневосточных чекистов по пресечению подрывной работы иностранных спецслужб в 1920–1922 гг. // Genesis: исторические исследования. 2013. № 3. С. 126 – 148. – Режим доступа: http://e-notabene.ru/hr/article_8738.html
8. Шинин О.В. Организация органами безопасности Дальневосточной республики разведывательной деятельности в 1920–1922 гг. // Исторический журнал: научные исследования. 2013. № 3 (15). С. 289–301.
9. Japanese Intervention in the Russian Far East. – Wash., D.C.: Published by The Special Delegation of the Far Eastern Republic to the United States of America, 1922. – vii, 165 p.
10. Saaler, Sven. The Koruryūkai (Black Dragon Society) and the Rise of Nationalism, Pan-Asianism, and Militarism in Japan, 1901 – 1925 // International Journal of Asian Studies. 2014. Vol. 11, No. 2. P. 125–160.

К.И. Zubkov

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural branch of the RAS (Yekaterinburg, Russia)

STATE SECURITY ORGANS OF THE FAR EASTERN REPUBLIC IN FIGHTING AGAINST THE JAPANESE INTERVENTION

In the context of peculiarities of the military and political situation in Russia's Far East in the early 1920s and the "buffer" policies of the Bolsheviks aimed at fighting against the Japanese intervention, the article analyzes chief principles of organization and activities of the State Political Guard of the Far Eastern Republic as organ providing a military security of the "buffer" state; the author gives the evaluation of its role in preparing the conditions for elimination of the Japanese intervention on the country's eastern outskirts.

Keywords: Russia, Far East, Far Eastern Republic, Japanese intervention, State Political Guard, state security

ИСТОРИОГРАФИЯ ИСТОРИИ УРАЛЬСКИХ ЧК (1918–1922 гг.)

Проанализирована степень изученности истории создания и реформирования органов ЧК на Урале. Выделено два периода в ее изучении: советский и постсоветский. Показано влияние идеологии на оценки исследователей.

Ключевые слова: историография, чрезвычайные комиссии, Урал, дискурс.

Изучение истории органов ЧК на Урале определяется состоянием источниковой базы. В советское время только в первые 10 лет новой власти в периодической печати публиковались документы о создании органов ЧК, их структуре и функциях, воспоминания первых чекистов. С середины 1920-х гг. постепенно публикация документов о ВЧК-ОГПУ прекратилась.

Советская историография проблемы насчитывает большое количество работ, в которых раскрываются различные аспекты деятельности ЧК. Согласно советской традиции эти органы относились к правоохранительным учреждениям вместе с органами милиции, суда и прокуратуры. Историки писали об участии уральских чекистов в установлении советской власти, подавлении антисоветских мятежей, борьбе с контрреволюционными элементами и белым движением, решении продовольственного вопроса, борьбе с беспорядочностью и т.д. Вопросы организации и функционирования самих органов ЧК на Урале были освещены гораздо слабее.

Тем не менее выходили работы, в которых на уральском материале раскрывалась история органов ЧК [2, 11, 17, 21], издавались очерки об уральских чекистах [12, 15, 20]. А. Округин и В.В. Романенко описали формирование органов борьбы с контрреволюцией, охарактеризовали структуру Уральской облЧК и ряда губЧК. В. В. Романенко затронул вопрос о создании уездных политбюро при органах милиции в начале 1920-х гг.

Уникальной являлась работа начальника управления КГБ по Свердловской области Ю.И. Корнилова и сотрудника этого управления Г.К. Наумова. В ней был приведен материал о создании 24 февраля 1918 г. Екатеринбургской ЧК (преобразованной в мае 1918 г. в Уральскую облЧК), об образовании губЧК во всех губерниях Урала. Подчеркивалась роль военно-революционных комитетов в создании отделов по борьбе с контрреволюцией, позднее наделенных чрезвычайными полномочиями – ЧК. Авторы отмечали, что в течение лета и осени 1918 г. органы защиты революции были созданы во всех крупных городах Урала, а также в большинстве уездных центров. Был дан

социокультурный портрет руководителей уральских ЧК. Освещались новые функции ЧК, которые они получили в связи с переходом к мирному времени, и процесс их реорганизации в связи с созданием ГПУ в начале 1920-х гг.

В советской историографии деятельность ЧК оценивалась положительно, как необходимая для сохранения диктатуры пролетариата. Считалось, что эти органы не допускали незаконных репрессий, не применяли недостойных методов в своей работе.

В годы «перестройки» рассекречивание ряда архивных документов позволило историкам перейти к вскрытию «белых пятен» и «фигур умолчания» в деятельности советских спецслужб [14]. Историки стали обращать внимание на наличие негативных моментов в деятельности правоохранительных органов, правда, объясняли их объективными причинами [22].

В современной историографии об истории органов ВЧК на уральском материале написано немало работ [3, 4, 5, 18, 19]. Этому способствовало существенное расширение источниковой базы. Идеологические предпочтения авторов исследований привели к образованию дискурса в оценке основной функции, выполняемой органами ЧК: карательной или правоохранительной. В некоторых из них по-прежнему используется термин «правоохранительные» органы [6, 16].

Большое влияние на изменение образа сотрудников органов ЧК оказали книги историков-эмигрантов и зарубежных авторов. Акценты в изображении процессов, событий, личностей были существенно изменены, ЧК были отнесены к карательным органам.

Более разнообразной стала проблематика исследований. Впервые достаточно подробно изучаются реформы организационной структуры органов ЧК в различных регионах Урала. М. Парфирьева, В. Кадочников и Е.А. Кобелева подробно осветили эти вопросы на примере Пермской губЧК [7, 13], Г.А. Стрельников и Ю.Н. Тимкин – Вятской губЧК [23, 24], Т.В. Зубарева, Н.И. Курочкин, В.Г. Глазков, И.Я. Тарасов – Оренбургской губЧК [6, 9], А.И. Абдрахманов и Р.Р. Мардамшин – Башкирской ЧК [1, 10]. По мнению авторов, ЧК создавались под воздействием центра и общей обстановки в России, и их функции вполне соответствовали теоретическим представлениям левых партий о революционном насилии. Е.А. Кобелева рассмотрела вопрос о реализации реформы органов ВЧК на Западном Урале, структурной составляющей которой было создание политических бюро при уездных управлениях милиции. Новые уездные структуры безопасности получили двойное подчинение – милиции и губернским ЧК [8].

Таким образом, уральские исследователи внесли определенный вклад в изучение истории создания и функционирования местных ЧК. Однако эта литература носит разрозненный характер и нет целостного представления о месте этого органа в системе органов советского государства, осуществлявшего функцию его защиты от внутренних и внешних врагов.

* Камынин Владимир Дмитриевич – доктор исторических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений Уральского Федерального университета им. первого Президента России Б.Н. Ельцина; Россия, Екатеринбург; kamyninv@yandex.ru

Библиографический список:

1. *Абдрахманов А.И.* Место и роль НКВД в государственном механизме Башкирской Советской автономной Республики: 1919–1925 гг.: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2000.
2. *Васильев И.И., Корнилов Ю.И., Наумов Г.К.* Из истории органов госбезопасности Урала. – М., 1982. Ч. 1.
3. *Вепрев О.В., Люттов В.В.* Государственная безопасность: три века на Южном Урале. – Челябинск, 2002.
4. *Вольхина В.Л.* Вехи истории УФСБ России по Свердловской области (к 95-летию со дня образования) // Общество и органы госбезопасности: материалы круглого стола. Екатеринбург, 21 февраля 2013 г. – Екатеринбург, 2013. С. 27–33.
5. *Денисевич М.Н., Кузнецов С.Н., Смыкалин А.С.* Органы государственной безопасности // Уральская историческая энциклопедия. – Екатеринбург, 2000. 2-е изд. С. 381–382.
6. *Зубарева Т.В.* Деятельность правоохранительных органов по осуществлению продовольственной программы правительства в годы Гражданской войны. – Оренбург, 2004.
7. *Кобелева Е.А.* Место и роль органов ЧК в процессе становления Советского государства. 1918 – начало 1922 гг.: На материалах Пермского Прикамья: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Пермь, 2005.
8. *Кобелева Е.А.* Создание уездных политических бюро на Западном Урале (начало 1920 г.) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 6 (80): в 2-х ч. Ч. 1. С. 74–76.
9. На защите интересов России: ГубЧК – УФСБ 80 лет / Сост. *Н.И. Курочкин, В.Г. Глазков, И.Я. Тарасов.* – Оренбург, 1998.
10. *Мардашин Р.Р.* История Башкирской чрезвычайной комиссии (1917–1922 гг.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. – Уфа, 1995.
11. *Округин А.* По велению партии: Из истории создания и деятельности органов ВЧК на Урале. 1917–1921 гг. // Уральский рабочий. 1982. 16 дек.
12. *Паздников Н.Ф.* Очерк о большевике чекисте Падучеве // Знамя Ильича (Ильинск Пермской области). 1972. 11 янв.
13. *Парфирьева М., Кадочников В.* Благо Родины превыше всего. К 85-летию Регион. упр. Федер. службы безопасности Рос. Федерации по Перм. обл. – Пермь, 2003.
14. Пермские чекисты: Сборник очерков. – Пермь, 1988.
15. Подвиг пермских чекистов: Очерки. – Пермь, 1982.
16. Правоохранительные органы Южного Урала: история и современность. – Оренбург, 2000.
17. *Пышминцев И.* Щит и меч революции // Блокнот агитатора. 1967. № 23. С. 8–20.
18. *Рассказов Л.П.* Роль карательно-репрессивных органов в становлении административно-командной системы в первые годы советской власти. – Уфа, 1992.
19. *Рассказов Л.П.* Карательные органы в процессе формирования и функционирования административно-командной системы в Советском государстве (1917–1941). – Уфа, 1994.

20. *Резник Я.Л.* Чекист: Повесть о Я.М. Юровском. – Свердловск, 1968.

21. *Романенко В.В.* В борьбе с контрреволюцией. Из истории создания Чрезвычайных комиссий Поволжья и Урала в 1918–1922 гг. – Саратов, 1985.

22. *Сорокина О.Н.* Некоторые психологические аспекты формирования осведомительства в системе ВЧК-ОГПУ 1918–1928 гг. (на материалах Урала) // История Советской России: новые идеи, суждения. – Тюмень, 1991. Ч. 1. С. 102–104.

23. *Стрельников Г.А.* Образование Вятской губЧК и ее личный состав в 20-е годы // Из истории вятских спецслужб в конце XIX–XX вв. – Киров, 1997. С. 90–99.

24. *Тимкин Ю. Н.* Вятская губернская чрезвычайная комиссия в 1918–1920 гг. // Из истории вятских спецслужб в конце XIX–XX вв. – Киров, 1997. С. 63–76.

25. Чекисты Башкирии: Очерки, статьи, воспоминания. – Уфа, 1967.

V.D. Kamynin

Doctor of historical Sciences, Professor of Chair of Theory and History of International Relations, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia)

HISTORIOGRAPHY OF THE HISTORY OF THE URAL CHEKA (1918–1922)

The paper analyses historiography of establishment and reform of the Cheka in the Urals. The author distinguishes two periods in study of history of the Cheka: Soviet and post-Soviet. The paper also shows influence of ideology on assessments of historians.

Keywords: historiography, Extraordinary Commissions, the Urals, discourse.

ФЕНОМЕН СОЗДАНИЯ ОРГАНОВ ГОСБЕЗОПАСНОСТИ НА НИЖНЕТАГИЛЬСКОМ ЗАВОДЕ В 1918 ГОДУ

На примере Нижнетагильского завода в Пермской губернии проанализированы причины, особенности создания и работа провинциальных органов государственной безопасности Советской России в 1918 г.

Ключевые слова: ЧК, органы госбезопасности, Гражданская война, Урал, Нижний Тагил.

После создания в декабре 1917 г. Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем (ВЧК), чрезвычайные комиссии (ЧК) стали организовываться повсеместно в губернских центрах.

В ходе революции 1917 г. на роль новой административной столицы Урала стал претендовать г. Екатеринбург. В крупном уездном центре сформировалась сильная большевистская организация, а в феврале 1918 г. – Чрезвычайная комиссия, переименованная в мае в Уральскую областную ЧК. Вскоре процесс создания ЧК проник в волости и на заводы.

I Всероссийская конференция чрезвычайных комиссий, проходившая в Москве 11–14 июня 1918 г., призвала создавать при каждом губернском и уездном Совдепе ЧК по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией, для чего исполком или сам Совет «выделяет группу лиц, преданных делу революции и Советской власти товарищей». О волостях и селах не было и речи, на местах полагалось ограничиться чрезвычайными комиссарами, подчиненных ГубЧК [4, с. 159].

Повсеместно стали создаваться местные ЧК, во главе которых ставились члены партии, выбранные или назначенные местными Советами. К середине года создание губЧК в основном завершилось, а к августу 38 губернских и областных Советов имели свои комиссии [6, с. 31].

Несмотря на то, что большая часть РСФСР, в том числе Сибирь и Урал контролировались антибольшевистскими правительствами, в Советской России до конца 1918 г. действовали 365 уездных ЧК [5, с. 83].

ЧК были созданы в городах Челябинске, Верхотурье, Камышлове и других уездных центрах Урала. Однако процесс организации чрезвычайных комиссий добрался до волостей и заводов. Поясним, что селение Нижнетагильский завод, имевшее до 50 тысяч населения, сохранило официальное наименование до августа 1919 г.

Какие же процессы и события привели к организации полноценной Чрезвычайной комиссии в Нижнетагильском заводе?

* Кашин Владимир Викторович – член «Общества изучения истории отечественных спецслужб», Нижний Тагил, Россия; KashinVV@gmail.com

12 июня 1918 г. в Невьянском заводе восстали военнослужащие-эсеры автомобильной части при поддержке рабочих-меньшевиков и крестьян прилегающих волостей. В первые сутки были убиты председатели исполкома С.Ф. Коськович и следственной комиссии П.П. Шайдуков. Мятажники пытались захватить Нижний Тагил, но получили отпор.

Летом против Советского правительства выступил Чехословацкий корпус, находившийся на содержании правительства Франции. Сорок тысяч вооруженных легионеров спешили из вагонов в боевые колонны, свергнули Советскую власть в городах и прилегающих районах к Транссибирской магистрали (Пенза – Самара – Златоуст – Челябинск – Петропавловск – Курган – Омск – Ново-Николаевск – Владивосток). Это создало благоприятную ситуацию для консолидации и организации антибольшевистских сил на Урале и в Сибири. 16 июля СНК принял постановление об организации Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией на «Восточном внутреннем фронте», а «все Комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем при Советах прифронтной полосы непосредственно подчиняются ей» [1, с. 98].

6 июля 1918 г. в Москве был убит посол Германии В. Мирбах. Исполнителем теракта явились сотрудники ВЧК Я. Блюмкин и Н. Андреев (левые эсеры). Партия социалистов-революционеров, протестуя против «похабного» мира с Германией, выступила с оружием против большевиков, арестовав их видных представителей – Ф. Дзержинского, М. Лациса и других. 7 июля власть применила войска и артиллерию, вынудив мятежников сдаться.

Мятаж в столице послужил основанием внеочередного заседания 8 июля Пленарного Комитета фракции коммунистов Нижнего Тагила, которое открылось обсуждением вопроса «О событиях в г. Москве». Во исполнение указаний Уралобкома РКП(б) в качестве ответной меры на мятежи была создана «Чрезвычайно-следственная комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем в Нижне-Тагильском заводе». Первым председателем был назначен рабочий А.Е. Пузеев¹, а его заместителем стал комиссар юстиции и заместитель председателя Исполкома Совета депутатов Я.И. Маер. Избранным руководителям дали первое поручение – «набрать нужный состав Комиссии»².

ЧК получила экспропрированную усадьбу золотопромышленника А.И. Треухова. Здесь же, на постоянной основе, разместили бойцов приданного кавалерийского отряда. По злой иронии через полгода в этот дом вселилась Военно-следственная комиссия колчаковского правительства по расследованию преступлений большевиков.

¹ Пузеев Андрей Ефимович, 1887 г.р., участник ликвидации невянского мятежа, председатель ревтрибунала в Н.Тагиле, мобилизован в РККА в Вятке, агитатор политотдела 29-й дивизии, отозван 9.08.1919 г. для работы в Совете, где возглавил земотдел. Разыскивался Военно-следственной комиссией по обвинению в убийстве жителя Черноисточинска К. Смирнова «во время большевистского засилья». Получил удостоверение красногвардейца в 1932 г.

² Центр документации общественных организаций Свердловской области. (ЦДООО). Ф. 4. Оп. 1. Д. 11.

Нижнетагильская ЧК как орган исполнительной власти действовала менее трех месяцев – до занятия чехословаками заводского селения. Преодолев трудности становления, кадровые и организационные проблемы, она успешно завершила ряд операций. Как сообщали местные газеты: «Незадолго до освобождения Тагила (04.10.1918 – В.К.) там была попытка к свержению ига красных. Несколько местных офицеров, взятых насильно в Красную армию, добыли обманным путем винтовки, пулеметы и много патронов. Но заговор был скоро раскрыт, и организаторы его – офицеры Павловский, Шаванов, Треухов и другие – расстреляны»¹.

Действительно в Нижнем Тагиле продолжительное время действовала подпольная организация из бывших офицеров и солдат Русской императорской армии, связанная с вооруженным отрядом Павловского. Так, в начале сентября, ночью, они напали на военный аэродром, который базировался на местном ипподроме. В ту ночь красноармейский караул оказался на высоте, нападавшие были рассеяны, а самолеты спасены. После длительных усилий и ценой потерь большевикам удалось выследить скрывавшийся в лесу отряд. Сам Павловский, пользуясь служебным положением, доставал винтовки, боеприпасы и документы прикрытия. Бывший офицер на военной службе у большевиков до крайней возможности прикрывался высокой должностью в местном гарнизоне, совмещая службу с организацией подполья и вербовкой единомышленников. Только приказом 12 сентября самовольно отлучившись накануне ночью командира караульной роты Павловского, его помощника Баранова и двух красноармейцев стали считать дезертирами и «полагать в бегах». Павловский, как опытный подпольщик, скрывался в окрестностях, часто появляясь в Нижнем Тагиле, но, в конце концов, был опознан и схвачен [2, с. 32].

В результате в Нижнем Тагиле, в отличие от Екатеринбурга, Кургана, а позже и Перми, удалось избежать открытого выступления вооруженного подполья, что привело к быстрой сдаче указанных городов противнику.

К вскрытию подпольной организации привела системная работа. Согласно архивным документам, 2 сентября следователь ЧК Борис Седлон допросил десять человек по делам, связанным с изъятием оружия у населения. Среди этой рутины удалось выйти на молодого подпольщика А.П. Шаванова, который обещал окружению: «Подождите, подойдут к Тагилу чехи, долго терпеть не будем, настанет время, и при первой возможности мы подступим к Тагильскому Совету, и тогда он падет... первая пуля будет красноармейцу Ялунину за то, что отобрал у моего отца револьвер... Уж очень хочется поколотить большевиков, чешутся кулаки на них...». В тот же день его арестовали².

Одной из причин провала антибольшевистской организации стала несдержанность молодого подпоручика, которого друзья величали между собой

¹ Нижний Тагил // Ирбитский вестник. 1918. 20 окт. № 31.

² ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 42. Л. 41–45.

«штабс-капитаном». Исследователи обоснованно считают, что молодежное крыло заговорщиков – бывшие офицеры военного времени А.П. Шаванов, С.С. Хлынов, Д.А. Треухов, К.П. Бебуров, П.Н. Старков – были пружиной «предполагавшегося восстания» [3, с. 102].

В политсводке штаба 3-й армии Восточного фронта от 18 сентября сообщалось, что «Н.-Тагильская ЧК вскрыла попытку покушения на комиссара 2-й Уральской дивизии С.В. Мрачковского и Н.-Тагильского военкома П.Н. Овчинкина». В качестве организатора преступления следствием был выявлен член камышловской федерации анархистов Н. Черепанов, который поручил совершить убийство тагильскому уголовнику Я. Криворучко за вознаграждение в одну тысячу рублей. Арестом обоих покушение было предотвращено¹.

Сохранились допросы от 18 сентября, проведенные руководителем ЧК Маером. Накануне из Перми поступило указание разобраться и наказать командира рабочего батальона Красной армии Баклыкова, который арестовал комиссара Зайцева во время исполнения им служебных обязанностей в Черноисточинском заводе. В ходе дознания вскрылось, что командированный комиссар оказался с атаманскими замашками и во время реквизиций лично избил «нагайкой толщиной с палец» двух граждан якобы за укрывательство имущества, а затем незаконно арестовал их. Материалы дознания ЧК оправдали неординарные действия комбата, который вскоре погиб при обороне Нижнего Тагила².

Так, кто же руководил первым составом Нижнетагильской ЧК: местный рабочий или польский коммунист?

Избранный рабочий Андрей Ефимович Пузеев продержался в должности несколько дней. Вскрылась его причастность к убийству жительницы Нижнего Тагила в дореволюционное время как соучастника «переноса и хранения похищенных у нее вещей». Все остальные члены банды были задержаны и арестованы. Ввиду отсутствия прямых улик судебный следователь отпустил его до суда, а тот не замедлил скрыться. Однако Екатеринбургский окружной суд приговорил А.Е. Пузеева к 12 годам каторжных работ наравне со всеми соучастниками. Об этом доложил Исполкому бывший судебный следователь Екатеринбургского окружного суда Н.А. Маляров³.

Предложение «отозвать Пузеева с занимаемого поста председателя ЧК и исключить из парторганизации Н.Тагила» прошло большинством голосов. Вопрос о замещении должности разрешился в тот же день, 16 августа путем избрания Я.И. Маера⁴.

¹ Нижнетагильский городской исторический архив. Ф. 10. Оп. 1. Д. 6. Л. 13.

² ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 42. Л. 56–57.

³ Маляров Н.А. – титулярный советник вновь был назначен судебным следователем Екатеринбурга после падения Советской власти в 1918 г., как и его отец в конце XIX в.

⁴ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 1. Д. 11. Л. 43.

Ян Иосифович Маер родился в 1892 г. в Царстве Польском, член РСДРП(б) с 1915 г., выехал в составе полумиллиона эвакуированных поляков в ходе оккупации Германией Привислинского края. Поляки активно участвовали в социал-демократическом движении, всемерно готовили и поддержали Русскую революцию. Как квалифицированный специалист он попал на Высокогорский механический (снарядный) завод наследников П.П. Демидова, князя Сан-Донато. В начале 1918 г. был избран комиссаром юстиции, в мае – товарищем председателя исполкома Совета Рабочих и Крестьянских депутатов, что свидетельствует о высоком авторитете и общей грамотности польского коммуниста. После отступления из Нижнего Тагила он продолжил службу в Особом отделе 29-й дивизии 3-й армии РККА. После Гражданской войны окончил Военно-политическую академию им. Толмачева (1928), состоял в Управлении начсостава РККА, в 1938 г. был уволен с должности Инспектора РККА в звании бригадный комиссар (1936), данных о репрессировании нет. Я.И. Маер был знаком с руководителями органов безопасности СССР Ф.Э. Дзержинским (1877–1926) и И.С. Уншлихтом (1879–1938), этническими поляками. Отметим что в 1918 г. число поляков-комиссаров в аппарате ВЧК составляло 10% [1, с. 267].

4 октября 1918 г. Нижний Тагил был взят штурмом чехословацких и русских белых частей, личный состав нижнетагильской ЧК эвакуировался вместе с приданным эскадромом. Сотрудники влились в ряды особых отделов РККА Восточного фронта, а также Пермской и Вятской губЧК. Это странным образом совпало с тем, что тогда же были упразднены волостные ЧК и институт чрезвычайных комиссаров [6, с. 34].

В июле 1919 г. Урал был полностью освобожден от частей армии Колчака, а в крупных административных центрах стали возрождаться органы ВЧК. В августе Нижний Тагил получил статус города, но органы госбезопасности в силу изменившихся общественно-политических условий были восстановлены не сразу и под другим наименованием. В начале 1920-х гг. они существовали в виде Политбюро при нижнетагильской уездной милиции, и только затем возродились в рамках централизованной системы ГПУ–ОГПУ–НКВД СССР.

Во второй половине XX в. нижнетагильский городской отдел госбезопасности как структурное подразделение областного управления стал крупнейшим по численности в стране, хотя возник в первый год Советской власти в заводском селении для вскрытия антисоветских организаций в условиях наступления антибольшевистских вооруженных сил.

Библиографический список:

1. ВЧК. Главные документы истории. – М., 2017.
2. *Кашин В.В.* На службе у государства. Органы государственной безопасности города Нижний Тагил: люди, события, факты. – Нижний Тагил, 2008.
3. *Кручинин А.М.* Сражение за Нижний Тагил в 1918 году. – Екатеринбург, 2008.
4. Лубянка. ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ, 1917–1960. Справочник. – М., 1997.
5. Отчет Всероссийской Чрезвычайной Комиссии за четыре года ее деятельности (20 декабря 1917 г. – 20 декабря 1921 г.) 1. Организационная часть. – М., 1921.
6. *Христофоров В.С.* История советских органов госбезопасности: 1917–1991 гг. – М., 2017.

V.V. Kashin

Researcher, member of the «Society for the study of the history of domestic special services» (Moscow) (Nizhny Tagil, Sverdlovsk region, Russia)

THE PHENOMENON OF THE ORGANIZATION OF THE STATE SECURITY IN THE NIZHNY TAGIL PLANT IN JULY 1918

On the example of the volost village «Nizhny Tagil plant» Verkhotursky district of the Perm region the reasons and features of creation and activity of the state security organs of Soviet Russia in the deep province in 1918 are analyzed.

Keywords: Cheka, state security agencies, Civil War, Ural, Nizhny Tagil.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УРАЛЬСКОЙ ГУБЕРНСКОЙ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССИИ В 1919–1922 ГГ.

Освещаются отдельные аспекты организации, кадрового состава и деятельности Екатеринбургской Уральской губернской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности в 1919–1922 гг.

Ключевые слова: Уральская губернская чрезвычайная комиссия; организационный и кадровый состав; деятельность в 1919–1922 гг.

После того, как 14 июля 1919 г. в Екатеринбург вошли части Красной Армии, практически сразу была воссоздана Уральская губернская чрезвычайная комиссия по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности (УралгубЧК). Вернувшись из эвакуации в Вятке, она продолжила здесь работу на правах губернской. Это решение было утверждено губернским революционным комитетом и Всероссийской ЧК 28 августа 1919 года¹.

Размещалась УралгубЧК с августа 1919 г. на бывшей Соборной улице, тогда улице Пушкина (ныне Пушкинской), дом 7. С 1922 г. здесь же размещалось Полномочное представительство ГПУ (ОГПУ) по Уралу. До революции в этой бывшей усадьбе В.Г. Черепанова работала биржевая гостиница «Эрмитаж». Комплекс состоял из 4 зданий: гостиницы, флигеля, бани с прачечной и конюшни, объединенных между собой высокой кирпичной стеной и трехчастными воротами с двумя калитками и проездом. К настоящему времени сохранились только гостиница и флигель [3, с. С 343, 390].

Председателем УралгубЧК 2 ноября 1919 г. был назначен вместо освобожденного от этой должности известного чекиста Я.М. Юровского, А.Г. Тунгусков [2, с. 115]². Бывший моряк Балтийского флота, техник-механик, он

* Константинов Сергей Иванович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета, Екатеринбург, Россия; konstantinov2904@mail.ru

¹ Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 76. Оп. 1. Д. 780. Л. 104. «Доклад к III годовщине Октябрьской революции». (1920 г.).

² Тунгусков Андрей Георгиевич (1888–1930) – по профессии техник-механик. Во время Первой мировой войны служил на Балтийском флоте, награжден Георгиевской медалью 4-й степени. В 1919 г. председатель Вятской ГубЧК, затем начальник Особого отдела ВЧК при 3-й армии. Решением Екатеринбургского губкома РКП (б) от 2 ноября 1919 г. назначен председателем Екатеринбургской губЧК. Совмещал эту должность с руководством Особым отделом ВЧК при 1-й армии труда. Полномочный представитель ВЧК на Урале (октябрь 1921 – февраль 1922 гг.). В феврале 1922 г. снят с должности и переведен руководить органами ГПУ в г. Орёл. В ноябре 1922 г. исключен из партии, осужден и отправлен в феврале 1923 г. в концлагерь на Соловки. Расстрелян в 1930 г. по постановлению коллегии ОГПУ «за измену делу пролетарской революции и Советской власти». ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 4. Л. 3; Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. Р-574. Оп. 4. Д. 7. Л. 20, 25–26.

до февраля 1922 г. совмещал свою должность с руководством Особым отделом ВЧК при 1-й Армии Труда дислоцировавшейся в Екатеринбурге.

В руководящий состав в частности входили: Храмцов Николай Яковлевич (р. 1891 – ?) – член РКП(б) с 1918 г., в августе 1919 г. – председатель Вятской губЧК. С 29 ноября 1919 г. по 15 июня 1921 г. – член коллегии Екатеринбургской губЧК. Откомандирован в распоряжение административно-организационного управления ВЧК¹. В последующем был исключен из партии. Штальберг Герта Николаевна – латышка, в 1919 г. направлена в Екатеринбург из Перми. Заведующая отделом разведки и контрразведки. В последующем следователь по партийным взысканиям заграничных работников при Центральной контрольной комиссии. Густ Елизавета Карловна – в 1919–1920 гг. работала заведующей регистрацией Екатеринбургской ЧК, была секретарем партячейки, членом комиссии по улучшению жизни детей при ГубЧК. С 1921 г. – начальник архива ОГПУ-НКВД СССР, затем в аппарате осoboуполномоченного НКВД. В 1932 г. была награждена именным оружием².

Здесь же в 1920 г. начинал свою карьеру сотрудником для связи с агентурой Г.С. Агабеков (настоящая фамилия Арутюнов, 1895–1937), один из первых высокопоставленных сотрудников внешней разведки (резидент в Константинополе), бежавший в 1930 г. во Францию. Его первым начальником был бывший крестьянин Пермской губернии Коряков. В январе 1921 г. Агабеков был переведен в Особый отдел 3-й армии [1].

С 1 по 28 августа 1919 г. губЧК была занята работой по организации своих отделов и вспомогательных органов. Первоочередной задачей была организация Секретного отдела, который бы срочно занялся проверкой заявлений, и Юридического отдела для разбора поступающих дел. Так же 21 августа в губвоенревком была подана докладная записка с предложением разрешить формирование и финансирование при губЧК батальона войск внутренней охраны трехротного состава со всеми родами оружия и видами специальностей, полагающимися в боевом батальоне. Численность предполагалась в 600 человек, из которых будет 450 штыков, а остальные – командный состав, команда связи, разведчики, пулемётчики, врачи. В Екатеринбурге предлагалось расквартировать 200 человек, а остальных, в целях быстрой переброски распределить при больших промышленных районах. Для содержания батальона запрашивалась сумма в два миллиона рублей за полугодие³.

Параллельно с организационной работой в этот период губЧК пришлось не только ликвидировать остатки разбитых белогвардейских войск – отряды Вяземского и поручика Ермохина (его удалось арестовать только в августе 1945 г. в Китае), а также бороться с самосудами местного населения над

¹ ГАСО. Ф. Р-573. Оп. 1. Д. 2. Л. 55; Оп. 2. Д. 3. Л. 1.

² Управление Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Свердловской области. 1918–2003. – Екатеринбург, 2003. С. 29–30.

³ ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 780. Л. 157–157 об.

сторонниками белых, но и преодолевать острый кадровый голод рядовых работников ЧК. Пришлось вести борьбу с элементами, не заслуживающими доверия, но которые тем не менее «примазывались» к ЧК и милиции иногда просто для того, чтобы погреть руки или с целью скрыть за стенами комиссии свое преступное прошлое.

Примером этого явления может служить ликвидация в сентябре 1919 г. «шайки бандитов, целиком служивших в Екатеринбургском губернском розыске». В докладе о работе ЧК к третьей годовщине Октябрьской революции отмечалось, что «участники этой «шайки» придерживались следующей системы: сами писали заявления о том, что в каком-нибудь доме скрыто имущество. По заявлению сами производили обыск и устанавливали его наличие. Ночью производили грабёж и сами прекращали дело... Ещё усугубляло борьбу с ними и то, что ЧК иногда приходилось сноситься с розыском по тем или иным вопросам и таким образом держать агентов-бандитов в курсе дела, которое в этом случае всегда будет сорвано. Благодаря тому, что ЧК раскрыло карты сотрудников уголовного губрозыска бандитизм почти сошёл на нет»¹. И это был не единичный случай в области борьбы ЧК с бандитизмом.

Екатеринбургской ЧК удалось тогда же обезвредить несколько банд численностью от 7 до 25 человек, которые ставили задачами перед собой налёты на учреждения с целью ограбления касс, которые сопровождалась убийствами служащих. Ставилась ими и задача убийства ответственных работников советской власти². УралгубЧК взяла также на учет бежавших из губернии представителей видной буржуазии и кулачества. При этом снабдила списками этих людей Челябинскую, Тюменскую и Омскую Чрезвычайные комиссии. Продолжалась и вербовка осведомителей в учреждениях³.

Интенсивно осенью 1919 г. работал юридический отдел губЧК. Через следователей отдела за сентябрь, октябрь и ноябрь прошла масса дел с общим количеством арестованных по ним в 832 человека. Большинство из них обвинялось за следующие преступления: за выдачу и истязания советских работников 181 человек; за контрреволюцию 115; за службу у белых 80; за агитацию против Советской власти 78.

За месяц, с 1 ноября по 1 декабря 1919 г., по результатам рассмотренных дел, юридическим отделом был освобожден 71 человек, амнистировано 350, расстреляно 13 человек (из них за шпионаж 2, за контрреволюцию 4, за преступления по должности 7 человек). Общее количество расстрелянных по постановлению губЧК за три осенних месяца составляло 101 человек, приговорённых к принудительным работам 97, к заключению в концентрационном лагере 3 человека⁴.

¹ ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 780. Л. 157–157 об.. Д. 789. Л. 2.

² Там же. Д. 780. Л. 111.

³ Там же. Л. 4.

⁴ Там же.

Прекращение гражданской войны и переход к мирному строительству потребовали внесения изменений в структуру органов ВЧК. Новый период реорганизации (март–ноябрь 1921 г.) проходил на фоне глубокого внутреннего кризиса, охватившего страну в начале 1921 г. Наряду с либерализацией экономической политики, руководство большевиков усилило борьбу с оппозиционными партиями, иностранными спецслужбами и антисоветскими белогвардейскими центрами, политическим бандитизмом. Больше внимание стало уделяться обеспечению экономической безопасности страны

««Говоря о двух главных нервах ЧК нельзя не коснуться не менее важного отдела – финансового», – говорилось в одном из докладов губЧК, – бежавшая буржуазия оставила много ценностей, которые или припрятаны в земле или переданы в другие руки. Эти ценности постепенно выссылались на рынок или просто расхищались. Путем разведки, доносов, случайных сообщений и так далее, [ЧК] открывались целые склады и передавались тем или иным заинтересованным учреждениям... Можно с уверенностью сказать, что приблизительная цифра на переданные более или менее ценности только в Губздравотдел и Губ и Горпродкомы превысит три миллиона рублей, так как один сахарин превышает стоимость два миллиона. Помимо этого, в доход республики отдано наличными деньгами: золотой, серебряной и медной монетой на 1292 рубля 80 копеек, советскими, царскими, керенками на 554151 руб. 82 коп., и колчаковскими на 421097 руб. Эта сумма ещё не исчерпывающая, так как сюда не вошли суммы, сданные позднее 25 ноября [1919 г.]»¹.

Так, в протоколе заседания Екатеринбургской губЧК от 12 января 1920 г. отмечено, что сотруднику ЧК Бухбанду² был увеличен оклад жалования до 2625 рублей и выдан отрез материала для костюма и ночной паёк за то, что вырвал из рук злостного спекулянта на миллион рублей товара и мыло³.

По прошествии 100 лет после описываемых событий, благодаря сохранившимся архивным документам, мы можем назвать по фамилиям почти всех героев и антигероев, всех участников той драмы, которая носит название Гражданская война в России.

¹ ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 780. Л. 157–157 об. Л. 5-5об.

² Бухбанд Яков Арнольдович (1893-1938) – австрийский солдат, попавший в русский плен. Был уполномоченным ЧК в Екатеринбурге (1919). Начальник агентуры Владикавказской ЧК (1921), Оперативного Штаба по борьбе с бандитизмом Пятигорской ЧК (1922), зам. начальника Приморского губернского Отдела ГПУ (1924), начальник Особого отдела 13-й Дагестанской дивизии (1926), Таганрогского окружного Отделения ГПУ в 1926–28 гг. В 1928 г. обвинен в пьянстве, садизме, сведении личных счетов и доведении до самоубийства нескольких коллег. Получил строгий выговор. В 1929 г. начальник Секретного отдела Северо-Кавказского ПП ОГПУ, потом Читинского окружного Отдела ОГПУ. Изощренно боролся с православным духовенством (1930). Был начальником Управления лагерей в Средней Азии (1932), Управления Соловецких лагерей (1933), с 1935 – начальник милиции Крыма. Написал несколько книг и пьес. Роман «Путь солдата» положительно оценен Горьким. В 1938 г. арестован. Расстрелян. Реабилитирован [4].

³ ГАСО. Ф. Р-573. Оп. 2. Д. 3. Л. 14.

Так, в Государственном архиве Свердловской области сохранился состав Екатеринбургской губЧК на 9 июля 1921 г. Административно-организационная часть (11 человек): начальник Колмогорцев Александр Спиридонович, секретарь Старцев Василий Васильевич, временно исполняющий должность начальника административного отделения Лукоянова Вера Николаевна. Секретно-оперативная часть (12 человек): начальник Крылов. Осведомительная часть (10 человек): начальник Бушман, регистрационное отделение (11 человек): начальник Густ Елизавета Карловна. Особое отделение (6 человек): начальник Киселев. Экономическое отделение (7 человек): начальник Завгородских¹.

Попадали в ЧК разными путями. Помощник бухгалтера с 22 декабря 1919 г. Подниэк Марта Юрьевна была командирована в ЧК из губернского комитета партии². Пополнили состав губЧК в ноябре 1919 г. командированные из Вятки чекисты Белых, Мицкевич и Коврижник, из Вологодской губЧК – Ивановская³.

Большое пополнение Екатеринбургская губЧК получила 4 июля 1921 г., когда расформированный особый отдел 1-й Трудовой Армии со всем личным составом в 164 человека, делами и имуществом был передан в распоряжение губЧК – в резерв административной части⁴. В то же время, по требованию президиума ВЧК 13 декабря 1919 г., были откомандированы в Москву три сотрудника УралгубЧК, а четвертого – члена коллегии, заведующего Особым отделом т. Агаларова, обещали командировать по завершению им организации нового отдела в течение месяца⁵.

В целом, рассматривая деятельность Екатеринбургской губЧК в 1919–1922 гг., следует отметить, что она внесла большой вклад в обеспечение безопасности города и региона в целом, упрочение Советской власти и влияния большевиков. В то же время следует отметить негативные моменты. Прежде всего, это широкий масштаб внесудебных репрессий – взятие заложников, расстрелы в административном порядке, неоправданная жестокость при подавлении крестьянских восстаний, случаи злоупотребления своим служебным положением. Деятельность Екатеринбургской губЧК нуждается в дальнейшем исследовании.

Библиографический список:

1. *Агабеков Г.С.* Г.П.У. Записки чекиста. – Берлин, 1931.
2. *Вебер М.И.* «Судить буду группой по волостям». Документы Госархива Свердловской области о репрессиях участников Западно-Сибирского восстания 1921 г. // Отечественные архивы. 2016. № 6. – С. 88–103.
3. Свод памятников истории и культуры Свердловской области. Т. 1. – Екатеринбург, 2007.
3. Черный список борцов за светлое будущее (1917–1953). – Ашкелон, 2017.

S.I. Konstantinov

Doctor of Science (History), Professor, Chair of History of State and Law, Ural State Law University, (Yekaterinburg, Russia)

ACTIVITY OF THE URAL REGIONAL CHEKA IN 1919–1922

The paper highlights some aspects of the organizational structure, staff and activities of the Ural regional Cheka (extraordinary commission for combating counterrevolution, speculation and crimes in office) in 1919-1922.

Keywords: the Ural regional Cheka, organizational structure and staff, activity in 1919–1922.

¹ ГАСО. Ф. Р-573. Оп. 1. Д. 2. Л. 83.

² Там же. Д. 3. Л. 8.

³ Там же. Л. 1, 2, 4.

⁴ Там же. Оп. 1. Д. 2. Л. 95.

⁵ Там же. Д. 3. Л. 7.

ЧРЕЗВЫЧАЙНЫЕ ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ ГОРОДОВ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 ГГ.)

Исследована работа органов государственной власти Нижнего Поволжья в период Великой Отечественной войны. Показан порядок их формирования, выявлены основные направления деятельности, рассмотрены недостатки и трудности в их работе в чрезвычайных военных условиях.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Нижнее Поволжье, городские комитеты обороны, Советы депутатов трудящихся, постоянные комиссии и отделы.

Перестройка деятельности высших и местных органов власти и управления СССР, советского государственного аппарата представляла единый процесс перестройки всей жизни страны применительно к задачам войны и предусматривала изменения в характере, структуре, организационных формах работы государственных органов для того, чтобы приспособить их к условиям войны. С началом Великой Отечественной войны необходимо было превратить страну в единый военный лагерь, перестроить государственный аппарат, изменить функции и задачи государственных органов управления. Перестройка государственного аппарата осуществлялась с целью создания наиболее эффективной в условиях войны системы управления всеми сферами жизни и деятельности Советского государства. На первое место выдвинулась функция обороны страны, хотя во время войны сохранили своё действие и остальные функции государства, но они также были подчинены задачам защиты Отечества, организации военной экономики, укрепления тыла, воспитания советского патриотизма.

В процессе перестройки деятельности государственного аппарата в военный период усилилась роль государства в решении важнейших вопросов, были созданы новые органы власти, необходимые для решения задач военного времени, в их руках сосредоточились властно-распорядительные полномочия с целью объединения усилий фронта и тыла – Государственного Комитета Обороны (ГКО) и городских комитетов обороны на местах, усилилось единоначалие во всех звеньях государственного аппарата, сократилась его численность.

Особенность ГКО состояла в том, что это был чрезвычайный орган верховного руководства страной, созданный в силу условий военного времени,

он сосредоточил главные функции по управлению страной, непосредственно связанные с ведением войны. Его распоряжения, директивы и постановления имели статус законов военного времени с обязательным исполнением всеми государственными, советскими гражданскими и партийными органами. Создание ГКО внесло изменения в сложившуюся практику деятельности государственных органов. Из Совнаркома в ГКО передавался ряд подразделений, непосредственно связанных с ведением войны.

О деятельности ГКО можно судить по принятым им постановлениям: «О всеобщем обязательном обучении военному делу граждан СССР»; «О мероприятиях по усилению противовоздушной обороны»; ряд постановлений о снабжении теплыми вещами личного состава Красной армии; О партизанском движении; Об охране важнейших промышленных предприятий и др.¹

В прифронтовой зоне и в ближайшем тылу создавались местные комитеты обороны, особенно это касалось прифронтовых регионов, каким было Нижнее Поволжье в разгар Сталинградской битвы, когда усложнялись управленческие задачи, вводился комендантский час, осадное и военное положение в городах региона, шло формирование истребительных батальонов, народного ополчения, развертывалась система МПВО. Опыт работы Сталинградского, Астраханского, Саратовского комитетов обороны показывает, что это были чрезвычайные органы власти, наделённые правами, определёнными Указом Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении»². Так, Саратовский городской комитет обороны (горКО) определял сроки готовности саратовских оборонительных рубежей, вынес постановление о введении в ноябре 1941 г. угрожающего положения с воздуха, принял решение об обеспечении режима полного затемнения Саратова, усилил надзор за соблюдением порядка³. Астраханский городской Совет в 1943 г. провёл 5 сессий, посвященных вопросам оказания помощи семьям фронтовиков, о развитии подсобных хозяйств в городе, о благоустройстве, бюджетно-финансовые вопросы, о подготовке жилищно-коммунального хозяйства к зиме⁴.

В соответствии с постановлением ГКО № 830с от 22 октября 1941 г. «О городских комитетах обороны» они создавались «в интересах сосредоточения всей гражданской и военной власти и установления строжайшего порядка в городах и прилегающих районах, представляющих ближайший тыловый район фронта»⁵. Власть горКО распространялась на территорию города и на близлежащую к нему местность. Так, Сталинградский горКО охватил своей

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 1. Д. 6. ЛЛ. 49, 50–53; Правда. 1941. 18 сентября.

² Ведомости Верховного Совета СССР. 1941. № 29.

³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 490. ЛЛ. 5–6

⁴ Государственный архив Астраханской области (ГААО). Ф. 1095. Оп. 3. Д. 925. л. 39

⁵ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 12. Л. 180

* Красноженова Елена Евгеньевна – доктор исторических наук, профессор Астраханского государственного университета, Астрахань, Россия; eleena@inbox.ru

деятельностью практически всю территорию области¹. 23 октября Сталинградский обком ВКП(б) и облисполком вынесли решение о создании комитетов обороны в Сталинграде, Астрахани, Камышине², а 26 октября – о создании горКО в Саратове³. Саратовский комитет обороны действовал около двух лет, что вызывалось чрезвычайной обстановкой, связанной с бомбардировкой Саратова вражеской авиацией, которую она предприняла накануне Курской битвы. Сталинградский комитет обороны работал до 7 сентября 1945 г., направляя внимание на восстановление разрушенного войной хозяйства, на увеличение производства военно-оборонной продукции.

Тяжелая обстановка лета-осени 1942 г., связанная с выходом противника к Сталинграду и в районы Северного Кавказа, обусловила новый этап в создании городских комитетов обороны. Начало ему положило постановление ГКО № 2129с от 1 августа 1942 г., которое разрешало создать комитет обороны в г. Балашове, поскольку данный город на северо-западе Саратовской области летом 1942 г., войдя в зону оперативного тыла Сталинградского и Воронежского фронтов, стал крупным пунктом переформирования воинских частей и распределения грузов⁴. Вольский горКО стал функционировать летом 1943 г. в соответствии с постановлением ГКО № 2291с⁵. Таким образом, процесс создания городских комитетов обороны имел несколько этапов, что обуславливалось изменениями военно-стратегической обстановки на фронте.

Городские комитеты обороны состояли из председателя (секретарь обкома или горкома партии), заместителя (председатель исполкома облсовета или горсовета), старших военачальников, представителя НКВД, военных комендантов городов. Специального рабочего аппарата они не имели и при решении тех или иных вопросов опирались на сотрудников партийного комитета, исполкома Совета, штаба МПВО. В распоряжение комитетов обороны передавались подразделения местных гарнизонов, войска НКВД, милиция, народное ополчение и истребительные батальоны. При горКО создавались оперативные группы, особоуполномоченные и чрезвычайные комиссии, штабы. Сталинградский горКО за время своего существования образовал 6 оперативных групп и 9 особоуполномоченных комиссий⁶.

Вся деятельность государственных органов проходила под непосредственным руководством обкомов партии, в тесном взаимодействии с командованием фронтов и армий. Документы и решения ВКП(б) периода войны

¹ Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИВО). Ф. 171. Оп. 1. Д. 9. Л. 3

² Правда. 1941. 2 ноября.

³ Центр документации новейшей истории Саратовской области (ЦДНИСО). Ф. 594. Оп. 1. Д. 2298. Л. 57; Коммунист (Саратов). 1941. 28 октября.

⁴ РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 48. Л. 161

⁵ Цемент (Вольск). 1943. 22 июня.

⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 88. Д. 507. л. 25–28

были обязательны для всех, в том числе и для сферы военной деятельности органов власти. При этом усилилось партийное руководство, контроль и проверка принятых решений. К началу войны всевластие партийно-государственного аппарата утвердилось окончательно. Парткомы всё чаще вмешивались в деятельность органов власти, что сказывалось на их работе, на самих партийных организациях.

Анализируя проблему готовности властных структур решать задачи, поставленные военной обстановкой, значение их деятельности в военный период, необходимо сделать вывод, что в их работе имелись недостатки и просчеты. Однако, несмотря на них, органы государственной власти показали способность решать чрезвычайные задачи военного времени. Поэтому, говоря о причинах победного для СССР исхода Великой Отечественной войны, нельзя забывать о вкладе в победу различных государственных и политических структур, причем не только высших и центральных, но и местных.

E.E. Krasnozhenova

Doctor of historical Sciences, Professor of Astrakhan State University (Astrakhan, Russia); Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, Professor of Higher School of Social Sciences, (St. Petersburg, Russia)

EMERGENCY BODIES OF THE STATE AUTHORITY OF CITIES OF THE LOWER VOLGA REGION IN THE PERIOD OF THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941–1945)

The work of state authorities of the Lower Volga region during the Great Patriotic War was studied. The order of their formation, main lines of activity is shown, shortcomings and difficulties caused by extreme military conditions are considered.

Keywords: The Great Patriotic War, the Lower Volga region, city defense committees, Soviets of Working People's Deputies, standing commissions and departments.

Липатов В.А.*

ФОЛЬКЛОР И НОВЕЙШАЯ ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ (О ПЕСНЕТВОРЧЕСТВЕ БОЙЦОВ СПЕЦОТРЯДОВ 40-Й АРМИИ «ЗЕНИТ» И «КАСКАД»)

В статье рассказывается о песнетворчестве бойцов спецотрядов 40-й армии «Зенит» и «Каскад» в Афганистане

Ключевые слова: фольклор, военнослужащие, Афганистан.

Необъявленная афганская война, которая принесла столько бед народам наших двух стран, прежде всего, была спровоцирована руководством Демократической республики Афганистан (ДРА). Получив в апреле 1978 года власть, но так и не добившись необходимой поддержки у народа собственной страны, Народно-демократическая партия обратилась за военной и экономической помощью к правительству соседней страны, Союзу Советских Социалистических республик.

Начиная с 17 мая 1978 г. практически во всех министерствах и ведомствах ДРА появились советники из СССР. Правительству Афганистана, созданного не без помощи КГБ СССР, требовалась поддержка небольшого боеспособного подразделения, способного решать не только чисто боевые задачи, но и специальные операции, поэтому в Кабуле появился отряд «Зенит», сформированный из выпускников Курсов усовершенствования офицерского состава (КУОС), созданных решением Коллегии КГБ СССР еще в 1969 году специально для действий в тылу противника «в особо угрожаемый период».

Угрозу социализму в Афганистане на этот раз наше руководство увидело в режиме Х. Амина, который называли «фашистским»¹. И вот по договоренности, достигнутой между нашими странами еще при свергнутом Х. Амином президенте ДРА Н.М. Тараки, 24 декабря 1989 г. в Афганистан был введен Ограниченный контингент советских войск (ОКСВ), а спустя три дня бойцами «Зенита» была осуществлена молниеносная операция, в результате которой были блокированы важнейшие государственные учреждения, уничтожен или нейтрализован аппарат управления страной. Мир об этом узнал сразу и в Резолюции ООН потребовал «немедленного, срочного и безусловного вывода советских войск» из страны, а Советский Союз, за исключением его ру-

* Липатов Владислав Александрович – кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Уральского федерального университета, Екатеринбург, Россия; lipatov_v_a@mail.ru

¹ Афганистан насквозь промок от слез. // Ребята наши поняли здесь скоро, // Что это не страна счастливых грез, // А страшного фашистского террора..., – начиналась песня бойцов «Зенита», где рассказывалось о штурме резиденции президента страны и убийстве ее хозяина.

ководителей, не знал ничего. Наши СМИ не писали правды, и лишь песни бойцов «Зенита», пусть с опозданием, откровенно рассказали о случившемся.

Конечно, для современного историка все это не новость: устную информацию давно заменили десятки статей и даже монографий. Но невозможно в работах, основанных на официальных документах, передать чувства, непосредственно участвовавших в этих операциях бойцов, их состояние после 45 минут (именно столько заняли все военно-диверсионные операции) этого кровавого ужаса: шок и слезы радости оттого, что остался жив в бою, где против одного нашего стояли насмерть полтора десятка гвардейцев, охранявших аминский дворец.

«...Слезы радости... Вспомни об этом
И друзьям своим растолкуй,
Почему нам так дорог этот
Неуклюжий мужской поцелуй...»,

– эти строки написаны участником названных выше событий старшим лейтенантом Сергеем Климовым на следующий после 27 декабря день. Это первая песня афганской войны, которая представляет слушателям и исследователям то, что не могут дать сухие документы: знание о воинском духе участвовавших в афганской кампании офицеров и солдат¹.

Воинский дух – не поэтический образ, а специальный термин, активно использовавшийся до революции военными теоретиками [2, с. 252–253; 3, с. 860; 5, с. 2–6]². Он включает в себя особенности народного духа, то, что нынче принято называть ментальностью, плюс воспитание, которое дает армия. Например, о жесткой программе КУОС ее воспитанники, еще будучи курсантами, также сочинили песню³.

22 июля 1980 г. «для оказания практической помощи афганским друзьям в организации борьбы с бандформированиями и контрреволюционным подпольем» приказом Председателя КГБ СССР № 00100 был сформирован от-

¹ Эта песня, мягкая, лирическая, почти исключение в репертуаре бойцов «Зенита», которые прошли жесткую школу КУОС. Другие песни о событиях 27 декабря, как правило, тоже были достаточно жесткими, даже жестокими: «...Расплескали мы крови по Кабулу немало, // И придется еще, коль возникнет нужда...».

² Г.Л.Л. [генерал-лейтенант Леер Г.А.] Военный дух // Энциклопедия военных и морских наук. Т. 2. СПб., 1885. С. 252–253; [тот же автор] Военный дух // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.Е. Ефрона. Т. VI а. СПб., 1892. С. 860; Новицкий В.Ф. Воинский (военный) дух // Военная энциклопедия. Т. 7. СПб., 1912. С. 2–6.

³ Вот как (конечно, не без самоиронии) описывают курсанты подготовку в КУОС: «...И пусть интеллигенты про жалость говорят, // Но бицепсы и трицепсы под каблуком хрустят. // Мы книги не читаем, не ходим мы в кино – // Слонявую гуманность забыли мы давно...» Кабульский цикл. Режим доступа: <http://kaskad-4.avtomat2000.ru/zenit.html>

ряд «Каскад». Новый этап патерналистского плана советского руководства требовал значительно большей группы участников, поскольку предполагал рассредоточить их в восьми крупнейших административных центрах. Набирали членов команды из территориальных органов, ПГУ, ВКШ КГБ – всего около тысячи человек. Безусловно, все они проходили строгий отбор, специальную и политическую подготовку, но немалую роль в их подготовке сыграло и песенное творчество. Различные по своим жанровым, тематическим и эстетическим характеристикам песни в первые годы афганской авантюры продолжали нести все те же идеи мессианства и патернализма. Так в гимне, которому в нашей коллекции предшествует замечание – «эта песня посвящена нашей новой форме существования «Каскаду», между прочим, есть и такие слова:

«Спешно готовят убийц в Пакистане,
Их автомат с иностранным клеймом.
Это клеймо людям гнет предвещает,
Мы же свободу народу несем...»¹

А это уже из других песен «каскадеров»:

«Я здесь не захватчик, я чужестранец,
Пришел на защиту соседней страны...»²;
«Знайте же, ребята-мусульмане,
Ваша сила в том, что мы за вас...»³.

Помимо бессознательно возникающей в текстах песен «каскадеров» старой объединительной идеи есть в их творчестве и память о подвиге отцов, победивших фашизм. Так две последние процитированные мною строчки взяты из песни-переделки «Баксанская», сочиненной в 1943 г. бойцами-альпинистами, воевавшими на Кавказе. Те, кто после завершения командировки офицеров из «Каскада» примет от них музыкальную эстафету, также будут обращаться к песенному репертуару Великой Отечественной войны.

Дело в том, что у песни-переделки есть особенность, которая не дана авторской песне. Старая мелодия напоминает прежний текст, который становится подтекстом нового произведения, зачастую скрывая его поэтическое несовершенство и, наоборот, высвечивая идею: мы здесь, в Афганистане, воюем за правое дело, мы пришли, «чтоб детишкам афганским счастливое

¹ Расшифровка с магнитофонной пленки Игоря Алексеева (1962 г.р.), служившего в Афганистане в 1980–1982 гг.

² Песни «Каскада». Режим доступа: <http://kaskad-4.avtomat2000.ru/kaskad.html>

³ Сочиненная «каскадерами» и ставшая необыкновенно популярной песня «Бой гремел в окрестностях Кабула...», записанная только нашей группой неисчислимое количество раз.

детство дарить». А от народа Афганистана они, люди верные присяге и подчиненные приказам, не ждали ничего, кроме благодарности.

Примером тому, казалось бы, могла стать очень популярная сначала в ОГСВ, а потом и в стране песня «Как у нас в уезде Чаквардак», где, пленившись красотой синеглазого молодого блондина-«каскадера»¹, женщина-афганка зовет его к себе, обещая положить рядом спать и при этом «снять не только паранджу».

Однако в реальной жизни уже в начальный период войны отношения с афганцами складывались совсем по-другому. Рассказывает боец «Каскада» Михаил Болтунов: «Помнится, проводили операцию, делали обыск. Обычай уважали, на женскую половину не заходили. Как раз одна из женщин этим и воспользовалась, выхватила пистолет и едва не расстреляла меня. Промаха бы не случилось, ствол пистолета был у моего лица. Помогла «каскадерская» выучка» [1].

Весной 1983 г. группа «Каскад» КГБ СССР прекратила свое существование. Ее сменила группа «Омега», в задачи которой входила иная, в основном советническая деятельность в спецподразделениях МБ Афганистана. Яркого следа в поэтической культуре 40-й армии «Омега» не оставила. Что до песнетворчества бойцов «Зенита» и, особенно, «Каскада», то они заложили прочный фундамент субкультуры «афганской» песни со своим особым поэтическим языком и темами, среди которых ведущее место, безусловно, занимает трудное, постепенное, но совершенно необходимое понимание преступного характера войны, развязанной властями, в которую была втянута и наша армия.

Библиографический список:

1. Болтунов М.Е. «Зенит» – «Каскад» – «Омега». Режим доступа: <https://biography.wikireading.ru/94578>.
2. Г.Л.Л. [генерал-лейтенант Леер Г.А.] Военный дух // Энциклопедия военных и морских наук. Т. 2. – СПб., 1885. С. 252–253.
3. Г.Л.Л. [генерал-лейтенант Леер Г.А.] Военный дух // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.Е. Ефрона. Т. VI а. – СПб., 1892. С. 860.
4. Марютенков В.С. Афганистан. Десант «Кобальта» Ч. 1. Режим доступа: http://artofwar.ru/m/marjutenkow_w_s/afghanistan1.shtml.
5. Новицкий В.Ф. Воинский (военный) дух // Военная энциклопедия. Т. 7. – СПб., 1912. С. 2–6.

¹ В воспоминаниях В.Марютенкова назван конкретный прообраз песни. Это «сотрудник опергруппы [«Кобальт» (МВД СССР)] капитан Беликов Вячеслав – синеглазый блондин, инспектор уголовного розыска Вильнюсского ГУВД, (Лит. ССР.) с мягким характером, вечной улыбкой на губах и весело смеющимися голубыми глазами молодой человек» [4].

Однако песня, как говорится, «пошла в народ», утратила авторство (т.е. стала фольклорной), а конкретный человек превратился в идеальный образ русского солдата-«каскадера». Что делать, закон фольклорного жанра.

V.A. Lipatov

Candidate of Philology, associate Professor of Russian and foreign literature,
the Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia)

FOLKLORE AND CONTEMPORARY MILITARY HISTORY

The article describes the songwriting of the special forces of the 40th army
«Zenit» and «Cascade» in Afghanistan.

Keywords: folklore, military, Afghanistan.

УДК 94(47).084.8

*Мальшева Е.М.**

К ВОПРОСУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье показаны основные направления функционирования органов безопасности СССР в военный и предвоенный период, даются оценки их деятельности в историографии. Спецслужбы внесли вклад в Победу над нацистской Германией, выполняя такие задачи, как: охрана тыла, военно-промышленных объектов, ответственность за состояние политической обстановки, ликвидация разведывательно-диверсионных групп противника, предупреждение диверсий, участие в боевых операциях, участие в решении социальных задач и т.д.

Ключевые слова: НКВД, власть, Германия, СССР, идеология, защита, безопасность, наказание, экономика, опыт, закон, дисциплина, Абвер.

Органы НКВД – НКГБ СССР являлись силовым элементом государства и одним из институтов системы, выполняя задачи обеспечения национальной государственной безопасности. В годы Великой Отечественной войны ими был накоплен опыт организации защиты государственных интересов в экстремальных условиях иноземного вторжения и оккупации ряда регионов. На спецслужбы были возложены многоаспектные контрольные хозяйственные и организаторские задачи. Ими выполнялись функции выявления и информирования органов власти об общественных настроениях, осуществлялась задача защиты объектов промышленности и сельского хозяйства от таких преступлений как шпионаж, диверсия, вредительство, саботаж. Абсолютизация интересов государства и их непререкаемый приоритет над гражданскими правами являлись характерными чертами политической жизни советского общества в годы Великой Отечественной войны.

После развала СССР, в ходе постсоветского транзита переосмысление исторического прошлого вызвало множество публикаций о деятельности органов госбезопасности с явным преобладанием односторонне отрицательного освещения их роли и места в политической системе. В историографии появилось значительное число публикаций, в которых освещался значительно возросший объём внесудебных полномочий органов НКВД – НКГБ в предвоенный и военный период, многочисленные факты нарушений законности, необоснованных актов привлечения к уголовной ответственности советских граждан органами госбезопасности. Внушительная часть исследований по истории спецслужб представляла не отражавшую полных реалий однознач-

* Мальшева Елена Михайловна – доктор исторических наук, профессор кафедры Отечественной истории, историографии, теории и методологии истории Адыгейского государственного университета, член Научного Совета по проблемам военной истории при Президиуме РАН, г. Майкоп, Республика Адыгея, Россия; emalysheva@yandex.ru

ную картину по их дискредитации или апологии. Фрагментарность используемых источников, их субъективистская интерпретация сформировали множество противоречий и разночтений в истории органов и войск НКВД СССР периода Великой Отечественной войны. Не всегда дается объективная оценка их реального вклада в общую победу над немецко-фашистскими захватчиками. Некоторые результаты, исследований, оценок и выводов являются дискуссионными и односторонними» [10, с. 36–41].

Исторический опыт деятельности органов НКВД по обеспечению государственной безопасности в годы Великой Отечественной войны является темой исследований член-корреспондента РАН В.С. Христофорова. Он автор более 250 научных работ, изданных в России и за рубежом (Австрия, Венгрия, Германия, Италия, Китай, Польша, Финляндия), в том числе 5 монографий, получивших высокую оценку научного сообщества. Уделяя основное внимание источниковой базе [11, 12, 13, 14, 15, 16], учёный заявляет, что только «спустя десятилетия после начала демократических реформ в отечественной исторической науке наступает момент, когда начинается процесс подлинно научного подхода к изучению прошлого, без акцента на сенсационность. [...] Введение в научный оборот новых рассекреченных документов является наиболее эффективным способом противодействия фальсификации истории» [17].

Спецслужбы СССР внесли весомый вклад в победу над нацистской Германией в Великой Отечественной войны, и это особая страница отечественной истории и историографии [7, с. 139–142]. Задачи и юридическое регулирование деятельности советских спецслужб, их организационная структура, как и в предвоенный период, оставались в компетенции высших органов государственной власти СССР. Особое внимание традиционно уделялось подбору кадров. В предвоенный период было ужесточено уголовное наказание за нарушение трудовой дисциплины. В начале 1941 г. наказания за прогулы и самовольный уход с работы фиксировались в значительных объёмах. С началом Великой Отечественной войны были внесены изменения и дополнения к Уголовному Кодексу. В 1943–1945 гг. ежегодно регистрировалось более 1 млн осуждённых за прогулы¹. К 1945 г. статистика осуждённых по этой статье составляла 51,5 % всех уголовных приговоров по СССР в целом [6, с. 312]. Введение уголовной ответственности по этой статье имело целью рост промышленного производства: за выпуск недоброкачественной или некомплектной продукции предусматривалось тюремное заключение от 5 до 10 лет [8]. Ужесточались наказания за «контрреволюционные преступления»: антисоветская агитация, измена Родине, сотрудничество и пособничество врагу и др. В военных условиях значительно увеличились внесудебные полномочия органов НКВД – НКГБ. Трактовка идеологизированных нормативных актов нередко вела к необоснованному привлечению к уголовной ответственности фактически невиновных граждан.

¹ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-9492. Оп. 6. Д. 14.

С 22 июня 1941 г. органами НКВД – НКГБ была усилена оперативная работа по раскрытию агентуры германской разведки Абвер и разведок других иностранных спецслужб. Изменилось соотношение потенциальных и реальных внешних и внутренних угроз безопасности страны. Для охраны тыла каждого фронта создавались подразделения войск НКВД, на которые возлагалась обязанность обеспечения порядка в тылу, контроль над эвакуацией, регулирования передвижений беженцев, задержание дезертиров, диверсантов. Уже на 3-й день после нападения Германии на СССР, 25 июня 1941 г. СНК СССР принимает решение возложить на войска НКВД задачу охраны тыла действующей Красной армии, борьбу с диверсиями на объектах промышленности и сельского хозяйства, противодействие распространению слухов, сеющих панику, антисоветской пропаганде, обнаружению повстанческих организаций и бандформирований. Особую роль сыграли региональные органы госбезопасности в борьбе с бандитизмом, обнаружением пособников оккупантов, коллаборантов, предателей на оккупированных территориях Крыма и Кавказа. Спецслужбами выявлялись пособники нацистских оккупантов, как это было в республиках Северного Кавказа в 1942–1943 гг.¹. Нацистская пропаганда изошрялась в попытках разъединить советские народы и лишить их воли к борьбе. Служба безопасности СД, находившаяся в ведении СС, проводила подготовку операций по заброске в советский тыл групп советских военнопленных для подрывной, политической и диверсионной работы [4, с. 317]. Немцы создавали из военнопленных кавалерийские казачьи сотни и полки. На фронте была отмечена казачья дивизия, насчитывавшая 5 тыс. человек [9, с. 557]. Противодействие антисоветской агитации и пропаганде, пресечение распространения антисоветских листовок, негативных слухов также входило в сферу компетенции органов НКВД. В соответствии с решением СНК СССР от 24 июня 1941 г. «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе» были сформированы войска по охране тыла, истребительные батальоны. В первый месяц войны истребительные батальоны создавались из кадрового состава НКВД. Это были мобильные отряды, способные к оперативной выброске в район появления вражеского десанта или диверсионной группы [1, с. 2; 38]. В военных условиях функции органов госбезопасности значительно расширились. К ним прибавились борьба с дезертирами, мародерами, паникерами, распространителями всякого рода провокационных слухов и измышлений. Тяжёлое положение, сложившееся на фронте в 1941–1942 гг., эвакуация населения, перебазирование промышленных предприятий из угрожаемых районов, трудовая мобилизация на оборонно-массовые работы значительно осложнили обстановку в национальных республиках, краях и областях Северного Кавказа. Расширились каналы и возможность проникновения в тыл страны агентуры немецких

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 69. Оп. 1. Д. 721. Л. 46.

спецслужб. Реальной была угроза активных подрывных действий немецкой разведки. Тревогу спецслужб СССР вызывала возможная перспектива создания «пятой колонны» в советском тылу.

На самом деле, как свидетельствуют документы, основные устремления нацистской разведки в начальный период Великой Отечественной войны были связаны с реализацией плана «Барбаросса». Советские органы государственной безопасности были нацелены на осуществление превентивных мер. Органами НКВД выявлялись и ликвидировались разведывательно-диверсионные группы противника, осуществлялась борьба со шпионажем, была усилена сфера их компетенции по обеспечению сохранности государственной и военной тайны. Фактор внешней опасности теряет свою остроту после освобождения оккупированных территорий Северного Кавказа, побед, одержанных в Сталинградской битве и на Курской дуге.

Чрезмерно преувеличенными оказались внутренние угрозы. Документы свидетельствуют, что за первые полтора года войны в деятельности органов госбезопасности функция борьбы с внутренними врагами превалировала над контрразведывательной работой. В этот период тысячи советских людей репрессировались по национальной, социальной, политической «неблагонадежности». Многие были арестованы или находились под надзором. Приводились в исполнение приговоры к высшей мере наказания, в том числе «показательные» расстрелы перед строем «по законам военного времени». Пик репрессий выпал на самый тяжёлый период Великой Отечественной войны – 1941–1942 гг. [3, с. 38–39]. Крайне трудное положение на фронте в 1941–1942 гг., массовая эвакуация населения, активизация агентуры немецких спецслужб, мобилизация населения для работы в промышленности из освобождённых от оккупации районов осложняло обстановку в тылу.

В апреле 1943 г. НКВД СССР был разделен на НКВД СССР и НКГБ СССР, было создано Управление контрразведки «Смерш» НКО СССР. Необходимо подчеркнуть, что и в чрезвычайных условиях войны советское государство уделяло внимание социальным вопросам, в частности, держало под своим контролем патронаж детей, потерявших родителей, сирот и беспризорников. Органами НКВД в самые тяжёлые периоды войны проводилась оперативная работа по розыску детей, пропавших в экстремальных условиях эвакуации, бомбёжек, карательных акций оккупантов и т.п. Были созданы Центральный справочный адресный детский стол при Главном управлении МВД, а также аналогичные региональные справочные адресные детские столы при республиканских, областных, районных и городских отделах милиции. Летом 1943 г. был образован Отдел НКВД СССР по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью.

24 июня 1942 г. было принято Постановление ГКО, по которому семьи изменников Родины, в составе которых были красноармейцы, партизаны, лица, в период оккупации, оказывавшие им помощь, а также имеющие награды, аресту и ссылке не подвергались. В середине мая 1943 г. по документам

УНКГБ военной прокуратурой Северокавказского фронта были организованы процессы военно-полевых судов над предателями и пособниками, а в декабре в Краснодаре были проведены открытые показательные судебные процессы [5, с. 98–100]. На завершающем этапе Великой Отечественной войны войска НКВД провели тысячи чекистско-войсковых специальных операций в западных районах Советского Союза. Органы государственной безопасности СССР приняли участие в боевых действиях на всех фронтах Великой Отечественной войны.

Деятельность органов НКВД – НКГБ в 1941–1945 гг. во многом явились ответом руководства СССР на характер новых угроз национальной государственной безопасности страны.

Научные исследования роли силовых структур в решении экономических и социально-политических задач государства в условиях войны приобретают особую актуальность в современных условиях актуализации задачи защиты национальной государственной безопасности РФ.

Библиографический список:

1. *Алексеевков А.Е.* Внутренние войска в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.). – СПб., 1995.
2. Внутренние войска в Великой Отечественной войне. 1941–1945 гг. Документы и материалы. – М., 1975.
3. *Мальшева Е.М.* Органы НКВД-НКГБ в политической системе СССР в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. // Вестник Адыгейского государственного университета. 2006. № 1 (20). С. 38–39.
4. *Мальшева Е.М.* Патриотизм и коллаборационизм в годы Великой Отечественной войны // Россия в XX веке. Война 1941–1945 годов: современные подходы. – М., 2005.
5. *Мальшева Е.М.* Судебная ответственность немецких и советских коллаборационистов на оккупированной территории СССР: основные тенденции и подходы к осмыслению проблемы // Великая Отечественная война: взгляд из XXI века. – Краснодар, 2013. С. 98–100.
6. *Соломон П.* Советская юстиция при Сталине / Пер. с англ. – М., 1998.
7. *Сперанский А.В.* Великая война в документах и исторических оценках // Уральский исторический вестник. 2016. № 1. С.139–142.
8. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10 августа 1940 г «Об ответственности за выпуск недоброкачественной или некомплектной продукции и за несоблюдение обязательных стандартов промышленными предприятиями» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1940. № 23.
9. Формирование антисоветских воинских частей из местного населения и военнопленных // Великая Отечественная война. 1943 год: Исследования, документы, комментарии. – М., 2013.
10. *Чернобаев А.А.* Новейшие публикации по истории Великой Отечественной войны на страницах журнала «Исторический архив» // Горьковская область в Великой

Отечественной войне: взгляд через 50 лет. Ч.2. – Нижний Новгород, 1995. С. 36–41.

11. Христофоров В.С. Документы российских архивов о советских военнопленных в лагерях на территории Финляндии и Норвегии 1941–1944 гг. // Отечественные архивы. 2008. № 3. С. 65–72.

12. Христофоров В.С., Черепков А.П., Хохлов Д.Ю. Пинская военная флотилия // Морской сборник. 2010. № 6. С. 67–81.

13. Христофоров В.С. Органы госбезопасности СССР в 1941–1945 гг. – М., 2011.

14. Христофоров В.С., Черепков А.П. Судьбы русского флота // Морской сборник. 2012. № 1. С. 76–80.

15. Христофоров В.С., Черепков А.П., Кузнецов Н.А. Эвакуация Сибирской флотилии (1922–1923 гг.) глазами советской разведки // Морской сборник. 2012. № 10. С. 67–81.

16. Христофоров В.С., Черепков А.П. Секреты Российского флота. Из архивов ФСБ. – М., 2014.

17. Христофоров В.С. История страны в документах архивов ФСБ России: Сборник статей и материалов – М., 2013.

Е.М. Malysheva

Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of Department of National History, Historiography, Theory and Methodology of History, Adyghe State University (Maikop, Republic of Adyghea, Russia)

ON ACTIVITY OF BODIES OF STATE SECURITY OF THE USSR IN THE YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

The work shows the main directions of functioning of security service of the USSR during the military and pre-war period, as well as estimates of their activity in a historiography. Intelligence agencies have contributed to the Victory over Nazi Germany, carrying out such tasks as protection of the rear, military industrial facilities, responsibility for the condition of a political situation, elimination of enemy reconnaissance and diversionary groups, prevention of diversions, participation in combat operations, participation in the solution of social problems, etc.

Keywords: People's Commissariat for Internal Affairs, power, Germany, the USSR, ideology, protection, safety, punishment, economy, experience, law, discipline, the Abwehr.

УДК 94(47).084.6+084.8

*Мельников Н.Н.**

ОСОБЕННОСТИ УСПЕШНОЙ КАРЬЕРЫ И РУКОВОДСТВА ДИРЕКТОРА КИРОВСКОГО ЗАВОДА И.М. ЗАЛЬЦМАНА (1930–1940-гг.)¹

Статья раскрывает специфику карьерного роста и руководящей деятельности крупнейшего промышленного руководителя в системе танковой промышленности СССР Исаака Моисеевича Зальцмана. Показан его стиль руководства, позволявший увеличивать количество выпускаемой продукции в годы Великой Отечественной войны при достаточно низком ее качестве. Сделан вывод об искажении обратной связи между властными решениями и результатами работы промышленности. Это искажение во многом стало результатом массовых репрессий и борьбы с «вредительством» в 1930-е гг.

Ключевые слова: И.М. Зальцман, военпром, танкостроение, Кировский завод, «вредительство».

Исаак Моисеевич Зальцман – это одна из наиболее противоречивых фигур среди советских промышленных руководителей 1930–1940-х гг. Его карьерный взлет упирался корнями в кадровый дефицит, царивший в советской промышленности весь период первых пятилеток, и массовые репрессии конца 1930-х гг., когда внезапно предприятия оставались без своего руководства и головокружительные карьеры становились нормой. В 1933 г. И.М. Зальцман только окончил Одесский индустриальный институт, но уже с 1934 по 1938 гг. прошел путь от сменного мастера до директора одного из крупнейших военных заводов страны – ленинградского Кировского завода.

В военные годы его продвижение продолжилось. В конце августа 1941 г. Кировский завод начал эвакуироваться в Нижний Тагил на Уралвагонзавод, но уже в процессе перемещения ленинградское предприятие было переправлено на площадку Челябинского тракторного завода (ЧТЗ). В середине сентября на ЧТЗ началась эвакуация харьковского моторного завода № 75 Наркомата танковой промышленности (НКТП). Так Исаак Моисеевич возглавил объединенное предприятие, которое получило название «Кировский завод в г. Челябинске».

По первоначальному плану советского руководства, возникшим сразу после начала Великой Отечественной войны и не предусматривающих массо-

* Мельников Никита Николаевич – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора политической и социокультурной истории Института истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия; meln2011kit@gmail.com

¹ Работа выполнена в рамках гранта РФФИ 16-01-00308-ОГН-А «Кампания по борьбе с вредительством в военной промышленности по документам Архива Президента Российской Федерации».

вой эвакуации западных танковых заводов, на Урале должен был возникнуть новый центр по производству тяжелых танков КВ. В Свердловске на Уральском турбинном заводе создавалось производство танковых дизельных двигателей. Уральский завод тяжелого машиностроения (УЗТМ или Уралмаш) готовился выпускать танковые корпуса. Такое же производство безуспешно пытались запустить еще с 1940 г. на челябинском заводе № 78 Наркомата боеприпасов. ЧТЗ только начинал осваивать серийный выпуск танков КВ. Уралвагонзавод готовился принять танковые цеха Кировского завода. К осени 1941 г. начали действовать перемещенные летом из Ленинграда и Мариуполя броневые станы на Новотагильском и Магнитогорском заводах.

Успехи противника на фронтах Великой Отечественной войны летом–осенью 1941 г. заставили полностью изменить эти планы. Из нового центра производства тяжелых танков Урал вынужденно превратился в центр всей танковой промышленности страны. Сюда были эвакуированы все ведущие танковые заводы СССР. Но по инерции идея уральской базы изготовления КВ продолжала развиваться. 6 октября 1941 г. был организован Уральский комбинат тяжелых танков КВ (УКТТ) во главе с директором Кировского завода И.М. Зальцманом. Комбинат включил в себя челябинский Кировский завод, Ижорский завод (УЗТМ) и Уралтурбозавод¹. Параллельно Исаак Моисеевич получил должность заместителя наркома танкопрома. Но уже к весне 1942 г. УКТТ фактически прекратил свое существование, поскольку в новых условиях уральские предприятия ориентировались уже на нужды всей танковой промышленности, а не только на производство КВ.

Однако И.М. Зальцман сохранил пост зам. наркома, а с июля 1942 г. даже занял должность самого наркома и пребывал в ней до конца июня 1943 г. Это был пик карьерного развития Исаака Моисеевича. Летом он вернулся Кировский завод и руководил им до 1949 г. [2, с. 158–159]. Кроме И.М. Зальцмана за годы войны таких высот не удалось добиться ни одному директору танкового завода.

Исследователь А.Н. Федоров верно определил И.М. Зальцмана как «одного из самых успешных организаторов танковой промышленности» в СССР, «эти заслуги были отмечены не только высокими наградами, но и пафосными сообщениями в центральной и местной печати». Оговоримся только, что такое впечатление о «танковом короле» сложилось, прежде всего, у высшего советского руководства. Многие коллеги Исаака Моисеевича и его подчиненные были о нем зачастую совершенно противоположного мнения [3, с. 111–113].

А.Н. Федоров считает, «что в последние годы жизни Зальцман сделал все возможное, чтобы его биография дошла до общественности в “правильном” варианте». А в «постперестроечное время тиражирование и развитие биографического мифа Зальцмана происходило без каких-либо ограничений ...» [3, с. 119]. На наш взгляд, наиболее интересно было бы посмотреть не столько

¹ Государственный архив Свердловской области. Ф. Р-262. Оп. 1. Д. 17. Л. 240; Д. 24. Л. 13.

на особенности биографических перипетий Исаака Моисеевича, сколько на результаты его деятельности.

Вышедший успешно из маховика репрессий 1930-х гг., И.М. Зальцман четко усвоил для себя то, что остаться на должности и добиться личной карьеры можно только при условии максимального выполнения производственного плана. При этом качество продукции не являлось главным его критерием. Только количественный показатель будет определять итоги работы директора завода за отчетный период (месяц, квартал, год). Именно в таких рамках началось освоение производства нового тяжелого танка КВ на ленинградском Кировском заводе в 1940 г.

Осенью 1941 г. И.М. Зальцман стал «организовывать» танковое производство на Урале с целью максимального выполнения количественного плана. В конце октября зам. наркома прибыл в Свердловск и обвинил директора Уралтурбозавода И.И. Лисина в срыве сроков начала выпуска дизельных двигателей, снял его с должности и обещал отдать под суд¹. Но в конце октября дизельное производство свердловского завода было в разгаре строительства, а поставщики основных комплектующих еще не начали выполнять свои обязательства. Завод физически не мог изготавливать моторы. Но данный факт И.М. Зальцмана, а он не мог этого не знать, никак не остановил.

Накануне этих событий И.М. Зальцман на личном примере показал, как должен действовать «настоящий» советский руководитель. В октябре 1941 г. восточные металлургические заводы еще осваивали выпуск танковой брони. Уралмаш, на тот момент единственная работающая база для тяжелого танкостроения, получал слишком большое количество некондиционного броневых листов. В том числе, поэтому УЗТМ не мог выдать нужное количество броневых корпусов для челябинского Кировского завода. Исаак Моисеевич, пользуясь должностью зам. наркома, занизил требования для брони и распорядился использовать фактически бракованный металл для корпусов КВ².

И еще один случай, позволяющий проявить особенности взаимодействия «танкового короля» со своими смежниками. Конец 1942–середина 1943 гг. в развитии танковой промышленности СССР стал периодом резкого отставания заготовительных подразделений заводов НКТП от потребностей основных производств. На Кировском заводе это проявилось, в том числе, в отсутствии должного количества вагонов и упаковочной тары для транспортировки танковых моторов потребителям. Но выполнять план для смежников необходимо. Поэтому челябинский завод зимой 1942–1943 гг. практиковал отправку дизелей без тары и креплений на открытых платформах, что было чревато их частичным повреждением. И такие случаи были³. У нас нет со-

¹ Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 8752. Оп. 4. Д. 4. Л. 2–20б.

² Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДОСО). Ф. 4. Оп. 31. Д. 162. Л. 356–358.

³ ЦДОСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 627. Л. 19–31.

мнений, что эти решения директор принимал лично или закрывал глаза на подобную практику. Главное – выполнить план.

Кроме того, именно И.М. Зальцман создал на своем предприятия самые тяжелые условия труда и быта: высокая продолжительность рабочего дня, малое количество выходных, низкая обеспеченность жилплощадью и т. д. Безусловно, эти показатели не всегда и не во всем были самыми критическими. В отдельные периоды по какому-либо фактору самым худшим часто оказывался другой завод. Но все социальные показатели Кировского завода всегда стремились к концу списка (см. таблицу 1). Неудивительно, что именно Кировский завод, самое крупное предприятие в системе НКТП, стал абсолютным лидером по количеству дезертировавших рабочих. В 1943 и 1944 гг. с него ежегодно сбегало более 6,5 тыс. человек, или 28,2 % и 29,5 % соответственно от всех самовольно ушедших со всех танковых заводов страны¹.

Таблица 1

Продолжительность рабочего дня, количество выходных дней и обеспеченность жильем в системе НКТП*

	Средняя продолжительность рабочего дня (часов)		Среднее количество выходных дней в месяц (дней)		Обеспеченность жилплощадью в пересчете на одного человека (кв. м)	
	1943 г.	1944 г.	1943 г.	1944 г.	1943 г.	1944 г.
В среднем по НКТП	10,2	10,1	2,2	2,7	3,86	4,23
Кировский завод	10,4	10,4	1,7	1,8	3,19	3,40

*Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 8752. Оп. 4. Д. 495. Л. 79–80; Д. 728. Л. 117.

Перечисленные примеры хорошо показывают, за что Исаак Моисеевич у коллег прослыл «ловкачом» и «демагогом» [3, с. 111]. В.Л. Гвоздецкий считает, что «практика угроз и следовавших за этим награждений была адекватна и эффективна в период военных лет», а директора Кировского завода сравнивает с «талантливым самородком, ставшим хозяином промышленного Урала» Никитой Демидовым [1, с. 149, 153]. Однако наши исследования показывают, что результаты работы Кировского завода, руководимого И.М. Зальцманом, радикально не отличались от других танковых заводов. Как и все предприятия НКТП челябинский завод смог выйти на плановый уровень продукции только в середине 1943 г. Надежность его танков и моторов также была относительно низкой. Следовательно, никакими реальными преимуществами методы управления «танкового короля» не обладали.

¹ Подсчитано по: РГАЭ. Ф. 8752. Оп. 4. Д. 728. Л. 116.

Репрессии 1930-х гг. и борьба с «вредительством» в военной промышленности, кроме всего прочего, открыли широкие возможности для карьерного роста новых руководящих кадров. В то же время они невольно исказили систему обратной связи между высшим советским руководством и военной промышленностью. Это выражалось в отсутствии критики со стороны исполнителей на то или иное властное решение. Танкостроители вынуждены были работать с постоянной оглядкой на высшее начальство, которое жестоко карало за любой промах. Если решение было уже принято на самом верху, больше никто не имел возможности повлиять на его отмену, даже если это решение являлось ошибочным. Именно в таких условиях И.М. Зальцману удавалось добиться наибольшего личного успеха. К сожалению, этот успех зачастую оборачивался многими негативными последствиями.

Библиографический список:

1. *Гвоздецкий В.Л.* И.М. Зальцман как типичный представитель когорты промышленных руководителей военных лет // Танкпром. – Нижний Тагил, 2013. С. 147–153.
2. *Занаруй В.В.* Танковая промышленность на Урале в 1940-е гг. – Екатеринбург, 2015.
3. *Федоров А.Н.* «Танковый король» и «опальный генерал»: рождение легенды об Исааке Зальцмане // Новейшая история России. 2016. № 1. С. 109–133.

N.N. Melnikov

Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Senior Research Fellow, Department of Political and Sociocultural History, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of RAS, (Yekaterinburg, Russia)

DIRECTOR OF THE KIROV PLANT I.M. ZALTSMAN (1930-1940): FEATURES OF SUCCESSIVE CAREER AND STYLE OF MANAGEMENT

The paper reveals specifics of career growth and leading activities of Isaak Moiseevich Zaltsman, the key industrial manager in tank industry of the USSR. The paper shows his style of management, which allowed to increase production during the Great Patriotic War with a sufficiently low quality. The main conclusion is about distortion of feedback between power decisions and performance of the industry. This distortion in many ways was the result of mass repression and the fight against sabotage in the 1930s.

Keywords: I.M. Zaltsman, military industry, tank building, the Kirov plant, sabotage.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УПРАВЛЕНИЯ МГБ СССР ПО СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ ПО ВЫЯВЛЕНИЮ КОЛЛАБОРАЦИОНИСТОВ

Показаны результаты деятельности органов УМГБ СССР по Свердловской области в первые послевоенные годы по выявлению лиц, сотрудничавших с немецко-фашистскими захватчиками на временно оккупированной советской территории, приведены сведения их преступной деятельности в годы Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Свердловская область, МГБ СССР, коллаборационисты.

В годы Великой Отечественной войны органы госбезопасности накопили значительный опыт по выявлению в советском тылу шпионов и диверсантов [1, с. 321–322; 3, с. 9–16; 4, с. 86–87]. Второе (контрразведывательное) управление НКВД СССР также вело специальный учет предателей и пособников, которые активно разыскивались в советском тылу. После окончания Великой Отечественной войны на территории Свердловской области оказалось значительное число людей, прибывших на Урал с временно оккупированных территорий. Среди них были освобожденные из плена военнослужащие Красной армии, остарбайтеры, узники фашистских концлагерей, а также жители западных районах страны, мобилизованные для работы на предприятиях уральской промышленности. Всего по состоянию на 1 декабря 1945 г. в области насчитывалось около 29 тыс. человек из числа тех, кто находился на временно оккупированной территории. Из них 4 тыс. в свое время были в плену, или побывали в окружении. Поэтому активная работа органов госбезопасности по выявлению коллаборационистов, была продолжена и в первые послевоенные годы [2, с. 243–256]. Судя по документам Архива УФСБ РФ по Свердловской области, ее масштабы были весьма значительны. По состоянию на конец 1945 г. в активной агентурной разработке находилось 1829 человек. В результате проводимых оперативных мероприятий только за 1946 г. в Свердловской области органами госбезопасности было арестовано 118 человек. Из них 23 человека являлись изменниками Родины, 43 были предателями и 52 немецкими пособниками¹. Большинство выявленных органами госбезопасности лиц работали на предприятиях черной и цветной металлургии, а также в лесной и угольной отраслях промышленности.

* Мотревич Владимир Павлович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета; Екатеринбург, Россия; vladimir.motrevich@mail.ru

¹ Архив УФСБ РФ по Свердловской области. Ф.1. Оп.1. Д. 276. Л. 6.

Среди арестованных коллаборационистов был гражданин К. работавший на Нижнетагильском коксохимическом комбинате. Проживая до войны в Донбассе, он уклонился от призыва в армию, остался на оккупированной территории и поступил на службу в полицию. После освобождения Донбасса от оккупации был мобилизован в Красную армию, а после демобилизации приехал работать на Урал. В г. Нижний Тагил был арестован и гражданин Р., работавший забойщиком на руднике им. Третьего интернационала. Проживая в Белоруссии, он, после ее оккупации, добровольно уехал на работу в Германию. Работая в сельском хозяйстве, совершил побег, однако вскоре был задержан и доставлен в гестапо. Там он дал согласие на сотрудничество с германскими органами, которое было оформлено соответствующей подпиской. В задачу гражданина Р. входило выявление среди вывезенных на работу в Германию мобилизованных коммунистов, комсомольцев и антифашистки настроенных лиц, а также информирование спецслужб о готовящихся побегах и актах саботажа. Среди выданных им людей – распространявший антифашистские письма военнопленный поляк, а также военнопленный француз, нелегально хранивший радиоприемник. Весной 1945 г. гражданин Р. перешел в американскую оккупационную зону, однако затем был репатрирован в СССР и отправлен на Урал¹. В мае 1947 г. органами МГБ в г. Нижний Тагил были арестованы еще две бывших военнослужащих Красной армии, сотрудничавших с оккупантами на временно оккупированной советской территории. Произведенным по их делам следствием установлено, что гражданин А. в ноябре 1942 г. будучи рядовым 141 стрелкового полка 85 стрелковой дивизии перешел линию фронта, добровольно сдался в плен и сообщил немцам известные ему сведения о своей воинской части. Гражданин П. на территории Смоленской области попал в окружении и, впоследствии, поступил на службу в полицию. Принимал участие в облавах на партизан, а затем в составе рабочего батальона оказался в Германии, откуда в порядке репатриации прибыл в СССР².

В полиции служил и гражданин С. – лесоруб Петропавловского леспромхоза (Североуральский район). Попав в окружение, он поступил на службу в полицию в Ростовской области. Будучи заместителем начальника районной полиции, принимал активное участие в арестах и массовых расстрелах советских граждан. По его указанию в конце 1942 г. было арестовано 100 человек граждан из числа советско-партийного актива и лиц, подозревавшихся в связях с партизанами. Многие из них впоследствии были расстреляны. Из работавших под его руководством полицейских гражданин С. создал оперативную конную группу, которая арестовывала советских граждан и принимала участие в проводимых расстрелах. В конце Великой Отечественной войны он работал в Германии, а после ее окончания

¹ Архив УФСБ РФ по Свердловской области. Ф.1. Оп.1. Д. 259. Л. 209, 215.

² Там же. Л. 304–305.

в результате репатриации оказался на Северном Урале¹. В г. Североуральск забойщиком на Северном руднике работал и гражданин В., в ноябре 1941 г. заочно приговоренный Военным трибуналом Карельского фронта к высшей мере наказания. Следствием было установлено что, находясь на фронте, он организовал группу военнослужащих в составе 10 человек. Данная группа в полном боевом вооружении в ночь с 6 на 7 ноября 1941 г. сняла посты на передовой линии фронта и перешла на сторону финнов².

В результате реализации оперативных материалов Верхнепышминским РО МГБ был арестован и осужден Военным трибуналом УралВО на 18 лет лишения свободы гражданин Ст., работавший электриком на Пышминском медьэлектролитном заводе. В ходе следствия было установлено, что в сентябре 1941 г., попав в окружение, а затем в плен, он поступил на службу в германскую армию и 4 раза прорывался в советский тыл, доставляя сведения о расположении передовых воинских частей Красной армии и, даже, привел «языка». Кроме того, он проводил агитационную вербовочную работу в лагерях для советских военнопленных, призывая их вступать в германскую армию, после чего принимал от желающих заявления. Всего им было принято около сотни таких заявлений. 10 лет ИТЛ получил и служивший в полиции гражданин Н., работавший на Серовском металлургическом заводе. Попав в окружение в Брянской области, он сдался в плен и поступил на службу в полицию. Был командиром полицейского взвода, принимал участие в боях с партизанами. В течение нескольких месяцев работал следователем в городской управе и был награжден медалью³.

В январе 1950 г. в Москву было направлено спецсообщение УМГБ СССР по Свердловской области об аресте гражданина Ч. Знакомство с материалами его дела показывает, что гражданин Ч., 1924 года рождения, уроженец Орловской области, русский, член ВКП(б), до ареста работал первым секретарем Таборинского райкома ВЛКСМ Свердловской области. Проведенным по его делу следствием было установлено, что во время Великой Отечественной войны гражданин Ч. проживал на временно оккупированной советской территории. Летом 1942 г. он поступил на службу в Килиевскую волостную полицию, где и служил полицейским. Находясь на службе в полиции, принимал участие в обысках и арестах гражданских лиц, их мобилизации на работы, а также в формировании групп советских граждан для отправки в Германию. После освобождения оккупированной территории скрыл факт своей службы в полиции и был призван в Красную армию. На фронте он стал командиром взвода, награжден двумя орденами и четырьмя медалями⁴.

¹ Архив УФСБ РФ по Свердловской области. Ф.1. Оп.1. Д. 259. Л. 102–103.

² Там же. Л. 255.

³ Там же. Л.304–305.

⁴ Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 464. Л. 4–6.

С 1940 г. гражданин Ч. состоял в рядах ВЛКСМ, однако в 1941 г. уничтожил свой комсомольский билет и в 1944 г. снова вступил в комсомол уже в качестве военнослужащего. В декабре 1945 г. он демобилизовался и по вербовке прибыл в Свердловскую область, где стал работать на кирпичном заводе в Ирбитском районе. Там его избрали секретарем комитета ВЛКСМ Ирбитского мотоциклетного завода, а вскоре приняли и кандидатом в члены партии. Показал себя хорошим организатором, в частности, добился создания 13 молодежных бригад и комсомольских групп. В один из проводившихся Всесоюзных коммунистических воскресников эти бригады выпустили сверх плана 16 мотоциклов. После двух лет работы руководителем заводского комсомола гражданина Ч. и направили на работу первым секретарем Таборинского райкома ВЛКСМ, где он и трудился до момента ареста. В связи с арестом решением Свердловского обкома ВЛКСМ от 30 января 1949 г. гражданин Ч. был снят с должности первого секретаря райкома и исключен из партии¹.

В эти же дни Управлением МГБ СССР по Свердловской области был разоблачен гр. Л., служивший до этого заместителем командира роты по политической части одного из полков внутренних войск МГБ в г. Краснотурьинск. Следствием по его делу было установлено, что летом 1941 г. в г. Краснотурьинск он был призван в Красную армию и направлен на фронт. Однако по пути на фронт он дезертировал и вернулся домой, где и скрывался до прихода германской армии. Во время оккупации поступил на службу в полицию и принимал участие во всех карательных акциях оккупационных властей против местного населения. После освобождения города гражданин Л. эвакуировался на запад и поступил на службу в германскую армию, а в 1944 г., оказавшись на освобожденной территории, скрыл свое прошлое и был повторно мобилизован в Красную армию. После окончания войны он окончил военно-политическое училище и был направлен для прохождения службы во внутренние войска МГБ СССР. На основании оперативных материалов Краснотурьинским ГО МГБ был арестован и гражданин И. В результате следствия было установлено, что во время войны данный гражданин остался проживать в оккупированном германской армией г. Днепропетровске. В конце 1941 г. в качестве полицейского добровольно он поступил на службу в немецкую железнодорожную полицию. Летом 1942 г. был завербован представителем германских контрразведывательных органов в качестве агента-вербовщика для «насаждения агентуры по станциям Днепропетровского узла». Выполняя задания германской контрразведки, неоднократно выезжал на различные станции, где проводил вербовку агентуры общей численностью около 40 человек².

¹ Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 61. Оп. 9. Д. 1869. Л. 1–10; Ф. 4446. Оп. 2. Д. 21. Л. 14.

² Архив УФСБ РФ по Свердловской области. Ф.1. Оп. 1. Д. 164. Л. 1–3.

Анализ архивно-следственных материалов свидетельствует о том, что биографии коллаборационистов во многом были похожи. Чаще всего это служба в Красной армии, добровольная сдача в плен, концлагерь и работа в полиции. Затем повторная служба в Красной армии, или отступление вместе с германской армией, репатриация в СССР, благополучное прохождение проверок в фильтрационных лагерях, переезд на Урал и последующее разоблачение. Следует отметить тот факт, что, несмотря на широко проводимую в 1990-е гг. в РФ реабилитацию жертв политических репрессий, проходившие по вышеуказанным делам лица реабилитированы не были. Это свидетельствует о том, что данная категория лиц, совершавшая изменнические действия в годы Великой Отечественной войны, справедливо понесла заслуженное наказание.

Библиографический список:

1. *Вертилецкая Е.В.* К проблеме разоблачения агентов германской разведки на территории Свердловской области в 1941–1945 гг. // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: материалы V региональной научной конференции, декабрь 2002 г. – Екатеринбург, 2003. С. 321–322.
2. *Вертилецкая Е.В., Мотревич В.П.* «Фильтрация» репатриантов в Свердловской области в 1945–1947 гг. // История пенитенциарной системы России в XX в. – Вологда, 2007. С. 242–255.
3. *Вольхин А.И.* О деятельности германской разведывательно-диверсионной школы в местечке Освитц близ Бреслау в годы Великой Отечественной войны // Сб. трудов № 17. – Екатеринбург, 2008. С. 9–16.
4. *Мотревич В.П.* Шпионы явились с повинной. Крах операции «Ульм» // Родина, 2001. № 11. С. 86–87.

V.P. Motrevich

Doctor of historical Sciences, Professor of Chair of History of State and Law, Ural State Law University

THE ACTIVITIES ON IDENTIFICATION OF COLLABORATORS BY THE UMGB OF THE USSR IN SVERDLOVSK REGION DURING THE EARLY POST-WAR YEARS

The paper shows results of activities on identification of the persons cooperating with Nazi aggressors in temporarily occupied Soviet territory by bodies of the UMGB of the USSR in Sverdlovsk region during the early post-war years. The paper also presents facts on their criminal activity during the Great Patriotic War.

Keywords: Great Patriotic War, Sverdlovsk region, MGB of the USSR, collaborators.

УДК 94(47).084.8

*Нуждин О.И.**

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОСОБЫХ ОТДЕЛОВ В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье на основе источников и литературы проанализированы два аспекта деятельности особых отделов. Первый – надзор за высшими командирами в звании генералов с целью недопущения их пленения противником. Второй – проверка всех выходящих из окружения бойцов и командиров с целью выявления немецких шпионов. Автор приходит к выводу, что в начальный период войны в деятельности органов контрразведки наблюдался ряд серьезных недостатков.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, особые отделы, контрразведка, шпионаж.

Особые отделы, как органы военной контрразведки, входили в структуру дивизий, корпусов, армий и фронтов Красной армии. Их начальники не подчинялись командирам соответствующих соединений и объединений, оставаясь подконтрольными только своему вышестоящему начальству. С начала военных действий круг полномочий особых отделов расширился и в него вошли, в частности, надзор за командирами соединений и объединений, особенно в условиях окружения, а также проверка выходящих из окружения и побывавших в плену.

1. Надзор за командирами.

В первый год Великой Отечественной войны редкое соединение РККА не побывало в условиях полуокружения или даже окружения, что грозило попаданием командиров в плен. В задачу особых отделов входило недопущение этого всеми возможными способами.

Адмирал Ф.С. Октябрьский, командующий Черноморским флотом, с благодарностью рассказывал, что своей жизнью он во многом обязан начальнику Особого отдела флота Н.Д. Ермолаеву. В своих записках адмирал вспоминал, как тот вместе с дивизионным комиссаром Н.М. Кулаковым «вошли ко мне и сказали: "Кончайте, Ф.С., все дела, и пошли с нами". Надели на меня какой-то плащ, кепку и под конвоем морских пехотинцев, бойцов Особого отдела флота, с большим трудом, силой этих бойцов сквозь забитые людьми, ранеными, отчаявшимися вывели наружу, посадили в машину, как арестованного, и увезли» [5, с. 249]. В другом месте своих воспоминаний бывший командующий Черноморским флотом записал: «по указанию из Москвы вывез меня из ГБ после решения Ставки об оставлении

* Нуждин Олег Игоревич – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-культурного сервиса и туризма Уральского гуманитарного института Уральского федерального университета, Екатеринбург, Россия; o_nuzhdin@mail.ru

нами Севастополя. Вывез меня и со мной ряд товарищей на единственном оставшемся на Херсонесском аэродроме самолете в кошмарной обстановке при сплошной стрельбе, огне разрывов. Это особая, именно особая, заслуга т. Ермолаева Н.Д. и Кулакова Н.М.» [4, с. 20].

Однако в силу разных причин спасти получалось далеко не всегда, и в плену оказалось более 70-ти генералов Красной армии. Бывший начальник особого отдела 13-го корпуса Т.К. Шишацкий был вынужден объяснять, как он допустил пленение своего комкора. Он «лично видел, как во время боя при выходе из окружения на Кириллова, находившегося с адъютантом, комиссаром корпуса и несколькими другими офицерами, на опушке леса неожиданно набросилось около тридцати немецких солдат, которые схватили Кириллова и других офицеров. Обстановка боя была такова, что выручить группу Кириллова не было возможности»¹. Фразу начальника особого отдела можно толковать и так: обстоятельства сложились таким образом, что он лично никак не мог помешать взятию командира 13-го корпуса в плен.

Сдавшийся в плен командир 27-го корпуса генерал П.Д. Артеменко на допросе рассказал, что при его штабе «находился Особый отдел НКВД численностью 40 человек, который имел задачу следить за офицерами. Они имели право, как только среди офицеров обнаруживается намерение сдаться в плен или перебежать, их немедленно расстреливать, не взирая на их ранг. А [ртеменко] стоило больших усилий избавиться от этих людей во время блужданий по лесам. Вместе со своим сыном и несколькими другими офицерами своего штаба он ожидал, когда немцы войдут в лес, чтобы сдаться»².

Другой случай описан военкомом 1-го Особого стрелкового корпуса бригадным комиссаром Н.И. Приваловым. В начале августа 1942 г. в районе с. Школьный колонна штаба части корпуса, находясь в процессе передислокации, попала под удар немецких войск и разбежалась по сторонам. Командир корпуса полковник М.М. Шаповалов воспользовался суматохой, «бросил в лесхозе штаб и без адъютанта с женой куда-то уехал». Его возвращения ждали около суток, но полковник исчез бесследно. На этом основании комиссар Н.И. Привалов сделал вывод, что полковник М.М. Шаповалов перебежал на сторону противника и, как оказалось, не ошибся. В своем докладе комиссар Н.И. Привалов однозначно взвалил вину на «особистов»: «зам. нач[альника] ОО т. Лимберг не принял мер для предотвращения перехода Шаповалова, имея в своем распоряжении до 40 бойцов и других оперативных работников»³.

¹ Материалы из следственного дела Военной коллегии Верховного суда СССР от февраля 1956 года о пересмотре обвинительного заключения на Кириллова Николая Кузьмича, вынесенного Военной коллегией Верховного суда СССР 25 августа 1950 года // Рунов В.А. 1941. Победный парад Гитлера. Правда об Уманском побоище. – М., 2010. С. 378.

² Anlage № 367. Vernehmung des Kommandierenden Generals der Roten XXVII. A.K., Gmjr Artemenko // BArch: Abteilung Militärarchiv. RH. 24-51-57. S. 3.

³ Центральный архив министерства обороны РФ (ЦАМО РФ). Ф. 276. Оп. 811. Д. 27. Л. 73–74.

Поэтому неудивительно, что в критические моменты при командующих генералах мы часто встречаем руководящих работников особых отделов (в частности, при командире 172-й дивизии М.Т. Романове – старший лейтенант П.С. Чернышев, при командующем Юго-Западным фронтом генерале М.П. Кирпоносе – комиссар госбезопасности А.Н. Михеев, при командующем 33-й армии – капитан Д.Е. Камбург). И следует отметить, что последние двое в плен не попали и числятся погибшими, а командира 172-й дивизии немцы захватили, когда рядом с ним уже не было ни одного работника особого отдела.

Во время сдачи в плен кто-то стрелял даже в командующего 19-й армией генерала М.Ф. Лукина. В своем интервью писателю и поэту К. Симонову бывший командарм рассказал, как, уже будучи раненым, остался в землянке, где находились другие раненые, в их числе работники особого отдела 24-й армии во главе с майором госбезопасности А.П. Можиным. Вскоре прибежали адъютанты генерала М.Ф. Лукина с криками: «Товарищи, выходите. Немцы». Все, кто находился в землянке засобирались. Генерал М.Ф. Лукин, поддерживая раненого в ноги майора А.П. Можина, поторапливал остальных: «Давай скорей выходить, еще бросят гранаты сюда. Они же не войдут так сразу, а бросят гранаты, и мы пропадем с тобой ни за что». Его поддержал один из тяжелораненых работников особого отдела. Подняв руки, кто мог ходить, вышли из землянки. «В это время, – рассказывал М.Ф. Лукин, – подходит наша группа, уходящая, открывает стрельбу. Все повернулись в сторону группы, и когда я увидел, что все повернулись, я бросился бежать в противоположную сторону. А с противоположной стороны идет на меня группа немцев. Автомат: «Тр-р-р-р» — меня опять в эту же ногу, в коленную чашечку. Я теряю сознание» [6, с. 12–13].

2. Борьба со шпионами противника

В первые дни войны, особенно на Западном фронте, войска охватила шпиономания. Замаскированный враг чудился как красноармейцам, так и командирам. Однако временами излишняя подозрительность имела трагические последствия. Так, 27 июня 1941 г. штаб Западного фронта передал в подчиненные армии приказ об отходе на рубеж р. Щара. Его должны были доставить на самолетах У-2, СБ и бронемашинах.

Бипланы У-2 были сбиты противником, но СБ смогли сбросить в районе штаба 10-й армии двух парашютистов. Они доставили зашифрованный приказ, но разобрать его не удалось. Тогда парашютистов отправили в штаб 3-й армии, и там ситуация повторилась: прочесть приказ не смогли. Это зародило подозрения, и подполковник С.А. Маркушевич лично арестовал одного из делегатов связи и передал его в особый отдел. Задержанный «отказался давать какие-либо показания, только ругал всех нецензурными словами, а через несколько минут он был расстрелян тут же, на КП» [2, с. 351]. Такая же судьба ожидала и второго командира.

Однако особым отделам приходилось вести борьбу не только с мнимыми шпионами противника или подозреваемыми в шпионаже, но и с врагами

реальными. Так, например, на участке 6-й полевой армии 30 июля 1941 г. линию фронта перешел некий советский военнослужащий. Он представился агентом «Ast Krakau», действующим под кличкой «Nicki». На отправленный службой Абвера 6-й армии запрос, немедленно был получен ответ, что «Nicki» является очень ценным агентом, числящимся в картотеке «Ast Krakau» под номером 4012. Его показаниям, безусловно, нужно доверять, как особо точным. Агент был в марте 1941 г. отправлен в Москву и внедрен, видимо, в штат обслуживающего персонала Генерального штаба. Во второй половине июля 1941 г. он сопровождал полковников Красева и Бондаренко в их поездке из столицы Советского Союза в Киев, куда они прибыли около 3.00 ночи 29 июля.

На допросах агент «Nicki» рассказал, где в Броварах находится штаб маршала С.М. Буденного, какие использованы средства маскировки и как его можно обнаружить с воздуха. Также он поведал, что в Борисполе располагался центр подготовки парашютистов, которых готовили для заброски в Польшу и Чехословакию. Всего там обучалось до 900 человек. Среди тех, кого уже забросили под Львов 19 июля 1941 г., агент назвал польского дивизионного генерала Лангнера и подполковника Добровского¹.

Еще один случай был связан с неким интендантом А.П. Кругловым. Он служил, по-видимому, начальником одного из отделов тыла 5-й армии и попал в плен в урочище Шумейково. Сам он по выходу из окружения рассказал, что 19 сентября 1941 г., находясь в 297-й дивизии, сильно заболел и остался на хуторе Мощный в Черниговской области. По выздоровлении пошел к линии фронта и пересек ее на участке 40-й армии.

Интендант прошел положенные проверки, но, в соответствии со сложившейся практикой, был отправлен в тыл. Ему доверили должность начальника финансовой части фронтовых курсов по переподготовке командного состава в с. Пески. Однако вскоре он чем-то вызвал подозрение и был арестован. На следствии в особом отделе фронта выяснилось, что интендант никакой не А.П. Круглов, а бывший эмигрант Андрей Блажко, агент немецкой разведки. Настоящий А.П. Круглов погиб в плену [1, с. 85, 87].

В немецких документах временами встречаются ссылки на неких агентов, действующих в советском тылу. Так, в разведсводке немецкого XXXIX корпуса говорится о разведчиках, обосновавшихся в Москве и посылавших оттуда донесения, судя по всему, по рации². Вплоть до весны 1942 г. в одном из отделов военных сообщений работал еще один немецкий агент.

Повышенное внимание к окруженцам оказалось вполне оправданным, поскольку среди них, особенно с конца 1941 г., противник стал забрасывать своих агентов. К концу первого года войны от разведывательных ведомств ОКХ и ОКВ стали требовать разворачивания полноценной разведывательной,

диверсионной и идеологической войны. В этой связи оберштурмбанфюрер СС Х. Грайфе предложил создать особый разведывательно-диверсионный орган. В его руках должна быть сконцентрирована подготовка и заброска многочисленной агентуры, завербованной преимущественно из числа военнопленных, а также из русских эмигрантов. Новая структура получила название «Предприятие Цепелин-21» [3, с. 104].

В целом, особые отделы в начале Великой Отечественной войны переживали ту же перестройку деятельности, что и все остальные. Поэтому неудивительно, что наряду с задачами их работе сопутствовали и существенные промахи.

Библиографический список:

1. Белоусов М.А. Об этом не сообщалось... – М., 1989.
2. Быховцев Н.И. На волковысском направлении. 22–29 июня 1941 года. – Минск, 2017.
3. Жуков Д., Ковтун И. Русские эсэсовцы в бою. Солдаты или каратели? – М., 2009.
4. Историку на заметку (Из архива адмирала Ф.С. Октябрьского) / Сост. Р.Ф. Октябрьская. – Севастополь, 2009. Ч. 1.
5. Историку на заметку (Из архива адмирала Ф.С. Октябрьского) / Сост. Р.Ф. Октябрьская. – Севастополь, 2013. Ч. 2.
6. Симонов К. Отступление, ранения и плен генерала // Новая газета. 2015. № 23. 6 марта. С. 12–13.

O.I. Nuzhdin

Candidate of historical Sciences, Institute of Humanities and Arts, Ural federal University (Yekaterinburg, Russia)

ON SOME ASPECTS OF THE ACTIVITIES OF THE SPECIAL DEPARTMENTS IN THE INITIAL PERIOD OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

In the article, on the basis of sources and literature, two aspects of the activities of the Special Divisions are analyzed. The first is overseeing the top commanders in the rank of generals in order to prevent their capture by the enemy. The second is to check out all the militants and commanders emerging from the encirclement in order to identify German spies. The author comes to the conclusion that in the initial period of the war, the activity of the counterintelligence bodies was accompanied by a number of serious shortcomings.

Keywords: Great Patriotic War, Special departments, counterintelligence, espionage.

¹ Erste Vernehmung eines angelaufenen V-Mannes der Ast Krakau // NARA. T. 312. Roll 676. Fr. 166.

² Panzergruppe 3. Ic. Feindnachrichtenblatt Nr. 13. 11.7.41 // NARA. T. 314. Roll 928. Fr. 1157.

ПОД ПРЕССОМ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ: ИЗ ИСТОРИИ СОЗДАНИЯ ЧЕЛЯБИНСКОГО КУЗНЕЧНО-ПРЕССОВОГО ЗАВОДА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В статье представлена история создания Челябинского кузнечно-прессового завода имени И.В. Сталина, созданного в годы Великой Отечественной войны на основе эвакуированного оборудования и трудовых ресурсов московского автозавода ЗИС. Отмечено, что подготовка завода к выпуску продукции протекала в крайне ограниченные сроки.

Ключевые слова: История автомобильной промышленности, Челябинский кузнечно-прессовый завод, Московский автомобильный завод имени И.В. Сталина, ЗИС, КПЗИС, эвакуация.

Возникновение целого ряда предприятий и отдельных отраслей промышленности на Урале связано с эвакуацией оборудования и рабочих из западных регионов СССР в годы Великой Отечественной войны. Показательной в этом смысле является история эвакуации Московского автомобильного завода имени И.В. Сталина (ЗИС), послужившего «донором» при создании предприятий автомобильной промышленности в уральском регионе. Сжатые сроки перемещения производства, а также острый дефицит пригодных промышленных площадей в тыловых районах страны вынудили профильные ведомства разделить единый промышленный объект на несколько самостоятельных предприятий и расположить производственные мощности советского автогиганта в разных городах, на значительном удалении друг от друга. В результате эвакуации московского автозавода в 1941–1942 гг. на Урале появилось сразу несколько предприятий: Миасский автотормозный завод (впоследствии Уральский автомобильный завод имени И.В. Сталина), Кузнечно-прессовый завод имени И.В. Сталина (КПЗИС), Шадринский автоагрегатный завод имени И.В. Сталина (ШААЗИС). Часть оборудования была перемещена в другие регионы. Так, например, сборочный конвейер московского ЗИСа был отправлен в Поволжье (г. Ульяновск), куда уральские предприятия должны были поставлять комплектующие и отдельные узлы грузовых автомобилей [4]. Среди перечисленных предприятий Челябинскому кузнечно-прессовому заводу предназначалась роль производителя металлоемких деталей грузовиков – лонжеронов рам, колесных дисков, рессор и других кованых и штампованных деталей автомобиля. Как и «уральские собратья» по автомобильной промышленности КПЗИС был создан в конце 1941 г. Выбор места для размещения крупного предприятия в тылу был сложной задачей. Вначале кузнеч-

но-прессовое производство ЗИС хотели разместить в г. Троицк Челябинской области. Затем оборудование было решено отправить в Челябинск. Место для строительства завода в Челябинске было выбрано после совместного совещания наркома по строительству С.З. Гинзбурга, директора ЗИСа И.А. Лихачева, начальника Главуралстроя Н.А. Дыгая. Было решено осмотреть все строящиеся и законсервированные площадки в Челябинске. Наиболее подходящей была признана площадка предприятия «Стройсемь» [3, с. 354].

Строительство завода началось на основании постановления ГКО от 30 ноября 1941 г. «О размещении Московского автомобильного завода им. Сталина», в соответствии с которым строительная площадка предприятия «Стройсемь» Народного комиссариата танковой промышленности (НКТП) в г. Челябинск передавалась в ведение Народного комиссариата среднего машиностроения (НКСМ) [2, с. 185].

Что представляла собой территория будущего завода? Полученная НКСМ промышленная площадка располагалась в южной части Челябинска, в 12 км от городских построек. Общая площадь участка составляла 70,2 га. К северу от участка, параллельно шоссе в г. Копейск пролегла железная дорога.

Возведение новых промышленных объектов на площадке «Стройсемь» было весьма непростой задачей. Перед началом строительства цехов КПЗИС требовалось провести значительные подготовительные работы. В «наследство» от предыдущего предприятия новому заводу достались огромные котлованы глубиной до 10 м, для засыпки которых понадобилось переместить около 30 тыс. м³ грунта. Кроме того, строительная площадка была завалена различными тяжелыми металлоконструкциями, частями машин, демонтированным оборудованием металлургических заводов и другими грузами общим весом около 5,5 тыс. тонн, которые не имели отношения к строительству КПЗИС.

Новый завод должен был состоять из шести цехов: кузнечного, прессового, рамного, рессорно-пружинного, штампово-механического, ремонтно-механического. Для размещения этих производственных объектов было решено использовать недостроенные сооружения бывшего предприятия «Стройсемь». Кузнечный, прессовый и рамный возводили на месте предполагавшегося цеха № 1, где имелись фундаменты под колонны и 4 тыс. тонн металлоконструкций. Штампово-механическому цеху досталось недостроенное здание ремонтного цеха. Ремонтно-механическому цеху была передана часть здания предполагавшегося главного магазина (склада). Для складских помещений использовали недостроенный склад огнеупоров. Кроме того, КПЗИС были отданы недостроенное здание железнодорожного депо и корпус бытовых помещений¹. Таким образом, эвакуированный завод оказался на строительной площадке, неподготовленной для производства.

¹ Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф. Р-1146. Оп. 3. Д. 270. Л. 1.

* Пьянков Степан Александрович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора экономической истории Института истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия; kliostefan@mail.ru

В сложившихся условиях завод не мог полноценно действовать. Работы же по завершению строительства необходимых зданий затягивались. В ноябре 1941 г. народные комиссариаты по строительству (НКС) и среднего машиностроения поручили строительство кузнечно-прессового завода Особой строительной-монтажной части – 14 (ОСМЧ-14), находившейся в то время в Сталинграде. Однако до конца 1941 г. строительная площадка завода не была обеспечена ни строительными материалами, ни механизмами. К тому же переброска ОСМЧ-14 в Челябинск не была осуществлена. Поэтому к строительству завода в 1941 г. так и не приступили. Возведение цехов кузнечно-прессового завода было поручено ОСМЧ-22, располагавшейся в Челябинске [1, с. 51]. Фактически строительство необходимых заводу зданий и сооружений началось лишь в феврале 1942 г.¹

Проводившаяся с 25 февраля по 5 марта 1942 г. Наркоматом государственного контроля СССР проверка строительства завода показала, что основная часть промышленных объектов КПЗИС не была подготовлена в запланированные сроки. Согласно ранее принятому постановлению ГКО «О размещении Московского автомобильного завода им. Сталина» Наркомстрой и Наркомсредмаш обязывались построить и переоборудовать здания для эвакуированных в Ульяновск, Миасс, Челябинск и Шадринск цехов московского автозавода. Механические цехи этих предприятий должны были начать работу с 1 февраля 1942 г., а заготовительные – с 15 марта 1942 г. Совместный приказ НКС и НКСМ от 12 декабря 1941 г. детализировал сроки подготовки КПЗИС для приема эвакуированного оборудования. Штампово-механический цех необходимо было подготовить к 1 февраля 1942 г., кузнечный, прессовый и рамный – к 1 марта, а рессорный – к 10 марта 1942 г. Кроме вышперечисленных цехов в число первоочередных объектов строительства входили паропровод, хранилище мазута и 10 жилых домов для эвакуированных работников завода.

Причиной отставания строительства главный контролер Наркомата госконтроля СССР И.Г. Финагенов считал отсутствие комплексного подхода к организации строительной-монтажных работ. Как он установил, до 1 марта 1942 г. строительство заводских цехов велось без проектов. Слабым местом строительства было и техническое оснащение строительной площадки. Так, например, в январе 1942 г. на стройке завода вместо необходимых 16-ти автомобилей работало только два, вместо двух тракторов в наличии был только один, из 25 потребных рабочих лошадей на стройке имелось лишь 10. Не обеспечивался завод и необходимыми строительными материалами. Постановление ГКО от 6 января 1942 г. «О восстановлении производства грузовых машин на автозаводе им. Сталина» предусматривало выделение соответствующих ресурсов на строительство КПЗИС [2, с. 207]. Однако даже к марту 1942 г. необходимые для возведения цехов материалы так и не поступили на

¹ ОГАЧО. Ф. Р-1146. Оп. 3. Д. 270. Л. 1.

площадку завода¹. Работы по монтажу прибывших станков и прессов затягивались, а, следовательно, откладывался пуск завода.

Несмотря на эти обстоятельства, проводилась разгрузка эвакуированного оборудования и, по мере возможности, его монтаж. На строившийся завод прибывали вагоны из г. Троицка, где первоначально планировалось размещение кузнечно-прессового оборудования московского автозавода, станки и оборудование непосредственно из Москвы, а также грузы, ранее по ошибке попавшие в Шадринск, где создавался ШААЗИС. Всего, согласно данным заводского отчета, в 1942 г. был разгружен 2941 вагон, 957 вагонов со станками и оборудованием были погружены и перенаправлены в адрес других предприятий².

Выпускать продукцию КПЗИС начал 1 июля 1942 г. Номенклатура выпускавшихся заводом в годы войны изделий была разнообразной. Предприятие производило не только детали для грузовых автомобилей ЗИС-5, но и поковки для авиационной и танковой промышленности, детали для тракторов, мотоциклов и малогабаритных двигателей [5]. Кроме того, на предприятии размещались заказы по производству стальных шлемов для пехоты (СШ-40), детали для оборудования угольной промышленности³.

В заключение необходимо отметить, что создание кузнечно-прессового производства в г. Челябинск на основе мощностей московского завода ЗИС было вынужденной мерой, направленной на сохранение промышленного потенциала одного из крупнейших предприятий страны. Запуск эвакуированного завода протекал в крайне ограниченные сроки, в тяжелейших условиях военного времени. Несмотря на это обстоятельство, коллективу предприятия удалось достаточно быстро наладить выпуск стратегически важной для страны продукции.

Библиографический список:

1. Гончаров Г. А. Строительные организации уральского региона в условиях военного времени (1941–1945 годы) // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 11 (265). С. 51–55.
2. Государственный комитет обороны СССР. Постановления и деятельность, 1941–1945 гг.: аннотированный каталог в двух частях / редкол.: А. К. Сорокин (отв. ред.) [и др.]. – М., 2015. Т. 1.
3. История Московского автозавода им. И. А. Лихачева / Н. В. Адфельдт, Д. А. Бавеский, И. Л. Бачило [и др.]. – М., 1966.
4. Курлаев А. Е. Эвакуация МАЗИС и создание автомобильной промышленности на Урале // Россия между прошлым и будущим: исторический опыт национального развития. – Екатеринбург, 2008.

¹ ОГАЧО. Оп. 1. Д. 9. Л. 7–10.

² Там же. Оп. 3. Д. 270. Л. 1 об.

³ Там же. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–29; Там же. Д. 5. Л. 4–4 об.

S.A. P'yankov

Candidate of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural branch of the RAS (Ekaterinburg, Russia)

UNDER PRESSURE: THE HISTORY OF THE CREATION OF THE CHELYABINSK FORGE-AND-PRESS PLANT IN THE YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

The article presents the history of the creation of the Chelyabinsk Forge-and-Press Plant named after I.V. Stalin, created during the Great Patriotic War on the basis of the evacuated equipment and labor resources of the Moscow ZIS automobile plant. It was noted that the preparation of the plant for the production was performed in the extremely limited time.

Keywords: History of the automobile industry, Chelyabinsk Forge-and-Press Plant, Moscow Automobile Plant named after I.V. Stalin, ZIS, KPZIS, evacuation.

ЗНАЧЕНИЕ ПАРТИЗАНСКОЙ РАЗВЕДКИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Рассматривается значение разведывательной деятельности, проводимой советскими партизанами в годы Великой Отечественной войны. Затрагиваются аспекты, касающиеся организационно-кадрового обеспечения партизанской разведки и методов повышения её эффективности.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, партизанское движение, разведка

Партизанское движение, развернувшееся на территориях, оккупированных войсками гитлеровской Германии и ее сателлитов, стало важнейшей частью общенародной борьбы за победу в Великой Отечественной войне. Перед партизанами, помимо прочего, ставились разведывательные задачи. Их выполнение определяло не только успешность оперативно-тактических действий советских войск, но часто и исход крупномасштабных стратегических операций, планируемых Ставкой Верховного Главнокомандования (ВГК).

Партизанская разведка предоставляла командованию армий и фронтов ценные сведения самого разнообразного характера. Партизаны собирали данные о местах дислокации вражеских войск, их численном и качественном составе, технической оснащенности. Партизанские группы выслеживали агентов вражеских разведывательных органов, обезвреживая или арестовывая их, захватывали в плен немецких, румынских, итальянских солдат и офицеров и переправляли их на «Большую землю» как носителей нужной советскому командованию информации. Кроме того, разведчики из партизан проникали в неприятельские комиссариаты, комендатуры, разведывательно-диверсионные школы, где доставали документы, содержащие информацию, представлявшую интерес как для советского партийно-государственного руководства, так и для Генштаба, разрабатывавшего стратегические планы.

Разведывательная работа партизан не сразу стала четкой и результативной. Летом 1941 г., когда Вермахт напористо продвигался вглубь советской территории, требовалось, во что бы то ни стало, остановить его, остальное отходило на второй план. Но как только стало ясно, что нацистский «блицкриг» терпит неудачу, органы госбезопасности, в срочном порядке приступили к кадровому укреплению партизанского движения. Характерно, что предпочтение отдавалось специалистам по разведке и диверсионно-подрывным операциям.

* Рыбаков Сергей Владимирович – доктор исторических наук, профессор кафедры истории и социальных технологий Уральского федерального университета, Екатеринбург, Россия; istoric-ek@mail.ru

В январе 1942 г. было создано 4-е управление НКВД СССР, которым руководил опытный разведчик П.А. Судоплатов. Среди подразделений управления выделялась Отдельная мотострелковая бригада особого назначения. На ее базе стали готовить диверсионно-разведывательные группы, забрасываемые в тыл врага [3, с. 236]. Они либо организовывали партизанские отряды «с чистого листа», либо пополняли уже действующие формирования.

Процесс формирования эффективной партизанской разведки осложнялся рядом факторов. Ощущался дефицит разведчиков-профессионалов, возникший после «чисток» конца 1930-х гг., затронувших и органы разведки. Для его ликвидации организовывались разведывательные школы. Созданное 16 февраля 1942 г. ГРУ (Главное разведывательное управление) усилило работу по подготовке разведчиков, направляемых в зоны действий партизанских соединений. Эта работа велась по согласованию с образованным 30 мая 1942 г. Центральным штабом партизанского движения.

Весной 1943 г. Ставка Верховного Главнокомандования приняла решение направить во вражеские тылы большое число разведчиков из рядов Красной Армии и НКВД. Для развертывания результативной разведывательной деятельности их снабжали всем необходимым – радиоаппаратурой, топографическими картами, спецоборудованием, оружием, боеприпасами, медикаментами.

К июлю 1943 г. во всех партизанских отрядах и соединениях действовали заместители командиров по разведке. Они планировали разведывательные акции и руководили ими. Им приходилось выполнять и контрразведывательные задачи, что требовало умения работать с агентурной сетью. В штабах партизанского движения организацией разведки занимались разведотделы [2, с. 276]. При штабах фронтов создавались оперативные группы, ответственные за разведку. Они были связующими звеньями между партизанской и военной разведкой, обеспечивали контакты между партизанами и фронтовыми разведывательными отделами. Разведчики-партизаны передавали во фронтовые штабы все значимые сведения и получали от них задания. Так, Ленинградский штаб партизанского движения дважды в месяц получал конкретные разведывательные задания от штаба Ленинградского фронта [3, с. 240].

Каждый партизан знал азы разведывательного дела, приобщаясь к разведке в реальной боевой практике. Не пренебрегали и теоретическим обучением. Оно опиралось на программы, включавшие в себя передовой разведывательный опыт, в том числе и зарубежный. Большими тиражами выпускалось пособие под названием «Партизанский учебник», представлявшее русскоязычную версию книги, изданной в Финляндии во время советско-финской («зимней») войны, а затем переведённой с финского языка на русский. В пособии значительное место отводилось вооружению и снаряжению разведчиков, способам сбора и передачи разведанных.

Успешность партизанской разведки зависела от содействия со стороны местного населения. Некоторые местные жители шли на сознательный

риск, по заданию разведотделов поступая на службу в оккупационные учреждения с целью конспиративного сбора разведывательных материалов. К примеру, в Калининской области подпольщикам удалось занять должности в полицейских формированиях, на предприятиях, в ресторанах, немецких офицерских клубах. Это позволяло отслеживать ситуацию в неприятельских гарнизонах, наблюдать за важными военными, административными, транспортными объектами, вести учёт перевозимых грузов. Добытые сведения передавались партизанам, а те быстро отправляли их в Москву. Подпольщики поддерживали с партизанами связь через закладные «почтовые ящики», при помощи звуковой, световой и предметной сигнализации.

Значимую роль в партизанской разведке играл захват в плен вражеских солдат и офицеров. В партизанских формированиях создавались специальные группы по захвату «языков» и вражеских документов. К примеру, оперативная группа Ленинградского ШПД при 2-ом Прибалтийском фронте инициировала создание в каждой бригаде отрядов боевой разведки количеством в несколько десятков человек, способных выполнять задания любой сложности [3, с. 243]. Эти отряды высылались в районы дислокации штабов противника, для захвата «языков» и документов использовали засады и налеты. Партизаны действовали отважно и решительно, захватывая не только солдат и офицеров, но и генералов, показания которых имели большую ценность.

Усилия по организации и совершенствованию партизанской разведки не прошли даром: в 1943 г. результативность действий партизан-разведчиков достигла высокого уровня. По сравнению с 1942 г. количественный объём добываемой информации возрос многократно. Это касалось всех основных показателей: сведений о концентрации вражеских войск стало поступать в 17 раз больше, о крупных перегруппировках войск – в 13 раз, о мостах и транспорте – в 8 раз, о гарнизонах и штабах противника – в 6,5 раза, о складах и базах – в 6 раз, об оборонительных сооружениях – в 5 раз, об аэродромах – в 2,5 раза [1, с. 25].

Разведанные поступали в ГРУ со всех оккупированных областей. Так, партизаны Калининской области с 1 февраля 1943 г. по 15 июля 1944 г. предоставили действующим войскам данные о дислокации 30 вражеских дивизий, 2 бригад, 23 частей, 64 батальонов, о расположении 11 аэродромов, 95 складов и 8 оборонительных рубежей. Они захватили в плен 128 немецких солдат и офицеров, которые дали информацию, использованную советским командованием в оперативно-тактических и стратегических целях [4, с. 194].

Не менее успешно действовали партизаны-разведчики в Ленинградской области. В канун и на начальном этапе наступательной операции по снятию блокады Ленинграда они собрали множество ценной оперативной информации, касавшейся 35 неприятельских соединений. Ленинградские и новгородские партизаны выявили 4 вражеских аэродрома, а также выяснили расположение штабов немецкой 18-й армии и 38-го армейского корпуса [3, с. 246].

Разведанные, предоставленные партизанами, заметно облегчили проведение операции по разблокированию Ленинграда.

Подобную роль играла информация, собранная белорусскими партизанами на этапе подготовки военно-стратегической операции «Багратион», нацеленной на освобождение Белоруссии. Была установлена или подтверждена дислокация 900 вражеских гарнизонов, 33 штабов, 30 аэродромов, десятка посадочных площадок, 130 зенитно-артиллерийских батарей, 70 крупных складов, 319 полевых почтовых станций. На топографические карты была занесена линия оборонительных укреплений протяжённостью почти 1000 километров. Белорусские партизаны доложили в Генштаб о прохождении более 1600 немецких эшелонов, выслали более сотни захваченных или похищенных у неприятеля оперативных документов – карт, донесений, приказов, до двухсот экземпляров личных документов солдат и офицеров вермахта [2, с. 277].

Иногда партизанская разведка добывала сведения чрезвычайной важности. К примеру, разведчики партизанского соединения, которым командовали М.И. Наумов и Д.М. Медведев, овладели информацией о подготовке вермахтом наступления под Курским летом 1943 г. Они также установили место расположения ставки Гитлера неподалёку от Винницы [1, с. 27].

Перечень успешных действий партизан-разведчиков можно многократно расширить, но и приведённые факты красноречиво свидетельствуют о том, что партизанская разведка внесла весомый вклад в дело освобождения нашей страны от захватчиков, в победу над коварным и беспощадным врагом.

Библиографический список:

1. Андрианов В. Разведывательная деятельность партизан // Военно-исторический журнал. 1971. № 8. С. 20–28.
2. Калинин В. Партизанская республика. – М., 1964.
3. Попов А. Партизанская разведка // Диверсанты Сталина. – М., 2004.
4. Попов А. 15 встреч с генералом КГБ Бельченко. – М., 2002.

S.V. Rybakov

Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History and Social Technologies of the Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia)

THE IMPORTANCE OF THE PARTISAN SCOUTING IN THE YEARS OF THE GREAT PATRIOTIC WAR

The article analyzes the importance of partisan scouting during the Great Patriotic War. The aspects that concern the organizational and personnel support of partisan scouting and methods for increasing its effectiveness are considered.

Keywords: Great Patriotic War, partisan movement, scouting

УДК 94(47).084.8

Скробов В.С.*

РАЗВЕДКА И КОНТРРАЗВЕДКА НАКАНУНЕ И В ПЕРИОД ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1941–1945 ГГ. (НА МАТЕРИАЛАХ УРАЛА)

В статье показан огромный вклад, внесенный органами государственной безопасности СССР в победу в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Проанализирована деятельность разведки и контрразведки по добыче ценных сведений о противнике в период крупных сражений и пресечению попыток вражеской агентуры дестабилизировать положение в советском тылу. Особый акцент сделан на факты из истории Урала военного времени. Показано, что уральцы не только снабжали Красную Армию оружием и боеприпасами, но и проявляли высокую бдительность, берегли Родину от посягательств фашистской разведки.

Ключевые слова: разведка, контрразведка, разведанные, разведывательные-диверсионные группы, диверсия, саботаж, вредительство, обезвреживание.

Великая Отечественная война вошла в историю нашей страны как величайшее военное испытание. Этому событию посвящена значительная научная литература. В настоящей статье предпринята попытка обобщить публикации, увидевшие свет в последние десятилетия на тему разведки и контрразведки с учётом не только московских, но и местных, в данном случае уральских изданий.

В столичных изданиях выделяется 12-томный труд «Великая Отечественная война 1941–1945», первый том которого освещает основные события войны [1]. Среди этих событий – ёмкий по содержанию текст под заголовком «Разведка и контрразведка накануне и в годы войны». Обратимся к его краткому содержанию.

Накануне и в годы Великой Отечественной войны разведывательная служба в нашей стране проводилась внешними органами государственной безопасности (НКВД-НКГБ) (далее внешняя разведка) и разведывательным управлением Генерального штаба Красной Армии (далее военная разведка).

Усилия разведчиков внешней разведки были сосредоточены на крупных проблемах военной стратегии иностранных государств. Конкретную информацию меньшего масштаба специалисты внешней разведки передавали представителям военной разведки.

В напряжённый предвоенный период, в январе 1941 г., усилиями советских разведчиков были добыты сведения о том, что в нацистской Германии

* Виктор Семенович Скробов – доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РСФСР, Действительный член (академик) Академии военных наук Российской Федерации, полковник в отставке, Москва, Россия; viktor.scrobov@yandex.ru

существует военный план «Барбаросса». Точное название и содержание этого документа удалось добыть позднее. Было установлено, что под наименованием «Барбаросса» скрывается развёрнутый военный документ о нападении нацистской Германии на СССР. Все основные положения этого плана в результате трудной добывающей работы разведчиков стали известны руководству Советского Союза. При этом были преодолены беспрецедентные меры немецкой стороны по введению Советского правительства в заблуждение. Кампания по дезинформации проводилась немцами в общегосударственном масштабе. Это был тяжёлый период, который удалось накануне войны преодолеть внешней разведке СССР. В результате, разведка смогла дать руководству страны достаточно полную картину подготовки нацистской Германии к нападению на Советский Союз.

Накануне и в начале Великой Отечественной войны значительное количество разведанных было добыто военной разведкой Генерального штаба Красной армии. В июне 1940 – июле 1941 г. в Москву поступило 267 донесений от военных разведчиков. Особо ценные из них были направлены политическому руководству нашей страны, а также Народному комиссару обороны СССР, начальнику Генерального штаба. В ряде донесений, в частности от разведчиков-нелегалов Р. Зорге, А. Гуревича, П. Марлей, сообщалось о подготовке нацистской Германии к войне против СССР. В конце 1940 г., 29 декабря, поступило в Москву из Берлина сообщение полковника Н. Скорнякова. Военный разведчик направил в Центр донесение руководителя разведгруппы Ильзы Штебе (псевдоним «Альта»). В этом документе сообщалось, что Гитлер утвердил план войны Германии против СССР.

В апреле 1941 г. военный атташе СССР в Германии генерал В. Тупиков направил в Центр графическую «Схему возможных вариантов действий Германии против СССР». Один из трёх представленных Тупиковым вариантов действий немецких войск точно отражал замысел плана нападения Германии на СССР.

В канун начала войны военная разведка представила руководству страны фактически точную дату нападения фашистской Германии на Советский Союз. Эта информация 21 июня 1941 г. была немедленно доложена И.В. Сталину, В.М. Молотову, С.К. Тимошенко.

Сложные и трудные задачи пришлось решать военной разведке в период оборонительных боёв и отступления советских войск в июне – декабре 1941 г. Большинство разведывательных донесений этого периода, несмотря на дезинформацию противника, достоверно отражали ситуацию на советско-германском фронте.

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. по своей сути представляла собой войну народов СССР против нацистской Германии и её союзников. 22 июня 1941 г. произошло вероломное нападение Германии на Советский Союз. Создав на направлении главных ударов подавляющее превосходство,

нацистская Германия захватила стратегическую инициативу. Гитлеровские войска Германии оккупировали значительную часть советской территории.

Вся полнота власти в СССР была сосредоточена в созданном 30 июня 1941 г. Государственным комитете обороны (ГКО) во главе с И.В. Сталиным. С 8 августа 1941 г. И.В. Сталин стал Верховным Главнокомандующим.

Основными военными событиями летне-осенней кампании были: Смоленское сражение, оборона и блокада Ленинграда, катастрофическое поражение советских войск на Украине, оборона Одессы, начало обороны Севастополя, утрата Советской страной Донбасса, оборонительный период Московской битвы. Красная армия отступила на 850–1200 км, однако враг был остановлен на основных направлениях летне-осенней кампании 1941 г. под Ленинградом, Москвой и Ростовом.

В битве под Москвой главные усилия военной разведки были направлены на добывание сведений о замыслах германского командования и численности наступающих фашистских войск. Советскому руководству нужны были достоверные сведения о том, не вступят ли Япония и Турция в войну против СССР на стороне Германии. В этом направлении самоотверженно трудились разведчики-нелегалы, резиденты военной разведки, сотрудники Разведывательного управления, которые действовали в Японии, Анкаре, Лондоне, Вашингтоне, Женеве. Рихард Зорге 14 сентября сообщил: «Японское правительство решило не выступать против СССР в текущем году». Сведения подобного рода поступали в Центр и от резидентов других стран. В частности важные донесения для правильного понимания внешнеполитического курса турецкого правительства поступали от военных разведчиков из Анкары. На основе полученной из-за рубежа информации Ставка Верховного Главнокомандования приняла решение о переброске в состав советских войск, обороняющих Москву, крупных пополнений с Дальнего Востока, Сибири, Средней Азии. Это позволило добиться победы в битве под Москвой. Советские войска отстояли столицу СССР от гитлеровских захватчиков.

Важную роль в защите Москвы сыграли и силы войсковой разведки. В тыл противника разведывательным управлением Западного фронта было переброшено около 500 разведчиков, 17 партизанских отрядов, 29 разведывательно-диверсионных групп. На московском направлении в тылу фашистов действовали отряды «Огонь», «Смелый», «Ястреб», «Бравый» и другие. Разведчики добывали информацию о переброске вражеских войск, разрушали шоссейные дороги, мосты через водные преграды. Усилиями разведывательно-диверсионных отрядов и отдельных партизанских групп были пущены под откос немало эшелонов противника с военной техникой, боеприпасами, личным составом немецких войск. Зимняя кампания 1941–1942 гг. началась контрнаступлением Советских войск на западном стратегическом направлении. В ходе её осуществлены контрнаступление под Москвой, Любанская, Ржевско-Вяземская, Барвенковско-Лазовская и десантная Керченско-Феодо-

сийская операция. Советские войска сняли угрозу Москве и Северному Кавказу, облегчили положение Ленинграда, полностью или частично освободили территорию 10 областей, а также свыше 60 городов. Было разгромлено около 50 вражеских дивизий. Рухнула стратегия «блицкрига» [1].

В годы Великой Отечественной войны внешней разведке удалось внедрить в Германию и в союзные ей страны 97 разведчиков-нелегалов. Они добывали необходимую информацию, обращая особое внимание на её военную составляющую. Эта задача решалась с участием резидентур третьих стран, где имелись более благоприятные возможности для нашей разведки по немецкой проблематике. В Англии советские специалисты внешней разведки были нацелены на приобретение доступа к кодам секретной переписки в германской армии. Английские спецслужбы смогли их расшифровать ещё до войны. Решить эту задачу положительно нашей внешней разведке удалось с помощью специалистов «Кембриджской пятерки». В конце сентября 1941 г. советская резидентура сообщила в Москву о планах английского руководства по созданию в течение ближайших двух лет атомного оружия. Это сообщение было очень важно для нашей страны.

Большая работа была проведена по обеспечению безопасности руководителей Советского Союза, Соединённых Штатов Америки и Великобритании в период работы Тегеранской конференции в 1943 г. Существенный вклад в решение этой задачи внесли выдающиеся разведчики П.Р. Квасников, А.А. Яцков, В.Б. Барковский, А.С. Феклисов. Они участвовали позже и в добытии сведений о создании атомной бомбы в США. Им уже после распада Союза Советских Социалистических Республик было присвоено высокое звание Героя России.

Завершая этот раздел, подчеркнём тот факт, что в это труднейшее военное время Красная Армия при активной поддержке всей страны одержала победу в Московской битве. Западным фронтом в этот период командовал генерал армии, с 1943 г. Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков. Советский разведчик Рихард Зорге, Герой Советского Союза (посмертно 1984 г.), как уже отмечалось выше, предупредил политическое руководство нашей страны о том, что Япония воздерживается от нападения на СССР в 1941 году. В память нашего народа остался навсегда коллективный подвиг панфиловцев – 28 героев из 316-й стрелковой дивизии генерал-майора, Героя Советского Союза, Ивана Васильевича Панфилова. Панфиловцы под руководством политрука Клочкова Василия Георгиевича, не щадя своей жизни, защищали под Москвой рубеж на фронте – разъезд Дубосеково – 8 километров юго-восточнее города Волоколамска. Панфиловцы приняли бой у разъезда Дубосекова. Все 28 защитников Москвы были удостоены звания Героя Советского Союза. В начале Великой Отечественной войны добилась разрешения вступить в Красную Армию 18-летняя комсомолка Зоя Анатольевна Космодемьянская. В ноябре 1941 г., выполняя боевое задание, она

была схвачена в тылу противника и после пыток и избиений была 29 ноября 1941 г. казнена в деревне Петрищево Московской области. В последние минуты жизни Зоя призвала сельских жителей к борьбе с врагом и умерла на виселице фашистов со словами: «Это счастье – умереть за свой народ». В 1942 г. З.А. Космодемьянская была удостоена звания Героя Советского Союза.

После освобождения деревни Петрищево от гитлеровцев героическая смерть и призывы Зои Космодемьянской стали широко известны в стране. Тело героини было перезахоронено в Москве, на Новодевичьем кладбище. Величие её подвига, в частности, состояло в том, что 29 ноября 1941 г., когда перестало биться её сердце, командующий Западным фронтом Г.К. Жуков позвонил Верховному Главнокомандующему и, доложив обстановку, обратился с просьбой отдать приказ перейти под Москвой в контрнаступление. Ответ вождя был коротким: «Согласен. И. Сталин». В результате успешной наступательной операции 7 января 1942 г. угроза Москве от оккупации германскими войсками была окончательно устранена [4].

В годы Великой Отечественной войны военная разведка добыла сведения о работе в США по созданию атомной бомбы. В США действовали разведчики-нелегалы А.А. Адамс, Ж.А. Коваль, Я.П. Черняк. Сотрудники Главного разведывательного управления смогли добыть около 5875 листов документов и 25 ценных образцов, раскрывающих технологию производства атомной бомбы.

В целом в годы Великой Отечественной войны разведка СССР всех видов эффективно решала поставленные военным ведомством задачи. В 1943–1945 гг. примерно 200 тыс. военных разведчиков были удостоены государственных наград, а 581 разведчик удостоен звания Героя Советского Союза. Среди них Ф. Кравченко, Н. Фёдоров, Е. Мазаник, М. Осипова И. Банов и другие. Звание Героя России присвоено военным разведчикам А.А. Адамасу, В.Д. Волошиной, Ж.А. Коваль, Я.П. Черняк.

Помимо различных видов разведки, в период Великой Отечественной войны активно действовали контрразведывательные органы. В открытых научных материалах, опубликованных в научных изданиях, сведений о контрразведывательных органах немного. Поэтому в названии данной статьи имеется упоминание о том, что отдельные фрагменты темы излагаются на материалах Урала.

В период подготовки к нападению на Советский Союз и в ходе вооружённой борьбы с СССР немецкое командование заблаговременно уделяло внимание разведывательно-подрывному обеспечению будущих боевых действий на территории нашей страны. Особое внимание уделялось попыткам сформировать в СССР «пятую колонну» своих сторонников, подорвать боеспособность частей Красной Армии, дезинформировать тыл будущего противника.

Контрразведывательные органы Советского Союза в частях вооружённых сил зорко следили за морально-политическим состоянием личного состава, уделяли особое внимание высокой организованности и дисциплины, пресекали факты измены Родине, дезертирства, трусости в боевой обстановке, не допускали распространения провокационных слухов. От результатов этой борьбы зависели моральное состояние красноармейских частей, моральный дух тружеников тыла во всех регионах нашей страны.

В связи с тем, что летом 1941 г. несанкционированное оставление частей и соединений своих рубежей стало приобретать значительное проявление, началось создание заградительных отрядов в стрелковых дивизиях сначала Юго-Западного фронта, а вскоре и на других фронтах. Возглавляли эти отряды, как правило, сотрудники особых отделов. Личный состав их формировался из военнослужащих внутренних и пограничных войск, НКВД. В октябре 1941 г. заградительные отряды задержали с начала войны и до 10 октября 657 тыс. 364 военнослужащих, отставших от своих частей и бежавших с фронта. Из общего числа задержанных 25 тыс. 878 человек было арестовано а остальные (632 тыс. 486 человек) были обращены на формирование частей и подразделений и вновь направлены в Действующую армию.

Более жёсткие меры были приняты в Красной Армии в 1942 г., так как необходимо было усилить сопротивление гитлеровской армии, добиться дальнейшего повышения стойкости советских войск. Приказом наркома обороны СССР № 227 от 28 июля были введены чрезвычайные меры, направленные на усиление сопротивления нацисткой Германии, повышение стойкости советских войск. Требовалось в составе армии создать 3–5 хорошо вооружённых заградительных отрядов (до 200 человек в каждом). Начальниками заградительных отрядов назначались проверенные в боях сотрудники особых отделов НКВД. 23 сентября 1942 г. НКВД СССР сообщил в Государственный комитет обороны и Генеральный штаб, что за сутки заградительными отрядами 62-й и 64-й армий было задержано 659 человек. После стабилизации на фронте в конце 1942–начале 1943 г. масштабы дезертирства уменьшились.

Большую роль разведывательные и контрразведывательные организации сыграли в партизанском движении. Серьёзные доклады на эту тему прозвучали в Свердловске, областном центре на Урале на Седьмых уральских военно-исторических чтениях, посвящённых 100-летию со дня рождения уроженца Урала советского разведчика Николая Ивановича Кузнецова. С наибольшим вниманием участники чтений прослушали два доклада:

1. 100-летие Н.И. Кузнецова в свете воспитания патриотизма и гражданственности. Докладчик – Сперанский Андрей Владимирович, доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором политической и социокультурной истории Института истории и археологии Ур О РАН, руководитель Ур О АВИН, академик АВИН (Екатеринбург) [5].

2. Разведывательные партизанские отряды на западной Украине в период Великой Отечественной войны. Докладчик – Гаврилов Дмитрий Васильевич, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник Института истории и археологии Ур О РАН, академик АВИН (Екатеринбург) [3].

Военной разведке нацистской Германии в интересах вермахта удалось собрать информацию о дислокации и силах частей и соединений Красной Армии в западных районах Советского государства. Информация о других районах нашей страны носила общий, неконкретный характер. Однако в связи с перспективами затяжной войны германская разведка стала уделять всё более пристальное внимание Поволжью, Уралу, Сибири. Применительно к этим регионам началось создание новых разведывательных школ и курсов. Первых агентов-выпускников немцы стали забрасывать в глубокий тыл нашей страны в марте 1942 года.

Заброс вражеской агентуры носил массовый характер. Гитлеровская разведка рассчитывала массой своих агентов разложить советский тыл. Но развернуть масштабную разведывательно-диверсионную деятельность, саботаж и вредительство, привлечь на свою сторону местное население оказалось невозможным. Попытки создать в нашей стране «пятую колонну» нацистской Германии не удалось. Труженики тыла предпочитали защищать свою Родину. В тыловых районах активизировалась борьба с гитлеровской агентурой. Этой борьбой руководил НКВД СССР, а с 1943 г. – Главное управление контрразведки «Смерш» НКО СССР. 57 агентов контрразведывательных подразделений СССР внедрили в немецкие разведывательные органы и школы, где обучались диверсанты для советского тыла. В результате было установлено 29 таких школ, добыта информация на 1103 вражеского агента, переведены 69 агентов, впоследствии явившихся с повинной в тыловые советские органы государственной безопасности.

Эти и другие факты всё чаще становятся предметом научного изучения. Приведём из уральской военной истории только один пример. На Седьмых уральских военно-исторических чтениях в 2011 г. в городе Екатеринбурге выступил с интересной историографической статьёй доктор исторических наук Александр Иванович Вольхин [2]. Он привёл конкретные работы, выполненные на Урале по интересующей нас тематике. Доктор исторических наук сообщил о том, что ещё в 1984 г. в № 11 журнала «Урал» два автора Корнилов Ю.И., Наумов Г.К. опубликовали статью «Об этом не все знали» (Чекисты Среднего Урала в годы войны). Далее в публикации А.И. Вольхина упоминаются темы двух защищенных диссертаций на соискание учёной степени доктора исторических наук – самого автора А.И. Вольхина «Деятельность органов государственной безопасности Урала и Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.» (Екатеринбург, 2001 г.) и второго – доктора исторических наук А.М. Демидова «Деятельность территориальных

органов государственной безопасности СССР в сфере военной экономики 1941–1945 гг.» (Бишкек, 2009 г.). Александр Иванович Вольхин сообщил о печатных работах двух авторов: Вепрева О.В. и Лютова В.В. «Управление ФСБ России по Свердловской области, 1918–2003 гг.» (Екатеринбург, 2003 г.) и «Особый регион России (60-летию Регионального управления посвящается) (Тюмень, 2004 г.)

Таким образом, органы государственной безопасности нашей Родины внесли крупный вклад в победу в Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Те фрагменты уральской истории по тематике государственной безопасности, которые удалось внести в статью, свидетельствуют, что уральцы, в том числе и, прежде всего, Свердловская область не только обильно снабжали Красную армию оружием и боеприпасами, но и проявляли высокую бдительность, берегли Родину от посягательств германской нацистской разведки.

Библиографический список:

1. Великая Отечественная война 1941–1945. В 12-ти томах. Т. 1. Основные события войны. – М., 2011.
2. *Вольхин А.И.* Проблематика деятельности разведывательных органов НКВД-НКГБ СССР в годы Великой Отечественной войны в исследованиях российских историков // // Разведка в системе национальной безопасности: история и современность. – Екатеринбург, 2011. С. 45–57.
3. *Гаврилов Д.В.* Разведывательные партизанские отряды на Западной Украине в период Великой Отечественной войны // Разведка в системе национальной безопасности: история и современность. – Екатеринбург, 2011. С. 21–39.
4. *Жуков Г.К.* Величайшая победа СССР и бессилие фальсификаций // Коммунист». 1970. № 1.
5. *Сперанский А.В.* Государство и патриотизм: проблемы общественной консолидации // Разведка в системе национальной безопасности: история и современность. – Екатеринбург, 2011. С. 7–20.

V.S. Skrobov

Doctor of Sciences (History), Professor, Honored Researcher of the RSFSR, Member (Academician) of the Academy of Military Sciences of Russian Federation, Retired Colonel (Moscow, Russia)

INTELLIGENCE AND COUNTERINTELLIGENCE BEFORE AND DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR OF 1941–1945 (ON EXAMPLE OF THE URALS)

The paper shows huge contribution made by state security agencies of the USSR for victory in the Great Patriotic War of 1941–1945. The paper analyses

activity of intelligence and counterintelligence for searching valuable information about the enemy in the period of major battles and for suppressing attempts by enemy agents to destabilize situation in the Soviet rear. The author of paper makes particular emphasis on facts from the history of the Urals in wartime. The paper shows that people of the Urals not only supplied arms and ammunition to Red Army, but also showed high vigilance and protected their Motherland from trespass of Nazi intelligence.

Keywords: intelligence, counterintelligence, intelligence information, sabotage groups, sabotage, wrecking, neutralization.

СОВЕТСКАЯ РАЗВЕДКА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: СТРУКТУРА И ФОРМЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье анализируются процессы структурных трансформаций в системе советской разведки в годы Великой Отечественной войны. Показаны изменения форм и методов действий разведорганов под влиянием складывающейся военной обстановки. Сделан вывод, что, несмотря на просчеты и ошибки допущенные в предвоенный период, советская разведка сумела адаптироваться к условиям войны и сыграла исключительную роль в достижении победы над фашистской Германией.

Ключевые слова: Разведывательное управление, Генеральный штаб, Главное разведывательное управление, разведчик, разведывательно-диверсионная группа, Особая группа, разведшкола, агентурная сеть, вертикаль управления

22 июня 1941 г. гитлеровская Германия вероломно напала на СССР. Внезапность фашистского вторжения заставило советскую разведку действовать вопреки планам, разработанным до начала военных действий, что отрицательно сказалось на эффективности деятельности ее подразделений, в первую очередь войсковой разведки.

Тем не менее, было бы опрометчиво утверждать, что в предвоенный период ничего не делалось для повышения боевой и мобилизационной готовности разведки. Напротив, возможное нападение Германии рассматривалось как вполне реальное событие и проводимые мероприятия ориентировались на тщательную подготовку к нему. Были произведены организационно-структурные изменения. В 1939 году разведывательное управление Рабоче-крестьянской Красной Армии трансформировалось в Пятое управление Народного комиссариата обороны СССР, которое в 1940 году в свою очередь было переподчинено Генштабу, получив новое название – Разведывательное управление Генерального штаба Красной Армии (РУ ГШ).

С 23 января по 22 февраля 1941 г. по инициативе РУ ГШ в Москве были проведены сборы начальников разведотделов военных округов и армий, где отработывались методы их деятельности в период перехода с мирного на военное время. В ходе этих сборов, руководимых начальником отдела приграничной разведки (7-й отдел) полковником И.В. Виноградовым, был инициирован целый ряд конкретных предложений по повышению боевой готовности разведки в условиях войны с Германией.

* Сперанский Андрей Владимирович – доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором политической и социокультурной истории Института истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия; avspersky@mail.ru

В частности, предлагалось: развернуть разведотделы округов и армий по штатам военного времени; полностью обеспечить их техникой и экипировкой; организовать базы на своей территории на глубину до 400 километров на случай вынужденного отступления и т.п. На основе этих предложений Разведуправление выработало план мероприятий, утвержденный в мае 1941 г. начальником Генерального штаба РККА Г.К. Жуковым.

Согласно этому плану агентурная разведка западных приграничных военных округов и армий была полностью переориентирована на работу на «германский вариант»; 10 полков воздушной разведки западных приграничных округов стали пополняться квалифицированным летным составом и новыми самолетами; началось кадровая комплектовка 16 радиодивизионов особого назначения (ОСНАЗ), занимающихся радиоразведкой.

Следует также отметить, что учитывая осложнившуюся международную обстановку, начальник Разведуправления генерал-лейтенант Ф.И. Голиков 25 февраля 1941 г. направил директиву всем начальникам разведотделов приграничных военных округов и отдельных армий о приведении их подразделений в мобилизационную готовность к 10 мая 1941 г. А перед самым немецким вторжением, в ночь на 22 июня, в Разведуправлении проводилось штабное учение, где отработывались вопросы организации разведки при возможном нападении Германии.

И все же нападение Германии на советскую территорию 22 июня застало советскую разведку врасплох, резко обозначив необходимость кардинальной реорганизации ее деятельности. Основой изменения деятельности разведки стала Директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. в пятом пункте которой говорилось: «В занятых врагом районах создавать партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской борьбы всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога складов и т.д.»¹

В соответствии с требованиями директивы с первых дней войны началась работа по подготовке и заброске в тыл немецких войск разведывательно-диверсионных групп и отрядов, а также развертыванию в тылу противника партизанского движения. По поручению руководства страны ее возглавил П.А. Судоплатов, сформировавший в НКВД специальное подразделение, получившее название «Особая группа при наркомате внутренних дел» (4-е управление НКВД). Начальники всех служб и подразделений НКВД приказом по наркомату были обязаны оказывать «Особой группе» содействие людьми, техникой, вооружением для развертывания разведывательно-диверсионной работы в ближних и дальних тылах немецких войск. Главными задачами «Особой группы» были: ведение разведывательных операций против Германии; организация партизанской войны; создание агентурной сети на террито-

¹ Архив Президента Российской Федерации (АП РФ). Ф. 3. Оп. 50. Д. 415. Л. 109–112.

риях, находившихся под немецкой оккупацией; руководство специальными радиограмми с немецкой разведкой с целью дезинформации противника.

В составе «Особой группы» были созданы специальные войсковые соединения – 1-я и 2-я отдельные мотострелковые бригады особого назначения (ОМСБОН НКВД СССР), командирами которых в разное время были М.Ф. Орлов и Н.Е. Рохлин. В составе этих подразделений воевали представители Коминтерна – эмигранты-антифашисты (испанцы, болгары, немцы, австрийцы, чехи, американцы, китайцы, поляки, румыны и др.), костяк которых составляли бывшие бойцы и командиры интернациональных бригад, сражавшихся в Испании с франкистским режимом. В рядах бойцов также находились лучшие советские спортсмены, в том числе чемпионы по боксу и легкой атлетике, ставшие основой диверсионных формирований, посылавшихся на фронт и забрасывавшихся в тыл врага [5; 6].

В октябре 1941 года «Особая группа» в связи с расширенным объемом работ была реорганизована в самостоятельный 2-й отдел НКВД с непосредственным подчинением Л.П. Берии. Вся добываемая этим отделом информация докладывалась непосредственно И.В. Сталину. Координацию разведывательной работы осуществляли в начале войны В.М. Молотов, затем – Ф.И. Голиков, а в конце войны Л.П. Берия.

Серьезной причиной значительно осложнявшей налаживание эффективной разведывательно-диверсионной деятельности против Германии была острая нехватка квалифицированных, профессионально подготовленных кадров. Поэтому с первых дней войны началась активная деятельность по подбору и подготовке разведчиков для работы в тылу противника. Упущения и ошибки мирного времени наверстывались за счет мобилизации всех сил и средств, непрерывных поисков лиц со связями в оккупированных немцами районах.

Стали формироваться школы по подготовке командиров групп, радистов, разведчиков. В их состав зачислялись главным образом добровольцы из числа знающих радиодело моряков Совторгфлота, Главсевморпути, Гражданского воздушного флота, а также членов Осоавиахима. Обучение продолжалось от нескольких дней до нескольких месяцев: в зависимости от степени военной и общеобразовательной подготовки, а также длительности предполагаемого использования будущего разведчика в тылу немцев.

Набранные в экстренном порядке слушатели проходили краткое обучение в специально оборудованных местах. Так, например, в учебном лагере на станции Сходня под Москвой в первые месяцы войны находилось около полутора тысяч человек различных национальностей – русские, немцы, поляки, чехи, румыны, испанцы, итальянцы и т.д. В течение двух недель их стремились обучить всему, что могло пригодиться в подпольной работе: стрельбе, топографии, прыжкам с парашютом, вождению автомобиля, основам конспирации. Наиболее тщательно готовили радистов. Они досконально изучали радиции «Белка» (в последующем «Север») и должны были уметь передавать на

ключе и принимать на слух 100–120 знаков в минуту. Для достижения таких нормативов требовалось несколько месяцев упорной работы.

При всех сложностях и противоречиях процесса подготовки, желающих стать разведчиками было предостаточно. Военкоматы были буквально завалены заявлениями с требованиями немедленно зачислить в ряды «бойцов невидимого фронта». Поэтому при наличии обширного выбора от пятнадцатилетних юношей и девушек до ветеранов революции и Гражданской войны, руководители разведшкол осуществляли тщательный отбор, расценивая прием в ряды разведчиков как проявление особого доверия.

В первые месяцы войны переброска отдельных разведчиков и целых партизанских отрядов и групп производилась преимущественно пешим способом в разрывы между наступающими немецкими войсками. Многих организаторов подпольных групп и партизанских отрядов подбирали буквально накануне захвата противниками населенного пункта из числа местных жителей, которым под видом дальнего родственника придавали радиста, снабженного паспортом и военным билетом, освобождающим от военной службы. Через несколько дней такие разведывательно-диверсионные группы и одиночки оказывались в тылу врага и приступали к выполнению задания. Часть разведчиков, имеющих, главным образом, родственные связи в глубоком тылу, направлялась на самолетах и выбрасывалась в нужном пункте с парашютами.

Следует отметить, что разведорганы фронтовых и армейских подразделений начали развертываться по штатам военного времени уже в ходе боевых действий. Поэтому квалификация офицеров специальных отделений была в первые месяцы войны крайне низкой. Учитывая острую нехватку профессиональных кадров, П.А. Судоплатов предложил освободить из тюрем бывших сотрудников разведки и госбезопасности, репрессированных в 1930-е гг. Это предложение было спокойно принято Л.П. Берия, отдавшего приказ на освобождение и немедленное использование этих людей в тылу врага. Многие из них погибли, и лишь некоторые успешно руководили партизанским движением в тылу у немцев. Среди них, ставшие Героями Советского Союза, командир партизанского отряда «Победители» Д.Н. Медведев и командир партизанского соединения «Охотники» Н.А. Прокопюк [1, 4, 9].

Пристальное внимание было обращено и на совершенствование деятельности войсковой разведки. Уже в сентябре 1941 года начальник Разведывательного управления Генерального штаба (РУ ГШ), генерал-лейтенант Ф.И. Голиков направил наркомму обороны СССР докладную записку в которой отметил разрозненность и, как следствие этого, неудовлетворительность ее действий на фронте. Для улучшения ситуации он предложил выстроить вертикаль ее управления от штабов полков до РУ ГШ, осуществлявшем общее руководство¹.

¹ Центральный архив Министерства обороны РФ (ЦАМО РФ) Ф. 208. Оп. 7567. Д. 1. Л. 43–45.

Несмотря на то, что Ф.И. Голиков в ноябре 1941 года был отстранен от занимаемой должности, война подтвердила правильность его предложений. Новый начальник Разведуправления генерал-майор А.П. Панфилов продолжил объективно необходимую реорганизацию. Основная роль по организации войсковой разведки возлагалась на Разведотдел штаба фронта, в штат которого вводилась должность заместителя начальника отдела по войсковой разведке. Ему были подчинены разведотделы штабов армий (корпусов) и разведотделения штабов отдельных соединений.

После окончания битвы за Москву в январе 1942 г. Государственный комитет обороны рассмотрел деятельность военной разведки по итогам первых месяцев войны. В результате 16 февраля 1942 года РУ ГШ было реорганизовано в Главное разведывательное управление Генерального штаба Красной Армии с соответствующим изменением структуры и штатной численности. Именно в этот день родилась всемирно известная аббревиатура – «ГРУ». В составе вновь созданного органа управления разведкой были сформированы два управления: 1-е – *агентурное*, включающее германский, европейский, дальневосточный, ближневосточный, диверсионный отделы, а также отделы оперативной техники и радиоразведки; 2-е – *информационное* в составе германского, европейского, дальневосточного, ближневосточного, редакционно-издательского, войсковой информации, дешифровального отделов). Кроме того, действовал ряд самостоятельных отделов, не входивших в указанные управления.

В октябре 1942 года с целью укрепления вертикали управления разведкой был издан приказ, согласно которому ГРУ подчинялось исключительно Наркому обороны, то есть И.В. Сталину, что значительно повысило статус военной разведки. С ноября 1942 года до окончания войны начальником ГРУ был генерал-лейтенант И.И. Ильичёв, продолживший совершенствование войсковой разведки [10, с. 154; 8].

При Разведотделах штабов фронтов по приказу наркома обороны от 19 апреля 1943 года были созданы моторизованные разведывательные роты (6–10 бронемашин, 30–40 мотоциклов с колясками, 15–20 «виллисов») для использования на главных направлениях наступательных операций [6, с. С. 127–129].

В стрелковой дивизии действовал разведывательный батальон в составе автобронероты, роты лёгких танков, кавалерийского эскадрона. В штат стрелкового полка на протяжении всей войны входили взвод пешей разведки и взвод конной разведки. В штатных и приданных общевойсковой армии соединениях и частях родов войск и специальных войск были подразделения артиллерийской, инженерной, химической разведки, а также разведки средствами связи.

С мая 1944 года при армейских полках связи стали создавать группы ближней радиоразведки. Их оснащали аппаратами подслушивания по прово-

дам, приёмниками типа «Виразж» и размещали при наблюдательных пунктах армий или корпусов [7, с. 105].

В танковой армии разведку осуществлял отдельный мотоциклетный полк, в танковых и механизированных корпусах эти функции возлагались на отдельный мотоциклетный батальон, а также разведывательные подразделения танковых и механизированных бригад. Огневые и манёвренные возможности мотоциклетных частей позволяли им наряду с разведкой проводить эффективные рейды в тыл врага и вести с оккупантами успешные бои [3, с. 33–38].

В целом, подводя итоги деятельности советской разведки в годы Великой Отечественной войны, следует признать ее вполне успешной. Несмотря на объективные и субъективные трудности, связанные с ошибками предвоенного периода, советская разведка выполнила поставленные перед ней задачи.

С первых дней войны началась переброска в тыл врага разведывательно-диверсионных групп, стали организовываться партизанские отряды. До конца лета 1941 года было сформировано 17 партизанских отрядов, перебросено около 500 разведчиков, 29 разведывательно-диверсионных групп. Начиная с 1943 года и до конца военных действий на борьбу с оккупантами были направлены еще более 1900 таких групп общей численностью около 10 тысяч человек, а также привлечено к антифашистской деятельности более 15 тысяч человек местного населения. За этот же период времени было добыто около 170 тысяч различных документов, дающих подробную информацию о силах вермахта, что во многом предопределило успехи наступления Красной Армии. Советская военная разведка активно работала и в распространении дезинформации. В ходе проведения всех операций действовала разведка воинских частей, а также проводилась разведка с воздуха. Очень часто при проведении операций использовались ночные поиски для захвата пленных, устанавливались засады, проводились налеты, разведки боем и наблюдения. Эффективно действовала и радиоразведка, которая в последние годы войны углубилась на многие километры на вражескую территорию. Отлично проявили себя и подразделения 4-го Управления НКВД. За годы войны они уничтожили 157 тысяч немецких солдат и офицеров, ликвидировали 87 высокопоставленных немецких чиновников, разоблачили и обезвредили 2045 агентурных групп противника [1; 2].

Библиографический список:

1. Антонов В.С., Карпов В.Н. Разведчики: Герои Советского Союза и Герои России. – М., 2005.
2. Антонов В.С., Карпов В.Н. Тайные информаторы Кремля. Очерки о советских разведчиках. – М., 2011.
3. Боевой опыт бронетанковых и механизированных войск в Отечественной войне. Сб. № 1. М., 1972.

4. Гладков Т.К. Медведев. – М., 1985.
5. Динамовцы в боях за Родину / Сост. А. Андреев. – М., 1975.
6. Зевелев А.И. Ненависть, спрессованная в тол. – М., 1991.
7. История радиоразведки Советской армии. – М., 1979.
8. Колтакиди А.И. ГРУ в Великой Отечественной войне. – М., 2010.
9. Королёв Н.Ф. Отряд особого назначения. – М., 1968.
10. 6. Русский архив: Великая Отечественная: Т. 13. Приказы народного комиссара обороны СССР. 1943–1945 гг. – М., 1997.

A.V. Speranskiy

Doctor of historical Sciences, Professor, Head of Department of political and socio-cultural history, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of RAS, (Yekaterinburg, Russia)

SOVIET INTELLIGENCE DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: STRUCTURE AND FORMS OF ACTIVITY

The paper analyses processes of structural transformations in the system of Soviet intelligence agencies during the Great Patriotic War. The paper also shows changes in the forms and methods of actions of intelligence agencies under influence of changing military situation. The main conclusion is that, despite all miscalculations and mistakes made in the pre-war period, Soviet intelligence was able to adapt to the conditions of the war and played an exceptional role in achieving victory over Nazi Germany.

Keywords: Intelligence Directorate, General Staff, Main Intelligence Directorate, spy, reconnaissance and sabotage group, Special group, intelligence school, intelligence network, hierarchy of administration.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ В РСФСР И ОБЕСПЕЧЕНИЕ СОТРУДНИКОВ ВЧК–ГПУ–ОГПУ В 1918–1928 ГГ.

Проанализирован исторический опыт, выявлено неравенство в обеспечении, а также взаимозависимость снабжения денежным, вещевым и пищевым довольствием в разных силовых ведомствах. Сделаны выводы, что распространение действия Кодекса и Положения на органы ОГПУ положило начало созданию единой системы правовой и социальной защиты сотрудников органов безопасности; принцип социальной справедливости в их отношении так и не был обеспечен.

Ключевые слова: сотрудники ВЧК, ОГПУ, социально-экономические условия, обеспечение, НЭП, РСФСР

Всероссийская Чрезвычайная Комиссия (ВЧК), созданная 7 (20) декабря 1917 г. при Совете народных комиссаров РСФСР была необходима для борьбы с деструктивными действиями контрреволюционеров, саботажников и спекулянтов.

С целью сохранения завоеваний революции в условиях экономического кризиса, Гражданской войны и иностранной интервенции было важно создать карательный орган с эффективной системой обеспечения государственной безопасности. Поэтому перед чекистами ставились самые сложные задачи, решение которых могло быть успешным только при достойном социально-экономическом обеспечении вновь созданной организации.

Процесс формирования ВЧК осуществлялся в крайне тяжелой для страны ситуации. Первый численный состав, руководимый Ф.Э. Дзержинским, включал 23 чекиста практически ничем не обеспеченных. По этому поводу сохранились высказывания людей, стоявших у истоков создания чрезвычайной комиссии. Так Я.Х. Петерс делился впечатлениями о финансовом обеспечении ВЧК: «Вся «канцелярия» – в тощей папке Дзержинского Ф.Э., вся «касса» у меня в кармане кожаной куртки ...». М.И. Ладис вспоминал об обмундировании: «Символом ЧК стали кожаные куртки. Их раздали в качестве обмундирования, найдя их на складе в Петрограде – (это была военная помощь Антанты ещё царской России – обмундирование для первых военных лётчиков), а цель была исключительно практическая – на коже не плодились вши, разносившие тогда страшные бактерии тифа».

Трудности материально-бытового обеспечения первых чекистов базировались на общем социально-экономическом кризисе, возникшем в России

* Хачёва Лариса Витальевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики ЖКХ и энергетики Уральского государственного экономического университета, г. Екатеринбург, Россия; larissakhat@gmail.com

после свершения революции, сущность которого заключалась в резком спаде сельскохозяйственного и промышленного производства.

Академик С.Г. Струмилин отмечает, что промышленные рабочие в 1918 г. вынуждены были тратить на питание 53% своего заработка [6]. Их материальное положение находилось на «границе выживания», даже несмотря на то, что в условиях проведения политики «военного коммунизма» в Советской республике в 1919–1920 гг. были отменены: плата за почтовые и телеграфные отправления, плата за коммунальные услуги (освещение, отопление, водопровод и канализацию), за проезд на городском и железнодорожном транспорте, за топливо (дрова, керосин, уголь), за медицинскую помощь, за газеты (всю государственную периодику), за учебники, специальную профессиональную и техническую литературу.

Доклады с мест и информационные сводки ВЧК предоставляли информацию о крайне тяжёлом экономическом положении крестьянства в РСФСР в 1919–1920 годы. Деревня испытывала острый дефицит в предметах первой необходимости: соли, керосине, мыле, спичках; не хватало орудий сельскохозяйственного производства, даже таких как косы и серпы. Дезертирство из Красной армии ежемесячно десятками тысяч человек. Главными причинами дезертирства, как отмечается в сводках, было тяжёлое материальное положение самих красноармейцев¹.

Только за период с 1 по 15 октября 1919 г. на территории Советской республики задержали 47 745 дезертиров, бежавших главным образом по причине наступления холодов и отсутствия необходимого обмундирования и одежды².

«В периоды социальных потрясений и сдвигов всё общество, все его слои испытывают нехватку продовольствия и своей основной проблемой считают добывание пищи любой ценой и любым путём. Что же касается состава пищи, а тем более её качества – свежести, вкуса, разнообразия и питательности, то все эти вопросы отступают на задний план...». Это слова учёного В.В. Похлёбкина [4] в полной мере отражают социально-экономическое состояние российского общества в тот период и сложившуюся систему его управления, базировавшуюся на «пайковой основе». В разных учреждениях и ведомствах новым чиновникам от советской власти выдавали различные пайки, размеры которых подчеркивали социальный статус человека. В связи с этим писатель К.И. Чуковский в книге «Воспоминания», описывая празднование нового 1918 года у друга, отметил «балтийский паёк», который, по его мнению, был в те годы одним из самых высших, выше правительственного, ВЦИК-овского, наравне с академическим группы А [9].

«Пайковая система» (вопросы пищевого, вещевого и денежного снабжения) распространялась и на сотрудников ВЧК. Приказ ВЧК № 10 от 12 июля 1918 г. «О структуре местных ЧК» предусматривал в штате ГЧК всего 19

сотрудников, и 18 – в уездной ЧК (далее – УЧК). Однако существовавшая в тот момент схема предполагала, что бюджетное финансирование будет покрывать от 20 % до 50 % расходов ЧК (этими вопросами в 1918 г. активно занимался М.И. Лацис, «выбивая» для местных ЧК ассигнования из государственного бюджета). Остальные расходы должны были оплачиваться из местных бюджетов соответствующего Совета. Лишь в конце 1918 г. все местные Советы и их органы были переведены на бюджетное финансирование. В 1919 г. устанавливались типовые сметы расходов местных Советов и их органов, которые финансировались за счёт государственной казны. Таким образом, централизованное финансирование местных ЧК началось только в 1919 г. и осуществлялось по полугодиям.

«В феврале 1919 г. в штате ГЧК были установлены следующие месячные оклады в рублях по должностям: председатель ЧК – 700 руб., член коллегии – 700 руб., зав. отделом (член коллегии) – 650 руб., следователь – 650 руб. Разведчик – 500 руб., журналист – 450 руб., посыльный – 350 руб., уборщик – 200 руб. и т.д. Отметим, что величина окладов неизменно росла. По некоторым оценкам, в смете ГЧК расходы на содержание личного состава достигали 77 % от всех расходов...».

Анализ требовательной ведомости на содержание служащих ПГЧК за первую половину августа 1919 г. показал, что подлежит выдаче председателю комиссии и четверым зав. отделами поровну по 1260 руб., фотографу – 750 руб., помощнику фотографа – 500 руб., 33 комиссара (все аналогично по 1100 руб.). «В смете на второе полугодие 1919 г. только в хозяйственной части ПГЧК значилось 98 человек (в том числе 58 курьеров, 6 дворников, 4 швейцара, 9 человек «прислуги»). Автомобильная база имела в своем составе 52 сотрудника...» [5].

Распределение пайков сопровождалось различного рода злоупотреблениями, выражавшимися, как правило, в их раскрадывании и разбазаривании. Чтобы пресечь эти негативные явления СНК РСФСР принял в апреле 1920 г. закон «О едином трудовом пайке». 1 апреля 1920 г. Совнарком принял декрет «О введении трудового продовольственного пайка».

«Сотрудники ВЧК, как и основная масса населения, находились в тяжёлом социально-экономическом положении, которое усугубилось неурожаем в стране в 1921 году. По решению собраний до 50 % продовольствия они отдавали в пользу голодающих пострадавших районов. На продовольственном обеспечении негативно сказывалось и то, что продукты органы ВЧК получали по остаточному принципу через военное ведомство. Средний заработок сотрудника исчислялся от оклада служащих последней группы и составлял 18–34 млн. руб. при прожиточном минимуме 50 млн. руб.».

«В июне 1921 г. чекисту оперативнику полагался 50 % боевого красноармейского и 50 % тылового красноармейского пайка и составлял для Черепановского политбюро Новониколаевской Губчека (в месяц): муки – 17 кг,

¹ Информационные сводки ВЧК. 1919. № 115, 140, 146.

² Центральный архив ФСБ России (ЦА ФСБ России). Ф. 1. Оп. 3. Д. 191. ЛЛ. 95 А, 926, 956.

мяса и рыбы – 4,5 кг, крупы – 2,6 кг, сахара и мёда – 0,9 кг, сливочного масла – 0,9 кг, сухих овощей – 0,5 кг, соли – 0,8 кг, дрожжей – 50 г, чая – 30 г, перца – 20 г, мыла – 200 г, спичек – 3 коробки, курительной бумаги – 5 листов» [7].

Никаких продовольственных привилегий не было даже в подразделениях, осуществлявших личную охрану председателя Совета народных комиссаров В.И. Ленина. Так, начальник отряда особого назначения при Президиуме ВЧК Климов в рапорте, датированном октябрём 1921 г., писал: «Однообразие продуктов (сеledка и пшеница или рожь – плохого качества) привели к цинге 50 % личного состава. Не хватает одеял (имеется 50), мокрые шинели способствуют паразитам. Просьба улучшить снабжение» [8, с. 400].

С переходом от политики «военного коммунизма» к НЭПу экономическая ситуация в стране начинает выправляться, что сказывается и на продовольственном обеспечении ВЧК. В соответствии с Постановлением Совета Труда и Оборона от 1 июля 1921 г. и приказом № 5, с 4 июля 1921 г. устанавливался порядок удовлетворения продовольствием войск ВЧК и их штабов. Главснабпродарм обязывался удовлетворить войска ВЧК и их штабы продовольствием «по наличному составу едоков в пределах штатного количества в 200, 186 человек».

«С окончанием основных сражений гражданской войны и переходом к НЭПу численность ПГЧК увеличилась, т.к. значительно расширилась информационно-осведомительная работа» [5].

5 мая 1922 г. И.С. Уншлихт обратился к И.В. Сталину с жалобой на Наркомфин, не обеспечивавший снабжение ГПУ. 10 мая он также направил на имя В.И. Ленина записку, в которой говорилось о том, что отсутствие финансовых средств ставит в безвыходное положение сотрудников ГПУ и не позволяет вести оперативную работу, а все ходатайства в «советском порядке» остаются без результатов. И.С. Уншлихт отмечал, что возникла угроза полного развала всей работы и речь идет о дальнейшем существовании Госполитуправления (ГПУ). «Среди сотрудников массовое дезертирство. Ни увещания, ни аресты не действительны для разбегающихся, т.к. остается для них – иногда буквально голодная смерть [...] Среди остающихся – деморализация, взяточничество и другие цветы, вырастающие пышно на этой почве»¹.

Руководство ГПУ о тяжелом материальном положении своих сотрудников неоднократно докладывало в органы государственной власти. 18 мая 1922 г. на заседании Политбюро ЦК РКП(б) приняло решение о повышении материального положения сотрудников ГПУ за счёт сокращения их численности до пределов, позволяющих выполнять возложенные на них задачи [3, с. 29]. Вопрос о тяжелом положении ГПУ также рассматривался на заседании Оргбюро ЦК РКП(б) 5 июля 1922 г.

Резкое сокращение численности ГПУ позволило обеспечить его финансирование в необходимых объемах и разрешить первоочередные материальные проблемы сотрудников. Финансовые средства выделялись исходя из

¹ ЦА ФСБ России. Ф. 1. Оп. 5. Д. 193. Л. 14.

штатной численности сотрудников – 105 тыс. человек. И.С. Уншлихт предлагал приравнять оклады сотрудников к окладам работников производственных предприятий, а не служащих последней группы. Расходы на секретную агентуру он просил утвердить в размере 10 млн довоенных рублей [1].

10 января 1923 г. Совет труда и обороны принял решение о приравнивании сотрудников ГПУ к военнослужащим Красной армии в отношении продовольственного обеспечения¹.

Реализуя решения Политбюро и Оргбюро, Госполитуправление циркулярным письмом от 15 мая 1923 г. предписало всем своим органам упростить структуру и установить организационные схемы, которые до минимума сократили бы обслуживающие части аппарата (канцелярии, хозяйство, связь), а сокращение численности сопровождать повышением оплаты труда². В результате принятых мер произошло сокращение численности сотрудников ГПУ. Если в конце 1921 г. в ВЧК насчитывалось 90 тыс. гласных и 60 тыс. негласных сотрудников, то к 1 ноября 1923 г. в ГПУ их осталось 33 152 и 12 900 чел., соответственно [2, с. 31].

Руководство ОГПУ неоднократно обращалось в органы государственной власти с просьбой о введении государственного социального обеспечения.

«Кодекс законов о льготах и преимуществах для военнослужащих РККА и РККФ СССР и их семей» был принят постановлением ЦИК СССР от 29 октября 1924 года. «Положение о государственном обеспечении кадрового начальствующего состава РККА» было утверждено постановлением ЦИК и СНК СССР от 19 марта 1926 г. и введено в действие с 1 октября 1926 года. В результате 13 августа 1927 г. Совет труда и обороны СССР принял решение о распространении действия Кодекса и Положения на личный состав ОГПУ. Приказом ОГПУ СССР от 5 октября 1927 г. № 195 личный состав с 1 октября того же года снимался с обеспечения органами социального страхования и переходил на государственное обеспечение³.

Улучшения положения в народном хозяйстве привели к увеличению финансирования силовых структур, укомплектованию её обмундированием. Улучшилось фуражное содержание лошадей. К примеру, вещевое довольствие в среднем по Уральской области (по шинелям, френчам, гимнастёркам, брюкам, обуви) составляло на 1 октября 1925 г. в милиции около 87 %.

С 1 ноября 1926 г. в ОГПУ были установлены новые оклады. Председателю и начальникам отделов ОГПУ определили оклад жалованья в 225 руб., комиссарам для особых поручений – 150 руб., комиссарам для поручений – 125 руб.⁴.

Таким образом, распространение действия Кодекса и Положения на органы ОГПУ положило начало созданию единой системы правовой и со-

¹ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 1. Д. 142. Л. 1.

² Там же. Д. 75. Л. 64.

³ ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1. Д. 171. ЛЛ. 242, 243.

⁴ ЦА ФСБ России. Ф. 2. Оп. 4. Д. 937. ЛЛ. 648–692

циальной защиты сотрудников органов безопасности. Тем не менее следует отметить, что в обозначенный период сохранялось неравенство в снабжении денежным, вещевым и пищевым довольствием в разных силовых ведомствах и принцип социальной справедливости в отношении их сотрудников так и не был обеспечен. Недополучение довольствия вызывало недовольство и являлось одной из причин текучести кадров и дезертирства большого числа красноармейцев и чекистов.

Библиографический список:

1. Бухарин Р.Р. Социально-экономическое положение сотрудников ВЧК в 20-е годы 20 в. // Вестник Военного Университета. 2011. № 3 (27). С. 141–151.
2. Лубянка. Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1991: справочник / сост. А.И. Кокурин, Н.В. Петров. – М., 2003.
3. Лубянка. Сталин и ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. Январь 1922 – декабрь 1936 / сост. В.Н. Хаустов, В.П. Наумов, Н.С. Плотникова. – М., 2003.
4. Похлёбкин В.В. Кухня века. – М., 2000.
5. Скоркин К.В. На страже завоевания революции. История НКВД-ВЧК-ГПУ РСФСР. 1917–1923. – М., 2011.
6. Струмилин С.Г. Избранные произведения. в 5 т. Т.1. Статистика и экономика. – М., 1963.
7. Тепляков А.Г. Психология, быт и нравы ВЧК-ОГПУ Сибири. – М., 2017.
8. Ф.Э. Дзержинский – председатель ВЧК-ОГПУ. 1917–1926 / сост. А.А. Плеханов, А.М. Плеханов. – М., 2007.
9. Чуковский К.И. Из воспоминаний. – М., 2015.

L.V. Khacheva

Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Department of Economics of Housing and Communal Services and Energy, Ural State University of Economics (Yekaterinburg, Russia)

SOCIO-ECONOMIC CONDITIONS IN THE RSFSR AND PROVISION OF THE STAFF OF VCHK-GPU-OGPU (1918–1928)

The paper analyses historical experience and reveals inequality in provision. The paper also shows interdependence of the provision by monetary, clothing and food allowances in various law enforcement agencies. The main conclusion is that extension of the Code and the Regulations to the OGPU marked the beginning of a unified system of legal and social protection of employees of state security agencies. At the same time, the state failed to provide principle of social justice for employees of state security agencies.

Keywords: employees of VChK, OGPU, socio-economic conditions, provision, NEP, RSFSR.

УДК 94 (470.5)

Шуныков Д.В.*

НАГРАЖДЕНИЕ БОЙЦОВ И КОМАНДИРОВ ВОЙСК НКВД В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ (1941–1945 ГГ.)

Статья посвящена наградной практике Советского Союза относительно войск НКВД в период Великой Отечественной войны. На основе архивных материалов показан большой вклад войск НКВД в дело Победы. Подробно рассматриваются награды бойцов и командиров войск НКВД.

Ключевые слова: наградная система, СССР, НКВД, правительственные награды, ордена, медали, поощрения.

Прошло уже 73 года со дня Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Несмотря на тяжелейшие испытания, Советский Союз смог разгромить вторгшегося агрессора, освободить народы Европы от нацизма, сыграть важную роль в поражении Японии, что предопределило победу союзников во Второй мировой войне.

Несмотря на значительные достижения отечественных и зарубежных исследователей, все еще остается много нерешенных вопросов связанных с событиями Великой Отечественной войны. Одним из наиболее обсуждаемых и полярных вопросов является вклад войск НКВД в дело победы. Малоизученным остается и вопрос награждения командиров, бойцов и частей НКВД.

Органы правопорядка и государственной безопасности были учреждены практически сразу после событий октября 1917 года. Постановлением (Декретом) Совета народных комиссаров (СНК), в состав которого входил Народный комиссариат внутренних дел, 28 октября (10 ноября) создается народная милиция, а 20 декабря – Всероссийская чрезвычайная комиссия (ВЧК) по борьбе с контрреволюцией и саботажем. Во главе комиссии встал опытный революционер Феликс Эдмундович Дзержинский [8, с. 14].

6 февраля 1922 г. ВЧК была преобразована в Государственное политическое управление (ГПУ) при НКВД РСФСР. После образования СССР, было создано Объединенное государственное политическое управление (ОГПУ) при СНК СССР. Председателем ОГПУ стал Ф.Э. Дзержинский [8, с. 24, 34].

Постановлением Центрального исполнительного комитета СССР (ЦИК СССР) 10 июля 1934 г. на базе ОГПУ был образован Народный комиссариат внутренних дел (НКВД) во главе с Народным комиссаром внутренних дел Г.Г. Ягодой, которого в декабре 1937 г. сменил Н.И. Ежов. Ему на смену в ноябре 1938 г. был назначен Л.П. Берия. НКВД СССР 3 февраля 1941 г. был

* Шуныков Дмитрий Викторович – доцент Учебного военного центра, соискатель кафедры истории и социальных технологий Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия; konigsberg039@mail.ru

разделен на два наркомата – внутренних дел и государственной безопасности (НКГБ) [8, с. 59, 65, 68, 72].

Органам ОГПУ-НКВД вменялось: предупреждение и подавление открытых контрреволюционных выступлений, борьба с бандитизмом и мятежами, раскрытие организаций и лиц, чья деятельность направлена на подрыв хозяйственных органов СССР. Кроме этого, ОГПУ-НКВД боролось со шпионажем и контрабандой, занималось охраной границ, государственных тайн, железнодорожных и водных путей сообщения, а также выполняло специальные задания высших органов власти [8, с. 37–38].

Деятельность органов государственной безопасности СССР находила одобрение у руководства страны. Первоначально, в годы Гражданской войны, отличившихся чекистов награждали единственной в тот момент наградой – орденом Красного знамени РСФСР, а также орденами союзных и автономных республик (Азербайджанской, Грузинской, Армянской и Хорезмской ССР). После учреждения 1 августа 1924 г. единого ордена Красное знамя СССР, награждения продолжили им [3, с. 6–7].

С образованием Советского Союза, количество наград увеличилось и на июнь 1941 г. были установлены две высших степени отличия – звания Герой Советского Союза и Герой Социалистического труда, учреждены пять орденов: Ленина, Красного знамени, Трудового Красного знамени, Красной звезды и Знак Почета, а также пять медалей: «За отвагу», «За боевые заслуги», «За трудовую доблесть», «За трудовое отличие» и «XX лет Рабоче-крестьянской Красной армии» [9, с. 9–10]. Соответственно, все эти награды применялись для поощрения отличившихся сотрудников правоохранительных органов.

Надо отметить, что деление наград того времени на «боевые» и «трудовые» весьма условно, все ордена и медали активно использовались в наградной практике. Например, за успешное выполнение задач по борьбе с басмачеством и обеспечение охраны государственной границы, в июне 1933 г. Ашхабадский и Керкинский пограничные отряды, а также отдельная Узбекская пограничная комендатура были награждены орденом Трудового Красного знамени [13, с. 117].

Кроме званий, орденов и медалей СССР, сотрудники ВЧК-ОГПУ награждались премиями, грамотами и благодарностями от Президиума ВЧК. Также, заслуженные чекисты награждались боевым оружием, часами, портсигарами с соответствующими надписями, где гравировались фамилия, инициалы награжденного, а также формулировка за что произведено награждение. В качестве формулировки наиболее часто указывалось: «За беспощадную борьбу с контрреволюцией», «За самоотверженную чекистскую работу», «За успешную борьбу с контрреволюцией» и т. д. [3, с. 7]. Например, сотрудник Амурского ОГПУ Н.Я. Альго-Кушко, отличившийся при ликвидации кулацкого восстания в Амурской губернии, был награжден пистолетом системы «Маузер» с надписью: «За особую энергию, проявленную при ликвидации бандитизма в Амурской губернии в 1924 г.» [5, с. 22].

Все награды вручались от имени Коллегии ВЧК-ОГПУ. С 1932 г. формулировки стали меняться на: «Тов. ФИО за самоотверженную работу от Коллегии ОГПУ», «За успешное выполнение оперативного поручения». Кроме того, применялись и прежние формулировки [3, с. 8].

Наравне с общегосударственными наградами использовались и ведомственные. В декабре 1922 г. было установлено звание «Почетный чекист» в связи с празднованием 5-й годовщины органов ВЧК-ГПУ. В мае 1923 г. был учрежден «Почетный знак ВЧК-ОГПУ», представляющий собой овальный обруч, из матового серебра, с надписью: «ВЧК–1917 г., ГПУ–1922 г.». На обруч были наложены серп и молот, перекрещенные мечем. Эмблема окаймлялась римской цифрой «V». С обратной стороны знака наносился порядковый номер [3, с. 10, 12].

Награждение знаком производилось постановлением Коллегии ОГПУ. Одновременно со знаком вручалась грамота. Согласно «Положению о Почетном знаке ВЧК-ОГПУ», утвержденного приказом № 304 по ГПУ, на награждение имели право сотрудники ВЧК-ОГПУ, имеющие особые заслуги перед Республикой, имеющие стаж работы не менее трех лет [3, с. 12–13].

К следующей, 10-ти летней годовщине органов ВЧК-ОГПУ был учрежден юбилейный жетон, представлявший собой значок с профилем Дзержинского на фоне красного знамени с цифрами «1917» и «1927» в углах знамени. Знамя лежало на овале, окантованном с двух сторон пшеничными колосьями, увенчанными пятиконечной звездой. В нижней части жетона размещались два перекрещенных меча, над которыми вилась лента с аббревиатурой «ОГПУ». Данный жетон не являлся наградным, не имел номера и вручался без разрешения руководящего органа (коллегии ОГПУ) [3, с. 21].

К 15-ти летию органов ВЧК-ОГПУ, приказом № 1087 от 23 ноября 1932 г. был учрежден новый юбилейный «Почетный знак ВЧК-ОГПУ. 1917–1932 (XV)» как новая высшая награда коллегии ОГПУ. Знак имел овальную форму. На заднем плане знака изображен меч, на переднем плане расположены серп и молот, римская цифра «XV». Знак присваивался приказами по ОГПУ-НКВД и вручался вплоть до 1940 г. Всего было вручено немногим более 3000 знаков [3, с. 24].

Кроме сотрудников ВЧК-ОГПУ-НКВД имелись случаи вручения ведомственных знаков и лицам, не состоящими на службе в данных ведомствах. Так, в 14-ю годовщину РККА знаком «Почетный работник ОГПУ» № 773 был удостоен командующий Особой Краснознаменной Дальневосточной армией, командарм 1-го ранга В.К. Блюхер за: «...его постоянную боевую связь с органами ЧК-ГПУ в борьбе с врагами диктатуры пролетариата» [3, с. 18].

Руководство страны поощряло и граждан, помогавших органам ВЧК-ОГПУ-НКВД в борьбе с басмачеством и бандитизмом. Например, орденом Знак Почета был награжден колхозник колхоза «Комсомолец» кишлака Зу-

лум-Абад Шуравабадского района Таджикской ССР: «...за высокосоциальное отношение и оказываемую помощь погранохране в деле охраны [...] границ [...] за активное участие в борьбе с бандитизмом в 1933–1935 гг. и проявленную храбрость при разгроме банд...»¹.

Наравне с индивидуальным награждением применялось и коллективное путем объявления благодарности, вручения почетных знамен или присвоения части имени отличившихся чекистов. Так, приказом ОГПУ СССР № 270 от 20.08.1930 г. за успешную задачу по ликвидации бандитизма на Дону и на Кавказе 6-му кавалерийскому полку ОГПУ объявлена «Революционная Благодарность». 8-му и 24-му кавалерийским полкам ОГПУ были вручены от имени трудящихся Закавказья почетные знамена с надписями: «За беспощадную борьбу с контрреволюцией» и «За мужество, проявленное в борьбе против банд», а 11-й кавполк ОГПУ постановлением ЦИК СССР награжден Почетным революционным Красным знаменем [11, с. 165, 169]. Имя погибшего в борьбе с басмачами помощника начальника пограничной охраны и войск ОГПУ Средней Азии И.И. Ламанова было присвоено одному из кораблей Каспийской флотилии [13, с. 236].

Накануне Великой Отечественной войны войска НКВД состояли из пограничных войск, оперативных войск, войск по охране железнодорожных сооружений и особо важных предприятий промышленности, а также конвойных войск. Их численность (без пограничных войск) составляла 177 тыс. чел [6, с. 4].

Великая Отечественная война стала серьезным испытанием для всего советского народа. Фашистская Германия и ее союзники обрушили на Советский Союз невиданную в истории силу: 190 дивизий, более 4-х тыс. танков, 47 тыс. орудий и минометов, около 4,5 тыс. самолетов, всего более 5 млн. чел [4, т. 2, с. 525].

Для эффективного применения войск НКВД в годы Великой Отечественной войны были проведены ряд реорганизаций. Так, через месяц после начала войны, 20 июля 1941 г. было проведено слияние НКГБ и НКВД в один наркомат – НКВД СССР во главе с Л.П. Берия. В 1943 г., после коренного перелома в войне, когда Красная армия перехватила инициативу и проводила глубокие наступательные операции и освобождала захваченную оккупантами территорию Советского Союза, возникла необходимость оптимизации структуры НКВД. 14 апреля 1943 г. из состава НКВД СССР опять был обособлен как самостоятельный наркомат государственной безопасности (НКГБ СССР), возглавил который В.Н. Меркулов. Для эффективной борьбы с вражеской разведкой, 19 апреля 1943 г. было создано Главное управление контрразведки «Смерш» (сокращение от «Смерть шпионам!») [8, с. 138].

Пограничные войска НКВД первыми вступили в бой с фашистскими захватчиками утром 22 июня 1941 г. Все пограничники сражались до последнего, ни одна пограничная застава не сдавалась. На советско-германской границе

40963 советских пограничника приняли первый удар, 95% из них числятся погибшими и пропавшими без вести [1, с. 64]. Много подвигов совершили пограничники в тот день. 22 июня 1941 г. заместитель политрука 7-й заставы 90-го Владимир-Волынского отряда В.В. Петров со станковым пулеметом пять часов удерживал переправу через Западный Буг. В критическую минуту боя, когда кончились патроны, а вражеская мина вывела из строя пулемет, В.В. Петров подорвал гранатой себя и окруживших его врагов. Именем Героя Советского Союза В.В. Петрова названа его застава [7, с. 268–271].

Гарнизон Брестской крепости, в состав которого входил и 132-й отдельный батальон войск НКВД сражался в полном окружении. В боях, в районе Холмских ворот крепости, красноармеец батальона Федор Васильевич Рябов дважды спас жизнь политруку П.П. Кошкарору. 26–27 июня группа бойцов батальона, в т. ч. и Ф.В. Рябов уничтожила семь танков противника. 29 июня, при отражении штурма противника он погиб. Приказом МВД СССР № 587 от 17 сентября 1974 г. красноармеец Ф.В. Рябов навечно зачислен в списки пограничной части [2, с. 10].

Фашисты наступали вдоль крупных дорог и населенных пунктов, где все мосты и важные предприятия промышленности охранялись войсками НКВД, которые вели бои за каждый объект, проявляя мужество и героизм. Нередко, части войск НКВД отправлялись на самые сложные участки фронта, чтобы вместе с войсками Красной армии остановить врага любой ценой. Так было под Ленинградом, Москвой и Сталинградом [2, с. 10].

Под Ленинградом, в связи со стремительным продвижением фашистских войск на этом направлении, из войск НКВД были выделены в действующую армию три соединения – 1, 20 и 21-я стрелковые дивизии. Именно 1-я дивизия НКВД в ночь с 19 на 20 сентября 1941 г. форсировали Неву и закрепились на ее левом берегу. Впоследствии этот плацдарм получит название «Невский пятачок». Ожесточенные бои за этот клочок земли, в которых приняли участие 1-я и 20-я дивизии НКВД, продолжались семь с половиной месяцев. Также на части НКВД была возложена обязанность по охране Дороге жизни и распределению грузов, поступающих в осажденный город [2, с. 10].

Значительную роль в обороне Москвы осенью-зимой 1941 г. сыграли части НКВД, на которые были возложены обязанности охраны общественного порядка. Офицеры и бойцы вели борьбу с вражескими агентами, диверсантами, паникерами, мародерами, осуществляли круглосуточное патрулирование и несение службы на пропускных пунктах. С помощью всех этих мероприятий только в период с 14 по 31 октября 1941 г. удалось задержать 20 агентов противника и 296 распространителей ложных слухов [14, с. 42].

Кроме задач по поддержанию порядка и охране тыла в прифронтовых областях органы НКВД, по мобилизационным мероприятиям сформировали 15 стрелковых дивизий, которые вошли в состав Резервного фронта. Дивизии

¹ Информационные сводки ВЧК. 1919. № 115, 140, 146.

НКВД участвовали в боях под Смоленском, Вязьмой, Брянском, на Ельнинском выступе [14, с. 43].

Большую роль части НКВД сыграли и в контрнаступлении, которое началось 5 декабря 1941 года. Так, 57-я бригада войск НКВД по охране особо важных объектов освободила 192 населенных пункта и уничтожила 4,5 тыс. солдат и офицеров противника. 156-й полк НКВД за проявленную воинскую доблесть и образцовое выполнение боевых заданий был награжден орденом Красного знамени [14, с. 45].

Отличились войска НКВД и при обороне Сталинграда. К августу 1942 г. сложилась критическая ситуация. Сплошного фронта на подступах к Сталинграду не было и оборону на окраине города заняли соединения и части НКВД: 10-я стрелковая дивизия, 249-й конвойный полк, 91-й полк по охране железных дорог, 73-й бронепоезд и 178-й полк по охране особо важных объектов. Основу обороны Сталинграда в тот момент составляла 10-я стрелковая дивизия под командованием полковника А.А. Сараева, о чем впоследствии вспоминал первый секретарь Сталинградского обкома партии Алексей Чуянов: «Военная гроза надвинулась на город с такой быстротой, что мы могли реально противопоставить врагу лишь 10-ю дивизию войск НКВД под командованием полковника Сараева» [1, с. 71].

Бойцы и командиры дивизии покрыли себя славой во время боев в Сталинграде. 5 сентября 1942 г. автоматчик 272-го стрелкового полка Алексей Ващенко при штурме высоты 146,1 своим телом закрыл амбразуру дзота. Приказом по войскам Сталинградского фронта № 60/н от 25 октября 1942 г. он посмертно удостоен ордена Ленина. Сегодня имя героя носит одна из улиц Волгограда [1, с. 72].

Главную свою задачу – удержать город до подхода свежих резервов 62-й армии 10-я стрелковая дивизия НКВД выполнила. Из 7568 бойцов, вступивших в бой 23 августа 1942 г., в живых осталось около 200 чел. [1, с. 72].

Всего, в ходе Сталинградских боев, дивизия уничтожила более 15 тыс. солдат и офицеров противника, подбила 113 танков, 8 бронемашин, 38 автомашин, 6 орудий, 2 склада с боеприпасами [1, с. 72].

10-я стрелковая дивизия внутренних войск НКВД СССР – единственное из всех соединений, участвовавших в Сталинградской битве, 2 декабря 1942 г. была удостоена ордена Ленина. Кроме того, она была удостоена почетного наименования «Сталинградская». Сотни бойцов дивизии награждены орденами и медалями. 20 чекистов дивизии удостоены звания Героя Советского Союза [1, с. 73].

Одновременно с обороной Сталинграда, войска НКВД вели бои на Северном Кавказе, где бойцы и командиры также показали мужество и отвагу. Например, 21 ноября 1942 г. командир взвода 276-го стрелкового полка 11-й дивизии П.К. Гужвин подполз к огневой точке противника и своим телом закрыл ее. Младшему лейтенанту П.К. Гужвину посмертно присвоено звание Героя Советского Союза [2, с. 13].

Курская битва стала переломным моментом в ходе Великой Отечественной войны. В составе Центрального фронта, оборонявшего северный (Орловский) фас входила 70-я армия, сформированная из Отдельной армии войск НКВД. В ходе оборонительного сражения бойцы и командиры армии показали высокие боевые и моральные качества, что отметил в своих воспоминаниях командующий фронтом, генерал армии К.К. Рокоссовский: «...в полосе обороны армии с 5 по 12 июля 1943 г. противник потерял до 20 тыс. солдат и офицеров... подбито 572 танка, сбито 70 самолетов...» [2, с. 14].

После сражений на Курской дуге стратегическая обстановка изменилась в пользу Советского Союза. Войска НКВД сосредоточились на охране тыла и ликвидации разгромленных немецких частей. Так, за участие в штурме города Познань и проявленный при этом героизм, 145-й стрелковый полк 64-й дивизии войск НКВД был удостоен наименования «Познаньский», а 273-й стрелковый полк 63-й дивизии войск НКВД за отличие в боях при овладении городом-крепостью Гданьском удостоен наименования «Гданьский» [2, с. 14].

Всего непосредственно в боевых действиях участвовали 58 дивизий и 20 бригад НКВД [2, с. 15].

На войска НКВД легла вся тяжесть по охране тыла действующей армии, охрана всех важнейших объектов и коммуникаций, пресечения попыток проникновения в тыл вражеских диверсантов и агентов.

Готовясь к войне с СССР, гитлеровское командование создало разветвленную сеть для ведения подрывной деятельности с целью нанесения ущерба политическому, экономическому и военному потенциалу Советского Союза. Для выполнения этой задачи более 60 школ «Абвера» готовило шпионов и диверсантов. Численность заброски вражеской агентуры в тыл Красной армии постоянно увеличивалась. Если в 1941 г. по сравнению с 1939 г. она возросла в 14 раз, то в 1942 г. и 1943 г. – в 31 и 43 раза соответственно [1, с. 67].

Диверсионно-разведывательные группы (ДРГ) затрудняли своевременное и скрытное сосредоточение сил и средств. Так, только в период с 16 по 17 октября 1944 г. в тылу 1-го Украинского фронта на перегоне Лановцы-Корначевка ДРГ противника было уничтожено 10 железнодорожных мостов. Движение на этой магистрали было задержано до 22 октября, что отрицательно отразилось на выполнении поставленных задач [1, с. 83].

Значительное место в служебно-боевой деятельности войск по охране тыла действующей армии занимала борьба с националистическим подпольем и его бандформированиями. Наиболее мощными националистическими организациями и бандформированиями являлись: «Организация украинских националистов» (ОУН) и ее боевые части «Украинская повстанческая армия» (УПА) и «Украинская народно-революционная армия» (УНРА); Армия Крайова – польская вооруженная организация, действовавшая в западных областях Белоруссии и на территории Польши; Литовская освободительная армия

(ЛОА); националистические организации Эстонии «Омакайтсе» (Самооборона); «Айзсарги» (Самозащитники) в Латвии [1, с. 88–89].

Войска НКВД с честью справились с задачей обеспечения тыла действующей армии. 30 августа 1944 г. начальник отдела по борьбе с бандитизмом НКВД СССР А.М. Леонтьев составил доклад «О результатах борьбы с бандитизмом, дезертирством и уклонением от службы в Красной армии за три года Отечественной войны (с 1 июля 1941 г. по 1 июля 1944 г.)», в соответствии с которым за три года войны органами НКВД на территории СССР было ликвидировано: бандгрупп – 7161, участников бандгрупп – 54130 чел., из них: убито – 4076 чел., арестовано 42529 чел., легализовано – 7525 чел. Трофеями стали: 1 самолет, 84 орудия, 1020 минометов, 7186 пулеметов, 18860 автоматов, 200018 винтовок, 23744 револьверов, 132731 граната, 1281 противотанковое ружье, более 2 млн патронов, 5100 кг взрывчатых веществ [12, т. 5, кн. 2, с. 216–219].

Огромную роль органы НКВД сыграли в развертывании партизанского движения и организации диверсионно-разведывательных мероприятий на территориях, временно оккупированных фашистами. Уже в августе 1941 г. для формирования партизанских отрядов было выделено более 1 тыс. военнослужащих НКВД. Примерно 90% партизанских групп и отрядов было сформированы органами НКВД [10, с. 38].

Огромный размах партизанского движения заставлял противника выделять для борьбы с ними значительные силы, в т. ч. регулярные части и соединения, в среднем до 5–10% в конце 1941 г. и до 30–35% в 1943–1944 гг. «Командованию вражеских войск пришлось у себя в тылу практически создавать второй фронт для борьбы с партизанами, – отметил в своих воспоминаниях Г.К. Жуков, – На это отвлекались крупные силы, что серьезно отразилось [...] в конечном счете на исходе войны» [10, с. 38, 41].

Отмечая заслуги воинов-чекистов по борьбе с врагом на фронтах Великой Отечественной войны, командование широко награждало их орденами и медалями. Награды, учрежденные в Советском Союзе на начало войны, описаны выше. Масштаб сражений Великой Отечественной войны показал, что существующие награды не в полной мере соответствуют моменту, соответственно, в ходе войны было учреждено большое количество орденов и медалей, многие из которых украсили грудь сотрудников войск НКВД.

Первым был учрежден орден Отечественной войны в двух степенях. Орден отличался четкими критериями награждения и способом ношения на прямоугольной колодке, обтянутой красной шелковой лентой, и местом ношения – на правой стороне груди [16, с. 32].

Для награждения командного состава, за организацию действий вверенных им частей, соединений и объединений, было учреждено пять «полководческих» орденов: Победы, Суворова, Кутузова, Богдана Хмельницкого и Александра Невского (ордена перечислены не по порядку учреждения, а по старшинству).

Ордена Победы и А. Невского имели одну степень, остальные – по три. Награждение «полководческими» орденами было не последовательным (от низшей степени к высшей), а зависело от должностного положения военнослужащих. Кроме командного состава, «полководческими» наградами могли награждаться и воинские формирования (кроме ордена Победы) [1618, с. 33–34].

Для награждения рядового и сержантского состава 8 ноября 1943 г. был учрежден орден Славы трех степеней. Награждение шло последовательно от третьей (низшей) к первой (высшей) степени. Воинские формирования орденом Славы не награждались [16, с. 33].

Наравне с орденами учреждались и медали. За годы Великой Отечественной войны было учреждено 7 медалей «За оборону...»: 22 декабря 1942 г. – Ленинграда, Одессы, Севастополя и Сталинграда, 1 мая 1944 г. – Москвы и Кавказа и 5 декабря 1944 г. – Советского Заполярья. Производилось награждение всех участников обороны вышеперечисленных городов, принимавших участие в боях длительное время, в т. ч. и войск НКВД [16, с. 33, 35].

Учрежденная 2 февраля 1943 г. медаль «Партизану Отечественной войны» имела две степени. 1-й степенью производилось награждение за организацию партизанского движения, 2-й степенью – за личное боевое отличие и выполнение приказов и заданий командования [16, с. 33].

Уже после Победы, в 1945 г. было учреждено 9 медалей: 9 мая – «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», 6 июня – «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», 9 июня – «За взятие Будапешта», «За взятие Кёнигсберга», «За взятие Вены» и «За взятие Берлина» и ещё одним указом – «За освобождение Белграда», «За освобождение Варшавы», «За освобождение Праги», 30 сентября – «За победу над Японией» [16, с. 36].

Для упорядочения ношения большого количества наград 19 июня 1943 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР были учреждены правила ношения орденов и медалей, лент к ним, а также планок с этими лентами без медалей [16, с. 34].

Кроме орденов и медалей, рядовой и сержантский состав войск НКВД награждался нагрудными знаками «Отличный...» разных специальностей, имевший большое уважение среди личного состава. Первые семь знаков были учреждены 21 мая 1942 г.: «...в целях поощрения особо выдающихся стрелков, пулеметчиков, минометчиков, танкистов, подводников и торпедистов из числа рядового и младшего начальствующего состава Красной Армии, ВМФ и войск НКВД». Право на награждение было предоставлено командному составу от командира полка и выше. Носились знаки на правой стороне груди. Специальных удостоверений не предусматривалось, но делалась запись в красноармейской книжке [15, с. 87].

В соответствии с положением о знаках, награждаемые воины соответствующих специальностей должны были: отлично владеть оружием, техни-

кой и другими техническими средствами с нанесением потерь противнику; вести меткий огонь по различным целям; во всех условиях обстановки беречь и сохранять личное оружие, технику и конский состав; мастерски маскировать вооружение и технику [15, с. 87].

Вся серия нагрудных знаков была построена по одной схеме. Вытянутый по вертикали варяжский щит, бывший на вооружении древнерусских воинов, наложенный на золотистый венок. Щит покрыт красной прозрачной эмалью. Внизу щита располагалась эмблема, изображение вида оружия или техники, соответствующей названию знака [15, с. 88].

Газета «Правда» от 22 мая 1942 г. писала: «Пусть заблестят величием совершенных подвигов нагрудные знаки отличников-воинов. [...] Пусть награжденные [...] нагрудными знаками будут в первых рядах богатырей, сокрушающих немецко-фашистские войска и освобождающих советскую землю от гитлеровских мерзавцев!» [15, с. 89].

Наравне со знаками, предназначенными для награждения отличившихся солдат и сержантов Красной Армии, ВМФ и войск НКВД, существовал и знак только для НКВД. 22 ноября 1944 г. для солдат и сержантов пожарной охраны НКВД был учрежден знак «Отличный пожарник». Награждение производилось за смелость при пожаре, спасение людей и имущества во время пожара, за предотвращение пожаров и профилактическую работу, обеспечивающую противопожарную безопасность объектов. Снизу знака помещалось изображение двух скрещенных брандспойтов и вертикально расположенного пожарного факела. Правом награждения знаком обладали начальник Главного управления пожарной охраны НКВД СССР и народные комиссары внутренних дел республик, краев и областей [15, с. 93].

Несмотря на большое количество орденов, медалей и знаков, самыми массовыми поощрениями являлись благодарности, ценные подарки (часы, портсигары, бинокли и т.д.), а также материальное премирование. Например, в период с 22 июня по 2 июля 1941 г. в 79-м пограничном отряде НКВД была объявлена 51 благодарность по отряду, 24 благодарности по округу, 59 чел. премированы деньгами на сумму 3180 руб. [12, т. 2, кн. 1, с. 158]. Старший пограничного наряда ефрейтор Березин за задержание 28 марта 1944 г. двух агентов иностранной разведки был премирован на сумму 250 руб., а начальнику 77-го пограничного отряда полковнику Севастьянову объявлена благодарность [12, т. 5, кн. 1, с. 323].

Кроме индивидуальных наград, командование применяло и коллективные виды поощрений в виде награждения части объявлением благодарности всему личному составу подразделения, воинской части, соединения. Иногда с дополнительными видами признания заслуг – присвоением воинской части почетного наименования или вручения особого бланка благодарности, зачисление в списки части наиболее отличившихся военнослужащих. Так, приказом НКО № 084 от 17 мая 1945 г. 3-й отдельный дивизион специаль-

ной службы внутренних войск НКВД «За образцовое выполнение заданий командования в боях с фашистскими захватчиками при овладении городом и крепостью Кёнигсберг и проявленные при этом доблесть и мужество» был удостоен воинского почетного наименования «Кёнигсбергский» [11, с. 169].

Вопрос о количестве награжденных воинов НКВД остается открытым и сегодня. Это является следствием нескольких причин. В наиболее распространенных и заслуживающих доверия источниках приводятся общие данные о количестве награжденных, поэтому выявить, кто из них является сотрудником НКВД не представляется возможным [4, т. 1, с. 631–643]¹. Информация о сотрудниках и деятельности НКВД практически до последнего времени находилась под грифом «секретно» или «совершенно секретно». Даже сейчас значительное количество дел находится в закрытых ведомственных архивах, что исключает доступ исследователей к этой информации. В 1920–1940 гг. в целях соблюдения секретности сотрудникам ОГПУ-НКВД запрещалось указывать истинное место работы, что затрудняет идентификацию информации.

По последним уточненным данным более 100 тыс. военнослужащих НКВД были награждены орденами и медалями. За мужество и отвагу 306 человек стали Героями Советского Союза, в т. ч. 4-е удостоены этого звания дважды. 29 военнослужащих войск НКВД за совершенные подвиги навечно зачислены в списки частей. 18 соединений и частей НКВД за мужество и боевое мастерство личного состава отмечены государственными наградами или почетными наименованиями [2, с. 15].

Войска НКВД внесли значительный вклад в Победу над фашистскими захватчиками. Стойкость, мужество и героизм показали воины НКВД на фронтах войны, вместе с частями Красной армии обороняя Брестскую крепость, Тулу, Москву, Ленинград, Сталинград, Кавказ, в боях на Курской дуге и при освобождении стран Европы. Государство по достоинству оценило мужество и героизм воинов НКВД наградами.

Библиографический список:

1. Белоусов О.М., Черномазов И.С. Войска НКВД в годы Великой Отечественной войны // Ростовский научный журнал. 2017. № 5. С. 60–105.
2. Бунин С.В. Служебно-боевая деятельность войск НКВД в годы Великой Отечественной войны. // Академический вестник Внутренних войск МВД России. 2015. № 1. С. 9–15.
3. Буяков А.М. Ведомственные награды ВЧК-НКВД (1922–1940). Справочник. – Владивосток, 2002.

¹ Центральный архив ФСБ России (ЦА ФСБ России). Ф. 1. Оп. 3. Д. 191. ЛЛ. 95 А, 926, 956.

4. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: в 12 т. – М., 2015.
5. *Гладких А.А.* Борьба с бандитизмом на Дальнем Востоке России в 1920–1926 гг. // Россия и АТР. 2010. № 1. С. 20–31.
6. *Золотов В.В.* Войска НКВД в Великой Отечественной войне. Уроки и выводы // Академический вестник Внутренних войск МВД России. 2015. № 1. С. 3–8.
7. Их именами назвали заставы. Сборник. – Алма-Ата, 1979.
8. *Кокурин А.И., Петров Н.В.* (сост.) Лубянка: Органы ВЧК-ОГПУ-НКВД-НКГБ-МГБ-МВД-КГБ. 1917–1991. Справочник. – М., 2003.
9. *Колесников Г. А., Рожков А. М.* Ордена и медали СССР. – М., 1978.
10. *Марценюк Ю., Ченцов А.* Развитие теории и практики партизанского движения в предвоенные годы и в годы Великой Отечественной войны // Академический вестник Внутренних войск МВД России. 2015. № 1. С. 36–41.
11. *Мудукаев Р. С., Малыгин А. Я., Епифанов А. Е.* История отечественных органов внутренних дел. Учебник для вузов. – М., 2005.
12. Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: в 8 т. – М., 1995 – наст. время.
13. Пограничные войска СССР 1929–1938. Сборник документов и материалов. – М., 1972.
14. *Федоров А.Б., Голядкин Б.Н.* Органы и войска НКВД в битве за Москву. // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 4. С. 41–45.
15. *Шуныков Д.В.* Нагрудные знаки Красной армии и ВМФ (1918–1946 гг.) // Вызовы времени и социально-историческое знание: Седьмая ежегодная конференция кафедры Истории науки и социальных технологий, 8 февраля 2018. – Екатеринбург, 2018. С. 85–96.
16. *Шуныков Д.В.* Развитие советской наградной системы и поощрений военнослужащих в 1941–1945 гг. // Военно-исторический журнал. 2018. № 4. С. 30–37.

D.V. Shunyakov

Assistant Professor of the Military Training center, PhD student of the Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia)

AWARDS SYSTEM OF SOLDIERS AND COMMANDERS OF THE NKVD TROOPS DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR (1941–1945)

The paper analyses award practice of the Soviet Union on example of the NKVD troops during the Great Patriotic War. Using various archival materials, the author shows a large contribution of the NKVD troops to the Victory. The paper demonstrates awards of soldiers and commanders of the NKVD troops in detail.

Keywords: award system, USSR, NKVD, government awards, medals, encouragement.

Раздел III

РОССИЙСКИЕ СПЕЦСЛУЖБЫ В ПЕРИОД МИРНОГО ВРЕМЕНИ

УДК 94(47).084.6

*Александров Е.П.**

ПОДСЛЕДСТВЕННЫЕ КАМЕРЫ № 39: СУДЬБЫ РЕПРЕССИРОВАННЫХ СОТРУДНИКОВ УНКВД ПО СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В данной статье рассматриваются методы ведения следствия во времена «большого террора» на Урале, также большое значение уделено судьбам самих подследственных, бывших сотрудников НКВД. Они пишут письмо лично Сталину и его окружению, где рассказывают о своих товарищах, сидящих за стенкой, которые унижены и оскорблены, изнемогают от физических издевательств, но продолжают искренне надеяться на то, что кто-то там, «сверху», все-таки проявит человечность и остановит маховик репрессий.

Ключевые слова: репрессии, работники НКВД, подследственные, методы ведения следствия, Сталин.

Одной из малоисследованных проблем отечественной истории являются политические репрессии 1930-х–1950-х гг. в СССР. Отдельные аспекты данной проблемы нашли свое отражение в региональной историографии, в том числе и в работах, выполненных на материалах архивных данных Свердловской области [2, с.59–60; 3, с. 75; 4, с. 23–25].

«Если бы для успеха СССР понадобилась моя жизнь, я бы ее отдал», – сказал французский писатель Андрэ Жид. Он написал очерк-книгу «Возвращение из СССР», где писал о чрезмерном превознесении образа Сталина. Так же и считал Павел Иванович Петухов, лейтенант ГБ УНКВД по Свердловской области. В разговоре со своим другом он высказался о том, что Жид прав: «...у нас обожествляют Сталина», вследствие чего через несколько дней был арестован по подозрению в работе на германские и латвийские спецслужбы¹.

Его определили известную тюремную камеру № 39, где он сидел вместе с бывшими чекистами обвиняемыми в том же преступлении: Блиновским и

* Александров Евгений Петрович – студент Уральского государственного юридического университета, Институт прокуратуры, г. Екатеринбург, Россия; e-mail: alexandrov99@inbox.ru

¹ ГААОСО (Государственный архив административных органов Свердловской области). Ф. 1. Оп. 1. Д. 21819. Л. 20

Челноковым. Это те самые чекисты, которые обращаются напрямую к Сталину и его ближайшему окружению.

Письмо чекистов из камеры № 39 в Москву.¹

«Членам Политбюро ЦК ВКП (б) товарищам Жданову, Молотову, Калинин, Ворошилову, Кагановичу, Ежову, прокурору Союза ССР Вышинскому, начальнику УНКВД по Свердловской области Викторову от бывших сотрудников УНКВД по Свердловской области, содержащихся в тюрьме города Свердловска.

В начале августа 1938 г. в специальный корпус городской тюрьмы была доставлена группа бывших руководящих и оперативных работников УНКВД: М.Плахов, П.Костин, Г. Файнберг, И. Другов, И. Сиротин, Н. Курсевич. Все они были арестованы Д.М. Дмитриевым² весной 1937 года. Очутившись в городской тюрьме, они связались с камерой № 39, где сидят также сотрудники НКВД и сообщили нам о неслыханном произволе, имевшем место в УНКВД в бытность Дмитриева его руководителем. Из записок Костина и Файнберга видно следующее. Оперуполномоченный 3-го отдела УНКВД Гайда при допросе дал им понять, что Дмитриевым задуман широкий план уничтожения старых чекистских кадров на Урале [...]».

Далее говорится о том, что осуществление своего плана Дмитриев начал с ареста целой группы руководящих работников областного аппарата и районов, которые косвенно или напрямую критиковали его работу в Москве. Таких «предателей» оказалось около десятка. Несколько позже арестовывается очередная группа старых чекистов – еще около десяти человек, и далее готовились новые задержания. К этому времени из старых кадров по области уцелели одиночки, все остальные были арестованы и по второму году сидели под следствием в тюрьме. Посадив почти весь старый чекистский костяк, Дмитриев хотел всех огульно опорочить и создать из одних – членов контрреволюционной организации правых, других – шпионов немецкой и латвийской разведки. Для этого были пущены в ход все средства – от провокаций до избиений и инсценированных расстрелов.

«Избиения проводились в подвале. Технику физического воздействия они (Сиротин, Файнберг и Костин) описывают так. Сначала арестованных переводили в КПЗ, в камеры № 1, 5 и 6. Это сырые, холодные каменные мешки. Там их предварительно выдерживали, а потом вели в подвал. Им предлагали подписать заранее заготовленное заявление о принадлежности к правым или германской разведке. В случае отказа начиналось избиение. Били резиновой дубинкой длиной около полуметра по ногам, бедрам, спине, предварительно сбив с ног. Кроме резины применялся также железный кастет. Криков и стонов не стеснялись... Избиениям были подвергнуты: Костин – 6 раз,

¹ ГААОСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 21819. Прил. 3.

² Д.М. Дмитриев – начальник Управления НКВД по Свердловской области (5 июля 1936 г. – 22 мая 1938 г.).

Плахов, Другов, Бахарев (после побоев Бахарев сошел с ума и 16 августа умер в тюремной больнице г. Пермь) и Курсевич. Над Курсевичем дополнительно инсценировали расстрел. После этого его 100 дней держали на режиме смертника. Такую же инсценировку устраивали над Плаховым. Других чекистов держали по 50–60 часов на «конвейере» (непрерывном допросе разными следователями с целью получения нужных показаний).

Избиения совершали оперсотрудники 3-го отдела Гайда, Хальков и Харин. Последние двое, по представлению Дмитриева, были награждены орденами. Вокруг них Боярским искусственно создавалась слава «лучших следователей Управления»

Вот одна из записок Сиротина, наглядно показывающая, как действовали следователи: «16 марта 1938 года Литваков и Гайда предъявили мне заявление и показания Файнберга, Костина, Плахова и других. Сказали: «Мы знаем, что ты не виноват, но так сложилось дело, что ты должен дать показания. Мы имеем задание получить их любой ценой и средствами, будем допрашивать в подвале...». На мои заявления о том, что я буду жаловаться и расскажу об этом на Военной коллегии, они цинично ответили: «Жалоб мы не пропустим, судить же вас будет не ВК, а Особое Совещание НКВД, ему дано теперь право стрелять...»¹.

«Оперативные работники не привлечены к ответственности. Вот их фамилии: Гайда, Хальков, Кричман, Харин, Ерман. Из кабинета НКВД последнего подследственные выбрасывались с третьего этажа на улицу в результате конвейера, среди таковых – Морозов, Шумков, Горшков, Арров, Тепышев, Трубачев, Катков, Шейнкман, Мизрах, Сааль, Титов и другие.

Посылая настоящее заявление, мы, прежде всего, сигнализируем о недопустимых и чуждых советскому строю методах работы, которые стали просачиваться в органы НКВД [...] Бывшие сотрудники УНКВД Петухов, Блиновский, Челноков, 13 сентября 1938 года, тюрьма, камера № 39».

Вместо эпилога.

До последнего момента не было доподлинно известно, дошло ли это письмо до высшего руководства, пока в ответ на статью подполковника ФСБ Владимира Киения не отозвалась жена П.И. Петухова Анна Шалагина. Она рассказала, что общее горе сблизило жен тех, кто оказался в камере № 39. Однажды жена Челнокова принесла ей это письмо из камеры № 39, которое им передали с наказом: «Доставить в Москву, ни в коем случае не доверяя почте!». Ничего не оставалось, как ехать в столицу, даже под угрозой ареста. С письма на всякий случай сняли копию, оставили у надежных друзей.

В приемной Ежова их выпроводили на улицу, сказали если они семейные, то пусть больше не приходят, иначе сами станут жертвами. Однако, отчаянным «женам декабристов» чудесным образом получилось передать письмо из рук в руки в приемную М.И. Калинина, где дежурный их выслушал, взял

¹ ГААОСО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 29467.

записку, но ничего не обещал. Вскоре после этого маховик репрессий на Урале сбавил обороты. В Свердловск прибыла бригада сотрудников СЧ НКВД СССР.

Многие арестованные и содержащиеся под стражей чекисты-уральцы были освобождены. Известно, какая кара постигла силовиков-provokatorov. Гайда, Хальков, Харин и другие были приговорены судами к различным срокам заключения¹. Д. Дмитриев 7 марта 1939 г. приговорен к расстрелу.

Судьба же самого Петухова сложилась так: «23 сентября 1937 года следствие по делу Павла Ивановича Петухова было закончено. Военный трибунал войск НКВД Уральского округа 10 ноября 1937 года на основании ст. 58-10 ч. 1 УК РСФСР (антисоветская агитация) приговорил его к лишению свободы сроком на шесть лет. Определением Военной коллегии Верховного суда СССР от 29 января 1938 года приговор по делу был отменен и дело возвращено на доследование [...] К моменту доследования дела свидетель, давший показания на Петухова, сам был арестован и помещен в камеру № 39. В камере он признался, что дал на Петухова ложные показания. Поэтому дело на Петухова было прекращено за отсутствием в его действиях состава преступления, он был освобожден из-под стражи».

Библиографический список:

1. *Мотревич В.П.* Неизвестный командующий // Военный комментатор. Т. 1. – 2001. С. 65–89.
2. *Мотревич В.П.* Исчезнувшее Правительство. За что расстреляли эстонских министров // Родина. 2003. № 9. С. 75.
3. *Мотревич В.П.* Репрессии против поляков и польских граждан на Среднем Урале в 1920–1940-е гг. (состояние источниковой базы) // Отечественные органы государственной безопасности в XX в. Материалы исторических чтений. – Екатеринбург, 2003.

E.P. Alexandrov

Student, the Ural State Law University, Institute of Prosecutor, (Ekaterinburg, Russia)

REMAND CHAMBERS № 39 (FATE OF THE REPRESSED OF THE NKVD OF THE SVERDLOVSK REGION)

This article discusses the methods of investigation during the “great terror” on Ural, also great importance is made to the fates of the last, former employees

¹ Гайда Авксентий Григорьевич // Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://nkvd.memo.ru/index.php/Гайда, Авксентий Григорьевич>

of the NKVD. They write a letter personally to Stalin and his entourage, where they talk about their comrades, sitting for ten, who are trade unions and insulted, exhausted from physical abuse, but continue to sincerely hope that someone there, “from above”, still wit humanity and stop the microphone of repression.

Keywords: Repression, NKVD-officer, persons under investigation, methods of investigation, Stalin.

НА СТРАЖЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: СОЗДАНИЕ РЕЖИМНО-СЕКРЕТНОЙ СЛУЖБЫ ЗАВОДА № 813

Проанализированы аспекты становления службы безопасности предприятий атомной отрасли в начальный период их деятельности. Показано, что построение вертикали управления атомной отраслью в СССР шло с учетом требований режима секретности. Сделан вывод о надежной защищенности атомных объектов по производству делящихся материалов.

Ключевые слова: атомная отрасль, государственная безопасность, охрана объектов, Первое главное управление, уполномоченные Совета Министров СССР, режимно-секретная служба.

Для обеспечения сохранения в строжайшей тайне работы над созданием атомной бомбы была необходима организация целой системы специальных мер. Руководство нашей страны с самого начала организации атомной отрасли учитывало, что разведки иностранных государств будут стремиться получить информацию о работах по созданию ядерного оружия в СССР. Поэтому было необходимо одновременно с решением научных, технико-технологических, кадровых, экономических задач разрабатывать и осуществлять меры по обеспечению строгой секретности проводившихся работ, предупредить возможную утечку информации о проектировании и строительстве атомных объектов и их дислокации, о результатах научных исследований, не допустить агентурного проникновения на объекты отрасли. В связи с этим 15 ноября 1945 г. в системе Наркомата государственной безопасности был образован отдел «К», на который возлагалась задача контрразведывательного обеспечения объектов атомной промышленности [1, с. 446]. По линии госбезопасности требовалось обеспечить качественный индивидуальный отбор и проверку кадров, направлявшихся по решению партийных и государственных органов в атомную отрасль из различных наркоматов и ведомств страны, и не имевших ранее опыта и навыков работы с секретами. Поэтому вскоре после начала строительства комбината «в целях предотвращения проникновения на объект № 865 (ныне Уральский электрохимический комбинат, г. Новоуральск Свердловской обл. – А.Б.) шпионов, диверсантов и других вражеских элементов, а также недопущения разглашения сведений о проводимых на объектах работах» [2, с. 338] в апреле 1947 г. приказом по Свердловскому Управлению МГБ для контрразведывательного обеспечения данного спецобъекта была

создана оперативно-чекистская группа в составе пяти человек с дислокацией в поселке Верх-Нейвинский. В дальнейшем на ее базе был создан отдел УКГБ (сейчас УФСБ), который до настоящего времени совместно с руководством и службой безопасности Уральского электрохимического комбината (УЭХК) решает вопросы защиты ядерного объекта и сохранности сведений, составляющих государственную тайну.

Построение вертикали управления атомной отраслью в СССР шло с учетом требований режима. Одним из первых мероприятий, направленных на обеспечение секретности, явилось создание в Первом главном управлении (ПГУ) режимной службы. Уже в первое штатное расписание ПГУ, утвержденное постановлением СНК СССР 5 октября 1945 г., был включен самостоятельный Отдел охраны объектов и секретности под руководством П.М. Сидоренко. Отдел создали на основе переданного из НКВД СССР 5-го спецотдела (охрана и режим на предприятиях Наркомхимпрома). Комплектовался отдел офицерами, прибывшими из НКВД, ГУКР «Смерш», Управления разведки НКВМФ «Смерш». Его численность составляла 15 человек [3, с. 32]. С ростом объема работ в отрасли потребовалась реорганизация структуры ПГУ и увеличение его штата. Эти изменения были утверждены постановлением СМ СССР от 9 апреля 1946 г. Согласно ему, отдел получил название «секретный» с присвоением условного наименования «отдел № 2», а штат был увеличен вдвое — до 34 человек [3, с. 197–201]. Возглавил режимную службу ПГУ с 29 апреля 1946 г. Т.Е. Смирнов. Второй отдел занимался организацией секретной работы и обеспечением сохранности государственной тайны, участвовал в разработке мероприятий, обеспечивавших секретность производства и конспирацию в целом как в ПГУ, так и в подведомственных ему учреждениях, и на предприятиях. Он также отвечал за организацию охраны и противопожарную безопасность на всех объектах, выполнявших задания ПГУ.

Заместителем начальника ПГУ, ответственным за обеспечение охраны и режима секретности всех промышленных объектов, НИИ и КБ, работавших над созданием ядерного оружия, был назначен П.Я. Мешик. Он явился организатором создания в 1946–1953 гг. закрытых зон, городов и поселков, и режима проживающих в них работников атомной отрасли.

По опыту строительства предприятий оборонной промышленности в годы Великой Отечественной войны вокруг атомных предприятий создавались зоны особого режима. Так, завод № 813 (ныне УЭХК, г. Новоуральск Свердловской обл.) был классифицирован как особорежимный и уже в начале 1946 г. стали предприниматься шаги по созданию системы охраны предприятия, находившегося в стадии строительства: учреждена войсковая охрана периметра и особо важных цехов и отделов, организованы комендатура и бюро пропусков для поддержания пропускного режима.

27 апреля 1946 г. приказом министра внутренних дел в составе Управления войск по охране важных объектов промышленности и железных дорог

* Бедель Александр Эмануилович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора экономической истории Института истории и археологии УрО РАН; Екатеринбург, Россия; bedel54@mail.ru

было сформировано специальное отделение по охране важных научно-исследовательских институтов и лабораторий Академии наук СССР. Этот день стал днем образования воинских частей по охране важных государственных объектов и специальных грузов. Охрана завода № 813 была возложена на 4-й батальон 166-го полка 18-й дивизии войск МВД.

С назначением в апреле 1946 г. директором завода № 813 А.И. Чурина началось формирование аппарата управления предприятием. Специфика работы как всей нарождавшейся отрасли промышленности, так и отдельных ее звеньев – предприятий, НИИ, стройуправлений – состояла в том, что почти вся техническая документация и текущая переписка были секретными. Поэтому в мае 1946 г. одним из первых на предприятии создается секретный (первый) отдел, на который возлагались функции организации и контроля секретных работ, хранения и учета секретной документации, обеспечения сохранности государственной тайны.

Для организации работы секретных органов в мае 1946 г. на предприятие был направлен сотрудник 2-го отдела ПГУ майор Ф.Г. Коняев. В первую очередь он должен был ускорить высылку учетных материалов на лиц, принимаемых на завод, для оформления их на допуск к секретным работам и документам. В служебном предписании ему рекомендовали обратить внимание на отбор подписок и тщательный инструктаж лиц, соприкасающихся с секретными работами и документами. Он должен был представить в ПГУ соображения об организации работы секретного отдела на заводе, о необходимом количестве сотрудников и расстановке их по участкам (цехам) и внутри отдела [4, с. 17]. И в дальнейшем деятельность секретного отдела проходила под самым жестким контролем 2-го отдела ПГУ: там рассматривали учетные материалы (анкеты, характеристики) на всех работников отдела, издававшиеся на заводе приказы, инструкции по охране секретности. Акты о выявленных нарушениях и ежемесячных свертках наличия секретных документов также необходимо было направлять в адрес ПГУ [4, с. 17]. Даже передача секретного делопроизводства вновь назначенному начальнику 1-го отдела В.Г. Копытову в январе 1947 г. проводилась в присутствии представителя 2-го отдела ПГУ.

Необходимо подчеркнуть, что руководство ПГУ определяло должность начальника секретного отдела завода № 813 как чрезвычайно важную и ответственную: она была включена в номенклатуру начальника ПГУ [4, с. 17]. И это неудивительно – ведь речь шла об обеспечении сохранности высших государственных секретов.

Становление подразделения проходило с определенными трудностями, характерными для всех строившихся в послевоенное время предприятий. Для обеспечения нормальной работы с секретной документацией было явно недостаточно помещений, оборудования и канцелярских принадлежностей для ее исполнения и хранения. Существовала и кадровая проблема: с увели-

чением объема работы всего завода увеличивался и объем работы секретного отдела, а людей для ее выполнения не хватало.

Создание филиалов отдела на промышленных площадях в связи с пуском новых цехов, графики работы дирекции в две, а подразделений даже в три смены вызвали необходимость увеличения штатной численности. Для укрепления кадрами в отдел в соответствии с приказами директора завода переводят работников из других подразделений, главным образом знакомых с производством специалистов основных цехов. Таким образом, состав 1-го отдела усиливался не только количественно, но и качественно: на должности инспекторов подбирали лиц со среднетехническим образованием, проводили аттестации работников.

В марте 1948 г. Постановлением СМ СССР был утвержден Перечень главнейших сведений, составляющих государственную тайну, и инструкция по обеспечению сохранения гостайны в учреждениях и на предприятиях СССР. Возросли требования к организации защиты секретов, но еще быстрее росло количество документов, в которых имелись эти секреты. При обработке такого потока материалов, содержащих государственную тайну, работникам 1-го отдела необходимо было колоссальное внимание, чтобы обеспечить их сохранность в процессе учета, пересылки фельдсвязью и ежедневной выдаче для работы сотням исполнителей в цехах и отделах комбината.

Выполнение постановлений Специального комитета и правительства руководителями предприятий, строек, научно-исследовательских институтов строго контролировал НКВД через своих высокопоставленных представителей — уполномоченных Совета Министров СССР. В преамбуле Постановления введение института уполномоченных обосновывалось «целью оказания повседневной помощи научно-исследовательским институтам, лабораториям, конструкторским бюро, строительствам и предприятиям, имеющим специальные задания, и для обеспечения их охраны» [5, с. 467–468]. Уполномоченные Совета Министров в действительности были не просто контролеры. Они во многом помогали руководителям отрасли и предприятий выполнять общее дело.

Таким образом, четко прослеживается двойная вертикаль управления отраслью. Первую, выполнявшуюся по линии Спецкомитет при СМ СССР – ПГУ – предприятие, можно назвать научно-технической. Вторая, проходившая по линии органов безопасности через систему специальных уполномоченных того же СМ СССР, выполняла функции обеспечения секретности и безопасности проводимых работ.

В середине августа 1953 г. институт уполномоченных СМ СССР на объектах отрасли ликвидировали, а их функции возложили на заместителей директора по режиму и охране (ранее – помощник директора по режиму и охране, эту должность впервые ввели на предприятии в 1948 г.). С этого времени он становится ответственным за состояние охраны и режима на заводе и территории объекта.

В первом положении «О функциональных обязанностях заместителя директора комбината по режиму и охране» (1952 г.) на него возлагалась организация, руководство и контроль за надежностью охраны объекта и пропускной системы, руководство созданными к этому времени на предприятии вооруженной вахтерской охраной и штабом МПВО, обеспечение установленного режима как на территории объекта, так и в районах к нему прилегающих [4, с. 19].

Необходимо отметить, что должность заместителя директора комбината по режиму и охране как руководителя режимно-секретной службы предприятия концентрировала в одних руках нити управления и позволяла координировать взаимодействие подразделений службы, а также проводить согласованную кадровую и техническую политику в сфере режима и защиты секретов. Кроме общего руководства режимно-секретной службой заместитель директора организовывал взаимодействие с «режимным» главком ПГУ, а с 1953 г. – с Министерством среднего машиностроения, войсковой охраной, правоохранительными органами и спецслужбами. Можно сказать, что заместитель директора комбината по режиму и охране – это ключевая фигура системы обеспечения безопасности предприятия.

Принципиально новым этапом в поддержании системы безопасности объектов атомной промышленности стали меры по выполнению Постановления Совета Министров СССР от 25 сентября 1948 г. [6, с. 151]. Они были направлены на введение тотальной секретности на все, что прямо или косвенно относилось к предприятиям и организациям отрасли.

В целях большей конспирации объектов ПГУ заменялись их условные наименования и адреса, МВД обязывалось взять их на обслуживание фельдсвязью для обеспечения доставки корреспонденции непосредственно на объекты, предприятиям предписывалось провести проверку секретных отделов и организовать их работу так, «чтобы исключить всякую возможность просачивания к кому бы то ни было секретных сведений». Каждого сотрудника, допустившего нарушение подписки о неразглашении государственной тайны, следовало строго наказывать, а наиболее злостных лиц предавать суду по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 9 июня 1947 г. «Об ответственности за разглашение государственной тайны и за утрату документов, составляющих государственную тайну».

Повседневная деловая связь комбината осуществлялась под прикрытием условного наименования «База № 5», а в Свердловске была организована специальная структура — «Кантора Базы № 5». Она предназначалась для обработки поступающих на предприятие грузов, решения вопросов снабжения, проведения финансово-расчетных операций, приема и направления лиц, принятых на работу и прибывших в командировку на предприятие.

Необходимо отметить, что за семидесятилетнюю историю предприятия его название неоднократно менялось. Делалось это вполне сознательно в

целях обеспечения секретности. Вот некоторые из названий: Государственный Верх-Нейвинский машиностроительный завод, завод № 813, комбинат № 813, предприятие почтовый ящик (п/я) № 318, Среднеуральский машиностроительный завод, Уральский электрохимический комбинат.

Завеса секретности становилась все плотнее. Для руководящих работников ПГУ были введены условные фамилии, например, Е.П. Славский именовался «Ефимовым», Б.Л. Ванников — «Бабаевым», М.Г. Первухин — «Георгиевым» [7, с. 90]. Полному изменению подверглись термины, отражавшие основные этапы технологии получения ядерного оружия, и применявшиеся в секретной переписке между предприятиями. Вместо слова «обогащение» писали «увлажнение», вместо «группа разделительных машин» — «холодильная группа», «уран-238» называли «кремнием» и т.п. При печатании секретных документов в необходимых местах оставлялись пропуски для последующего вписывания непосредственным исполнителем недостающих терминов (обычно в зашифрованном виде) и цифровых данных.

Кроме того, жестче стал контроль въезда и выезда из режимной зоны: железнодорожная милиция его осуществляла на вокзале, а спецпатрули — на дорогах в районе зоны. С 15 марта 1949 г. приказом директора завода на КПП завода были введены обыски. Принятие этих мер было связано с завершением монтажа оборудования и началом выработки предприятием первой продукции.

Восприятие требований режима работниками комбината и населением города было разным. Одни неукоснительно их выполняли, другие терпеливо подчинялись, а третьи пытались их обойти или нарушали. Но основная масса населения, строго следуя установленным нормам, «не ощущала тягот бедствия стражей режима». Жители закрытых городов практически безоговорочно восприняли очередные трудности, характерные для жизни и работы в начальный период. Тем более, что неплохой по меркам послевоенного времени минимум благ был создан для участников реализации атомного проекта. Постепенно улучшающиеся материальные и бытовые условия в определенной мере компенсировали неудобства жизни и работы на спецобъекте. К тому же постепенно некоторые ограничения снимались: с 1953 г. запреты на выезд из зоны в отдельных случаях были ослаблены. А в 1954 г. был разрешен выезд работников комбината и их семей из запретной зоны города без ограничения по постоянным пропускам с предъявлением паспорта в пределах области. Все эти изменения были непосредственно связаны с событиями в стране после смерти И.В. Сталина.

Расширение территории зоны, строительство и ввод в эксплуатацию все новых и новых промышленных объектов, да и само время требовало совершенствования системы охраны предприятия, осуществления дополнительных технических мероприятий, изменения функций и задач, а также создания новых подразделений в режимной службе. В настоящее время это единая

служба, охватывающая все направления работы по обеспечению безопасности такого сложного объекта, как УЭХК.

Подразделения блока безопасности первыми приняли на себя волну демократизации общества. Но именно благодаря их работе сняты многие мнимые тайны и предприятие смогло достойно и безболезненно раскрыть свои двери перед иностранными гостями, оставляя закрытыми свои действительные секреты.

Библиографический список:

1. Атомный век: события, люди, дела. – М., 2005.
2. Атомный проект СССР: Документы и материалы. Т. II. Кн. 3. – Москва – Саров, 2002.
3. Атомный проект СССР: Документы и материалы. Т. II. Кн. 2. – Москва – Саров, 2000.
4. Часовые порядки. Служба безопасности Уральского электрохимического комбината. Исторические очерки (1946–2006). – Новоуральск, 2006.
5. Атомный проект СССР: Документы и материалы. Т. II. Кн. 1. – Москва – Саров, 1999.
6. Атомный проект СССР: Документы и материалы. Т. II. Кн. 4. – Москва – Саров, 2003.
7. Советский атомный проект. Конец атомной монополии. Как это было... – Н. Новгород – Арзамас-16, 1995.

A.E. Bedel

Candidate of historical Sciences, Senior Research Fellow, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Yekaterinburg, Russia)

ON THE GUARD OF STATE SECURITY: CREATING OF SECURITY SERVICE OF PLANT NO. 813

The paper analyses development of security services of nuclear industry enterprises during initial period of their activities. The paper shows that construction of vertical control for nuclear industry in the USSR proceeded in line with the requirements of secrecy. The main conclusion is that nuclear facilities for the production of fissile materials had strong security.

Keywords: atomic industry, national security, protection of objects, the First Main Directorate, representatives of Council of Ministers of the USSR, security service.

УДК 94(47).084.8

Бугай Н.Ф.*

СЕМЕН БУШУЕВ – ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ ЧЕРЕЗ ДЕСЯТИЛЕТИЯ ...

В настоящем научном сообщении представлен образ известного историка-ученого – Семена Кузьмича Бушуева, жизненный цикл которого состоял не только из постоянных решений, возникавших перед советской исторической наукой проблем, волновавших ученый мир и общественность страны. В центре внимания его научных интересов выступал Северный Кавказ с его многонациональным миром.

Была у профессора С. Бушуева и вторая сторона жизни, удаленная от глаз народа – служение на «невидимом фронте», которое невозможно без проявления самоотверженности, острого ощущения таких жизненных понятий как гражданский долг, служение родине, решительность, обладание, проявление патриотических чувств. Особым этапом жизни ученого была и работа в студенческой аудитории.

Ключевые слова: Отчизна, личность, историческая наука, ученый, разведка, международные отношения, Китай, служение Родине, студенчество.

Имажинология рассматривается как новое направление в мировой исторической науке. Его вторжение как метода исследования в жизнь ученых историков становится все более заметным. Применение этого метода позволяет воскресить образы героического прошлого. Причем не только элиты страны, но и тех, кто трудился у станка, был хлеборобом, учил детей в школе. Все они достойны нашей памяти, уважения и признания.

Выявление новых поистине исторических личностей позволяет нам раскрыть и новые страницы истории нашего государства, увидеть его в новых измерениях, через тех, кто был активным участником этой истории на разных этапах эволюции государственности, вносил огромный вклад в его защиту, сохранение целостности, обеспечение условий для его безопасности [2, 3, 4].

И в этом плане роль личности в истории приобретает несколько иной, новый образ. Она раскрывается новыми гранями своей деятельности, представляется как личность, как боец «невидимого фронта», как защитник своего Отечества, своей страны, области, своей семьи. Для такой личности, обремененной, в добром смысле этого слова, необходимостью служения своей Отчизне, эти слова приобретают самый глубокий смысл.

Удивительно, но ученый мир, в частности историки, знают Семена Кузьмича Бушуева больше как ученого-историка [9, 11 с. 101–102]. И это не слу-

* Бугай Николай Федорович – доктор исторических наук, главный научный сотрудник «Центра исторической науки России» Института российской истории Российской академии наук, Москва, Россия; nikolay401@yandex.ru

чайно, так как определенный период своей жизни он работал на виду у общества. В Центре «Историческая наука России» (рук. – член-корреспондент РАН А.Н. Сахаров) в ходе научных докладов и обсуждений неоднократно упоминалось его творчество, как представителя военного и послевоенного поколения, трудившегося в 1930–1940-е гг. В большей мере это были повествования, касавшиеся внутреннего мира ученого, его воззрений по отношению к самой истории, его концепций и научных взглядов. Совсем недавно в апреле 2018 г. это имя вновь акцентированно прозвучало в ходе обсуждения рукописи диссертации В.В. Тихонова «Советская историческая наука в условиях идеологических кампаний 1945–1953 годов», выдвинутой на соискание ученой степени доктора исторических наук.

Исходя из направленности исследования, С. Бушуев предстает перед читателем, как представитель исторической науки 1940-х гг., как гражданин защищавший в своих суждениях имидж русского интеллигента, всего русского народа, как человек имеющий собственное мнение, достойное уважения.

Особый патриотизм был проявлен С. Бушуевым на состоявшемся совещании в ЦК ВКП(б), начавшемся 24 мая и завершившем свою работу 8 июля 1944 года. С. Бушуев выступал как участник обсуждения монографии Н.Л. Рубинштейна «Русская историография», критикуя автора за отсутствие анализа непримиримой борьбы русской и немецкой историографии и выпячивание фигуры А.Л. Шлецера как столпа мировой науки.

В имевшей место полемике С.К. Бушуев заявлял: «Как немец – так на уровне, как русский – так ученик» [10, с. 57; 11]. В данном случае он предлагал автору рассмотреть более обстоятельно хронологию «Дранг нах Остен», выйдя за рубежи XII–XV веков. Как замечает по этому поводу исследователь В.В. Тихонов, С. Бушуев считал, что «немцы торопились плести козни против России вплоть до современности, стремясь захватить земли славян»¹.

С 1927 по 1941 г. Чан Кайши был главой гоминдановского правительства в Китае. Роль Чан Кайши в коммунистическом движении Китая всесторонне показывает в своих воспоминаниях член Дальневосточного секретариата Коминтерна, сотрудник Восточного отдела Коминтерна (КИМ), в последующем преподаватель университета им. Сунь Ятсена в Москве С.А. Далин. Он как непосредственный участник событий, имевших место в Китае в 20–50-е гг., а также на территории Союза ССР, оставил содержательные мемуары.

Знавший лично многих лидеров китайского революционного движения, автор мемуаров воссоздал их образы, показал роль и вклад каждого из них в революционном движении в Китае. Много внимания уделено автором и лично самому Чан Кайши, верховному главнокомандующему в Китае после переворота 26 марта 1926 г. Он характеризуется С.А. Далиным как «китайский Наполеон», личность неустойчивая в политическом плане [6, с. 283–297].

¹ К сожалению, как показывает ситуация 2017–2018 гг., в современной Германии современных немцев (вместе со своим канцлером) эта идея не покидает и по сей день.

Однозначно, этот китайский лидер вместо того, чтобы ориентироваться на мобилизацию внутренних ресурсов, стремился выправить положение за счет внешней политики. К этому сводилась его основная линия. Если бы он потерял веру в нее, то сопротивление было бы сломлено.

Заметная роль в этой политике китайского руководства отводилась Советскому Союзу, который оказывал Китаю существенную помощь. В частности, в декабре 1937 г. из порта Севастополь в порт Хай-Понг по трассе «Зет»¹ отправился первый пароход «Лорд Кокрейн» с грузом и военного, и хозяйственного предназначения (сельскохозяйственные машины с набором запчастей для них), общим объемом более 3 тонн. Приемом груза в порту руководил начальник сектора военных и морских атташе СССР Ланговой.

Вторая партия грузов была отправлена по этой же трассе зафрахтованным для этих целей Китаем пароходом «Боксхил». Он принял на борт груз общим весом в 4 тонны (трактора, прицепы, 10 автомашин «ЗИС-6», запасные части и пр.)². Очередной корабль «Тоуер Фильд» находился под загрузкой в Одесском порту в феврале 1938 года. Свои обязательства Союзом ССР выполнялись в полном объеме. В связи с этим в телеграмме на имя И. Сталина и К.Е. Ворошилова 9 мая 1939 г. сообщалось: «Китай знает, помнит всю искренность Вашей помощи и из международного доверия, и справедливости...»³.

Всего на двух пароходах было отправлено 6152 т спецгрузов. Как писал зам. начальника разведуправления РККА старший майор госбезопасности Гендин, «все имущество, подлежащее доставке в «Зет» морем, нами отправлено по назначению, и морскую операцию можно считать законченной»⁴. По нашему мнению, этот вывод был, несомненно, поспешным, и неточным. Кроме этих двух пароходов, отправлялись и другие пароходы как в 1938, так и в 1939 годах.

Четвертый пароход с грузами из Союза ССР прибыл в апреле 1939 г. в Рангун. В октябре 1939 г. Китаю были отправлены, как сообщал маршал Ян Цзе в разговоре с полковником С.К. Бушуевым, 120 самолетов: И-15 – 30 штук, И-16 – 30 штук, СБ – 36 штук, ДБ – 24 штук⁵.

Поставки самолетов в Китай продолжались и в дальнейшем. Об этом косвенно свидетельствуют имеющиеся данные: на середину июля 1939 г. в Китае было сбито, уничтожено на аэродромах, ликвидировано по другим причинам 162 самолета разных систем⁶.

¹ «Зет» (Z) кодовое обозначение трассы (воздушной, морской, наземной), по которой перебрасывались военные грузы, техника и военнослужащие из Союза ССР в Китай, а также конечного пункта перевозок.

² Центральный государственный архив Вооруженных сил РФ (ЦГА ВС РФ). Ф. 33987. Оп. 3. Д. 1050. Л. 130–131.

³ ЦГА ВС РФ. Д. 1114. Л. 45–49; Д. 968. Л. 32.

⁴ Там же.

⁵ ЦГА ВС РФ. Д. 1247. Л. 3.

⁶ ЦГА ВС РФ. Д. 1114; Д. 1135. Л. 3.

В данном случае имеет смысл обратить внимание на ранее названного персонажа – полковника *С.К. Бушуева*, связанного с разведуправлением РККА. Подобная фамилия встречается в связи с «китайскими событиями» еще в более ранний период. Так, в одном из архивных документов РГАСПИ в числе коммунистов из СССР, бывших в составе коммунистов КП Китая, значится фамилия «Бушуев» (без русских инициалов), рядом с китайским псевдонимом Син Кейде¹. Эта же фамилия значится и в числе учеников учебного заведения, готовившего партийные кадры для Китая в 1920–1930-х годах.

Сохранились в фонде 17 и документы о переводе коммунистов в РКП(б), бывших по разным причинам в Китае, а затем выбывших из рядов КПК по возвращению в СССР. Коммунист Син Кейде (Бушуев) назван в Протоколе заседания партийной ячейки при Университете трудящихся Востока от 3 июля 1928 года. Здесь имеется дата вступления его в РКП(б) – 1926 год.

Архивные документы позволяют определить дату рождения (1905 г.), место рождения (провинция Панчен), социальное происхождение (из бедняков). Выясняется, что С. Бушуев обучался в Ленинградском педагогическом институте (1931 г.), защитил докторскую диссертацию в 1941 г., специализировался по истории Северного Кавказа.

В Китайскую коммунистическую партию Бушуев вступил в Шанхае. В Москве, по данным биографической справки, работал как член РКП(б) и занимался организационными вопросами².

Анализ последующих документов о С.К. Бушуеве, касающихся «китайских дел» позволяет сделать вывод о том, что повествование идет об одной и той же личности, связанной как с Китаем, так и СССР, выполнявшей задания Правительства Союза ССР. Несомненно, этот человек внес ощутимый вклад в развитие советско-китайских отношений, а также в отношения между китайскими и советскими коммунистами, в становление и развитие советско-китайских контактов, в экономической, военной и культурной сферах.

Помощь Союза ССР как вооружением, так и специалистами высоко оценивалась китайской стороной. Выступая 21 июня 1938 г. на собрании членов Гоминдана в политотделе штаба Китайской армии Чан Кайши констатировал: «Япония является общим врагом для СССР и Китая. Если кто-либо намерен препятствовать дружбе между СССР и Китаем, то он будет играть на руку Японии...».

Завершив работу на «невидимом фронте» С.К. Бушуев вплоть до смерти (1958 г.) был профессором кафедры истории СССР исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

В ранее указанной работе В.В. Тихонова приведен очень интересный и показательный эпизод, связанных с работой С.К. Бушуева на кафедре Мо-

¹ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 98, Д. 5178. Л. 1.

² Там же.

сковского государственного университета. Анализируя отчет руководителя кафедры И.И. Минца о проделанной работе за 1948 г., он со свойственной ему смелостью заявил, что академик «приглашал развертывание критики и самокритики на кафедре». В ответ на прозвучавшую критику, очевидно не без давления И.И. Минца, в протоколе заседания кафедры было записано, что историк Бушуев проводит семинарские занятия на «невысоком теоретическом уровне» [11, с. 269].

Возможно Бушуев и не владел всеми тонкостями преподавательского искусства, не имел богатой практики работы со студентами в МГУ. Ведь большую часть жизни он выполнял задания, связанные, с защитой Родины, созданием условий для обеспечения ее безопасности. Но он любил историю как науку, любил общение со студенческой аудиторией, был искренен в своих суждениях и поступках.

Поэтому оценки его научно-преподавательской деятельности со стороны людей, кто непосредственно общался с ним, значительно противоречат формальным записям в кафедральных протоколах.

Доктор исторических наук М.Г. Вандалковская (Институт истории РАН) вспоминает: «Все зависит от того, что желаешь узнать для себя, посещая тот или иной семинар. Семен Кузьмич проявлял всегда внимание к любознательным студентам, интересовавшимся развитием науки. Он был очень доброжелательным преподавателем, по-доброму относился к студентам. За ним так и осталась фраза: «Все, устал, ставлю последнюю пятерку... Одним словом, молодец!».

В решении многих вопросов процесса обучения студентов, содержания научных работ С.К. Бушев оставался жестким оппонентом, отстаивал последовательно свои принципы. Надо думать, что это был верный подход к оценке и научных трудов, и личностей исследователей [7].

Не согласен с оценкой работы профессора кафедры истории СССР МГУ им. М.В. Ломоносова С.К. Бушуева в 1950-е гг. и доктор исторических наук Ю.Н. Емельянов, утверждающий, что он отличался глубокими знаниями предмета: «Я постоянно посещал его лекции и семинары, и не только я. Аудитории, где С. Бушуев выступал с лекциями, всегда были переполнены. Он знал всю литературу по истории меньшевизма. Никто другой не преподносил так всесторонне вопросы роли личности в истории, посвятив многие лекции историку П.Б. Струве. Студенты относились к нему с полным доверием. Как ученый был глубоко патриотичен, любил свою страну. Его основной целью было отстаивание первичности русской исторической науки. В тот период именно в этом не было ему равных» [8].

Как ученый-историк С. Бушуев прославился и тем, что издал две монографии о Шамиле: в первой оценивал его деятельность как борьбу за независимость и называл героем, во второй – пришел к выводу о реакционной сущности Шамиля. Несмотря на такую противоречивость выводов о легендарном Имаме, Бушуев не имел серьезных конфликтов и разногласий с исто-

риками Северного Кавказа. Наоборот, он с любовью относился к этому региону, стремился оказывать всяческую помощь его ученым в установлении контактов с высшей школой Союза ССР – Московским университетом им. М.В. Ломоносова, всемерно способствовал развитию исторической науки в этом регионе, формированию молодых кадров исследователей.

Совместно с учеными НИИ по гуманитарным наукам Республики Адыгея С. Бушуев проделал большую работу по подготовке обобщающих трудов по ее истории, взаимодействию народов на Юге страны, проблемам национально-государственного строительства. Он активно участвовал в подготовке аспирантов из Адыгеи, оказывал им помощь при стажировке в Институте истории СССР АН СССР. Тесные контакты с региональным Институтом ученым поддерживал и в процессе подготовки многотомной «Истории народов Северного Кавказа с древнейших времен до наших дней».

Библиографический список:

1. *Бугай Н.Ф.* Владимир Зорин – министр Правительства Российской Федерации: общество, личность, время. – М., 2017.
2. *Бугай Н.Ф.* Губернатор А.Н. Ткачев – интегральная компетентность, практика... // Теории и проблемы политических исследований. № 3. 2013 г. Режим доступа: <http://www.publishing-vak.ru/archive-2013/politology-3-bugai.htm> (дата обращения 12 апреля 2014)
3. *Бугай Н.Ф.* М.В. Ломоносов: вклад в развитие метеорологии в Российской империи // Вестник ЛГУ, Серия Гуманитарные науки. 2013. № 2 (9). С. 19–29.
4. *Бугай Н.Ф.* Новые лица Российской государственности: министр Республики Дагестан Магомедсалах Гусаев // Российская государственность в лицах и судьбах ее создателей. – Липецк, 2012.
6. *Далин С.А.* Китайские мемуары. 1921–1927. – М., 1975.
7. Из дневниковых записей автора. 17 апреля 2018 г.
8. Из дневниковых записей автора. 19 апреля 2018.
9. *Сидорова Л.А.* Борьба мнений по проблеме патриотизма на Совещании историков в ЦК ВКП(б) 1944 г. // Российская государственность в лицах и судьбах ее создателей (X–XXI век). – Липецк, 2009. С 269–275.
10. Стенограмма совещания по вопросам истории СССР в ЦК ВКП(б) в 1944 г. № 2. С. 57.
11. *Тихонов В.В.* Советская историческая наука в условиях идеологических кампаний. 1945–1953 гг. Дисс. ... д-ра ист. наук. – М., 2018.

N.F. Bugay

Doctor of Sciences (History), Chief Research Fellow of the Center “Historical Studies of Russia”, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

SEMEN BUSHUEV – A HISTORICAL PORTRAIT THROUGH THE DECADES ...

The paper presents image of the famous historian – Semen Kuzmich Bushuev. His life cycle consisted not only of constant solutions of the problems that arose before the Soviet historical studies, problems that worried academic world and public opinion. North Caucasus and its multiethnic world were in the center of his research interests.

Professor S. Bushuev also had a second side of life, far from the eyes of the people – secret service, which is impossible without manifestation of selflessness and without an acute sense of such vital concepts as civic duty, service to Motherland, resoluteness, self-control and manifestation of patriotic feelings. Besides, work with students was a special stage in the life of the historian.

Keywords: Motherland, personality, historical studies, researcher, intelligence, international relations, China, service to Motherland, students.

Воробьев С.В.*

НАСТРОЕНИЯ РАБОЧИХ УРАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ В СЕРЕДИНЕ 1920-Х ГГ. (ПО ИНФОРМАЦИОННЫМ СВОДКАМ ОГПУ)

В статье на основании информационных сводок ОГПУ рассматриваются настроения рабочих Уральской области в середине 1920-х гг. в условиях нэпа. Показаны основные причины негативных настроений рабочих (напряженные взаимоотношения с заводской администрацией, низкая зарплата, высокие нормы выработки, жилищный вопрос и бездействие профсоюзных организаций), которые часто приводили к забастовкам. Делается вывод о том, что социально-экономическое положение рабочих слабо коррелировало с официальным статусом рабочего класса как класса-гегемона в Советской России.

Ключевые слова: рабочие, Уральская область, настроения, нэп, информационные сводки, ОГПУ.

В середине 1920-х гг. экономическая ситуация в стране стабилизировалась по сравнению с периодом «военного коммунизма» благодаря переходу к новой экономической политике. Допущение в экономику рыночных механизмов хозяйствования позволило восстановить товарно-денежные отношения и стимулировало предпринимательскую инициативу на низовом и среднем уровнях, что позволило в значительной мере обеспечить текущие потребности населения страны и повысить уровень его благосостояния. Однако у нэпа была и своя оборотная сторона, он имел свои противоречия, по-разному повлиял на различные социально-экономические группы советского общества. Соответственно реакция на нэп и оценка действий власти в этих условиях у представителей различных слоев населения могла быть разной.

Эти социальные настроения в советском обществе 1920-х гг. внимательно отслеживали органы государственной безопасности (ОГПУ), используя свои специальные каналы сбора информации. Полученные данные тщательно анализировались, составлялись ежемесячные информационные сводки для партийных и советских структур власти, в которых отражались настроения различных социальных групп, причины, влиявшие на их настроения, и тенденции этих настроений. Значительное внимание в информационных сводках ОГПУ уделялось настроениям рабочих, что не удивительно, ведь рабочие считались основным классом Советского государства, были главной социальной базой коммунистической партии. «Государство рассматривало

государственную промышленность как свою экономическую и социальную (в лице рабочего класса) опору» [3, с. 94]. Поэтому от настроений рабочих во многом зависела стабильность советского политического режима.

На Урале в 1925 г. составители информационных сводок в качестве основных причин негативного социального настроения рабочих (как промышленных, так и сезонных) указывали следующие: вопросы зарплаты, нормы выработки, обеспечение спецодеждой, жилищный вопрос. Важными факторами недовольства рабочих являлись ненормальные, напряженные взаимоотношения с заводской администрацией и бездействие профсоюзных организаций. Руководители заводов и представители заводской администрации вели себя по отношению к рабочим зачастую грубо, по-хамски, считая, что это сойдет им с рук. Такое поведение провоцировало конфликты, порождало забастовочные настроения и, в конце концов, приводило к забастовкам. Сотрудники ОГПУ отмечали: «Большую часть случаев возникновения забастовок и волынок нужно отнести на счет вины администрации хозяйственных учреждений и профсоюзных организаций, которые показывали полную свою несостоятельность и нечуткость в этом вопросе»¹.

Середина 1920-х гг. была благоприятной для развития промышленности СССР. Наблюдается рост промышленного производства и сбыта продукции. «Уже в 1925/26 году тяжелая промышленность по объемным показателям сначала догоняет, а затем и опережает динамику роста группы «Б». В итоге, в 1926 году промышленность СССР в целом перешагнула уровень выпуска продукции 1913 года» [2, с. 320]. На Урале в конце восстановительного периода базовая отрасль региона – металлургическая промышленность, «достигла 92,2% довоенного уровня. [...] Выпуск таких ценных изделий, как, например, сортовое железо, увеличился с 1923/24 по 1925/26 г. в 3 раза, посуды – в 5 раз, кос – в 6 раз, гвоздей – в 2 раза» [4, с. 89]. По планам Уралпромбюро на 1922–1927 гг. «намечалось восстановить крупную промышленность в течение намеченного срока на 50 %, а в действительности уже на 1924/25 г. она достигла 61 % от уровня 1913 г.» [1, с. 178].

Такая благоприятная конъюнктура должна была позитивно повлиять на материальное положение рабочих. Однако, в информационных сводках указывается на неуклонный рост числа забастовок в Уральской области в этот период. В 1924 г. забастовок и волнений было 17, из них «12 забастовок по причинам несвоевременной выдачи зарплаты, вследствие выдачи зарплаты натурой и, наконец, из-за снижения зарплаты». Остальные пять забастовок рабочих были связаны с неудовлетворительными условиями труда². Но уже в 1925 г. наблюдается рост числа забастовок и волнений по Уральской области до 27. Большинство забастовок (17) произошло из-за проблем с заработной

* Воробьев Сергей Викторович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора политической и социокультурной истории Института истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия; svorob.hist@gmail.com

¹ Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 4. Д. 63. Л. 40.

² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 4. Д. 63. Л. 40.

платой, остальные были вызваны плохими условиями труда¹. 1926 г. отметил всплеском забастовочных настроений и забастовок среди уральских рабочих: «За 7 месяцев тек[ушего] г[ода] мы имеем забастовок и конфликтов, непосредственно повлекших за собою прекращение работ – 53, т.е. почти в три раза больше, нежели за целый 1925 г.»². Причины забастовок и конфликтов были те же, что и в предыдущие годы – «преимущественно вопросы зарплаты (низкий заработок, снижение расценок, увеличение норм, задержка зарплаты и т.д.)»³.

Таким образом, значительное число конфликтов, которые приводили к забастовкам, имело экономическую основу – они возникали «на почве невыполнения администрацией возложенных на нее коллективными или трудовыми договорами обязательств»⁴. Заводская администрация могла в одностороннем порядке изменить условия труда рабочих: увеличить нормы выработки и снизить расценки за выполняемые работы, что естественно вызывало недовольство со стороны рабочих.

В условиях нэпа, когда руководство предприятий должно было думать о проблеме их экономической эффективности, снижении издержек производства, оно старалось решить эти вопросы за счет рабочих. «В промышленности стали проводиться кампании по поднятию производительности труда, которые в большей мере шли через снижение расценок и повышения норм выработки, а не через рационализацию производства» [3, с. 123–124]. В результате этих мероприятий «увеличение выработки в расчете на одного рабочего в промышленности опережало динамику роста его среднемесячной зарплаты и в 1926 году превысило уровень производительности довоенного 1913 года» [2, с. 315]. Такие действия администрации вели к ухудшению условий труда, материального положения рабочих, к усилению их эксплуатации за счет повышения норм выработки и снижения расценок, что естественно вызывало в рабочей среде законный протест. Ответом администрации на это были угрозы, грубость, хамство в отношении «классового гегемона».

В информационных сводках ОГПУ отмечаются многочисленные факты грубости со стороны заводской администрации и спецов, говорится о бесчисленных сообщениях «об оскорблении рабочих словами вроде «пошел вон», «лентяй», «болван» и т.п.»⁵. В результате «вопрос о взаимоотношениях рабочих с администрацией и спецами – самый большой из всех вопросов в области рабочего быта и производства. По этому вопросу мы имеем наибольшее количество отрицательных фактов (439) грубого, пренебрежительного отношения администрации и спецов к рабочим, доходящего до во многих случаях не

только до словесного оскорбления, но и до мордобития»¹. Так, заведующий Ишимским пивзаводом избил рабочего. «Директор Сарсинского стеклозавода вытолкал рабочего из конторы и столкнул его с лестницы так, что тот расшиб себе голову о мостовую»².

Недовольство рабочих администрацией заводов и спецами подогревало их вызывающее, демонстративное поведение, связанное с созданием для себя комфортных, приятных условий существования, на фоне тяжелого материального положения уральских рабочих. По свидетельству сотрудников ОГПУ властями периодически проводились кампании по борьбе со злоупотреблениями и излишествами хозяйственных руководителей, такими как излишние накладные расходы, ненужные штаты для родственников и знакомых, необязательные выезды и прислуга, оборудование рабочих кабинетов и квартир, дутые командировки и счета³. Таким образом, средства предприятия их руководители использовали как свои собственные и для удовлетворения собственных потребностей. В информационных сводках указывалось: «Все злоупотребления в промышленности в большинстве случаев носят характер устройства личных дел за счет за счет предприятия (сюда относятся устройство себя квартир, закупка мебели и т.п.). Неизбежными спутниками всяких злоупотреблений являются излишества (выезды [лошадей], телефоны)»⁴.

В то же время жилищный вопрос на уральских предприятиях стоял крайне остро. Большинство промышленных рабочих Уральской области находилось в крайне стесненных жилищных условиях. Например, по данным информационных сводок «жилищные условия рабочих Покровского рудника Надеждинского комбината невозможны. В казармах теснота, грязь, санитарный надзор отсутствует. Рабочие страшно недовольны и говорят: «Мы боролись за лучшее, а живем хуже скотины»»⁵. На предприятии «Ураласбест» вновь выстроенная для рабочих казарма на 300 человек оказалась более похожей на конюшню – окна были сделаны очень маленького размера, из-за чего в казарме всё время царил полумрак. По этому поводу рабочие говорили: «За то, что мы завоевали свободу, начальство нам устроило конюшню»⁶. При этом новое хорошее жилье предоставлялось преимущественно представителям заводской администрации и приближенным к ней лицам (спецам, служащим), а рабочие получали жилье по остаточному принципу. «Недовольства рабочих вызываются еще и тем обстоятельством, что при распределении имеющихся квартир лучшие в первую очередь предоставляются спецам и служащим»⁷.

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 4. Д. 63. Л. 40.

² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 4. Д. 63. Л. 125.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 126.

⁵ Там же. Л. 144.

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 4. Д. 63. Л. 42.

² Там же. Л. 144–145.

³ Там же. Л. 51.

⁴ Там же. Л. 52.

⁵ Там же. Л. 48.

⁶ Там же. Л. 49.

⁷ Там же. Л. 49.

В ходе конфликтов заводская администрация прибегала к угрозам в отношении рабочих, пытаясь прекратить забастовки. На Златоустовском металлургическом заводе директор завода говорил бастующим рабочим: «Саботажники, эсеры, меньшевики, анархисты, всех зачинщиков передам в ГПУ»¹. Директор Воткинского сельскохозяйственного завода также «угрожал инициаторов передать ГПУ»². Когда на Верхне-Салдинском заводе на почве невыполнения администрацией возложенных на нее трудовым договор обязательств возник конфликт с лесорубами, то администрация для усмирения рабочих вызвала отряд милиционеров, «что повлекло к более обостренному положению»³.

Защищать права рабочих должны были профсоюзные организации, которые на деле показали свою несостоятельность в этом вопросе. В информационных сводках дается следующая оценка: «Бездеятельность, бюрократизм, грубость и нередко злоупотребления являются основными недостатками в работе профсоюзных организаций, имеющих своим последствием отчужденность рабочих от профработников и оторванность последних от рабочих масс»⁴. По сведениям информационных сводок ОГПУ профсоюзных представителей «рабочие по их действиям считают «такими же хозяйственниками», как и администрацию, а не защищающими интересы рабочих»⁵.

Недовольство своим экономическим положением, грубое отношение заводской администрации, с одной стороны, и бездействие партийных и профсоюзных структур – с другой, вело к тому, что в среде промышленных рабочих Урала начинало возникать политическое недовольство. В информационных материалах ОГПУ за 1926 г. отмечалось: «Во время конфликтов более резко проявляется и недовольство чисто политического характера»⁶. ОГПУ отмечает, что у рабочих начинают появляться антисоветские и антикоммунистические настроения: ««У нас диктатура не рабочих, а партии» (Надеждинский завод). [...] «Рабочие – рабы коммунистов, которые ведут политику по указке капиталистов. Крестьяне коммунистам не верят» (Сарапульский завод «Красный металлист»). [...] «Советская власть ничего не дает, а только дерет всю шкуру рабочего. Грабители! Обогащайтесь на нашей шее» (Кизелкопи). «Коммунисты сидят на шее рабочих. Рабоче-крестьянская власть только на словах, а на деле правят буржуи и чиновники»» (строители Тюменского окр[уга])⁷.

Дальнейшие высказывания уральских рабочих свидетельствуют о том, что они не только констатируют сложившуюся ситуацию, но и высказывают

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 4. Д. 63. Л. 127.

² Там же. Л. 128.

³ Там же. Л. 126.

⁴ Там же. Л. 43.

⁵ Там же. Л. 43.

⁶ Там же. Л. 136.

⁷ Там же. Л. 148–149.

намерение активно противодействовать Советской власти: ««Все коммунисты бандиты, их надо перевешать» (Златоуст[овский] завод). «Скоро настанет время, когда всех коммунистов передурят и они будут валяться на каждом шагу на улице» (Златоуст[овский] мет[аллургический] завод»¹.

Таким образом, в рассматриваемый период основные причины недовольства рабочих носили экономический характер, были обусловлены мерами экономической политики государства, которые проводились в условиях нэпа. Кризиса доверия к Советской власти со стороны рабочих в этот период не было, они отстаивали свои чисто экономические интересы. Однако, как свидетельствуют информационные сводки ОГПУ, в случае серьезного ухудшения экономической ситуации эти настроения вполне могли привести к политическим волнениям, которые могли иметь серьезную угрозу для советской политической системы.

Библиографический список:

1. *Гараев Г.Г.* Организация и совершенствование системы управления промышленностью Урала (1917–1925 гг.). – Томск, 1984.
2. *Белоусов Р.А.* Экономическая история России: XX век. Кн. 2. – М., 1999.
3. *Суворова Л.Н.* Нэповская многоукладная экономика: между государством и рынком. – М., 2013.
4. *Фельдман В.В.* Восстановление промышленности Урала в 1921–1926 гг. – Свердловск, 1989. С. 89.

S.V. Vorobyev

Candidate of historical Sciences, Senior Research Fellow, Department of political and socio-cultural history, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of RAS, (Yekaterinburg, Russia)

MOODS OF WORKERS OF THE URAL REGION IN THE MID OF 1920S (BASED ON INFORMATION BULLETINS OF OGPU)

Using information bulletins of the OGPU, the paper examines moods of workers in the conditions of NEP in the Ural region in the mid of 1920s. The paper shows main causes of negative moods among workers (strained relations with the factory administration, low wages, high production rates, housing issues and inaction of trade union organizations), which often led to strikes. The author concludes that true social and economic situation of the workers slightly correlated with the official status of working class as a hegemonic class in Soviet Russia.

Keywords: workers, Ural region, moods, NEP, information bulletins, OGPU.

¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 4. Д. 63. Л. 149.

**НАКАНУНЕ ШПИОНОМАНИИ:
КНИГА «ТАЙНЫЕ РАЗВЕДКИ» В.Н. КЛЕМБОВСКОГО
И РЕЦЕНЗИЯ НА НЕЕ В ЖУРНАЛЕ «РАЗВЕДЧИК»**

Рассматривается начальный этап культивирования военной литературой и прессой шпионажа как эффективного и грозного оружия и стремления заменить в общественном мнении негативную морально-нравственную оценку этого «презренного» занятия более рациональным подходом.

Ключевые слова: шпионаж, разведка, В.Н. Клембовский, журнал «Разведчик»

Появление в начале XX в. службы безопасности как государственного органа с хорошо поставленной разведкой (и особенно контрразведкой) совпало с изменением общественного мнения по отношению к шпионажу. В историографии уже подчеркивалась роль масс-медийного пространства, в том числе отечественной военной прессы в так называемой «шпиономании». Однако чаще всего авторы сосредотачиваются на событиях начала века и Первой мировой войны. Предшествующий этап – конец XIX в. в исследованиях представлен гораздо меньше, хотя важность «шпионства» и необходимость борьбы с опасными агентами иностранных спецслужб стала осознаваться именно тогда, и предпринимались усилия поменять сложившееся презрительное отношение к шпионажу, которым порядочным людям заниматься не комильфо, на более деловое, а образ шпиона сделать импозантнее.

Во многом эти процессы инициировала и повлияла на их развитие книга В.Н. Клембовского «Тайные разведки: (Военное шпионство)». В современной исследовательской литературе, как правило, ссылаются на ее второе, появившееся в 1911 г. издание. Написана же и впервые опубликована она была в 1892 г. совсем при других исторических условиях. Будущий генерал от инфантерии Владислав Наполеонович Клембовский к этому времени уже закончил академию Генерального штаба. Преподавательская работа в Тверском кавалерийском юнкерском училище, видимо, способствовала литературным занятиям и интересу к столь специфическому явлению [2]. Появившаяся в 1892 г. брошюра наряду с ожидаемой тематикой: цели шпионажа, его польза и необходимость, организация в военное и мирное время, классификация шпионов и их вербовка, управление этим сложным процессом, – содержала

мало уместную в таком произведении заключительную главу: «Шпионство и шпионы (лазутчики) с точки зрения нравственной». Однако для автора (и его читательской аудитории) подобная постановка вопроса оказалась, видимо, значимой.

Он ожидал упреки ревнителей рыцарского отношения к войне: «Вероятно, найдутся лица, которые скажут: “Как можно писать о столь позорном деле как шпионство! Как можно проповедовать его!”» [1, с. 3]. Более здравомыслящих читателей Клембовский просил не «осуждать» его за «первую попытку в этом направлении», ибо вопрос о лазутчиках даже в военное время ограничивался в отечественной литературе общими указаниями. Однако в начале 1890-х гг. российскому автору для устранения этого пробела приходилось уговаривать свою аудиторию: «...шпионство не так позорно, как кажется с первого взгляда», нужно всего лишь «отрешиться от предвзятых убеждений и огульного осуждения». Осторожными намеками на то, что «могут быть случаи, когда деятельность лазутчика не включает в себе ничего преступного» [1, с. 4] и обращением к «авторитетам» (например, к военному теоретику генералу А.П. Скугаревскому, и мнению военных писателей) Клембовский оправдывал позицию военачальников, как и он сам «не сочувствующих» ремеслу шпионов, но вынужденных пользоваться его результатами. Он деликатно отличал «хорошие» кавалерийские разведки от «плохого» тайного шпионства.

Учитывая принципиальность тогдашней читающей публики, было целесообразно поместить моральные сентенции в конец книги после изложения информации о тайной разведке и частично контрразведке (раздел «неприятельские шпионы»). Они должны были закрепить новое, более позитивное отношение к «грязному» ремеслу. Клембовский начинал с того, что признавал: «Почти все люди привыкли смотреть на шпионство, как на дело крайне безнравственное и позорное...» [1, с. 116]. Но боролся с несправедливостью подобного подхода и, обильно цитируя иностранных авторов, призывал ради пользы дела немного поступиться принципами и относиться к шпионам более терпимо и даже сочувственно. Главное в предложенной им апологетике заключалось в ранжировании шпионов и постановке «на первом плане [...] людей, занимающихся шпионством в пользу своего отечества и не ради денег, а из патриотизма или по чувству долга» [1, с. 121].

Вскоре в журнале «Разведчик» на книгу Клембовского появилась рецензия. Парадоксальным образом издание с таким названием о разведке практически не писало, а позиционировало себя как первый частный еженедельный иллюстрированный военный журнал, однако с книжными новинками по этой части знакомило читателей охотно. Рецензия на текст Клембовского признавала бедность отечественной литературы по вопросу «военного шпионства», подтверждала «некоторые опасения автора» в том, что часть «читающего военного общества» может его не понять, и хвалила Клембовского за то, что

* Голикова Светлана Викторовна – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора политической и социокультурной истории Института истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия; avokilog@mail.ru

того «не устрашили подобные охи и ахи!» [3, с. 385]. Рецензент, скрывшись за инициалами «П.Г.», одобрил «интересное исследование», «вполне сочувственно» отнесся к «побуждению» автора облагородить «позорное» занятие и посчитал важными его «соображения» по поводу организации «тайных разведок». Однако он считал, что переиначивать взгляд соотечественников на шпионаж следует более настойчиво и Клембовский использовал не весь арсенал имеющихся в его распоряжении средств. Для борьбы с бранным словом «шпион» можно было активнее применять слово «лазутчик» и раз и навсегда разграничить два этих термина: первому оставить негативные коннотации, а за вторым закрепить все позитивное, что есть в занятиях тайного разведчика. В отличие от шпионов побуждения у лазутчиков «благородные» и они совершают не низкие поступки, а «героические подвиги». Рецензент уверял: «...подобное разграничение крайне необходимо в видах устранения вредной для дела путаницы в понятиях» [3, с. 386] и предлагал в такого рода изданиях помещать как можно больше материалов о помощниках русской армии, критикуя утверждение Клембовского о том, что «в войну 1877–1878 гг. наши войска очень мало пользовались шпионами». Напротив, главная квартира «без особенных затруднений» находила «отличных лазутчиков» среди болгар.

Абсолютно неприемлемыми для автора рецензии оказались взгляды Клембовского на недопустимость «шпионства мирного времени». Скорее всего, двойственное отношение к разведке в мирный и военный период со стороны Владислава Наполеоновича было данью инерции читательского вкуса. Вряд ли человек, так много уделивший внимание проблемам вербовки шпионов, методам сбора ими информации, способам доставки секретных донесений, мог всерьез полагать, что с заключением мира всю эту кропотливую работу следует свернуть. Рецензент все же убеждал его быть в этом вопросе последовательным и не делить страны на дружеские и вражеские: «Мы полагаем, что сведения должны быть собираемы обо всех вообще государствах, которые сколько-нибудь весят на той всемирной чашке весов, на которой взвешиваемся и мы...» [3, с. 386].

Пропагандистская направленность брошюры полковника Генштаба и рецензии на его осторожное сочинение в журнале очевидна, особенно в свете развернувшейся вскоре в Европе, затем и в России шпиономании, когда объявления о вознаграждении за обнаружения шпионов и сообщения об их поимке, которыми запестрела пресса, рождали всеобщую подозрительность и панику. Автор же «Тайных разведок» не успокоился на достигнутом, и через два года выпустил книгу «Партизанские действия». Повторные издания его работ в начале XX в. – свидетельство роста их популярности.

Библиографический список:

1. Клембовский В.Н. Тайные разведки: (Военное шпионство). – СПб., 1892.
2. Клембовский Владислав Наполеонович // Военная энциклопедия. Т. 12. – СПб., 1913. С. 589–590.
3. П.Г. Рец. на: Тайные разведки (военное шпионство). Генерального штаба подполковник В.Н. Клембовский // Разведчик. 1892. № 105. С. 385–386.

S.V. Golikova

Doctor of historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural branch of the RAS (Yekaterinburg, Russia)

ON THE EVE OF SPY MANIA: BOOK «SECRET OPERATIONS» BY V.N. KLEMBOVSKY AND THE REVIEW ON ITIN MAGAZINE «THE SCOUT»

The paper shows initial stage of cultivation espionage by military literature and Russian press as an effective and formidable weapon in an attempt to replace in the public opinion a negative moral assessment of this “despicable” occupation by a more rational approach.

Keywords: espionage, reconnaissance, V.N. Klembovsky, “The Scout” magazine.

*Запарий В.В., Шайханов А.М.**

НЕОБЫЧНЫЕ ГРАНИ В ПРОЦЕССЕ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ПАТРИОТИЗМА

В своей статье, авторы, историк и мастер-художник, рассуждают о роли увлечения оловянной миниатюрой, для воспитания национального патриотизма и художественного просвещения населения России.

Ключевые слова: национальный патриотизм, оловянная миниатюра, культура, история, искусство, коллекционирование.

Проблемы патриотизма постоянно обсуждаются в обществе и научных кругах. Они актуальны для любого государства, а особенно для современной России, не имеющей четкой государственной идеологии. Поэтому сегодня хотелось бы остановиться на очень необычной грани в процессе формирования национального патриотизма в нашей стране. Как известно патриотизм базируется на исторической памяти народа или народов, населяющих данное государство. Именно исторические знания составляют основу национального патриотизма. Познание истории в игровой форме может здесь иметь существенную и позитивную роль. И вот тут хотелось бы перейти к сути проблемы – участия в этом процессе оловянной миниатюры или в простонародье – оловянных солдатиков. Коллекционирование всегда было самым увлекательным занятием. Данное увлечение подразумевает изучение истории экспонатов коллекции. Именно с их помощью любители и увлекающиеся этими предметами могут лучше представить внешний вид военных и политических деятелей, исторических персонажей нашей и не только нашей истории.

Качественные изменения, произошедшие в относительно недавнем прошлом, привели к изменению функций оловянных солдатиков, которые из игрушек для детей, а в ряде случаев, взрослых переросли в совсем другое явление. Они стали предметами эстетического удовольствия, изящными сувенирами и подарками для взрослых, предметом украшения, интерьера. Попутно, эти изделия металлической миниатюры, являются источником познания в области военной и политической истории, военного мундира и вооружения, предметов быта и средств вооружения и транспорта.

Увлечение оловянной миниатюрой возбуждает процесс исторического познания в собирателях, помогает им познать историю собственного государства и роль нашей страны в мировой истории. На примере солдатиков, люди

* Запарий Владимир Васильевич – доктор исторических наук, профессор кафедры Истории и социальных технологий УрФУ, Екатеринбург, Россия; vvzap@mail.ru; Шайханов Артур Маратович – художник-мастер, член клуба «Горный щит» Екатеринбург, Россия.

знакомятся с военной амуницией, оружием, знаками различия воинов, что помогает им лучше представлять заслуги граждан страны, позволяет быть ее осознанным патриотом.

В советское время существовали оловянные солдатки, которые были детскими игрушками. В 1960-е гг. такие солдатки продавались в столичных городах и стоили 10 копеек. Они были окрашены в зеленую краску защитной формы, лицо и руки их были телесного цвета, сапоги черного, а автомат коричневого. Выбор был не велик. Это солдат с автоматом за плечами, офицер и знаменосец. Потом появились другие фигурки, типа мотоциклиста и др. В 1970-е гг. игрушки стали более простыми и технологичными, а в 1990-е гг. их стали делать из пластмассы, что выходит за рамки нашей темы. Только в наше время появились оловянные солдатки, которые могли стать новым явлением в искусстве и познании истории.

В нашей стране изготовление военно-исторической миниатюры и коллекционирование пользуется все большей популярностью среди моделлистов, униформологов, любителей военной истории в целом. Оно находит поклонников среди людей любого возраста и любых профессий. Мало кто представляет себе, как же в действительности выглядел «стойкий оловянный солдатик» из сказки Г.Х. Андерсена, а уж тем более, какова история этих удивительных фигурок.

Древнейшие фигурки солдат были найдены в Египте и принадлежали сыну фараона Эмсаха. Это воин нумидийской пехоты и солдат-египтянин в тяжелых доспехах. В средние века для обучения молодежи изготавливались фигуры рыцарей, с точно воспроизводимыми особенностями вооружения. Коллекционирование этих фигурок отмечается с XIV в. Большинство европейских монархов были этим увлечены. Ещё в 1516 г мастер Г. Бургмайер изготовил для императора Максимилиана I фигурки пеших рыцарей. С XVII в. начинается выпуск фигурок двух видов: солдатика-игрушки и солдатика – наглядного пособия для военного обучения будущих монархов. Известны королевские коллекции принца Оранского, состоявшие из серебряных фигурок; коллекция из 300 солдатиков, подаренная М. Медичи своему сыну Людовику XIII. Коллекция Людовика XIV состояла уже из 20 эскадронов и 10 батальонов, которую в 1650 г. изготовили скульптор Шассель и золотых дел мастер Мален. С 30-х гг. XVIII в. развиваются два направления в создании солдатиков. Это объёмные фигурки из благородных металлов, и массовые объёмные солдатки из олова. Последние со второй половины XVIII в. начал изготавливать парижский мастер Люкот. Его недорогие фигурки состояли из нескольких деталей, благодаря чему можно было менять позы. В начале XIX в. в Париже группа изготовителей объёмных солдатиков – Куперли, Блондель и Жабро объединились в фирму «СВР» (существующую сейчас) и экспортировали свою продукцию во все страны Европы. Интересна коллекция, которую Наполеон заказал для своего сына. Она состояла из 120 золотых фигур,

имитирующих корсиканских добровольцев, участвовавших в 1800 г. в битве при Маренго. Этот набор считается самым дорогим в мире.

В Германии наибольший расцвет выпуска металлических солдатиков приходится на конец наполеоновских войн, когда Европу охватила волна патриотизма. В середине XIX в. фабрики по выпуску оловянных фигурок появляются в Берлине и Лейпциге, впоследствии ставшим центром немецких объёмных фигурок. Важно отметить, что с конца XVII в. фигурки приобретают художественно-историческую точность. Их одевают в подлинные мундиры, появляются портреты королей и знаменитых полководцев. В 1839 г. в Нюрнберге начинает работать Э. Хайнрихсен – основатель одной из самых известных фирм, производящих солдатиков. Ему принадлежит инициатива в достижении договоренности между производителями о единых размерах фигурок. Пеший солдат – 32 мм; конный – 44 мм. Этот вид фигурок стал называться «нюрнбергский». Именно таким был знаменитый оловянный солдатик из сказки Г.Х.Андерсена. На родине объёмных фигурок во Франции в 40-е гг. XX в. утверждается международный стандарт военно-исторической миниатюры. Это высота фигурки 50-60 мм., то есть в масштабе 1:32 или 1:30. Этот размер в сочетании с объёмностью формы позволяет достаточно полно воспроизводить детали обмундирования, вооружения и передать портретные черты исторических личностей.

Увлечению фигурками и игре с ними отдали дань многие русские исторические деятели. Пётр I был неравнодушен к этому и имел большую коллекцию миниатюрной артиллерии с оловянными артиллеристами. Известна коллекция солдатиков императора Петра III. В ней были не только простые фигурки, а входили механические фигурки саксонской работы. Император имел специальный кабинет, на полках которого стояло множество солдатиков. Здесь он разыгрывал сражения и вахт-парады. Большим поклонником солдатиков был император Николай I. В 1854 г. он заказал Вильгельму Хайнрихсену из известной нюрнбергской фирмы изготовление фигур солдат российской императорской гвардии. Весь заказ оценивался в 15 тысяч гульденов. Фирме потребовалось на их изготовление три года. Император Николай II также имел коллекцию игрушечных солдатиков, часть из которых была выполнена на высочайшем уровне на ювелирной фабрике К.Фаберже [1]. Не остались равнодушными к этому увлечению и известные деятели литературы и искусства. Свои коллекции имели Герберт Уэллс, Артур Конан Дойль, Александр Бенуа, Андрей Белый.

Возрождение оловянной фигурки в СССР связано с именами Л.А. Майдановича, М.В. Люшковского, А.И. Любимова и П.Ф. Космолинского. Для М.В. Люшковского и А.И. Любимова солдатик был не просто игрушкой, а прежде всего средством реконструкции исторических событий, средством воспитания национального патриотизма. Выступая с докладами по русской и мировой военной истории, они использовали для воссоздания хода сражений

фигурки из своих коллекций. Интересен такой факт: перед съемками «Войны и мира» М.В. Люшковский разыграл перед съемочной группой из своих фигурок сражение при Шенграбене и Аустерлице.

Оловянная миниатюра представлена в коллекции многих европейских музеев. Коллекции оловянных солдатиков сосредоточены в петербургских музеях – Эрмитаже, музее А.В. Суворова. В них представлены ценнейшие фигурки второй половины XIX – начала XX в. работы ведущих европейских гравёров, таких как Людвиг Франн, Сикстус Майер, Алоиз Охель, Иоханнес Фрадендорф, а также оловянные миниатюры, исполненные современными отечественными мастерами – петербуржцами Л.А. Майдановичем, А.М. Мителёвым, В.Н. Нуждиным, москвичами А.Е. Блескиным, А. Даниловым, екатеринбуржцем Ю.В. Пятковым [3].

Что же касается Екатеринбурга, то здесь работает много увлеченных мастеров военно-исторической миниатюры. Успешно работают С.А. Токарев, Ю.В. Пятков, К. Баев, А.В. Кутищев, С. Колодий и другие. Большинство мастеров являются или были членами Екатеринбургского военно-исторического клуба «Горный щит». Члены клуба активно участвуют в организации и проведении зрелищных военно-исторических мероприятий, занимаются воспитанием патриотизма в среде современной молодежи, поддерживают контакты с организациями ветеранов, осуществляют образовательные программы, проводят выставки военно-исторической миниатюры.

Первые фигурки на Урале появились в 1995 г., а с 1997 г. они вышли на широкий рынок. За 20 лет ассортимент выпускаемых миниатюр на различные исторические темы составил более четырёх сотен наименований. Продукция от екатеринбургской фирмы хорошо известна и пользуется большим спросом в России и других странах благодаря высокому качеству, исторической достоверности и доступной цене. Пешая фигурка отливается целиком. В некоторых случаях допускается отдельно отлитая и приклеенная деталь. Готовая военно-историческая миниатюра масштабом 1:30–32 официально признана во всём мире. Производимые в Екатеринбурге фигурки по своему разнообразию могут удовлетворить самых капризных коллекционеров. Весь выпускаемый ассортимент распределён по нескольким историческим периодам и темам: Древняя Греция и Рим, варвары, викинги, самураи, войны эпохи Средних веков, фигурки эпохи Возрождения, Наполеоника, отдельные военные события XVIII–XX вв., фигурки периода Второй мировой войны, конные фигуры, сувениры, фигурки, артиллерия [2].

Оловянный солдатик прошёл большой исторический путь. История подтверждает, что оловянная фигурка не только игрушка, но прежде всего произведение искусства, средство изучения мира, предмет собирательства. Коллекционирование оловянной миниатюры представляет широкое поле для использования его для воспитания российского патриотизма. Дает возможность, которую надо умело использовать в военно-патриотических клубах и

других молодежных организациях. Таким образом, история коллекционного солдата не закончена. Она будет развиваться.

Библиографический список:

1. *Зимин И.В.* Солдатики императоров: от Петра III до Николая II // Военно-исторический журнал. 2018. №4. С.74–76.
2. История игрушек: оловянный солдатик. Режим доступа: <https://www.liveinternet.ru/users/nhy/post408769847>.
3. Оловянный солдатик – история, мастера и коллекции. Режим доступа: <http://havefun.cv.ua/kollektscionirovanie/kollektscionirovanie/olovyannyi-soldatik-istoriya-mastera-i-kollektcii.html>

V.V. Zapariy

Doctor of Sciences (History), Professor, Chair of History and Social Technologies, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia)

A.M. Shaihanov

Artist, Member of the Club «Mountain shield» (Yekaterinburg, Russia)

UNUSUAL ASPECTS IN THE FORMATION OF NATIONAL PATRIOTISM

The authors of the paper (a historian and an artist) discuss the role of such hobby as collecting tin miniatures for the education of national patriotism and artistic enlightenment of Russian people.

Keywords: national patriotism, tin miniature, culture, history, art, collecting.

ОБ ИНФОРМАЦИОННОМ ПОТЕНЦИАЛЕ СВОДОК ВОЕННОЙ И ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЦЕНЗУРЫ НА УРАЛЕ НА РУБЕЖЕ 1920-х ГГ.

Проанализированы сводки органов военной цензуры 3-й (позже – 1-й трудовой) армии за 1919–1922 гг. Сделан вывод об их значительном потенциале как источнике по истории уральской повседневности.

Ключевые слова: военная цензура, Урал, Гражданская война, исторический источник.

В находящихся на хранении в ЦДООСО фондах Уральского бюро Истпарта и Уралбюро ЦК РКП(б), Екатеринбургского губкома РКП(б) (фонды № 41, 76, 1494) выявлен массив сводок военной и политической цензуры по результатам перлюстрации корреспонденции на рубеже 20-х гг. XX века. Небольшая часть их была уже опубликована одним из авторов ранее [1, 2, 3]. В настоящей публикации в продолжение начатой работы предпринята попытка представления и оценки информационного потенциала всего комплекса выявленных материалов как источника по истории уральской повседневности.

Всего обнаружено пока более 10 многостраничных, разнообразных по содержанию сводок за ноябрь 1919 – июнь 1922 гг., составленных в большинстве своем органами военной цензуры 3-й (позже – 1-й трудовой) армии. Лишь последняя из сводок, датированная июнем 1922 г., была подготовлена в Екатеринбургском губернском отделе ГПУ при НКВД РСФСР¹.

Первое, что бросается в глаза даже при беглом ознакомлении со сводками, так это то, что уже с осени 1919 г. военными цензорами тщательно соблюдался определенный баланс позитивных и негативных оценок Советской власти, ее мероприятий. Вероятно, опасение обвинений в «очернительстве» заставляло составителей сводок открывать их положительными суждениями, долженствовавшими убедить адресатов в относительно благополучном положении дел на местах, и лишь затем обращаться к негативным оценкам. Так, в политической сводке за вторую половину ноября, включавшей свыше 130 позиций, первое критическое высказывание в адрес большевиков зафиксировано нами лишь в девятом десятке при том, что практически все последующие изъятия из красноармейских писем имеют явно выраженный негативный характер².

* Каплюков Владимир Владимирович – кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора Центра документации общественных организаций Свердловской области по научно-методической работе, Екатеринбург, Россия; karlukov@cdooso.ru

¹ В настоящее время в ЦДООСО изучается возможность опубликования всех этих сводок для использования в научных целях отдельным изданием.

² Центр документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО). Ф. 76. Оп. 1. Д. 780. Л. 43.

Позитивные оценки власти и существующего положения вещей представляются нам содержательно менее насыщенными, ибо несут на себе явный отпечаток лозунговой большевистской пропаганды. Негативные же оценки позволяют увидеть реальные проблемы, с которыми сталкивались жители уральской провинции. Так, в названной сводке фиксируется общественное недовольство принудительными мобилизациями в Красную армию, попытками записи людей в коммунистическую партию помимо их желания, репрессивной политикой новых властей. Особенно активно высказывалось недовольство государственной политикой принудительного изъятия у крестьян хлебных запасов, произволом карательных отрядов и местных администраций.

Аналогично выглядит и военная цензурная сводка за названный период, в которой сравнительно оптимистичная первая часть, повествующая, в числе прочего, о переходе белых на сторону Красной армии «целыми полками», сменяется многочисленными жалобами воинов на скудость пайка и котлового снабжения, недостаток снаряжения и обмундирования и т.п.¹

По мере налаживания военно-цензурной работы усложнялась сама структура сводок. Так, в политсводке за вторую половину февраля 1920 г. были выделены разделы об отношении к трудовой дисциплине, Советской власти и РКП(б); «О социальном обеспечении», «О дезертирстве»; отдельный раздел «Контрреволюция, спекуляция, условно-шифрованные и разные другие злоупотребления». При этом в первые три раздела было введено дополнительное членение на положительные и отрицательные высказывания². Так, в качестве свидетельств «положительного» отношения к трудовой дисциплине составителями сводки были приведены около десяти выдержек из писем, общий смысл которых сводился к поддержке практики создания трудовых армий; отрицательных же суждений приводилось заметно меньше. В рамках подобной логики выстроены и другие части сводки, начинавшиеся с заверений в сочувствии «всей душой» Советской власти и коммунистической партии, которая «одна только может показать дорогу к светлому будущему», и заканчивавшиеся, как правило, жалобами на «единовластие спецов и комиссаров» и «необходимость служить всякой сволочи».

С лета 1920 г. включаемые в сводки военной и политической структуры изъятия дополнительно структурировались не только по тематическому, но и по географическому признаку. Наряду с данными из писем корреспондентов по Екатеринбургской губернии в них включались сведения по сопредельным регионам (с членением по уездам) и даже по губерниям, отстоявшим от Урала весьма существенно, – Иркутской, Нижегородской, Новониколаевской, Петроградской, Семипалатинской и др. Как мы полагаем, это обстоятельство стоит иметь в виду потенциальным пользователям фондов ЦДООСО из дру-

¹ ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 780. ЛЛ. 45–49.

² ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 498.

гих регионов нынешней России и даже некоторых государств постсоветского пространства¹.

В военных и политических сводках уральской военной цензуры нашел отражение широкий пласт общественных настроений периода острого социального противостояния. Часть корреспондентов – по-видимому, вполне искренне – встала на позиции безоговорочной поддержки Советской власти, правящей партии и всех их мероприятий. Даже самые неоднозначные по социально-политическим последствиям решения правящего режима трактовались представителями этой группы как оправданные ситуацией, а потому оптимальные, как шаги в светлое будущее. Значительная часть авторов подпавших под перлюстрацию писем, особенно тех из них, семьи которых претерпевали существенные потери, притеснения, а то и откровенный произвол со стороны новых властей, были настроены по отношению к большевистской политике крайне негативно вплоть до готовности к выступлениям против ее адептов и проводников с оружием в руках. Основная же масса потребителей политики, как всегда, пыталась, глухо ропща, приспособиться к новым порядкам, а при наличии возможности – встроиться с наименьшими издержками в формирующуюся социально-экономическую и политическую систему.

Ознакомление с цензурными сводками позволяет воспроизвести, с понятными оговорками, весьма непростую ситуацию на Урале периода окончания Гражданской войны и начала мирного строительства. Регион, как и страна в целом, пребывал в состоянии разрухи; были остановлены многие фабрики и заводы, остро не хватало топлива для обеспечения промышленных предприятий и городского хозяйства; жители края испытывали острую нехватку продовольствия и промышленных товаров. Попытки властей в очередной раз стабилизировать ситуацию за счет населения встречали естественное неодобрение, а в худшем случае – сопротивление вплоть до вооруженных выступлений. При понятном наличии некоторого количества положительных оценок со стороны активных сторонников Советской власти значительная, судя по сводкам, часть населения весьма болезненно воспринимала внеэкономические формы принуждения к труду, бесконечную череду субботников и воскресников², регулярно инициируемое властями увеличение продолжительности рабочего дня и т.п. Крайне негативно реагировали солдатские и крестьянские массы на жесткое проведение властями политики продразверстки, лишавшей крестьян возможности весеннего сева, тяглового поголовья и домашнего скота, а стало быть, ставившей под удар само существование крестьянских хозяйств³.

¹ См., напр.: ЦДООСО. Ф. 1494. Оп. 1. Д. 3.

² См., напр.: ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 72. Л. 14 об. Суждений подобного рода в сводках военной цензуры более чем достаточно.

³ См., напр.: ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 72. Л. 15; Ф. 1494. Оп. 1. Д. 3. Л. 12; и др.

Одной из основных тем цензурных сводок стали в 1919–1920 гг. многочисленные сообщения корреспондентов о голодном и полуголодном существовании красноармейских формирований, жителей уральских заводов и городов, сельского населения. Особенно впечатляет нараставший в этот же период вал писем о масштабной эпидемии на Урале и в близлежащих местностях, в том числе в воинских частях, сыпного и возвратного тифа¹.

Оставляя за пределами анализа оценку масштабов получивших в крае значительное распространение дезертирства из рядов Красной армии и попыток наиболее «предприимчивых» уральцев воспользоваться в корыстных целях общим неблагоприятием ситуации, заметим, что в цензурные сводки включены далеко не единичные изъятия из, судя по всему, весьма многочисленных писем, авторы которых либо вынашивали намерения к несанкционированному оставлению армейских рядов, либо предпринимали весьма изощренные порой действия, направленные на уклонение от военной службы. Столь же широко представлены в сводках эпизоды скупки и перепродажи в целях наживы многих дефицитных товаров, в том числе продовольствия; злоупотреблений части нового чиновничества, использовавшего служебное положение и близость к источникам распределения в ущерб интересам основной массы трудящихся².

К сожалению, анализ цензурных сводок не позволяет, в силу избирательности включенных в них изъятий, высказать сколько-нибудь обоснованные предположения о соотношении среди населения Большого Урала числа представителей трех названных выше групп. Как представляется, подробный анализ содержания выявленных сводок в сочетании с изучением других источников, в том числе материалов официальной периодической печати, может способствовать дальнейшему изучению истории уральской повседневности. Заметим попутно, что использование цензурных сводок как относительно объективного исторического источника может способствовать уточнению существующих представлений по самому широкому кругу проблем региональной и общенациональной истории.

Библиографический список:

1. Государство и народ в условиях социалистического эксперимента. Опыт ретроспективного анализа. Екатеринбург. УрО РАН, 2008. С. 8–46.

2. Яркова Е.И. «Скоро ли кончится эта проклятая война...» (Из сводок отделения военной цензуры при I трудовой армии о содержании писем, присланных красноармейцам) // Архивы Урала. 2009. № 13. С. 33–54.

3. Яркова Е.И. «Все беженцы голодуют и терпят нужду во всем...». Письма эмигрантов на Урал в 1922 г. // Архивы Урала. 2013. № 17. С. 140–146.

¹ См.: ЦДООСО.Ф. 76. Оп. 1. Д. 42. ЛЛ. 32 об.–33; и др.

² См., напр.: ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 72. ЛЛ. 5–6; и др.

V.V. Kaplukov

Candidate of historical Sciences, the deputy of director for science work at the Center for documentation of public organization at Sverdlovsk region (Ekaterinburg, Russia)

E.I. Yarkova

Candidate of historical Sciences, the deputy of director and a chief curator of funds at the Center for documentation of public organizations at Sverdlovsk region (Ekaterinburg, Russia)

RESEARCH ABOUT THE INFORMATION POTENTIAL OF THE REPORTS AT MILITARY AND POLITICAL CENSORSHIP IN URALAT 1920S

There was an analysis of the reports of structure at military censorship in 3rd (later – 1st labor) army from 1919 to 1922. The conclusion was made about its important potential as a source of everyday life history.

Keywords: military censorship, Ural, the Civil war, historical source.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ РЕЖИМА СЕКРЕТНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЗАВОДА № 817

Проанализированы основные меры обеспечения режима секретности в деятельности государственных и партийных органов по реализации атомного проекта СССР в процессе производства масштабных строительных и производственных работ по возведению первого предприятия атомной промышленности на Урале. Сделан вывод об эффективности проведенных мероприятий, что обеспечило сохранение государственной тайны и введение в заблуждение вероятного противника относительно сроков создания советского ядерного оружия.

Ключевые слова: режим секретности, государственная тайна, переписка, условное наименование, Первое главное управление, Совет Министров, Специальный комитет.

После утверждения площадок по строительству заводов атомной отрасли на Урале необходимо было максимально обеспечить режим секретности проводимых работ. Например, вся территория, где располагалась площадка завода № 817, с конца 1945 г. входила в состав Кыштымского района Челябинской области. В начале 1946 г. в целях конспирации название этого района было изменено на Кузнецкий район.

Одновременно с официальными названиями с начала 1947 г. строящиеся предприятия и их структурные подразделения в организационно-распорядительных документах стали именоваться «объектами», «хозяйствами». Например, завод № 817 получил наименование «Объект № 817». Кроме того, с 17 декабря 1947 г. до середины 1948 г. «Объект № 817» в несекретной переписке имел условное наименование «Войсковая часть 04219», а с 5 января 1948 г. почтовые корреспонденции были переведены на полевую почту № 04219. Это условное наименование применялось и тогда, когда комбинату были присвоены уже другие условные наименования.

В связи с решениями Совета Министров (СМ) СССР от 9 апреля 1946 г. о подготовке, сроках строительства и пуске заводов № 817 и № 813 Б.Л. Ванников 17 апреля 1946 г. в письме на имя Л.П. Берии предложил создать межведомственную комиссию для выработки рекомендаций по установлению особого режима в местах расположения заводов¹.

* Кузнецов Виктор Николаевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора политической и социокультурной истории Института истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия; jurist-istor@mail.ru

¹ Атомный проект СССР. Документы и материалы, Т. II. Атомная бомба. 1945–1954. Кн. 4. С. 114.

В ходе работы комиссии разработано «Положение о режиме и охране особо важных предприятий Первого главного управления (ПГУ) при СМ СССР с режимной зоной». В соответствии с положением выезды работников по служебным делам за пределы режимных зон был сведен к минимуму. Для выполнения функций по всем видам снабжения были созданы представительства предприятий и управлений строителей, расположенные за пределами режимных зон, а на объектах назначены должностные лица, на которых возложена обязанность поддерживать постоянную связь с этими представительствами.

Использование отпусков с выездом за зону для всех лиц, работающих на строительстве и объекте и проживающих в зоне, в том числе и для военнослужащих, несущих службу по охране объектов, были запрещены, кроме случаев крайне необходимого санаторно-курортного лечения при наличии соответствующего врачебного заключения.

Выезды по семейным обстоятельствам разрешались в особо исключительных случаях (смерть ближайших родственников, оказание немедленной или особо квалифицированной медицинской помощи, стихийное бедствие). Каждый случай сопровождался представлением официальных документов и справок, подтверждающих необходимость выезда работника.

В кольце глубиной до 20–25 км от зон был установлен паспортный режим. На предприятиях были созданы организационно-административные отделы с непосредственным подчинением руководству объектов, на которые были возложены функции по руководству и контролю работы советских учреждений близлежащих населенных пунктов. Служащих и рабочих, работающих в режимных зонах, но живущих за их пределами, переселяли в зоны с предоставлением жилплощади.

В соответствии с постановлением СМ СССР от 9 августа 1946 г. № 1736-775сс строящиеся объекты завода № 817 были переданы под войсковую охрану Министерства внутренних дел (МВД) СССР¹.

В целях усиления ответственности за разглашение государственной тайны Постановлением СМ СССР от 8 июня 1947 г. № 2009 установлен перечень сведений, составляющих государственную тайну, разглашение которых карается по закону, а Указом Президиума Верховного Совета (ПВС) СССР от 9 июня 1947 г. «Об ответственности за разглашение государственной тайны и за утрату документов, содержащих государственную тайну» установлена уголовная ответственность в виде лишения свободы от 8 до 12 лет.

После подписания указа вокруг объектов атомной промышленности стали создаваться зоны особого режима, с ограничением, а затем с запретом их посещения посторонними лицами. Для осуществления пропускного режима

¹ Атомный проект СССР. Документы и материалы, Т. II. Атомная бомба. 1945–1954. Кн. 2. Москва-Саратов, 2000. С. 274–275.

на территориях строителей были созданы военные комендатуры и бюро пропусков, а для обеспечения социалистической законности, правопорядка и режимных требований на территории объектов образованы подразделения прокуратуры и специальные суды.

Территории промышленных площадок, находящихся внутри режимных зон жилых поселков, дополнительно обносились двухрядным проволочным ограждением с контрольно-следовой полосой, которая патрулировалась подвижными нарядами войсковой охраны. Строгая пропускная система особенно жесткой была для персонала предприятий. Подавляющее большинство работников, за исключением нескольких человек, имели пропуск только на свое рабочее место. За утерю пропуска следовали строгие меры ответственности. Работники, поселившиеся на территории рабочих поселков, за его пределы выехать уже не могли.

Для сохранения режима государственной тайны Специальный комитет (СК) при СМ СССР принял отдельное решение о создании охраняемой зоны завода № 817 и отселением жителей поселков, расположенных внутри указанной зоны. На основании этого решения 21 августа 1947 г. подписано Постановление СМ СССР № 2938-954сс «О мерах обеспечения охраны объекта № 859 ПГУ при СМ СССР».

ПГУ при СМ СССР, МВД СССР и Министерство государственной безопасности (МГБ) СССР должны были установить на объекте № 859 и в зоне строгий режим охраны, пропускной системы, допусков на работу, порядка въезда в зону, как по служебным делам, так и родственников заводчан, а также порядка выезда из запретной зоны, исключив всякую возможность проникновения на объект и в его служебные помещения посторонних лиц.

СМ РСФСР совместно с МГБ СССР и МВД СССР в месячный срок необходимо было внести в СМ СССР предложения о выселении лиц, которые по условиям режима не могли оставаться в зоне завода; и отчуждении в зону завода 16,3 тыс. га земли, в том числе 4,12 тыс. га колхозной, 1,74 тыс. га совхозной земли и угодий, принадлежащих местным хозяйственным организациям¹.

На заседании СК при СМ СССР от 25 марта 1946 г. были рассмотрены предложения о переселении жителей из района строительства завода № 817 в другие районы Челябинской области². Сначала эта акция затрагивала 2269 чел., а по уточненным данным кандидатами на отселение оказались 2939 чел. Из 855 глав семей и одиночек, подлежащих переселению, 25% составляли спецпереселенцы, 19% – освобожденные иностранными войсками из плена

¹ Атомный проект СССР. Документы и материалы, Т. II. Атомная бомба. 1945–1954. Кн. 3. Москва–Саратов, 2002. С. 393.

² Атомный проект СССР. Документы и материалы, Т. II. Атомная бомба. 1945–1954. Кн. 1. Москва–Саратов, 1999. С. 83–84.

и лагерей, 8% – бывшие кулаки, 30% – осужденные по 58, 59, 74, 107 статьям и закону от 9 августа 1932 г.¹.

С 15 сентября 1947 г. периметр завода № 817 общим протяжением 25 км принят под войсковую охрану МВД СССР. К 1 января 1948 г. 20 км периметра было ограждено двухрядным проволочным ограждением, прорублены необходимые просеки, построены караульные помещения, оборудовано освещение и связь.

Для предотвращения проникновения на строительство № 859 шпионов, диверсантов и других вражеских элементов, а также недопущения разглашений сведений об объектах МГБ СССР должно было организовать усиленную оперативно-чекистскую работу, в том числе и в районах Челябинской области, примыкающих к режимной зоне.

Для реализации этого задания с 1 сентября 1947 г. сотрудниками МГБ СССР была установлена цензура на входящую и исходящую корреспонденцию лиц, работающих на объекте № 859 и строительстве, и граждан, проживающих в 25-километровой режимной зоне, запрещены полеты самолетов военно-воздушных сил и гражданской авиации. На режимной территории вводился строгий паспортный контроль. Здесь категорически запрещалось проживание кого-либо без прописки. Более того, граждане были обязаны помогать милиции в поимке и доставке в спецотделение милиции нарушителей установленного порядка, а также доносить органам МВД о замеченных нарушениях.

С начала строительства предприятий атомной отрасли в адресах для почтовой переписки указывались населенные пункты, близлежащие к районам строительства. Например, в личной и служебной переписке на заводе № 817 указывались почтовые отделения г. Кыштыма и поселка Теча.

С целью исключения упоминаний географических названий населенных пунктов, прилегающих к местам строительства объектов атомной промышленности, на предприятиях были изданы приказы директоров «О переводе на новый порядок адресации частной и служебной почтовой корреспонденции». В этих приказах разъяснялось, что почтовым адресом для населения жилых поселков и для служебной корреспонденции следует использовать номера почтовых отделений полевой почты, которые приписывались к областным центрам.

Приказом директора комбината № 817 и начальника строительства № 859 от 16 апреля 1948 г. было установлено, что с 25 апреля 1948 г. почтовым адресом для частной корреспонденции станет г. Челябинск-40 с указанием названия улиц и номеров домов, соответствующих действующим в настоящее время наименованиям улиц соцгорода. Для служебной корреспонденции устанавливался адрес: г. Челябинск-40, наименование улицы и номера дома

¹ Атомный проект СССР. Документы и материалы, Т. II. Атомная бомба. 1945–1954. Кн. 3. С. 398–399.

управления комбината и управления строительства. Для воинских подразделений дополнительно указывался номер почтового ящика. То же касалось и телеграфных адресов.

Данный приказ был доведен до всех работников предприятия с разъяснением, что в дальнейшей переписке им запрещается указывать причины смены адреса, а только разрешалось сообщать, что их место пребывания изменилось на город Челябинск. Начальнику конторы связи предписано возвращать почтовые отправления с нарушением указанного порядка адресации. Начальникам политотделов комбината и управления строительства, а также председателям заводского и построечного комитетов профсоюзов приказали провести разъяснительную работу с населением о введении нового адреса и правильного его написания. Нарушители приказа привлекались к ответственности как за разглашение государственной тайны. Подобные приказы были изданы и на других предприятиях ПГУ.

Особый режим на заводе № 817 был введен приказом директора от 25 октября 1947 г., в котором запрещался выезд работающих на заводе и членов их семей по личным обстоятельствам, а по служебной необходимости – только с разрешения директора. Отпуск разрешалось проводить только на месте, не покидая закрытой территории. У всех работающих на предприятии и в зоне паспорта изымались, взамен паспортов выдавались специальные удостоверения. При выезде из зоны удостоверения обменивались на паспорта [2, с. 496].

Учитывая особую важность сохранения государственной тайны при производстве работ, СМ СССР 1 марта 1948 г. принял Постановление №535-204сс «Об утверждении Перечня главнейших сведений, составляющих государственную тайну, и инструкции по обеспечению сохранения государственной тайны в учреждениях и на предприятиях СССР».

В развитие этого постановления и в целях установления более жесткого порядка в деле сохранения секретности сведений, относящихся к «специальным работам» 25 сентября 1948 г. СМ СССР принял постановление № 3572-1432сс/оп «О дополнительных мерах по сохранению секретности сведений, относящихся к специальным работам»¹.

В постановлении предписывалось запретить всем работникам, допущенным к переписке по вопросам «специальных работ», вести радиотелеграфную переписку несекретного содержания открытым текстом или радиотелефонные переговоры по вопросам «специальных работ».

Начиная с 1 октября 1948 г., передачу всей телеграфной переписки несекретного содержания по вопросам, связанным со «специальными работами», заказами и заданиями ПГУ и его объектов, предписано осуществлять только телеграммами по проводам серии «П», исключив возможность прохождения их через промежуточные пункты по радио.

¹ Атомный проект СССР. Документы и материалы, Т. II. Атомная бомба. 1945–1954. Кн. 4. М., 2003. С. 151–153.

Для реализации этих указаний совместно с МГБ СССР были разработаны переговорные таблицы, коды и шифры. Руководителям всех уровней на предприятиях и в организациях, ведущих «специальные работы», поручено произвести проверки состояния секретных отделов и частей, порядка хранения, прохождения, а также учета выдачи и возврата секретных документов по вопросам «специальных работ». Все выявленные недостатки необходимо было немедленно устранить, а работу секретных отделов и частей организовать в строгом соответствии с инструкцией по сохранению государственной тайны (утвержденной постановлением СМ СССР от 1 марта 1948 г.), с тем, чтобы исключить возможность просачивания к кому бы то ни было секретных сведений, относящихся к работам ПГУ.

В целях большей конспирации атомных объектов начальнику ПГУ Б.Л. Ванникову было поручено заменить условные наименования и сменить условные адреса всех объектов ПГУ, организовать в городах Москве, Челябинске, Свердловске и Ташкенте склады и конторы (с условными наименованиями), на которые возложить переадресовку и переправку грузов, предназначенных для объектов ПГУ, и производство финансово-банковских операций со всеми поставщиками материалов и оборудования.

МВД СССР должно было взять под обслуживание фельдсвязью все объекты ПГУ, важнейшие научно-исследовательские и конструкторские учреждения, заводы-поставщики, связанные с заданиями ПГУ, обеспечив доставку корреспонденции непосредственно на объекты.

В развитие комплекса мероприятий по реализации постановления СМ СССР от 25 сентября 1948 г. №3572-1432сс СК при СМ СССР на своем заседании 18 февраля 1949 г. принял решение «О мерах обеспечения секретности объектов Первого главного управления при Совете Министров СССР». Этим решением было поручено членам Спецкомитета М.Г. Первухину, А.П. Завенягину, П.Я. Мешику разработать и согласовать с МГБ СССР соответствующие инструкции о правилах переписки между министерствами и ведомствами, внутри ПГУ и для его подведомственных объектов.

В целях усиления режимных требований и мер по обеспечению секретности проводимых работ на объектах атомной промышленности СК постановил использовать в переписке и при ведении транспортных и финансовых операций с поставщиками материалов и оборудования новое наименование ПГУ при СМ СССР – Главгорстрой СССР. Подведомственные ПГУ предприятия предписано именовать складами, базами и конторами Главгорстроя СССР. Например, завод № 817 стал именоваться как Южно-Уральская контора Главгорстроя СССР.

В целях реализации новых правил пользования условными наименованиями всем предприятиям ПГУ с 18 февраля 1949 г. изменили ведомственную принадлежность. Они были переподчинены Министерству химической промышленности СССР. Комбинат № 817 (Государственный химический за-

вод ПГУ при СМ СССР) стал именоваться Государственный химический завод Министерства химической промышленности¹.

Предприятия атомной промышленности, как и другие оборонные предприятия, имели почтовые ящики–адреса. Такие адреса применялись с 1951 по 1989 гг. Так, завод № 817 в разные годы имел несколько почтовых ящиков-адресов: п/я 49, п/я 120, п/я 1590, п/я 21, п/я А-7564.

Эти условные наименования предприятий предназначались для определенных целей и применялись главным образом в документах, определяющих кадровую политику ПГУ, а также как почтовый адрес при расчетах с внутризоновыми организациями, а после 1957 г. – в несекретной переписке с поставщиками по вопросам материально-технического снабжения.

Наименование «Государственный химический завод им. Менделеева министерства химической промышленности СССР» применялось во взаимоотношениях с предприятиями, учреждениями, находящимися в охраняемой зоне, при оформлении трудовых договоров и трудовых книжек. Отметки о приеме на работу и об увольнении с ГХЗ им. Менделеева делались в паспортах, а с сентября 1951 г. это наименование было введено вместо «База-10» и стало употребляться в приказах директора, в тексте подписок о неразглашении государственной тайны, в переписке с предприятиями, организациями и учреждениями населенных пунктов, прилегающих к заводу, минуя Южно-Уральскую контору. Всем работникам ГХЗ в личные дела были произведены записи о переводе их на «Предприятие почтовый ящик 21».

С января 1958 г. в несекретной переписке с поставщиками по вопросам материально-технического снабжения условные наименования предприятий атомной отрасли – конторы и склады Главгорстроя СССР – были отменены. Им на смену пришли новые условные названия. Например, Южно-Уральская контора Главгорстроя СССР стала называться Челябинской конторой п/я 21.

В последующем в приказах директора ГХЗ по личному составу и производственной деятельности применялось условное наименование п/я 21. Одновременно в паспортах, трудовых книжках, справках и других кадровых документах работников, в том числе пенсионных делах и документах на льготы, делались соответствующие отметки от имени «Предприятия почтовый ящик 1590». Начиная с 1 октября 1958 г., условное наименование п/я 1590 было закреплено за отделом кадров городских подразделений, а п/я 21 оставлено за кадровой службой ГХЗ.

Наряду с переименованием предприятий и организаций менялось и подлинное наименование ведомства, которое возглавляло работу по руководству атомной промышленностью. ПГУ при СМ СССР с 26 июня 1953 г. получило название Министерство среднего машиностроения (МСМ) СССР, с 13 марта 1963 г. – Государственный производственный комитет по среднему машино-

¹ Атомный проект СССР. Документы и материалы, Т. II. Атомная бомба. 1945–1954. Кн. 1. С. 343.

строению СССР, с 2 марта 1965 г. – вновь Министерство среднего машиностроения СССР.

В январе 1958 г. МСМ СССР ввело условные наименования «почтовый ящик» и для отдельных структурных подразделений ГХЗ. В частности, для управления капитального строительства – п/я 99, для отдела рабочего снабжения – п/я 179. Всего по состоянию на январь 1958 г. на этом предприятии существовало четырнадцать условных наименований «почтовый ящик».

Череду смены условных названий ГХЗ завершает наименование «Предприятие п/я А-7564», присвоенное ему МСМ СССР 4 марта 1966 г. Это условное наименование использовалось в секретных и несекретных документах, регламентирующих производственные, научно-исследовательские работы, материально-техническое снабжение, в расчетно-платежных документах, в переписке с поставщиками и потребителями продукции. Одновременно предприятие получило новое открытое наименование – «Химический комбинат «Маяк».

Работники предприятий и строителей, допущенные к государственной тайне, в том числе и некоторые работники политотделов, получали надбавку 15% к окладу за особую секретность работы¹. Такая надбавка была установлена постановлением СМ СССР в соответствии с решением СК от 15 октября 1948 г.².

Приказом ПГУ от 16 января 1950 г. директору комбината № 817 по согласованию с органами государственной безопасности и уполномоченными СМ СССР при предприятиях было дано право разрешать выезд в отпуск (кроме приграничных районов) рабочим, научным, инженерно-техническим работникам и военнослужащим за пределы охраняемой запретной зоны для лечения, если его нельзя организовать на месте, для посещения семьи в неотложных случаях (для оказания помощи тяжелобольным членам семьи, устройства детей и т.п.), для учебы в техникумах и вузах. Лицам, проводящим отпуск в охраняемой зоне, устанавливалась компенсация в размере 50% получаемой заработной платы [1, с. 45]. При этом каждый выезжающий сообщал маршрут движения с указанием всех узловых станций по пути следования, давал подписку о соблюдении маршрута движения и подписку о неразглашении сведений о месте жительства и работы.

Несмотря на имевшееся разрешение на выезд населения за пределы закрытых зон, реально в отпуск смогли выезжать все желающие только с 1954 г., когда началось постепенное смягчение режима. Обратной стороной этого процесса стала высокая текучесть кадров в основных цехах, увеличение количества командированных на комбинат и большое перемещение кадров строителей и монтажников [2, с. 496–497].

¹ ЦДООСО. Ф. 657. Оп. 1. Д. 48. Л. 84.

² Атомный проект СССР. Документы и материалы, Т. II. Атомная бомба. 1945–1954. Кн. 1. С. 327.

С 1957 г. были введены постоянные пропуска для «свободного» выезда «за зону» всем постоянно проживающим жителям городов. Эти пропуска применяются и в настоящее время во всех уральских закрытых городах.

Разрешение выйти за спецзону, выдаваемое отделом режима, можно было взять только один раз в неделю. Если не было «особой увольнительной», дающей право на пребывание за пределами города после установленного времени, и человек задерживался по каким-либо причинам, изымался пропуск в город сроком до трех месяцев. За утерю постоянного пропуска объявляли строгий выговор, не выплачивали премию, либо запрещали выход из города в течение 2–3 месяцев [2, с. 6].

Указом ПВС РСФСР от 17 марта 1954 г. населенным пунктам предприятий атомной отрасли были установлены открытые географические наименования. Открытые географические наименования закрытых городов использовались во всех официальных документах и в переписке в течение десяти лет, с 1954 по 1964 гг. Примерно с середины 1960-х гг. и до января 1994 г. атомные города именовались, как и до указа 1954 г., по нумерации почтовых отделений, закрепленных за этими населенными пунктами в 1948 г.

В 1960–1980-х гг. министерством среднего машиностроения СССР принят ряд ведомственных нормативно-правовых актов, регулирующих вопросы режима секретности и сохранения государственной тайны. Среди основных документов были: Приказ Государственного комитета по среднему машиностроению № 263с от 3 октября 1964 г., решением которого с 1 января 1966 г. в стране вводилась единая система условных и открытых наименований; Положение «100» от 7 июля 1965 г. «О порядке применения условных и открытых наименований министерств, предприятий, учреждений и организаций СССР»; Приказ по министерству среднего машиностроения СССР № 080сс от 4 марта 1966 г. «О введении новых условных и открытых наименований для организаций и учреждений МСМ». В результате этого все ранее установленные условные названия были отменены. Для ГХЗ введено новое условное наименование – п/я А-7564, которое применялось исключительно в сфере производственно-хозяйственной деятельности вплоть до 1989 г.

Весь комплекс описанных мер позволил обеспечить надлежащий уровень секретности и безопасности предприятий атомной промышленности и решить важнейшие государственные задания, укрепить обороноспособность страны и, в конечном счете, ее независимость.

Библиографический список:

1. Анимца Е.Г., Власова Н.Ю., Дворянкина Е.Б., Новикова Н.В., Софронов В.Н. Закрытые атомные города России (особенности развития и управления). – Екатеринбург, 2002.

2. Новоселов В.Н., Носач Ю.Ф., Ентяков Б.Н. Атомное сердце России. – Челябинск; Озерск, 2014.

3. Мельникова Н.В. Закрытый город: население и его менталитет (1950-е–1960-е гг.). – Екатеринбург, 2001.

V.N. Kuznetsov

Candidate of Sciences (History), Senior Research Fellow, Department of Political and Sociocultural History, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of RAS, (Yekaterinburg, Russia)

REGIME OF SECRECY AT FACTORY No. 817

The paper analyses main measures to ensure regime of secrecy during activities of State and Party bodies for implementation of the USSR atomic project in the process of large-scale construction and production work on construction of the first nuclear enterprise in the Urals. The main conclusion is about effectiveness of above-mentioned measures, which helped to guard the state secrets and deceived probable enemy regarding the time needed for creation of the Soviet nuclear weapons.

Keywords: regime of secrecy, state secret, correspondence, conventional name, the First Main Directorate, Council of Ministers, Special Committee.

ПАТРИОТИЗМ И КАДЕТЫ – БУДУЩИЕ ЗАЩИТНИКИ ОТЕЧЕСТВА

Представлены и проанализированы некоторые результаты обработки по анкете «Кадет. Патриотизм. Музей» учащихся кадетской школы-интерната «Екатеринбургский кадетский корпус» в возрасте от семи до семнадцати лет. Сделан вывод о необходимости формирования системы патриотического воспитания.

Ключевые слова: кадеты, патриотизм, армия, Родина.

Будущее любой страны принадлежат молодежи, и какой она вырастет, насколько ей будет присуще чувство патриотизма, настолько уверенно Отечество может смотреть в грядущее. Под патриотизмом мы будем понимать любовь к Родине и своему народу, привязанность к месту рождения и жительства [1, с. 885; 2, с. 496], то есть, духовную, иррациональную составляющую патриотизма. Она формируется в достаточно юном возрасте в процессе обучения в школе, кадетском корпусе, колледже. Во взрослой жизни эта составляющая, конечно же, остается, но к ней добавляется практическая компонента – стремление своим трудом сделать страну краше и могущественнее. Молодежь составляет значительную часть посетителей музея, и поэтому изучение в рамках музейной педагогики ее мнения по различным вопросам представляет для музейщиков несомненный интерес. Особый пласт молодежной среды – кадеты, дети, надевшие фактически взрослую военную форму и вставшие на первую ступеньку служения своему Отечеству. Большинство из них защиту Родины мечтают сделать профессией на всю жизнь в различных воинских сферах, а кто-то и в органах государственной безопасности. В настоящее время считается устоявшимся определение термина «музейная педагогика» как научной дисциплины на стыке музееведения, педагогики и психологии, предметом которой являются культурно-образовательные аспекты музейной коммуникации [3, с. 106]. К ряду основных направлений исследований в сфере музейной педагогики относится изучение музейной аудитории [4, с. 436].

Уральский государственный военно-исторический музей, важнейшей задачей которого является патриотическое воспитание населения, уже в те-

чение нескольких лет занимается изучением молодежной музейной аудитории, разрабатывая целенаправленные анкеты и проводя анкетирование среди учащихся школ Екатеринбурга и области, кадетов и студентов. В данной статье приводятся некоторые результаты обработки анкеты «Кадет. Патриотизм. Музей», по которой в ноябре 2016 и декабре 2017 г. опрашивались 727 учащихся кадетской школы-интерната «Екатеринбургский кадетский корпус» в возрасте от семи до семнадцати лет, из которых 506 респондентов были мужского пола, а 221 – женского.

Обработка проводилась в рамках частотно-вероятностных представлений. Расчет среднего патриотизма $\langle \Pi \rangle$ для каждой возрастной группы респондентов проводился с использованием стандартной формулы полной вероятности:

$$\langle \Pi \rangle = \sum_{i=1}^n P(H_i)P(\Pi/H_i), \quad (1)$$

где $P(\Pi/H_i)$ – вероятность наступления события Π при обязательной реализации события H_i . В нашем случае i пробегает значения от 1 до 7, и коэффициент $P(H_i)$ в формуле (1) равен 1/7, поскольку на определение среднего патриотизма обрабатывалось семь вопросов анкеты, а вклад каждого из вопросов в расчет $\langle \Pi \rangle$ предполагался равновероятным. Итоговое значение $\langle \Pi \rangle$ получалось после деления на семь суммы семи слагаемых $P(\Pi/H_i)$. Средняя ошибка σ_i определялась по известной формуле:

$$\sigma_i = \pm[r(1-r)/n_i]^{1/2}, \quad (2)$$

где r – вероятность появления моды в ответах на вопрос, n_i – число респондентов, ответивших на вопросы. В зависимости от их числа, погрешности при расчете $\langle \Pi \rangle$ несколько отличались и составляли, в основном, $\pm 6-8\%$, а при построении диаграмм – $\pm 3-5\%$.

На рис. 1 представлена зависимость чувства патриотизма $\langle \Pi \rangle$ от возраста кадетов. Видно, что с годами патриотизм уменьшается по линейному закону, составляя в семь лет 84%, а в семнадцать – уже на 20% меньше. Причина такого снижения, как нам кажется, достаточно многофакторная, а истоки ее нужно искать и в состоянии жизни страны в целом во всех ее сферах, и в семье, и в учебном заведении, и в том потоке информации, которую получают дети из различных источников. Показательно, что в результате экстраполяции графика на нулевой возраст, то есть, на возраст родившегося ребенка, он приходит в стопроцентный патриотизм, поскольку в данном случае, априори, ребенок является патриотом той страны, где он родился.

* Лобанов Вячеслав Владимирович – кандидат физико-математических наук, доцент, заведующий научно-методическим центром по военно-патриотическому воспитанию Уральского государственного военно-исторического музея; Екатеринбург, Россия; Lobanov-46@yandex.ru

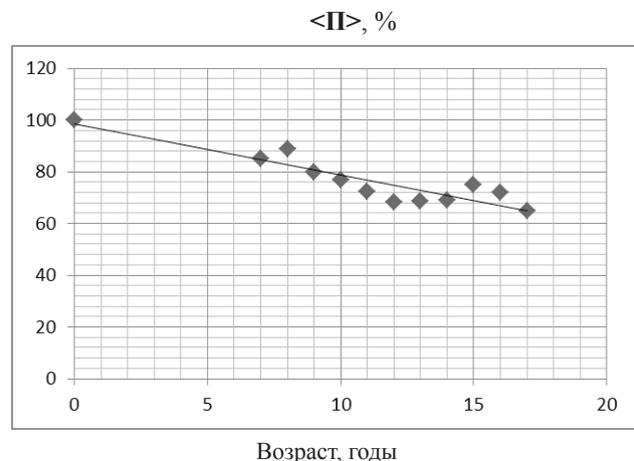

Рис. 1. Возрастная зависимость чувства патриотизма в кадетской среде Екатеринбурга

Поскольку кадеты являются будущими защитниками Отечества, интересно выяснить их отношение к воинской службе, как срочной, так и профессиональной офицерской. При этом нам показалось целесообразным разделить юношей и девушек и остановиться на возрастах 15–17 лет, поскольку в такие годы кадеты уже более сознательно планируют свое будущее. В опросе в возрасте 15 лет принимали участие 163 респондента, из них юноши составляли 116 человек; в возрасте 16 лет

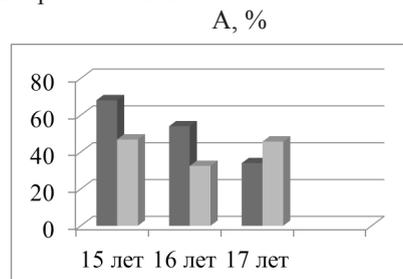

Рис. 2. Результаты утвердительного ответа «Да» кадетов на вопрос: «Хотели бы Вы пройти срочную службу в Российской Армии?»
Левые столбцы из пары – юноши, правые столбцы – девушки.

– 166 респондентов, из которых 126 – юноши; в возрасте 17 лет – 132 респондента, из них 97 были юноши.

Из приведенных на рис. 2 результатов следует, что у юношей желание пройти срочную службу в армии к семнадцати годам падает до 30% от при-

близительно 70% в пятнадцать лет, а у девушек оно сохраняется на уровне 30–40%. Таким образом, к семнадцати годам желание пройти срочную службу у юношей и девушек выравнивается и составляет примерно 35%.

Рис. 3. Результаты утвердительного ответа «Да» кадетов на вопрос: «Хотели бы Вы навсегда связать свою судьбу с Российской Армией и стать офицером?»
Левые столбцы из пары – юноши, правые столбцы – девушки.

Возможно, в какой-то степени это объясняют данные, представленные на рис. 3 и иллюстрирующие желание кадет стать кадровыми офицерами. Здесь результаты в пределах погрешности совпадают у юношей и девушек, и к семнадцати годам они близки к 60%. Поскольку сумма тридцати пяти и шестидесяти приближается к ста процентам, то можно предположить, что около шестидесяти процентов опрошенных кадетов хотят связать свою жизнь с армией, а остальные сорок – с гражданскими специальностями, и это, как нам кажется, очень неплохой показатель деятельности кадетской школы-интерната.

Настораживают и наводят на размышление результаты, приведенные на рис. 4 и говорящие о желании кадетов жить и работать за границей, будучи уже взрослыми.

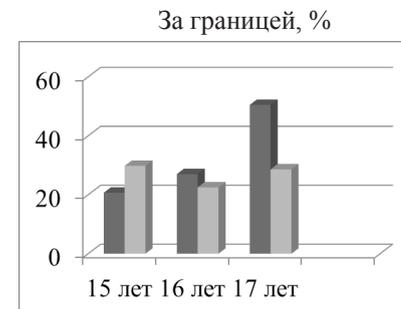

Рис. 4. Результаты утвердительного ответа «Да» кадетов на вопрос: «Хотели бы Вы, будучи уже взрослым (взрослой) и самостоятельным (самостоятельной), жить и работать за границей?»
Левые столбцы из пары – юноши, правые столбцы – девушки.

Если у девушек этот показатель сохраняется на уровне 20–30%, то у юношей к семнадцати годам он составляет 50%, что на тридцать процентов выше, чем в пятнадцатилетнем возрасте. Конечно, реально вряд ли такое желание исполнится для пятидесяти, и даже тридцати процентов кадетов, но оно существует, и это говорит о том, что работа по воспитанию чувства патриотизма у молодого поколения, за которым будущее страны, в обязательном порядке должна продолжаться. Необходимо сформировать систему патриотического воспитания и, самое основное, создать такие условия жизни для всех категорий населения страны, чтобы желания уезжать из нее ни у кого не возникало, а наоборот, хотелось в ней жить и работать, а при необходимости встать на ее защиту.

Библиографический список:

1. Большой энциклопедический словарь. – М., 1998.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – М., 2005.
3. Столяров Б.А. Музейная педагогика. История, теория, практика: Учебное пособие. – М., 2004.
4. Музейное дело России / Под ред. М.Е. Каулен (ответственный редактор), И.М. Коссовой, А.А. Сундиевой – М., 2003.

V.V. Lobanov

Candidate of physics and math Sciences, Ural State Military and Historical museum (Yekaterinburg, Russia)

PATRIOTISM AND CADETS – FUTURE DEFENDERS OF MOTHERLAND

The paper presents and analyses some results of questionnaire “Cadet. Patriotism. Museum” of students of a boarding school “Yekaterinburg cadet corps” in the age from seven to seventeen. The main conclusion is that it is necessary to form a system of patriotic education.

Keywords: cadets, patriotism, army, Motherland.

УДК 355/359 001/8

*Мартюшов Л.Н., Замятин В.Е.**

ОНИ СОЗДАВАЛИ РАКЕТНЫЙ ЩИТ СТРАНЫ

В статье на примере деятельности свердловского НПО «Автоматика» рассмотрены основные этапы создания ракетной промышленности СССР, показана деятельность ряда ведущих конструкторов НПО. Задача статьи – воспитание на примере деятельности уральских конструкторов-ракетчиков у молодежи чувства патриотизма, ответственности, гордости советской военной наукой и техникой, своим Отечеством, стремления продолжить и укрепить дело отцов и дедов.

Ключевые слова: оборонно-промышленный комплекс Урала, ракетная промышленность, НПО «Автоматики».

Вторая половина XX в. стала временем глобального соперничества СССР и США. Монополия Соединенных Штатов на атомное оружие не оставляла выбора Советскому Союзу, кроме создания «своих» ядерных боеприпасов и средств их доставки. В организации стратегических сил ведущая роль отводилась Уралу

Для создания предприятий оборонно-промышленного комплекса на Урал направлялись миллионы людей. По подсчетам Л.Я. Шубариной в строительстве военных заводов региона участвовали не менее трех миллионов человек, подавляющая часть которых не являлась жителями Урала. Строителей сменили работники предприятий, численность которых вместе с членами их семей в атомной, ракетной, радиоэлектронной, танковой индустрии и промышленности боеприпасов к середине 1960-х гг. составляла также не менее 3 млн человек.

В результате возникло более 10 моногородов и обособленных районов, имеющих особый статус, все население которых было занято исключительно на оборонных предприятиях [4, с. 70].

Самоотверженным трудом строителей, ученых, конструкторов на Урале сформировалась беспрецедентная по концентрации система предприятий, обеспечивавшая Вооруженные Силы СССР почти всеми видами военной техники, вооружений и боеприпасов. Уральские военные заводы занимали одно из ведущих мест в системе распределения труда оборонно-промышленного комплекса страны.

С середины 1950-х гг. развернулось создание ракетной промышленности. Монополистом в разработке ракет подводного базирования стал Госу-

* Мартюшов Лев Николаевич, доктор исторических наук, профессор, Уральский государственный университет, Екатеринбург, Россия; lmartushov@yandex.ru.

Замятин Валерьян Евгеньевич, Екатеринбург, Россия; val.zamiatin2012@yandex.ru

дарственный ракетный центр академика В.П. Макеева, располагавшийся в городах Миассе и Златоусте. 16 декабря 1947 г. решением правительства на базе завода № 66 в г. Златоусте было создано «Специальное Конструкторское Бюро по ракетам дальнего действия» (СКБ-385), переименованное впоследствии в «Конструкторское бюро машиностроения». В 1955 г. главным конструктором КБ по предложению С.П. Королёва был назначен В.П. Макеев. По его предложению начинается строительство новой площадки на северной окраине г. Миасса Челябинской области и переезд туда КБ [5].

СКБ-385, организованное в г. Миассе в 1955 г., сыграло огромную роль в создании ракетно-ядерного щита СССР. До 1956 г. КБ занималось освоением серийного производства ракет разработки ОКБ-1, возглавляемого С.П. Королевым. В середине 1950-х гг. КБ машиностроения под руководством главного конструктора В.П. Макеева приступило к самостоятельной разработке баллистических ракет для подводных лодок. Здесь были разработаны баллистические жидкостные ракеты морского базирования, единственный в мире противокорабельный комплекс баллистических ракет для подводных лодок (БРПЛ), оперативно тактический комплекс с ракетой Р17 для сухопутных войск и многое другое. С начала 1960-х в КБ были созданы и сданы на вооружение Военно-Морского Флота три поколения ракетных комплексов, которые составляют основу морских стратегических ядерных сил России [6].

Научно-производственное объединение «Автоматика» было создано в г. Свердловске на базе эвакуированного Киевского радиозавода в сентябре 1942 года. В 1952 г. на предприятии было образовано Специальное конструкторское бюро СКБ-626 для разработки и изготовления систем управления баллистическими ракетами. В 1956 г. СКБ и радиозавод были преобразованы в Союзный НИИ автоматики и Опытный завод при нем. С 1953 г. главным конструктором предприятия работал Н.А. Семихатов, академик АН СССР, Герой Социалистического Труда. С этого времени на предприятии создаются первые системы управления ракет для вооружения подводных лодок [2, с. 372]. Под руководством Н.А. Семихатова была создана корабельная и бортовая аппаратура системы управления БРПЛ, системы управления и контрольно-пускового оборудования оперативно-тактического ракетного комплекса 9К72 с ракетой 8К14, система управления РК «Темп-С» с ракетой 9М76Б.

На предприятиях ракетного комплекса были сконцентрированы лучшие специалисты, инженеры, конструкторы. Большинство из них уже нет в живых. В силу специфики их деятельности имена и биографии многих остаются пока неизвестными широкой публике. Цель данной статьи хотя бы частично приоткрыть завесу секретности, показать роль этих людей в создании ракетного щита Родины. Выбор персонажей статьи обусловлен тем, что эти люди стояли у истоков создания ракетной отрасли и этапы их трудовой деятельности совпадают с этапами становления и развития Свердловского НПО «Автоматики», одного из ведущих предприятий отрасли.

Замятин Евгений Валерьянович (родился 17 марта 1925 г. в с. Байловка, Пичаевского района, Тамбовской области; умер 9 мая 2006 г. в Екатеринбург). В 1943 г., в возрасте 18 лет в составе Красной армии принял участие в Великой Отечественной войне. Воевать начинал в пехоте и в одном из первых же боёв был тяжело ранен. Мать Евгения Замятина по ошибке получила на сына похоронку. После длительного лечения в госпитале был направлен на учёбу и затем радистом в артиллерийский дивизион «Катюш», в котором служил в звании рядового почти до конца войны. В конце января–марте 1945 г. Евгений Замятин принял непосредственное участие в обороне Кюстринского плацдарма, неоднократно переправляясь на плацдарм через Одер в ледяной воде для корректировки огня своего дивизиона. В апреле 1945 г. участвовал в штурме Берлина, где был тяжело ранен в ногу. После ряда сложных операций нога была ампутирована.

Окончил Московский энергетический институт (1951 г.), после окончания которого начал работать в НИИ-885 под руководством Николая Пилюгина над созданием систем автономного управления баллистических и межконтинентальных баллистических ракет, первого искусственного спутника Земли, космических аппаратов для исследования Луны и планет Солнечной системы. В 1953 г. был включён в число сотрудников СКБ-626 при Союзном заводе № 626 в Свердловске, где под руководством Николая Семихатова занимался созданием первых систем управления оперативно-тактической ракетами и ракетами для вооружения подводных лодок, в том числе для ракетного комплекса ВМФ. Эти же системы управления использовались затем при обеспечении первых полётов в космос. Несмотря на инвалидность, участвовал при испытательных пусках на подводных лодках. В НИИ автоматики начал работать с 1953 г. Стал начальником лаборатории в 1955 г. С 1958 г. – начальник отдела разработки БАСУ. С 1969 г. – начальник отделения – заместитель главного конструктора. Он один из первых руководителей разработки бортовой аппаратуры всех систем управления баллистических морских и сухопутных ракетных комплексов, разработанных НПО «Автоматики».

В должности заместителя главного конструктора до 31 декабря 1990 г. В декабре 1990 г. уволился с предприятия в связи с уходом на пенсию.

Лауреат Ленинской премии (1966 г.). Награжден орденами Трудового Красного Знамени (1961 г.), «Знак Почета» (1969 г.), «Дружбы народов» (1984 г.), Отечественной войны I степени; медалями: «За отвагу», «За взятие Берлина», «За победу над Германией», «300 лет Российскому Флоту» (1996 г.), Имени академика Н.А. Семихатова.

Принимал участие в НИР «Акула» по исследованию возможности подводного старта баллистических ракет. Возглавлял работы по разработке схемно-конструкторской документации БАСУ. Участвовал в качестве технического руководителя и заместителя главного конструктора в испытаниях ракет

комплексов Д-1, Д-2, Д-4, Д-5, Д-5У, Д-19, ЗМ40 морского базирования, 8К14 «Скад», оперативно-тактических ракет «Темп-С» [7].

Будучи заместителем главного конструктора, встречался по работе с людьми, определяющими развитие морских ракетных комплексов и с большой теплотой и уважением вспоминал о них – министре общего машиностроения С.А. Афанасьеве, академике В.П. Макееве, А.М. Исаеве, Н.А. Пилюгине, С.Н. Ковалёве, о С. Мнацаканяне, А.Д. Надирадзе, Ш.И. Боксаре, Л.М. Косом, В.И. Вознюке и о других руководителях и работниках фирм и полигонов, военных разных чинов и званий. Он сам пользовался у них уважением как представитель замечательной фирмы, как незаурядный конструктор, организатор, фронтовик. Сын Евгения Валериановича Валериан Евгеньевич вспоминает: «Особые чувства уважения и дружбы связывали его с работниками НПО «Автоматики». Своим учителем он всегда называл Н.А. Семихатова. Он всегда бережно хранил воспоминания о своих соратниках и друзьях, о тех, с кем работал долгие годы: Д.С. Евстигнееве, Ю.И. Шилко, И.М. Игдалове, С.Ф. Дерюгине, Л.Н. Бельском, Р.П. Магафонове, И.Б. Гринберге, Л.Г. Половко, Г.Г. Коневе, Г.К. Дрейпе, В.В. Иванове, А.И. Бакеркине, В.В. Чеботарёве, М.А. Захарове, Ю.М. Вотева, Э.И. Доманском, Ю.В. Борисове, И.С. Стукове, В.С. Емельяшине и многих, многих других тех, с кем вместе он добивался успеха для родной фирмы. Трудом этих людей завоёвывался авторитет и уважение предприятия»¹.

Умер Евгений Валерианович 9 мая 2006 года. Глубоко символично, что салют, звучащий в день Победы, является так же салютом памяти о солдате, конструкторе военной техники – славном представителе своего поколения.

Шилко Юрий Иванович (родился 14 апреля 1928 г. в Свердловске; умер 5 апреля 2018 г., не дожив девяти дней до своего девяностолетия). В 1951 г. окончил Ленинградский электротехнический институт инженеров железнодорожного транспорта. С 1953 г. работал в НИИ автоматики инженером-конструктором, старшим инженером, руководителем группы. В 1968 г. был назначен на должность начальника отделения – заместителя главного конструктора. В 1993–2005 гг. – главный специалист – ведущий конструктор завода.

Проектировал и отработывал бортовую, корабельную, наземную аппаратуру для различных ракетных комплексов. Организовывал авторский надзор за изготовлением аппаратуры НПОА на серийных заводах. Занимался внедрением и производством печатных плат и малогабаритных кабелей для улучшения массово-габаритных характеристик выпускаемой аппаратуры.

Возглавлял проектно-конструкторские работы по созданию систем управления международного спутника «Экспресс» (1995 г.). Принимал участие в создании систем управления для ракеты-носителя «Союз-2».

Лауреат Государственной премии СССР (1969 г.). Награжден орденами Ленина (1975 г.), Трудового Красного Знамени (1961 г.); медалями «За до-

блестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И.Ленина» (1970 г.), «300 лет Российскому флоту» (1996 г.); а также медалями Федерации космонавтики РФ.

Уже сам послужной список этих людей говорит об их выдающемся вкладе в дело Отечественной космонавтики, в развитие военной ракетной техники. К сожалению, раскрыть все этапы их деятельности не представляется возможным как из-за объема статьи, так и в силу того обстоятельства, что многие моменты все еще не подлежат разглашению. Вследствие этого, предметом данной статьи является лишь один эпизод – разработка и запуск первой баллистической ракеты морского базирования (изделия Р-11-ФМ). В основу статьи положены воспоминания участника первого пуска Юрия Ивановича Шилко, записанные В.Е. Замятиным.

К началу 1957 г. коллектив Свердловского СКБ п/я 320, размещавшегося в то время в недостроенном здании Дома Промышленности (ныне НПО «Автоматики»), под руководством начальника Е.М. Ходова и главного конструктора Н.А.Семихатова закончил разработку первой в СССР системы управления для первой морской ракеты Р-11-ФМ, стартующей с подвижного основания. Сама ракета была создана в СКБ-385, находившемся в г.Златоусте, под руководством главного конструктора Виктора Петровича Макеева. К этому времени радиозавод п/я 7 изготовил бортовую аппаратуру, а Каменск-Уральский завод – корабельную. При испытаниях на стенде были получены положительные результаты. Потребовались натурные испытания.

По рекомендации С.П. Королева было принято решение провести испытания на качающемся стенде СМ-49, изготовленном на Кировском заводе в Ленинграде и находящемся на полигоне в Капустинном Яру.

Для выяснения состояния позиции и объема работ по подготовке к пуску ракеты на полигон в январе 1957 г. были командированы руководитель группы Ю.Н. Шилко и инженер М.В. Карышев.

Стенд СМ-49 представлял из себя сложное сооружение с куполом, открытым посередине. В центре его была закреплена натуральная лодочная шахта, ракета устанавливалась на подъемно-поворотный стол в шахте. Стенд воспроизводил все воздействия на ракету, имеющиеся при подготовке и старте с подводной лодки, в том числе критические возмущения моря.

За работой группы велся постоянный контроль. Неоднократно приезжал на площадку Н.А. Семихатов, обходил всю позицию, отмечал недостатки, подсказывал варианты устранения, иногда устранял сам. Контроль над ходом подготовки по системе управления и стенду от генерального конструктора ОКБ-1 осуществлял ведущий конструктор И. Пашков, от СКБ-385 – ведущий конструктор В.Л. Клейман и др. В середине сентября прибыло первое летное изделие РФ-11-ФМ с бригадой разработчиков бортовой аппаратуры во главе с Е.В. Замятиным.

¹ Воспоминания В.Е. Замятина о Е.В. Замятине // Личный архив В.Е. Замятина.

И вот наступил долгожданный день 15 ноября. В кресло к пусковому пульгу С-360 опустился оператор Ю.В. Протопопов и под руководством Е.В. Замятина провел предстартовые операции. Ю.И. Шилко вспоминал впоследствии: «День был ясный, степь ровная как стол – все было хорошо видно. Ракета поднялась на верхний срез шахты, ее мотало и качало как на море, появились клубы дыма и огня, [...] изделие оторвалось от стола, качнулось, отработывая заложенные стендом «возмущения моря», донесся грохот двигателя, ракета взмыла в небо, описывая дугу стала отработывать заданную траекторию. Затем был виден факел, потом только огонек и он исчез... Стреляли по приемному полю полигона «Баскунчак», откуда вскоре поступило подтверждение: «Изделие пришло с дальностью 200 км с лишним и удовлетворительной точностью» [3, с. 8–11].

После успешного окончания испытаний, комплекс Д-1 с ракетой Р-11-ФМ в 1959 г. был принят на вооружение ВМФ и стоял на защите Советского Союза более 10 лет.

Это только один эпизод из деятельности уральских конструкторов-ракетчиков, а таких эпизодов были десятки, если не сотни. Как уже отмечалось, в создании ракетно-ядерного щита участвовали лучшие специалисты страны, причем большинство их имен остаются неизвестны. Сами они воспринимали свой труд не как подвиг, а как повседневную работу, не видели в ней ничего героического. Уже после смерти стали известны имена некоторых из них, главным образом главных конструкторов, руководителей предприятий: С.П. Королева, В.Н. Челомея, М.К. Янгеля, уральских конструкторов В.П. Макеева, Н.А. Семихатова, Л.В. Люльева и др. Между тем, вклад советских ядерщиков и ракетчиков в оборонную мощь страны беспрецедентен. Академик Е.П. Велихов писал: «Без науки, которая создавалась здесь, дело кончилось бы тем, что России просто не было бы. Ведь американцы собирались ликвидировать нас ядерными бомбардировками. Наш выигрыш в Великой Отечественной войне был бы нивелирован тем, что американцы разработали первую атомную бомбу. В августе 1945-го случились Хиросима и Нагасаки. Следующей должна была быть Россия» [1]. Кстати сами американцы никогда не отрицали наличия планов нанесения ядерных ударов по городам России, в число которых входил и Свердловск. Ни в коей мере, не преуменьшая заслуг советских воинов, разведчиков, контрразведчиков, следует заметить, что заслуга конструкторов, инженеров, работников оборонных отраслей в создании военной мощи России ничуть не меньше. Тем более что и те, и другие тесно сотрудничали друг с другом, работали совместно.

В настоящее время противостояние России и Запада не менее напряженное, чем в годы «холодной воны». Более того, после катастрофы 1990-х гг. и распада СССР, ликвидации «восточного блока», соотношение сил изменилось не в нашу пользу. И, тем не менее, ядерная война сейчас невозможна. Запад превосходит нас в экономическом и военном отношении, но наличие

ракетно-ядерного потенциала нивелирует это превосходство. Ущерб от ядерной войны несоизмерим с выгодой, которую можно получить в случае победы. Победитель получит разрушенное чужое государство, и при этом своя страна также будет практически разрушена. Наличие ракетно-ядерного потенциала устанавливает определенное равенство между нами и США. И за это мы должны быть благодарны нашим отцам и дедам, создавшим ракетно-ядерный щит. Е.П. Велихов пишет: «Россию снаружи взять нельзя. Ее можно развалить только изнутри» [1]. Поэтому главной задачей сейчас является воспитание патриотизма.

Патриотизм (греч. πατριώτης — соотечественник, πατρίς — отечество) — нравственный и политический принцип, социальное чувство, содержанием которого является любовь к Отечеству и готовность подчинить его интересам свои частные интересы. Патриотизм предполагает гордость достижениями и культурой своей Родины, желание сохранять её характер и культурные особенности и идентификацию себя с другими членами народа, стремление защищать интересы Родины и своего народа» [9]. Патриотизм был и остаётся движущей силой существования и развития российского государства. Главными его составляющими всегда были любовь к Родине, стремление отстаивать её суверенитет и величие. Данные идеи присущи патриотизму и в наши дни.

Эту задачу конкретно сформулировал Владимир Путин на встрече с Клубом лидеров в Ново-Огарево 3 февраля 2017 г.: «Сейчас стране нужна общая, объединяющая идея, – заявил Владимир Путин в ходе выступления, – и она уже есть». ««У нас нет никакой, и не может быть другой объединяющей идеи, кроме патриотизма», – считает Путин. – Никакой другой идеи мы не придумаем, и придумывать не надо». Нужно стремиться к тому, чтобы и бизнес, и чиновники, и вообще все граждане работали для того, чтобы страна становилась сильнее, считает Владимир Путин [10]. И воспитывать чувство патриотизма надо на примерах беззаветного труда наших отцов и дедов в защиту Родины.

Библиографический список:

1. *Велихов Е.П.* Ядерный аргумент // Аргументы и факты. 2018. № 18.
2. *Сперанский А.В.* На войне как на войне. Свердловская область в 1941–1945 гг. – Екатеринбург, 2015.
3. 60 лет тому назад // Автоматика. Газета АО «НПО имени академика Н.А. Семихатова». 2017. № 5.
4. *Шубарина Л.Я.* Оборонно-промышленный комплекс на Урале: исторический опыт регионального развития (1945–1965 гг.) // Вестник военного университета. 2010. № 2 (22). С. 68–73.
5. Макеев Виктор Павлович. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Макеев,_Виктор_Петрович.

6. Государственный ракетный центр. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/Государственный_ракетный_центр

7. Замятин Евгений Валерьевич. Режим доступа: <https://www.turkaramamotoru.com/ru/ЗамятинЕвгенийВалерьянович-556219.html>

8. НПО автоматики имени академика Н.А.Семихатова. Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/НПО_автоматики_имени_академика_Н._А._Семихатова.

9. Патриотизм. Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Патриотизм>.

10. Путин: патриотизм — это национальная идея России. Режим доступа: <http://rusrand.ru/response/putin-patriotizm--eto-nacionalnaya-ideya-rossii>

L.N. Martushov

Doctor of historical Sciences, Professor, Ural state pedagogical University, (Yekaterinburg, Russia)

V.E. Zamyatin (Yekaterinburg, Russia)

THEY CREATED A MISSILE SHIELD IN THE COUNTRY

In the article on the example of activity of NPO «Automatics» the main stages of creation of rocket industry of the USSR are considered, activity of a number of leading designers of NPO is shown. The aim of the article is to educate the youth on the example of the Ural rocket designers activity the sense of patriotism, responsibility, pride of the Soviet military science and technology, their Fatherland, the desire to continue and strengthen the work of fathers and grandfathers.

Keywords: military-industrial complex of Ural, missile industry, NPO «Automatics»

УДК 94(47).083

*Матвеев А.В.**

СЛУЖБА НАРУЖНОГО НАБЛЮДЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА: ЛЮДИ И СУДЬБЫ

В статье представлены портреты сотрудников службы наружного наблюдения Российской империи: Я.И. Шараха, А.У. Кирьева, А.С. Семёнова. Выявлены основные закономерности развития их служебного пути. Отмечен вклад филёров в обеспечение общественной безопасности и общественного спокойствия в Российской империи в конце XIX – начале XX в.

Ключевые слова: филёр, наружное наблюдение, Российская империя, полиция, политическая полиция, охранные отделения, Я.И. Шарах, А.У. Кирьев, А.С. Семёнов.

Вторая половина XIX в. в историю Российской империи вошла не только как эпоха Великих реформ и контрреформ, но и как период активного поиска надежных и эффективных средств противодействия государственной власти нарастающему революционному движению [2, с. 347–348]. Правоохранительная система в целом и полицейская система Российской империи в частности в конце XIX в. претерпели преобразования, которые были направлены на охранение общественной безопасности и общественного спокойствия [1, с. 302–303].

В целях противодействия государственным преступлениям Департамент полиции, путем негласного освещения деятельности революционеров, использовал наружное наблюдение [7, с. 271]. Наружное наблюдение осуществлялось специально подготовленными для этого сотрудниками – филёрами, которые, наблюдая на улицах за данными им лицами, выясняли наружно, что те делали, с кем встречались и какие места посещали, с целью сбора подробной информации об их повседневной деятельности [5, с. 52]. Служба филёров была трудна и требовала выдающихся волевых качеств и особой сообразительности от лиц, осуществлявших наружное наблюдение. Филёр должен был долгими часами выжидать наблюдаемого на морозе; часто, выполняя задание, должен был без багажа вскочить в поезд и ехать за наблюдаемым, порой без денег, за тысячи вёрст; филёр, внезапно попав за границу, не зная иностранных языков, должен был выполнить поставленные перед ним задачи [5, с. 204]. За собирательным образом отважного и находчивого разведчика-филёра стояли простые люди, беззаветно служившие на благо Отечества, в чис-

* Матвеев Антон Владимирович – адъюнкт кафедры теории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России, г. Санкт-Петербург, Россия; matveev-a-v@yandex.ru.

ле которых были филёры Яков Иванович Шарах, Антон Ульянович Кирьев, Афанасий Семёнович Семёнов.

Яков Иванович Шарах родился 20 марта 1864 г. в крестьянской семье в деревне Бороды Воронежской волости Лепельского уезда Витебской губернии¹. Православного вероисповедания. Свою службу начал в 1885 г., когда был принят на военную службу в Лепельском уезде. В русской императорской армии Яков Иванович прослужил до 1889 г., был уволен в запас младшим унтер-офицером Лейб-гвардии Преображенского полка. В год увольнения в запас был зачислен городским в полицейский резерв, в том же году переведен в Речную полицию. На службу филёром Яков Иванович поступил в 1906 г. в Санкт-Петербургское охранное отделение, проходя по штату полиции в должности полицейского надзирателя Санкт-Петербургской столичной полиции второго разряда по содержанию². Практика зачисления филёров охранных отделений в штат полиции сложилась постепенно и была обусловлена требованиями конспирации [4, с. 170–171]. Большую часть своей карьеры Яков Иванович прослужил в должности агента центрального филёрского отряда Санкт-Петербургского охранного отделения³. За время службы Я.И. Шарах принимал участие в наблюдении за многими революционерами и государственными преступниками, в числе которых был известный пропагандист терроризма и «разоблачитель секретных сотрудников» В.Л. Бурцев⁴, наблюдение за которым велось в Петрограде в течение месяца⁵. За весь период своей службы филёром, Яков Иванович ни разу не подвергался наказаниям. В 1912 г. Я.И. Шарах был награжден серебряной медалью с надписью «За усердие» для ношения на шее на Аннинской ленте. В 1916 г. императором Николаем II по ходатайству министра внутренних дел Я.И. Шараху было пожаловано звание потомственного почетного гражданина «за долготельную беспорочную службу»⁶.

Антон Ульянович Кирьев родился 27 июля 1877 г. Православного вероисповедания. Домашнего воспитания. Из крестьян. На военной службе состоял в 1898–1902 гг., был уволен в запас сверхсрочным писарем штаба Отдельного Корпуса жандармов. На службу в полицию Антон Ульянович зачислен в 1907 г. на должность полицейского надзирателя наблюдательного состава Санкт-Петербургского охранного отделения в поощрение за усердную службу в качестве вольнонаёмного агента⁷. А.У. Кирьев служил вместе

с Я.И. Шарахом, также принимал участие в наблюдении за В.Л. Бурцевым в 1916 г.¹ За время службы был награжден в 1912 г. медалью «В память о столетии Отечественной войны 1812 года», в 1913 г. – серебряной медалью с надписью «За усердие» для ношения на шее на Аннинской ленте и медалью «Трехсотлетие царствования дома Романовых»². Наряду с наградами А.У. Кирьев получал и взыскания: в 1911 г. за уничтожение некоторых служебных бумаг был арестован на четырнадцать дней³.

Афанасий Семёнович Семёнов, 16 января 1876 года рождения, православного вероисповедания, домашнего воспитания, был принят на военную службу в 1897 г. и уволен в запас армии из 4-го понтонного батальона старшим унтер-офицером в 1902 г. Приказом по Московскому градоначальству и Столичной полиции от 1908 г. определен на должность околоточного надзирателя полицейского резерва с откомандированием в Московское охранное отделение, затем зачислен в полицейские надзиратели⁴. Фактически Афанасий Семёнов служил в Московском охранном отделении в должности филёра. Семёнов дослужился до старшего агента Центрального филёрского отряда Петроградского отделения по охране общественной безопасности и порядка⁵. Афанасий Семёнович был удостоен золотой медали на Александровской ленте в 1910 г. Именно А.С. Семёнов возглавлял Центральный филёрский отряд, охранявший императора Николая II во время его отъезда из Петрограда в Могилев в феврале 1917 г. В Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга хранятся докладные письма А.С. Семёнова в адрес заведующего Центральным филёрским отрядом ротмистра Гласфельдта. В одном из писем А.С. Семёнов докладывает о том, что агент отряда Андрей Борисов ходит по лавкам в накидке и занимается воровством. Борисов был замечен другими агентами отряда прячущим в лавке под накидку сверток холста, воруящим шоколад, а также шкурку на шапку. А.С. Семёнов предложил Борисову добровольно покинуть Могилев, на что Борисов ответил отказом, полностью отрицая свою вину в воровстве⁶. В другом письме, А.С. Семёнов докладывает о неподобающем поведении филёра Никифора Кабанова, который зверски выбросил из квартиры, в которой жили филёры, случайно забежавшую кошку со двора. Сделал это Кабанов в глазах жены и детей Семёнова. Жена Семёнова сделала Кабанову замечание, на что последний начал кричать и оскорблять, обвинил Семёнова, а также письмоводителя и начальника охранного отделения во взяточничестве⁷.

¹ Центральный государственный исторический архив г. Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб). Ф. 569. Оп. 27. Д. 1385. Л. 2.

² ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 27. Д. 1385. Л. 3–4.

³ Там же. Л. 7.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 2047. Оп. 1. Д. 26. Л. 13.

⁵ Там же. Л. 1–181.

⁶ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 27. Д. 1385. Л. 11.

⁷ Там же. Д. 535. Л. 1.

¹ ЦГИА СПб. Ф. 2047. Оп. 1. Д. 26. Л. 1-181.

² ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 27. Д. 535. Л. 3-4.

³ Там же. Л. 8.

⁴ ЦГИА СПб. Ф. 569. Оп. 27. Д. 1132. Л. 3-4.

⁵ ЦГИА СПб. Ф. 1696. Оп. 2. Д. 68. Л. 2-3.

⁶ Там же. Л. 3.

⁷ Там же. Л. 5.

Таким образом, обеспечение общественной безопасности и общественного спокойствия в Российской империи средствами наружного наблюдения, по большей части, находилось в руках простых людей крестьянского происхождения, обладавшими как несомненными достоинствами, так и человеческими слабостями. Большинство филёров, помимо крестьянского происхождения и скудного образования, объединяла воинская выучка, помогавшая им выполнять свои служебные обязанности стойко и самоотверженно. Лучшими доказательствами эффективности службы наружного наблюдения по обеспечению национальной безопасности Российской империи можно по праву считать мнения самих революционеров, по свидетельствам которых, в конце XIX – начале XX в. делать революцию стало чрезвычайно трудно, почти невозможно [3, с. 14].

Библиографический список:

1. *Ниженник Н.С.* О неизбежности краха полицейского государства в 1917 году // Великая Российская революция 1917 года в истории и судьбах народов и регионов России, Беларуси, Европы и мира в контексте исторических реалий XX – начала XXI вв. – Витебск, 2017. С. 302–306.
2. *Ниженник Н.С.* Тотальный полицейский режим как детерминанта российской революции // Государство и право в эпоху революционных преобразований (к 100-летию революции в России). – М., 2017. С. 347–355.
3. *Новицкий В.Д.* Из воспоминаний жандарма. – М., 1991.
4. *Овченко Ю. Ф.* Безопасность империи. (Политический розыск – средство обеспечения безопасности Российского самодержавия. 1880–1917 гг.). – М., 2012.
5. *Пережудова З.И.* Политический сыск России (1880–1917). 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2013.
6. *Спиридович А.* Записки жандарма. – М., 1991.
7. *Щеголев П. Е.* Охранники, агенты, палачи. – М., 1992.

A.V. Matveev

The postgraduate student of the chair of theory of state and law, Saint-Petersburg university of MIA (Saint-Petersburg, Russia)

THE RUSSIAN EMPIRE SEARCH-AND-SURVEILLANCE SERVICE IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURY: PEOPLE AND LIVES

The article presents portraits of employees of the search-and-surveillance service of the Russian Empire: I. Sharakh, A. Kiriev, A. Semenov. The main

regularities of the development of their service path are revealed. The contribution of the filers to the ensuring of public safety and public tranquility in the Russian Empire in the late XIX – early XX century was noted.

Keywords: filer, search-and-surveillance, Russian Empire, police, political police, security units, I. Sharakh, A. Kiriev, A. Semenov.

РОЛЬ ЛИЧНОСТИ В ИСТОРИИ И РОЛЬ ЛИЧНОСТИ УЧИТЕЛЯ В ВОСПИТАНИИ ПАТРИОТА И ГРАЖДАНИНА

В статье отмечается актуальность личностного подхода в преподавании отечественной истории и воспитании гражданина и патриота. Показаны направления подготовки педагога с гражданской позицией, системой ценностей и убеждений в Уральском государственном педагогическом университете.

Ключевые слова: личность в истории, герой, патриот, подготовка учителя, учебно-воспитательный процесс, профессионализм педагога.

Личный пример не просто лучший метод убеждения, а единственный.

А. Швейцер

Основой гражданско-патриотического и духовно-нравственного воспитания является формирование ценностного отношения к историческому прошлому. Решить государственную задачу воспитания достойного гражданина и патриота возможно в значительной степени посредством преподавания отечественной истории через изучение персоналий. Чем полнее и лучше мы узнаем своих героев, тем сильнее духом становимся, тем крепче наша любовь к Родине.

Изучение роли личности в истории – направление крайне актуальное сегодня. И не только потому, что без сильных, выдающихся личностей не может быть истории. Главное – в обществе стремительно нарастает потребность в идеалах, героях, образах тех, кому хочется подражать и на кого равняться.

Данную потребность обусловили сложные условия переходного времени – хаотичные, противоречивые общественные процессы; быстрая смена ситуаций и тенденций; ломка традиционных ценностей и наплыв негативной информации в духе критицизма и нигилизма, отсутствие исторических подвигов и идеалов в сознании подрастающего поколения [4].

Преодоление обезличивания истории в учебно-воспитательном процессе, активизация личностного подхода предполагает, с одной стороны, концентрацию усилий историков – ученых и преподавателей. С другой, подготовку учителей с гражданской позицией, системой ценностей и убеждений. Рассмотрим эти условия.

Главная задача ученых – заложить научно-теоретическую и методическую основу учебников и учебной литературы, которые в когнитивном аспек-

те являются источниками информации, а в психологическом объектами проекции и идентификации. Во все времена школьные учебники не существовали вне официальной идеологии, создавались целенаправленно под определенным заказом государства, существующей власти. Учебники советского периода были поставлены на службу идеологии советского государства. Характеристикам исторических личностей на уроке и в учебной литературе уделялось внимание, но главный акцент при этом делался не на индивидуальном своеобразии, неповторимости и уникальности самой личности, а на сосредоточии в ней типичных черт и признаков представителя того или иного класса.

На примере истории органов государственной безопасности идеологические издержки можно проиллюстрировать следующим образом. Мероприятия, осуществлявшиеся ВЧК-КГБ, в годы советской власти во многом идеализировались. ВЧК рассматривалась отечественной историографией не иначе как символ нравственной чистоты революции, непримиримости к врагам, бдительности и самоотверженности (например, образ Ф.Э. Дзержинского [1, 2]), умалчивалось при этом о существенных ошибках чрезвычайных комиссий и особых отделов [5]. После разоблачения культа личности Сталина в учебниках появились упоминания о репрессиях, но не было никакой конкретики. Кроме того, вина в значительной степени перекладывалась на Ежова и Берию. Советские школьники не должны были знать «ненужные» имена или, наоборот, должны были их знать для того, чтобы понимать, кто виноват во всех существующих проблемах.

В период перестройки и постперестройки упор делался только на участии силовых структур в массовых репрессиях по отношению к советским гражданам, а ВЧК изображалась как олицетворение беззакония, жестокости и насилия. Десятилетие 1930-х гг. подавалось учащимся как период, в который в жизни страны не происходило ничего, кроме массовых репрессий. При этом разведывательная и контрразведывательная деятельность, охрана государственных границ, подвиги чекистов, борьба с беспризорностью как социальным явлением, а также борьба с экономическими преступлениями и преступлениями по должности, оказались вне сферы научных интересов и, соответственно, не нашли отражения в учебной литературе [3].

Политическая конъюнктура отражается на работе учителя. Сегодня в процессе гуманизации образования, когда с особой остротой встал вопрос о том, что такое человек как самоценность исторического развития, трудно переоценить роль учителя, его профессионализм и ценностные ориентации. Да, понятие «профессионализм педагога» сегодня включает не только базовые научные знания, но и его ценностные ориентации. Поэтому двойкой задачей высшей школы является формирование гармонично развитой личности и профессиональной компетентности специалиста. Рассмотрим опыт решения данной задачи, имеющийся на историческом факультете Уральского государственного педагогического университета.

* Мосунова Татьяна Георгиевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Уральского государственного педагогического университета, Екатеринбург, Россия; klio_mtg@mail.ru

С целью формирования патриотизма и гражданственности у студентов на базе исторического факультета в мае 2005 г. был создан поисковый отряд «Стикс». Отряд занимается поиском погибших бойцов Красной армии в годы советско-финской и Великой Отечественной войн и увековечиванием их памяти. В настоящее время в поисковых экспедициях принимает участие одновременно несколько поколений бойцов, для которых отряд стал настоящей школой жизни. Бойцы отряда участвуют в проектной деятельности. За последние несколько лет совместно с музеем истории УрГПУ были реализованы следующие проекты: «Дети войны», «Поисковая деятельность как средство гражданско-патриотического воспитания студентов», «Помним. Гордимся. Храним», «Вспомним всех помименно...», «Одна на всех Победа: цикл интерактивных занятий для воспитанников детских домов» [6, с. 16].

В учебном плане подготовки бакалавров предусмотрен курс «Основы патриотического воспитания в образовательных организациях» в объеме 72 часа. Также в УрГПУ успешно реализуется дополнительная профессиональная программа «Формирование гражданской идентичности в процессе патриотического воспитания учащейся молодежи» в объеме 108 часов.

Эффективным полигоном апробации научно-методических изысканий являются историко-педагогические чтения как форма научно-практических конференций с мастер-классами. Проводятся они ежегодно с 1997 г., неизменно вызывая интерес историков (ученых и учителей), организаторов и руководителей образования своей проблематикой: «Гражданственность и патриотизм в XXI веке: теория и практика» (2002 г.), «Историческая наука и историческое образование на рубеже веков» (2000), «Современный педагог – историк: актуальные проблемы профессиональной подготовки и профессиональной деятельности» (2015 г.), «Современный учебник истории: теоретико-методологические, содержательные и методические аспекты» (2014) и другие.

Данные формы работы способствуют актуальному сегодня поиску путей раскрытия человека и как объекта, и как субъекта истории; помогают переосмыслению методологических позиций в отборе содержания преподавания, более глубокого соотнесения его с психологическими возможностями обучающихся, применения адекватных новому содержанию методических приемов, средств и организационных форм обучения [7].

Библиографический список:

1. История СССР: учебник для 9 класса / И.Б. Берхин, И.А. Федосов; под ред. чл.-кор. АН СССР М.П. Кима. 2-е изд. – М., 1975.
2. История СССР (1938–1976 гг.) : учеб. для 10 класса / В.М. Балева, И.Б. Берхин, М.П. Ким, П.И. Потемкин; под ред. чл.-кор. АН СССР М.П. Кима. 4-е изд. – М., 1975.
3. История России, XX век: Учеб. для 9 кл. общеобразоват. Учреждений / А.А. Данилов, Л.Г. Косулина. – М., 1995.

4. Кошикова М.Е. Изучение роли личности в преподавании курса Истории России // [Электронный ресурс]. Режим доступа: library/izuchenie_rol_i_lichnosti_v_prepodavanii_kursa_istorii_140026.html (дата обращения: 27.07.2018).

5. Курас Л.В. Органы государственной безопасности Бурят-Монгольской АССР: отечественная историография проблемы // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/organy-gosudarstvennoy-bezopasnosti-buryat-mongolskoy-assr-otechestvennaya-istoriografiya-problemy> (дата обращения 26.07.2018).

6. О достижениях и трудовых буднях СПО «Стикс» // Народный учитель. 2012. № 9 (1307).

7. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://xn80abucjiihbv9a.xnplai/%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D1%83%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D1%82%D1%8B/938>. (дата обращения 11.07 2018)

T.G. Mosunova

Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Chair of History, Ural State Pedagogical University (Yekaterinburg, Russia)

ROLE OF A PERSONALITY IN HISTORY AND ROLE OF THE PERSONALITY OF A TEACHER IN EDUCATING A PATRIOT AND A CITIZEN

The paper highlights relevance of personal approach in teaching Russian history and educating a citizen and a patriot. The paper shows directions of training a teacher in accordance with the system of values and beliefs in the Ural State Pedagogical University.

Keywords: personality in history, hero, patriot, training of a teacher, teaching and educational process, professionalism of a teacher.

ГАЛЛИ МЕНЬШИКОВА – ЧЕЛОВЕК ИЗ ЛЕГЕНДЫ

Рассказывается о судьбе замечательной женщины, которая прошла путь от вожатой пионерского отряда, члена Нижнетагильского горкома ВЛКСМ по борьбе с детской преступностью и безнадзорностью до руководителя структурного подразделения органов государственной безопасности Украинской ССР. Отражены ее участие в обороне Киева в 1941 г. и Сталинграда в 1942 г., в партизанском движении в западных районах СССР в 1943–1945 гг., активная борьба с бандеровским подпольем.

Ключевые слова: государственная безопасность, детская преступность, партизанское движение, бандеровское подполье, военно-патриотическая работа.

Галли Владимировна Меньшикова родилась 27 марта 1905 г. в Нижнем Тагиле, в семье рабочего металлургического завода. В 1915 г. окончила трехклассное пригготовительное училище, затем училась в Павло-Анатолевской женской гимназии, которую окончила в 1920 году. Как мы видим, её учёба продолжалась и в период белой оккупации Нижнего Тагила с октября 1918 по июль 1919 года. Жизнь семьи была непростой, поскольку отец умер в 1917 г., то жить многодетной семье приходилось на скромную зарплату матери, которая работала в библиотеке. После окончания гимназии Галли Меньшикова устраивается работать в Нижнетагильский исполком машинисткой. В этот год она вступает в ряды комсомольской организации, в 1923 г. была принята кандидатом в члены ВКП(б). По заданию комсомольской организации она руководит пионерским отрядом им. Карла Маркса при клубе «Металлист». В 1920-е гг. комсомольцы были активистами по борьбе с детской беспризорностью, проводили облавы руководствуясь приказом Ф.Э. Дзержинского от 21 января 1921 г.: «Тщательно обследовать и информировать местные исполкомы, а также ВЧК о фактическом положении детей на местах, о состоянии детских домов, яслей, детских больниц, санаториев, о положении и количестве беспризорных детей, нуждающихся в безотлагательной помощи».

В мае 1923 г. Г.В. Меньшикова по путёвке комсомольской организации Нижнего Тагила была направлена на работу в органы ВЧК-ОГПУ. Первоначально она была зачислена в штат горотдела ОГПУ машинисткой, а впоследствии занималась агентурно-оперативной работой под руководством опытных тагильских чекистов Петра Александровича Кузьмина и Андрея Васильевича Друщица. Она принимает участие в операции по предотвращению

утечки платины и золота через чёрную биржу. Вместе с руководителем отдела Иваном Александровичем Мальцевым Г.В. Меньшикова проводила досмотры пассажиров, едущих из Висима-Уткинска, по факту хищения платины с приисков. Контрабандисты прятали ценности в разных местах – зашивали в специальные капсулы, клали в масло, в каблуки обуви, прятали в причёски, в швы одежды, в половые органы, в общем, ухитрялись, как могли. После агентурной разработки был задержан человек, который вёз большое количество платины, но во время ареста преступник бежал, однако вскоре был обнаружен в развалинах старого дома, где его и захватили, изъяв платину, оружие и поддельные документы. За несколько лет работы наивная гимназистка превратилась в опытного сотрудника. 20 февраля 1928 г. за хорошую работу Г.В. Меньшикова и ряд других тагильских чекистов получили наградные часы. Но они приняли решение сдать часы в фонд памяти Ф.Э. Дзержинского на постройку танка его имени. Представитель ОГПУ по Уралу Г.П. Матсон во время приезда в Тагил ознакомился с ценными в оперативном отношении материалами, отработанными Г.В. Меньшиковой. После знакомства с ними Матсон произнёс: «Молодец, девушка!».

В июне 1928 г. Галли Меньшикова переведена на работу в ОГПУ на Украину, станция Бобринская Юго-Западной железной дороги, а с января 1932 г. она помощник уполномоченного первого отделения ЭКУ ДТО ОГПУ города Киева. До Великой Отечественной войны работает вначале заместителем, а потом и исполняющей обязанности начальника отдела кадров Управления лагерей и колоний НКВД УССР. Перед началом Великой Отечественной войны вблизи государственной границы СССР велось интенсивное аэродромное строительство. Одновременно строилось и реконструировалось более 250 аэродромов. На Украине строилось более 100 аэродромов, поскольку львиная доля истребительной авиации, более 30% была сосредоточена на Украине. В помощь 105 батальонам аэродромного обслуживания были привлечены местные жители и спецконтингент из лагерей, с небольшими сроками судимости. С началом Великой Отечественной войны Г.В. Меньшикова была включена в состав оперативной группы народного комиссариата внутренних дел Украины. С 22 июня и до 1 сентября 1941 г. Галли Меньшикова находилась в городе Киеве. Она продолжала заниматься той же работой, что и до войны, комплектовала административно-техническим персоналом и чекистскими кадрами оборонительные сооружения и аэродромные стройки вокруг Киева, лагеря военнопленных. Часть личного состава опергруппы была направлена на комплектование истребительных батальонов и партизанских отрядов в распоряжение наркома НКВД Украины Тимофея Амвросиевича Строкача (1903–1963). Данные спецподразделения формировались в Киеве на стадионе «Динамо». Из личного состава школы служебного собаководства был сформирован истребительный батальон прикрывавший Житомирское шоссе. Руководил отрядом начальник школы Добрычев и политрук Никольский.

* Пудовкин Сергей Игоревич – педагог высшей категории, педагог детско-юношеского центра «Мир», Нижний Тагил, Россия; konst925@rambler.ru

Командиром взвода, там был Сабуров Александр Николаевич, впоследствии командир партизанского отряда, будущий генерал-майор и Герой Советского Союза. В 1942 г., когда были запрошены данные на А.Н. Сабурова, как выдающегося руководителя партизанского движения, то справку на него готовила кадровик Г.В. Меньшикова. Сотрудники НКВД уходили из Киева в ночь со 2 на 3 сентября. Многие из них попали в окружение и в нём погибли. Оперативная группа НКВД участвовала в обороне Харькова до конца октября 1941 года. Поскольку кадровых частей в Харькове не было, а была только бригада по охране промышленных предприятий, то чекистам пришлось сражаться как простым красноармейцам.

Навсегда запомнила Галли Владимировна 7 июля 1942 г. бомбёжку фашистами железнодорожной станции Меловое-Чертково. На этом важном железнодорожном узле скопилось огромное количество эшелонов с военной техникой и составы с ранеными солдатами. Вначале гитлеровцы подавили огонь зенитной артиллерии, а потом начали методично уничтожать железнодорожный узел. Картина была страшная – пылали эшелоны с горючим, рвались эшелоны со снарядами, а раненные в санитарных эшелонах сгорали заживо, полностью погибло население пристанционных посёлков. Ночью немцы разбомбили элеватор, где хранились запасы зерна урожая 1942 года. Сотрудники группы принимали деятельное участие в ликвидации пожаров, отцепляли эшелоны с горючим и боеприпасами от вагонов с ранеными, оказывали медицинскую помощь. Галли Владимировна, уничтожая секретную документацию, вначале получила контузию, а потом осколочное ранение обеих ног. 10 июля 1942 г., когда на станцию Чертково-Меловое входили немецкие войска, автоколонна чекистов под командованием Колесникова Василия Ивановича отходила на Калач-Сталинградский. Г.В. Меньшикова участвовала в обороне Сталинграда и выполняла задания командования по комплектованию подразделений «Сталинградоборонстрой».

9 ноября 1943 г. Галли Владимировна возвращается в Киев. С этого времени капитан госбезопасности Г.В. Меньшикова опять работает под началом наркома внутренних дел Украинской ССР генерал-лейтенанта Т.А. Строкача, который с 30 мая 1942 г. являлся начальником штаба партизанского движения Украины. Т.А. Строкач использовал Меньшикову как опытного кадровика и агентурного работника в прошлом по подбору кадров в партизанском движении¹.

В 1949 г. Галли Владимировна закончила исторический факультет вечернего университета марксизма-ленинизма при Киевском ГК КП(б)У, в 1951 г. областные курсы пропагандистов при Киевском обкоме партии. За свою безупречную работу в годы Великой Отечественной войны Г.В. Меньшикова награждена орденами Ленина и Боевого Красного знамени, медалями «За

¹ Личный архив С.В. Ганьжи – ветерана органов безопасности и члена клуба краеведов при Нижнетагильском музее-заповеднике.

оборону Сталинграда», «За оборону Киева», «За победу над Германией», «За доблестный труд в Великой Отечественной войне», «30, 40, 50, 60 лет Советской армии и флота», «20 и 30 лет Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945». Скончалась Галли Владимировна 19 декабря 1977 г., накануне празднования 60-летия органов безопасности в городе Киеве, похоронена на родине в Нижнем Тагиле [1; 2].

Библиографический список:

1. Комсомольская рать идёт // Сборник воспоминаний Тагильского комсомола. – Нижний Тагил, 2003. С. 56–75.
2. *Кашиш В.В.* На службе у государства. – Нижний Тагил, 2008.

S.I. Pudovkin

Teacher of the highest category, teacher of children and youth center «Mir» (Nizhny Tagil, Russia)

GALLI MENSHIKOVA – MAN OF THE LEGEND

The article tells about the fate of a remarkable woman who has gone from a leader of the pioneer squad, a member of the Nizhny Tagil city Committee of the Komsomol to combat child crime and neglect to the head of the structural unit of the state security bodies of the Ukrainian SSR, a participant in the defense of Kiev in 1941, Stalingrad in 1942, the partisan movement in the Western regions of the USSR in 1943–1945, active participant with Bandera underground.

Keywords: state security, children's crime, guerrilla movement, Bandera underground, military-patriotic work.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ В БАШКИРИИ В 1950–1960-Х ГОДАХ (ПО МАТЕРИАЛАМ ОСОБЫХ СВОДОК)

В статье рассматривается общественно-политическая жизнь в советской стране в 1950–1960-х гг., в частности, в Башкирии. Опираясь на материалы особых сводок, автор показывает деятельность органов госбезопасности по контролю за настроениями граждан, их отношением к внутренней и внешней политике страны. Обращает внимание на проявления в населении «антисоветских» настроений.

Ключевые слова: политические настроения, СССР, Башкирия, органы госбезопасности, особые сводки, 1950–1960-е гг.

1950–1960-е гг. – один из непростых и противоречивых периодов в отечественной истории. После смерти И.В. Сталина происходившие в стране, в партии сложные, неоднозначные процессы послужили толчком к оживлению и демократизации общественно-политической жизни. Они оказывали серьезное влияние на общественные настроения, вносили в них свои коррективы. В отношениях между населением и властью наблюдались новые явления. Однако происходившие перемены и внутривластная нестабильность в стране оказывали определенное влияние, как на формы выражения «общественного мнения», так и на его содержание.

Коснулись они и Башкирии [1, с. 74–75]. Новые веяния в общественно-политической жизни республики вызывали широкие отклики граждан, которые варьировались от позитивного (одобрения) до резко негативного (недовольства). Это указывает, что в общественных настроениях этого времени наблюдался заметный раскол. Каждое событие, имевшее место в этот период, характеризовалось своеобразием проявления политических настроений в обществе и вызывало множество откликов граждан. Тому подтверждением является их участие в избирательных кампаниях 1950–1960-х гг. и зафиксированные проявления к проводимой государством политике.

В марте 1950 г. состоялись выборы в Верховный Совет СССР. Направленная в обком партии информация свидетельствует о пристальном внимании партийных, государственных органов, а также компетентных органов к участию граждан, их отношению к проводимой кампании, избираемым кандидатам в депутаты. В Белебеевском районе после выборов были выявлены

на бюллетенях надписи, сделанные избирателями. Наряду с пожеланиями позитивного характера, на них имелись критические, типа: «Приветствую. Но жить плохо, прошу помочь», «Приветствую, только улучшить жизнь»¹.

Нужно отметить, что от одной избирательной кампании к другой содержание надписей на бюллетенях менялось. В 1960-е гг. были проведены избирательные кампании в высшие и местные органы представительной власти. На избирательных участках республики были обнаружены многочисленные надписи на бюллетенях. Наряду с обращениями к народным избранникам позитивного характера, были выявлены и такие: «За блок коммунистов я голосовать не хочу, это все обман», «Я против Хрущева. У нас в стране непорядок. Народ волнуется, когда будет дешевле жизнь», «Советская власть, когда будет решена жилищная проблема», «живем как в старой России, нет света, кончатся выборы и не будет света, нет дороги, нет школы», «Просим обращать внимания и на людей», «Просим, чтобы народ жил в достатке». В их числе были «нездоровые» надписи, типа: «За блок коммунистов я голосовать не хочу, это все обман», «Вы можете прибавить зарплату? Так, чтобы при социализме жили хотя бы так, как живут при капитализме», «Я голосую за Маленкова и Молотова. Я против Хрущева. У нас в стране непорядок. Народ волнуется, когда будет дешевле жизнь», «Избираю давно, разных, пользы нет, жилища нет», «Хрущев идиота никто не переваривает. В Конго десять тысяч тонн бесплатно, это труд нашего народа, стыд», «Что толку, что мы избираем. Все равно жить легче не станет», «За тех, кто в тюрьме. За Жукова» и пр.² Все эти «мнения», прежде всего, вызывали интерес органов, в чьей компетенции они также находились.

Предметом их особого внимания явились следующие выборы в Верховный Совет СССР, состоявшиеся в марте 1962 г., и выявленные на бюллетенях надписи, в основном анонимные. В их числе немало было «критических»: «Вы [Нуриев] на съезде докладывали все выполнено по мясу и молоку на 100–110 %, а в это время люди голодали», «Меньше надо продуктов отдавать за границу «Друзьям», которые в последствии покажут клыки. Больше уделять внимания своим рабочим тогда можно со спокойной душой голосовать, а в данный момент от депутатов толку нет», «Где обещанное вами изобилие продуктов?» и прочие. В направленной в обком партии «особой сводке» сообщалось также, что в некоторых надписях «выражены неверные, анархистские взгляды на нашу социалистическую демократию, на нашу избирательную систему, имелось выражение сочувствия к членам антипартийной группы Молотову, Маленкову, а также бывшим министрам Жукову и Звереву» [2, с. 415, 416, 419].

Причинами подобных обращений людей «во власть» являлись возникшие в жизни проблемы. Конечно, местные власти не могли не учиты-

* Сулейманова Рима Нугамановна – доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник, заведующий отделом новейшей истории Башкортостана Ордена Знак Почета Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН; Уфа, Россия; rnsulejman@mail.ru

¹ Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф. 122. Оп. 30. Д. 511. Л. 232–233.

² НА РБ. Ф. 122. Оп. 47. Д. 247. Л. 72–73.

вать общественные настроения и не реагировать в той или иной мере, хотя и держали под жестким контролем весь спектр общественных настроений [2, с. 8]. В рассматриваемые годы, наряду с традиционным видом коммуникации между населением и властью, как жалобы, заявления и письма, распространенным становились надписи на избирательных бюллетенях при проведении выборов в высшие и местные органы представительной власти. Оставляя свои наказания, пожелания и жалобы на бюллетенях, граждане выражали собственное отношение к политике партии и государства, что не оставалось без внимания властных органов. В то же время они вызывали пристальный интерес компетентных органов, которые скрупулезно собирали и фиксировали факты проявлений общественных настроений, особенно «нездоровых», подтверждением чему являются «особые сводки». Имея большой опыт манипулирования «общественным мнением», властные органы с привлечением компетентных органов, держали под полным контролем политическую обстановку в стране и настроения граждан.

Библиографический список:

1. История Башкортостана. 1917–1990-е годы: В 2-х т. Т. 2: 1945–1990. / Отв. ред. Р.Н. Сулейманова. – Уфа, 2005.
2. Проблемы взаимоотношений населения и власти в СССР в 1945–1964 гг.: на примере Башкирской АССР. Сб. документов и материалов. / Отв. ред. Р.Н. Сулейманова. – Уфа, 2014.

R.N. Suleimanova

Doctor of Historical Sciences, Head of Department of Modern History of Bashkortostan, Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research center of the RAS (Ufa, Russia)

POLITICAL MOODS IN BASHKIRIA IN THE 1950–1960S (BASED ON SPECIAL BRIEFS)

The paper examines social and political life in the Soviet country in the 1950–1960s, in particular, in Bashkortostan. Using materials of special briefs, the author shows activities of the state security agencies to monitor moods of citizens and their attitude to domestic and foreign policy of the country. The author also draws attention to manifestations of “anti-Soviet” moods in the population.

Keywords: political moods, USSR, Bashkiria, state security agencies, special briefs, 1950–1960s.

УДК 930.2

Шумкин Г.Н.*

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ «ВЫЗОВЫ» И «ОТВЕТЫ» В ОБОРОННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ: ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ¹

В работе предлагается формализованная модель технологических «вызовов» и «ответов» в сфере оборонной промышленности. Рассматривается влияние типа вызова на подготовку ответа. Анализируются различные варианты ответов с их преимуществами и недостатками.

Ключевые слова: вызов-ответ, технология, национальная безопасность, догоняющая экономика, теоретическая модель.

В последнее время в политике [11] и науке [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 10, 12] осмысление проблем и путей их решения все чаще происходит в категориях «вызова» и «ответа». Понятие «вызов» – это не просто метафора, эмоционально-окрашенный синоним «проблемы». Вызов – это проблемная ситуация, которая воспринимается как угроза существования и/или функционирования общества в целом, требующая неотложных мер по ее разрешению. Специфика «вызова» заключается, прежде всего, в том, что он не воспринимается как объективно сложившаяся ситуация; у него всегда есть «автор» (субъект вызова); им может быть конкретное лицо, иностранная держава, социальная группа, природа, технические ограничения и т.д. Решение проблемы рассматривается как «ответ» и описывается в лексике противостояния с субъектом вызова. Дискурс борьбы предполагает императивность проблемы (субъект ответа не может ее не замечать и не может откладывать решение), что вызывает необходимость мобилизации общества и сосредоточения ресурсов на ее решении. В результате поиск «ответа» может превратиться в череду чрезвычайных мер, нередко плохо спланированных, часто представляющих собой «метание из крайности в крайность». При этом «цена» ответа, как правило, не обсуждается; главное – это сохранение социальной системы. Дискурс «вызов–ответ» особенно востребован в условиях догоняющего развития и мобилизационной экономики.

Изучение опыта принятия быстрых, плохо спланированных «ответов» на «вызовы» представляет интерес, во-первых, издержками «ответов», а, во-вторых, незапланированными побочными эффектами. Например, непростая

* Шумкин Георгий Николаевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург, Россия shumk@mail.ru

¹ Работа выполнена по проекту фундаментальных исследований Комплексной программы Уральского отделения РАН «Российские модернизации: исторические вызовы и механизмы их преодоления» (№18-6-6-37, рук. И. В. Побережников)

ситуация со снабжением русской армии осенью 1914 г. была воспринята как близкая к катастрофе, что создало благоприятные условия для спекуляции с поставками вооружения, спровоцировавшими рост цен и подготовило почву для реальной катастрофы в 1917 г.

Особый интерес представляют технологические вызовы. В новое и новейшее время они являлись важнейшим фактором развития (по сути, технический прогресс представляет собой цепочку ответов на технологические вызовы) и, прежде всего, в оборонной отрасли, где цепочка «вызовов» и «ответов» спровоцировала гонку вооружения. В данном сообщении представлена модель технологических «вызовов» и «ответов» в сфере оборонной промышленности.

Необходимость концептуализации обусловлена тем, что сама схема «вызов–ответ» относится к простейшим объяснительным моделям казуального характера (по типу бихевиористских «стимула–реакции»). Простое приложение данной схемы к объясняемым фактам ничего, кроме дополнительной номинационной нагрузки, не дает. То, что большинство событий описываются как реакция («ответ») на какие-либо условия, обстоятельства («вызовы»), является трюизмом. Более того, акторы нередко камуфлируют истинные мотивы логикой вынужденного «ответа» на агрессивный «вызов» противника.

Формализованная модель «вызов–ответ» открывает исследователю ряд перспектив. Во-первых, типологизация возможных «вызовов» и «ответов» вводит описание в рамки строгого научного анализа, дает возможность поставить вопрос, почему в данных условиях был выбран именно этот вариант ответа, и проанализировать к каким результатам он привел. Во-вторых, систематичное изучение технологических «вызовов» на основе формализованного описания открывает возможность обоснованно, с опорой на исторический опыт, утверждать о преимуществах и недостатках каждой из альтернатив «ответов» на технологические «вызовы». И, наконец, модель «вызов–ответ», не имеющая явной привязки к определенному времени, может обладать прогностическим потенциалом.

Можно выделить два типа технологических вызовов. Первый тип – это ситуация, когда эволюция техники и технологии во всех странах подходит к определенному рубежу, когда дальнейшее развитие прежними методами становится невозможным, и тот, кто первым преодолевает этот рубеж, получает явное технико-технологическое преимущество, т.е. есть проблема, но ни у кого пока еще нет решения.

Второй тип – это наличие у потенциального (или явного) соперника инноваций, которые дают ему существенные преимущества; т.е. имеется и проблема, и готовое решение. Догоняющая модель развития, как правило, превращается в череду ответов на технологические вызовы второго типа.

Тип вызова влияет на общую стратегию ответа. В частности, вызовы первого типа предполагают возможность кооперации с потенциальным противником – никто еще не обладает необходимой технологией, угрозы национальной безопасности такое взаимодействие не несет. Кооперация в условиях вызова второго типа возможна только при выполнении одного из двух условий: либо страна–донор (экспортер технологии) и страна–реципиент (импортер) являются союзниками, тогда передача технологии не рассматривается как потенциальная угроза безопасности стране–донору (например, в начале 1860-х гг. США передали России технологию литья крупнокалиберных чугунных орудий Т. Родмана [15]); либо передаваемая технология не рассматривается страной–донором как критически значимая для безопасности страны. Это особенно характерно для тех стран, где между частными производителями, владеющими новейшими технологиями, существует конкуренция. Например, тесная кооперация российских военных предприятий с прусскими производителями вооружения в 1860–1870-х гг. была обеспечена конкуренцией Круппа и Бергера.

Форма ответа определяется, прежде всего, соображениями по поводу национальной безопасности и экономической целесообразности, а также состоянием ресурсной базы. Процедура подготовки «ответа» превращается, по сути, в выбор из ограниченного набора альтернатив, каждая из которых обладает своими преимуществами и недостатками. Технологические вызовы первого типа предполагают два варианта ответа: 1) самостоятельное решение проблемы, 2) кооперация с иностранным производителем. В условиях технологических вызовов второго типа качестве возможных ответов могут рассматриваться: 1) импорт готового продукта; 2) копирование иностранных технологий (путем приглашения иностранных специалистов, технического шпионажа и т.д.); 3) кооперация с иностранным производителем и 4) попытка создать свою, оригинальную технологию. Кратко рассмотрим каждую из альтернатив.

Самостоятельное решение проблемы исключает зависимость от иностранного контрагента, учитывает состояние ресурсной базы. С позиций национальной безопасности этот вариант представляется наиболее предпочтительным. Однако данная альтернатива связана со следующими рисками: решение проблемы может затянуться по времени, издержки окажутся выше предполагававшихся, немалые усилия могут завести в тупик, или произведенный продукт мог в итоге оказаться хуже иностранного. Данные риски готовы принять фирмы–производители, действующие в условиях острой конкурентной борьбы в странах, являющихся лидерами технического прогресса, т.к. в случае успешного решения технической проблемы фирма становится лидером не только в стране, но и в мире. Например, фирма Круппа, решив в кооперации с русскими учеными–артиллерами проблемы надежного запираения затвора и прочности стволов

крупнокалиберных пушек, превратилась в крупнейшего производителя артиллерийских орудий; фирма Маузер своими винтовками в конце XIX – начале XX вв. вооружала не только Германию, но и Швецию, Бельгию, страны Азии и Латинской Америки.

Догоняющая экономика данную альтернативу выбирает только тогда, когда пытается обогнать противников (например, неудачная попытка организовать механизированное производство ружей на Николаевском оружейном заводе в 50-х гг. XIX в. [13]), либо, когда сталкивается с «вызовами» первого типа (например, проблема надежности нарезных крупнокалиберных орудий в 1860-е гг. [14]). Но, сталкиваясь с вызовами первого типа и не будучи уверенными в благоприятном результате, догоняющие экономики нередко уклонялись от самостоятельного решения проблемы, предпочитали дожидаться удовлетворительного ответа стран-лидеров, чтобы иметь возможность учесть все ошибки и выбрать наиболее оптимальное решение (например, считающиеся одними из лучших в своем классе русские трехлинейная винтовка Мосина и трехдюймовая скорострельная пушка были приняты на вооружение позже европейских аналогов).

Прямо противоположна самостоятельному решению альтернатива с импортом готового продукта. Она, как правило, рассматривается как наименее предпочтительная, т.к. проблема в принципе не решается, страна попадает в зависимость от поставок из-за рубежа, поставщик может начать диктовать свои условия. Однако исторический опыт второй половины XIX – начала XX вв. показывает, что в мирное время в условиях гонки вооружения риски минимальны, т.к. страна обращается к лучшему в мире производителю, который дорожит своей репутацией. Например, полевая артиллерия русской армии была перевооружена стальными орудиями обр. 1868 и 1878 гг. в течение года благодаря тому, что они были заказаны Круппу; а скорострельные пушки обр. 1900 и 1902 гг. изготовляли Путиловский, Петроградский оружейный и Пермский пушечный и другие заводы, при этом перевооружение растянулось почти на 10 лет.

В военное время, действительно, поставки из-за рубежа могут быть сорваны, цены взвинчены, помимо денежных средств союзники могут потребовать выполнить дополнительные условия, но в данном случае речь идет уже не о технологических, а о военно-политических вызовах. Как бы то ни было, импорт готового продукта не только не решает проблемы, он консервирует технологическую отсталость и, более того, под давлением импорта могут исчезнуть имеющиеся в наличии устаревшие (но имеющиеся!) технологии. Например, в 1860-е гг. оружейные заводы стали заказывать стальные стволы для винтовок у немецкого заводчика Бергера в таком количестве, что возникла угроза утраты технологии производства стволов из контуазского железа на Ижевском заводе [14].

Компромиссом, призванным минимизировать риски самостоятельного решения проблемы и импорта готового продукта являются копирование иностранных технологий (в результате промышленной разведки, покупки технологии или безвозмездной передачи технологии союзнику) и кооперация с иностранной фирмой-производителем. Выбор между копированием и кооперацией определяется сложностью технологии и состоянием ресурсной базы.

Формализовано, зависимость ответа от состояния ресурсов выражается производственной функцией: $Q = f(I, K, L, T)$, где: Q – выпуск продукции; I – информация; технология; K – капитал; L – труд; T – природные ресурсы. Производственная функция позволяет представить возможные ответы в виде сочетания отечественных (от.) и/или импортированных (им.) ресурсов (см. рис. 1). Это, безусловно, упрощенная схема. Она не учитывает характер производственных мощностей, различные функции капитала, неоднородность природных ресурсов. Тем не менее, с ее помощью прослеживаются некоторые закономерности.

Ответы:	Ресурсы			
	I	L	K	T
1) самостоятельное решение проблемы	от.			
2) копирование иностранных технологий и техническая помощь	им.	им. (специалисты)	от.	
		от.		
3) производственная кооперация с иностранным производителем	им.	им. (специалисты)	им. (фирма)	от.
		от.	от.	
4) импорт готового продукта	им. (готовый продукт)			

Рис. 1. Производственная функция зависимости ответа от состояния ресурсов

В России на протяжении XVIII–начала XX вв. в избытке имелся труд (L) и природные ресурсы (T). Информация (I) и капитал (K) являлись дефицитными ресурсами. Наиболее ценной представлялась информация, поэтому иностранные специалисты нередко получали вознаграждение в несколько раз больше, чем администраторы из числа русских.

Что касается капитала, то процесс его накопления шел очень медленно. Дефицит капитальных ресурсов предопределил преимущественно бюджетное финансирование инновационной деятельности, поэтому чаще всего от-

веты на технологические вызовы были связаны с копированием иностранных технологий государственными предприятиями. Реализация данной стратегии может быть затруднена отсутствием необходимых ресурсов и, прежде всего, т.н. «интеллектуального капитала» – знаний и опыта. В этом случае прибегали к помощи иностранных специалистов. Так возникли колонии иностранных оружейников в Златоусте и в Ижевске.

Во второй половине XIX в., когда начался процесс перехода на индустриальные технологии, благодаря которым труд заменяется производственным капиталом, проблема дефицита свободного капитала обозначилась особенно остро. Государство все чаще стало полагаться на частную инициативу. В этот период и частные, и (в меньшей степени) государственные предприятия включались в кооперационное сотрудничество с иностранными фирмами. В частном секторе данное сотрудничество приводило к прямым иностранным инвестициям и установлению непосредственного контроля зарубежных фирм над предприятиями военной промышленности. Принципиальное отличие между копированием технологии и кооперацией заключается в том, что в последнем варианте предполагается участие (или возможность вмешательства) иностранного контрагента в принятие решений. Например, РОАЗ (Российское общество артиллерийских заводов), контролировавшееся Виккерсом, которое по договору с российским правительством должно было построить в Царицыне завод по производству крупнокалиберных морских пушек, потребовало прекратить аналогичные работы на казенном Пермском заводе [9, С. 122]. Кроме того, кооперация, также, как и техническая помощь иностранных специалистов несут угрозу того, что иностранцы получают доступ к информации, составляющей государственную тайну. К данному риску стали относиться особенно внимательно на рубеже XIX–XX вв. Опыт начала XX в. показал, что избежать этих рисков можно только организацией самостоятельного поиска ответов на технологические вызовы.

Итак, предложенная модель включает технологические «вызовы» двух типов и четыре варианта «ответов», каждый из которых обладает своими преимуществами и недостатками. Она дает возможность формализовать описание технологических «вызовов». Однако данная модель является достаточно жесткой схемой, не учитывающей различные комбинации ответов на разных этапах формулирования «ответа». Ее дальнейшее развитие должно быть нацелено на преодоление данного ограничения.

Библиографический список:

1. *Абрамова О.Д., Гаврилов Ю.Н., Гольдин Г.Г.* и др. Геополитические вызовы и внешнеполитическая деятельность России. – М., 2002.

2. *Алексеев В. В.* Энергетический вызов имперской России // Уральский исторический вестник 2018. № 2. С. 6–12.

3. *Алексеев В.В., Зубков К.И., Побережников И.В.* Большие вызовы в истории имперской России: цивилизационное и геополитическое измерение // Quaestio Rossica. Т. 5. 2017. № 3. С. 619–634.

4. *Антонович И. И.* Геополитические вызовы России и миропорядок XXI века. – М., 2007.

5. *Баев В.Г., Фролов С.А.* Деятельность крестьянского и дворянского банков в условиях вызовов начала XX в. (на материале Тамбовской губернии) // Уральский исторический вестник 2018. № 2. С. 30–38.

6. *Воробьева О.В.* Цивилизационные вызовы во всемирно-исторической перспективе: взгляд из XXI века // Уральский исторический вестник 2018. № 2. С. 49–58.

7. *Зубков К.И.* Евразийский вызов в формировании Российской цивилизации // Уральский исторический вестник 2018. № 2. С. 13–21.

8. *Керов В.В.* Православная модернизация vs механическая европеизация: ответ старообрядцев на вызовы истории // Уральский исторический вестник 2018. № 2. С. 22–29.

9. *Поликарпов В.В.* Вилкерс на Волге (1913–1917 гг.). // Вопросы истории. 1995. №7. С. 121–132.

10. *Сеняевский А.С.* Большие вызовы в имперской и советской истории России: сравнительный анализ // Уральский исторический вестник 2018. № 2. С. 39–48.

11. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 49. С. 16747–16760

12. *Уткин А.И.* Вызов Запада и ответ России. – М., 2002.

13. *Шумкин Г.Н.* К вопросу о месте Николаевского завода в истории русской промышленности // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2015. № 4 (16). С. 192–204.

14. *Шумкин Г.Н.* Проблема снабжения металлом для стволов оружейных заводов России XIX – начале XX веков // Война и оружие. Новые исследования и материалы. – СПб., 2016. Ч. V. С. 384–398.

15. *Шумкин Г.Н.* Трансформация системы производства артиллерийских орудий на Урале в конце 1850-х – 1860-х гг. // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2016. № 4. С. 202–217.

G.N. Shumkin

Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher, Institute of History and Archeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, (Ekaterinburg, Russia)

TECHNOLOGICAL «CHALLENGES» AND «ANSWERS» IN THE DEFENSE INDUSTRY: A THEORETICAL MODEL

The paper proposes a formalized model of technological «challenges» and «answers» in the defense industry. The influence of the call type on response preparation is considered. The different variants of answers with their advantages and disadvantages are analyzed.

Keywords: challenge-response, technology, national security, catching up economy, theoretical model.

СОДЕРЖАНИЕ

Приветствие участникам и гостям конференции Начальника
Управления ФСБ России по Свердловской области А.П. ВЯТКИНА6

Приветствие участникам и гостям конференции Главы Талицкого
городского округа А.Г. ТОЛКАЧЁВА8

Приветствие участникам и гостям конференции Председателя
Организационного комитета конференции А.В. СПЕРАНСКОГО10

Раздел I

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СПЕЦСЛУЖБ РОССИИ КАК ФАКТОР НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ДЕМАКОВА Е.В. История органов государственной безопасности Среднего
Урала (1918–2018 гг.).....12

АЛЕКСЕЕВ В.В. Фронтирная модернизация в контексте национальной безопас-
ности России на рубеже XIX–XX вв.20

СМЫКАЛИН А.С. Правовые основы создания местных органов государствен-
ной безопасности в первые годы Советской власти25

МОЗОХИН О.Б. Дело ЦК «Трудовой крестьянской партии»31

ДЕМИДОВ А.М. Органы госбезопасности как инструмент карательной поли-
тики государства в сфере экономики СССР в 20–30-е годы XX века41

ХРИСТОФОРОВ В.С. Советские спецслужбы на стыке геополитических и вну-
триполитических интересов СССР: документы ЦА ФСБ России об аншлюсе Австрии
и Мюнхенском соглашении (1938 г.)46

СПЕРАНСКИЙ А.В. Внешняя разведка в системе национальной безопасности
России: трансформация органов и моделей управления54

АРТЁМОВ Е.Т. Органы государственной безопасности в решении задач атом-
ного проекта СССР65

ТРОФИМОВ А.В. Роль КГБ СССР в обеспечении экономической безопасности
страны71

Раздел II
ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
В ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ ВОЙН И РЕВОЛЮЦИЙ

ВЕБЕР М.И. Новые факты о биографии чекистки Г.Н. Штальберг.....	77
ГАВРИЛОВ Д.В. Стратегические успехи российской внешней разведки на австро-венгерском направлении накануне Первой мировой войны 1914–1918 гг.	86
ГОЛИКОВА С.В. «Юные разведчики»: российский скаутинг в свете образовательных реформ предреволюционных лет	94
ЗАПАРЬИЙ Вас. В. Деятельность органов НКВД СССР по борьбе с националистическими организациями на территориях Западной Украины и Белоруссии накануне Великой Отечественной войны: 1939–1941 гг.	100
ЗУБКОВ К.И. Органы госбезопасности Дальневосточной республики в борьбе против японской интервенции	107
КАМЫНИН В.Д. Историография истории уральских ЧК (1918–1922 гг.)	116
КАШИН В.В. Феномен создания органов госбезопасности на Нижнетагильском заводе в июле 1918 г.	120
КОНСТАНТИНОВ С.И. Деятельность Уральской губернской чрезвычайной комиссии в 1918–1922 гг.	126
КРАСНОЖЕНОВА Е.Е. Чрезвычайные органы государственной власти городов Нижнего Поволжья в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)	132
ЛИПАТОВ В.А. Фольклор и новейшая военная история (о песнетворчестве бойцов спецотрядов 40-й армии «Зенит» и «Каскад»)	136
МАЛЫШЕВА Е.М. К вопросу о деятельности органов государственной безопасности СССР в годы Великой Отечественной войны	141
МЕЛЬНИКОВ Н.Н. Особенности успешной карьеры и руководства директора Кировского завода И.М. Зальцмана (1930–1940-е гг.)	147
МОТРЕВИЧ В.П. Деятельность Управления МГБ СССР по Свердловской области в первые послевоенные годы по выявлению коллаборационистов	152
НУЖДИН О.И. О некоторых аспектах деятельности особых отделов в начальный период Великой Отечественной войны	157

ПЬЯНКОВ С.А. Под прессом обстоятельств: из истории создания Челябинского кузнечно-прессового завода в годы Великой Отечественной войны

РЫБАКОВ С.В. Значение партизанской разведки в годы Великой Отечественной войны

СКРОБОВ В.С. Разведка и контрразведка накануне и в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. (на материалах Урала)

СПЕРАНСКИЙ А.В. Советская разведка в годы Великой Отечественной войны: структура и формы деятельности

ХАЧЁВА Л.В. Социально-экономические условия в РСФСР и обеспечение сотрудников ВЧК – ГПУ – ОГПУ в 1918–1928 гг.

ШУНЯКОВ Д.В. Награждение бойцов и командиров войск НКВД в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.)

Раздел III
РОССИЙСКИЕ СПЕЦСЛУЖБЫ
В ПЕРИОД МИРНОГО ВРЕМЕНИ

АЛЕКСАНДРОВ Е.П. Подследственные камеры № 39: судьбы репрессированных сотрудников УНКВД по Свердловской области

БЕДЕЛЬ А.Э. На страже государственной безопасности: создание режимно-секретной службы завода № 813

БУГАЙ Н.Ф. Семен Бушуев – исторический портрет через десятилетия

ВОРОБЬЕВ С.В. Настроения рабочих Уральской области в середине 1920-х гг. (по информационным сводкам ОГПУ)

ГОЛИКОВА С.В. Накануне шпиономании: книга «Тайные разведки» В.Н. Клембовского и рецензия на нее в журнале «Разведчик»

ЗАПАРЬИЙ В.В., ШАЙХАНОВ А.М. Необычные грани в процессе формирования национального патриотизма

КАПЛЮКОВ В.В., ЯРКОВА Е.И. Об информационном потенциале сводок военной и политической цензуры на Урале на рубеже 1920-х гг.

КУЗНЕЦОВ В.Н. Обеспечение режима секретности деятельности завода № 817	244
ЛОБАНОВ В.В. Патриотизм и кадеты – будущие защитники Отечества	254
МАРТЮШОВ Л.Н., ЗАМЯТИН В.Е. Они создавали ракетный щит страны	259
МАТВЕЕВ А.В. Служба наружного наблюдения в Российской империи конца XIX – начала XX века: люди и судьбы	267
МОСУНОВА Т.Г. Роль личности в истории и роль личности учителя в воспитании патриота и гражданина	272
ПУДОВКИН С.И. Галли Меньшикова – человек из легенды	276
СУЛЕЙМАНОВА Р.Н. Политические настроения в Башкирии в 1950–1960-х годах (по материалам особых сводок)	280
ШУМКИН Г.Н. Технологические «вызовы» и «ответы» в оборонной промышленности: теоретическая модель	283

Научное издание

**ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
НА ЗАЩИТЕ ОТЕЧЕСТВА**

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

Рекомендовано к изданию
Ученым Советом Института истории и археологии УрО РАН

Главный редактор д.и.н., академик АВИН А.В. Сперанский

Ответственный за выпуск: к.и.н. С.В. Воробьев

Художественное оформление: Д.А. Кушков
Компьютерная верстка: Т.Н. Черепанова
Корректор: Л.И. Сушкова

Подписано в печать 14.09.2018. Формат 60×84 $\frac{1}{16}$
Бумага офсетная ВХИ. Печать офсетная.
Усл.-печ. л. 17,2. Уч.-изд. л. 16,7. Тираж 500. Заказ

Институт истории и археологии УрО РАН.
620990, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16.
Тел. (343) 374-53-40
e-mail: iia-history@mail.ru
<http://www.ihist.uran.ru>

Издательство «Сократ»
620219, г. Екатеринбург, ул. Мамина-Сибиряка, д. 58, оф. 802
Тел. (343) 286-11-15
e-mail: sokrat@idsokrat.ru
<http://www.idsokrat.ru>